

Редакционный совет серии «История, филология»

Председатель совета серии

- В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

- А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

- С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

- Х. А. Амирханов чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)
- Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)
- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)
- А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)
- А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)
- А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Н. Л. Жуковская д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН, Россия)
- О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)
- А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)
- С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)
- В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)
- Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)
- Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)
- Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)
- П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)
- И. В. Силантьев д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)
- Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

**Редакционная коллегия
выпуска «Археология и этнография»**

Ответственный редактор

А. И. Кривошапкин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, проф. РАН (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)

Ответственный секретарь

Л. А. Бобров д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

Н. Н. Крадин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточный федеральный университет, Россия)

Р. М. Краузе д-р истории, проф. (Университет Франкфурта-на-Майне им. И. В. Гёте, Германия)

Б. Е. Кумеков акад. Национальной академии наук Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан)

Л. В. Лбова д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)

А. Наглер д-р истории (Германский археологический институт, Германия)

З. Самашев д-р ист. наук, проф. (Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана Национальной академии наук Республики Казахстан)

К. Ш. Табалдиев канд. ист. наук, проф. (Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Кыргызстан)

Е. Ф. Фурсова д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

С. Хансен д-р истории, проф. (Германский археологический институт, Германия)

Я. Хохоровский д-р истории, проф. (Институт археологии Ягеллонского университета, Польша)

Ю. С. Худяков д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)

Сукбэ Чжун д-р истории, проф. (Университет культурного наследия Республики Корея, Пуё, Республика Корея)

Advisory Board of Academic Journal «Vestnik NSU. Series: History and Philology»

Chief of the Advisory Board

- V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

- A. S. Zuev Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

- S. G. Skobelev Candidate of Historical Sciences, Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

- Kh. A. Amirkhanov Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- B. Viola Doctor in History, Professor (University of Toronto, Canada)
- E. E. Voytishek Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- T. Glantz Doctor in Philology, Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)
- A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)
- A. E. Demidchik Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation)
- A. P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- J. Joubert Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)
- N. L. Zhukovskaya Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)
- O. D. Zhuravel Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- G. E. Imposti Doctor in Philology, Professor (University of Bologna, Italy)
- A. K. Kiklevich Doctor of Philological Sciences, Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)
- S. M. Kotkin Doctor in History, Professor (Princeton University, United States)
- V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- Oka Hiroki Doctor in History, Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)
- H. Parzinger Doctor in History, Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
- H. Plisson Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)
- Bae Kidong Doctor in Archaeology and Anthropology, Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)
- P. Rutland Doctor in History, Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)
- I. V. Silantiev Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Tang Chung Doctor in History, Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)
- T. Higham Doctor in History, Professor (University of Oxford, United Kingdom)
- Yu. V. Shatin Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue «Archaeology and Ethnography»

Executive Editor

- A. I. Krivoschapkin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

- L. A. Bobrov Doctor of Historical Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- N. N. Kradin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History, Archaeology and Ethnography of Far Eastern nations of Far East Branch of the Russian Academy of Science, Far East Federal University, Vladivostok, Russian Federation)
- R. M. Krause Doctor in History, Professor (Goethe University of Frankfurt, Germany)
- B. E. Kumekov Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Historical Sciences, Professor (L. N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan)
- L. V. Lbova Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- A. Nagler Doctor in History (German Archaeological Institute, Berlin, Germany)
- Z. S. Samashev Doctor of Historical Sciences, Professor (A. Kh. Margulan Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences, Republic of Kazakhstan)
- K. Sh. Tabaldiev Candidate of Historical Sciences, Professor (Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyzstan)
- E. F. Fursova Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- T. Higham Doctor in History, Professor (University of Oxford, United Kingdom)
- S. Hansen Doctor in History, Professor (German Archaeological Institute, Germany)
- J. Chochorowski Doctor in History, Professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
- Yu. S. Khudyakov Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- Suk-Bae Jung Doctor in History, Professor (Korean National University of Cultural Heritage, Buyeo, Korea)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2019. Том 18, № 7: Археология и этнография

СОДЕРЖАНИЕ

Преподавание археологии в вузах

- Мыльникова Л. Н., Селин Д. В.* Полевая археологическая школа «Мультидисциплинарные исследования многослойных археологических ансамблей эпохи палеометалла» на базе Западносибирского археологического отряда Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук 9

История науки, новые методы исследований

- Ненахова Ю. Н.* Сибирская научная школа изучения первобытного искусства академика А. П. Окладникова 19
- Гаркуша Ю. Н.* Проблема соотношения археологического «городища» и исторического «городка»: историография вопроса (на примере городища Усть-Войкарское – Войкарского городка) 42
- Волков П. В., Буравлёва Е. С., Лбова Л. В., Кулешов Д. В.* Петроглиф «Белая Лошадь» в Минусинской котловине (атрибуция, эксперимент, дискуссия) 57
- Волков П. В., Митько О. А., Губар Ю. С., Давыдов Р. В., Половников И. С.* Технологический анализ украшений из бирюзы (по материалам находок из могильника скифского времени Ак-Даг I в Тыве) 74
- Сальникова И. В.* К вопросу о технологии изготовления средневековых ритуальных изделий из серебра (по материалам коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН) 87

Археология Евразии

- Колобова К. А., Шалагина А. В., Маркин С. В., Кривошапкин А. И.* Определение бифасиального компонента в среднепалеолитических комплексах (по материалам памятника Чагырская Пещера) 98
- Селецкий М. В., Шнайдер С. В., Федорченко А. Ю.* Технология обработки каменного сырья в эппалеолите Восточного Приэльбрусья (по материалам стоянки Навес Бадыноко) 112
- Снитковская П. А.* Оформление курганного пространства в погребальных комплексах синташтинской и петровской культур 132
- Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш.* Изображения лучников на петроглифах Кара-Тоо в Кыргызстане 142

<i>Горохов С. В., Бородавский А. П.</i> Ворота сибирских острогов по письменным и археологическим источникам	148
<i>Татаурова Л. В.</i> 3D-моделирование жилищ из раскопок русских памятников Сибири: достоверность аппроксимации	164

Этнография народов Евразии

<i>Бурнаков В. А.</i> Щука в верованиях и фольклоре хакасов (конец XIX – середина XX века)	177
<i>Трошкина И. Н.</i> Этнокультурные особенности современной хакасской семьи	187

Научная информация

<i>Бычков Д. А.</i> Научный семинар «Археология поймы: рельеф, палеосреда, история заселения» (Институт археологии РАН, Москва, 23 апреля 2019 года)	200
Список сокращений	203
Информация для авторов	205

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography

CONTENTS

Teaching of Archaeology in High Schools

- Mylnikova L. N., Selin D. V.* A Field Archaeological School “Multidisciplinary Research of the Paleometal Era Multilayer Archaeological Assemblages” by Western Siberian Archaeological Detachment of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences 9

History of a Science, New Methods of Research

- Nenakhova Yu. N.* Siberian Scientific School of Prehistoric Art Founded by Academician A. P. Okladnikov 19
- Garkusha Yu. N.* On Correlation of an Archaeological Site and a Historical Settlement: Historical Approach (Through the Example of Ust-Voikarskoe Site and Voikarsky Gorodok) 42
- Volkov P. V., Buravleva E. S., Lbova L. V., Kuleshov D. V.* Petroglyph “Belaya Loshad” (White Horse) in the Minusinsk Basin (Attribution, Experiment, Discussion) 57
- Volkov P. V., Mitko O. A., Gubar Yu. S., Davydov R. V., Polovnikov I. S.* Technological Analysis of Turquoise Jewelry (Based on Finds from the Scythian Burial Ground of Ak-Dag I in Tyva) 74
- Salnikova I. V.* On Technology of Manufacturing Medieval Ritual Silverware (Based on Materials from the Museum of the History and Culture of the Peoples of Siberia and the Far East, IAE SB RAS) 87

Archaeology of Eurasia

- Kolobova K. A., Shalagina A. V., Markin S. V., Krivoshapkin A. I.* Identification of Bifacial Components in Middle Paleolithic Techno-Complexes (Based on the Chagyrskaya Cave Assemblages) 98
- Seletskiy M. V., Shnaider S. V., Fedorchenko A. Yu.* Techniques for Processing Lithic Material during Epipalaeolithic in the Eastern Elbrus Region (On Materials of the Naves Badynoko Site) 112
- Snitkovskaya S. P.* Design of the Kurgan Area in the Burial Complexes of the Sintashta and Petrovka Cultures 132
- Khudyakov Yu. S., Tabaldiev K. Sh.* Archers on the Petroglyphs of Kara-Too in Kyrgyzstan 142
- Gorokhov S. V., Borodovsky A. P.* Gates of Siberian Ostrogs Based on Written and Archaeological Sources 148

<i>Tataurova L. V.</i> 3D Modeling of Dwellings from Russian Archaeological Sites in Siberia: Reliability of Approximation	164
---	-----

Ethnography of the Peoples of Eurasia

<i>Burnakov V. A.</i> Pike in the Beliefs and Folklore of the Khakass (Late 19 th – Mid 20 th Century)	177
<i>Troshkina I. N.</i> Ethnocultural Features of the Modern Khakass Family	187

Scientific Information

<i>Bychkov D. A.</i> Scientific Seminar “Archaeology of Floodplain: Relief, Paleoenvironment, History of Settlement” (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 23 April 2019)	200
List of Abbreviations	203
Instructions to Contributors	205

УДК 902/903

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-9-18

**Полевая археологическая школа
«Мультидисциплинарные исследования многослойных
археологических ансамблей эпохи палеометалла»
на базе Западносибирского археологического отряда
Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук**

Л. Н. Мыльникова, Д. В. Селин

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Полевой лагерь Западносибирского археологического отряда ИАЭТ СО РАН (Венгеровский район Новосибирской области) с 1 по 16 июля 2019 г. стал местом проведения полевой археологической школы, финансирование которой осуществлял Научно-образовательный центр Новосибирского государственного университета «Новая археология». В работе школы приняли участие студенты, аспиранты и молодые ученые из НГУ, Новосибирского государственного педагогического университета, Томского государственного университета, Тюменского государственного университета, Алтайского государственного педагогического университета, Сибирского федерального университета. Обучающиеся прослушали девять лекций ведущих ученых и участвовали в четырех мастер-классах и практикумах. Они ознакомились с современными мультидисциплинарными подходами и методами раскопок многослойных археологических ансамблей эпохи палеометалла. Специальные мастер-классы в ходе раскопок были реализованы на многослойном памятнике Тартас-1 и могильнике Усть-Тартасские курганы (поселение Карьер-Таи-1). Обучающиеся приняли участие в различных этапах исследования памятников: выборка горизонтов культурного слоя, разборка объектов различного назначения (ям, погребений, очагов, ровиков).

Ключевые слова

Сибирь, археология, полевые школы, междисциплинарность, многослойные памятники

Для цитирования

Мыльникова Л. Н., Селин Д. В. Полевая археологическая школа «Мультидисциплинарные исследования многослойных археологических ансамблей эпохи палеометалла» на базе Западносибирского археологического отряда Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография. С. 9–18. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-9-18

A Field Archaeological School “Multidisciplinary Research of the Paleometal Era Multilayer Archaeological Assemblages” by Western Siberian Archaeological Detachment of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

L. N. Mylnikova, D. V. Selin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Purpose. From July 1 to July 16, 2019, a base of the West Siberian archaeological detachment of IAE SB RAS in the Vengerovsky District of the Novosibirsk Region became the venue for the field archaeological school “Multidisciplinary research of the Paleometal era multilayer archaeological assemblages”. The school was organized for students, graduate students and young scientists from Novosibirsk State University, Novosibirsk State Pedagogical University, Tomsk State University, Tyumen State University, Altai State Pedagogical University, and Siberian Federal University.

Results. As part of the school, students attended nine lectures and participated in four master classes and workshops. The lectures were given by experts of the IAE SB RAS, namely academician V. I. Molodin, doctor of history L. N. Mylnikova, candidate of history I. A. Durakov, candidate of history N. S. Efremova, candidate of history L. S. Kobeleva, candidate of history M. S. Nesterova, candidate of history D. V. Selin. The listeners got acquainted with modern approaches and methods of excavating multilayer archaeological assemblages of the Paleometal era, methods of analyzing the data obtained and interdisciplinary methods for studying archaeological artifacts. Special master classes and participation in the excavation of the sites took place at two multilayer sites Tartas-1 and the burial ground Ust-Tartassky mounds (settlement Karier-Tai-1).

Conclusion. The students were exposed to various stages of site studies, such as sampling the horizons of the cultural layer, disassembling objects made for various purposes (pits, burials, foci, ditches), etc. University students obtained advanced training diplomas and certificates of completing a field course.

Keywords

Siberia, archaeology, field schools, interdisciplinarity, multilayer sites

For citation

Mylnikova L. N., Selin D. V. A Field Archaeological School “Multidisciplinary Research of the Paleometal Era Multilayer Archaeological Assemblages” by Western Siberian Archaeological Detachment of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 9–18. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-9-18

Введение

Полевые археологические школы в мире в настоящее время являются неотъемлемой частью подготовки специалистов по направлению «Археология». Интернет пестрит объявлениями, приглашающими стать членом подобного мероприятия. Например, короткий список за 2018 г. извещал о:

- Первой полевой школе по проблемам и методам изучения памятников археологии Кузбасса и соседних регионов¹;

¹ URL: <http://www.sib-science.info/ru/conferences/po-problemam-i-metodam-izucheniya-pamyatnikov-arkheologii-28072018> (дата обращения 11.10.2019).

- Летней полевой молодежной археологической школе «Мультидисциплинарные исследования раннеславянских памятников», проводимой Институтом археологии РАН при поддержке Фонда «История Отечества» на базе Суджанского археологического отряда ²;
- Международной археологической школе 2018 г., проведенной Казанским федеральным университетом ³ [Ситдинов и др., 2014; 2015; Международная археологическая школа..., 2018];
- V Крымской молодежной полевой археологической школе, проведенной при поддержке Благотворительного фонда «Наследие тысячелетий» за счет средств гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного «Фондом президентских грантов» на реализацию проекта «Открытая археология» ⁴;
- Полевой школе по общественной археологии и менеджменту объектов культурного наследия на базе Института Лабрадора ⁵.

Еще больше объявлений относится к 2019 г. Кроме того, Интернет предлагает несколько сайтов, по которым можно обнаружить подобные актуальные списки со всего мира:

- Археология и антропология. Полевые школы Сайт ShovelBums, Р. Джо Брэндон;
- Archaeological Fieldwork.com, Дженнифер Палмер;
- Возможности Полевой школы от Американского антропологического общества. Бюллетень возможностей археологических полевых работ от Американского археологического института ⁶.

На базе Новосибирского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН проект «Сибирская археологическая полевая школа», направленный на интеграцию академической науки и высшего образования [Гаврилова, Табарев, 2005; Боcharова, 2014; Лбова и др., 2014; Гачко, 2018], в различных форматах осуществлялся в 2006–2010, 2012–2015, 2018–2019 гг. В 2019 г. полевая школа по программе «Мультидисциплинарные исследования многослойных археологических ансамблей эпохи палеометалла» прошла на базе Западносибирского археологического отряда Североазиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН с 1 по 16 июля при софинансировании Научно-образовательного центра НГУ «Новая археология». В работе школы принимали участие студенты (15 чел.), аспиранты (2 чел.) и молодые ученые (3 чел.) из НГУ, Новосибирского государственного педагогического университета, Томского государственного университета, Тюменского государственного университета, Алтайского государственного педагогического университета, Сибирского федерального университета (рис. 1).

Материалы и обсуждение

В настоящее время в полевом изучении археологических памятников Западной и Южной Сибири достигнуты значительные успехи. Доскональная разработка методов исследования различных категорий объектов позволяет вести археологическую разведку и раскопки с максимальной фиксацией и минимальной потерей информации, содержащейся в них. Унификация методов полевых исследований обеспечивает высокий уровень качества работы. Археология сегодня напрямую связана с мультидисциплинарным подходом, т. е. с применением знаний, методов наук и услуг специалистов естественнонаучного профиля. Это позволяет значительно расширить получаемую из археологических источников информацию и более объективно реконструировать историко-культурные и социальные процессы, происходившие в древних сообществах.

² URL: <https://www.archaeolog.ru/press/articles/n509> (дата обращения 11.10.2019).

³ URL: <https://kpfu.ru/zrk/mezhdunarodnaya-arheologicheskaya-shkola-333899.html> (дата обращения 11.10.2019).

⁴ URL: <http://archaeoschool.ru/shkola-2018/> (дата обращения 11.10.2019).

⁵ URL: <https://ru.uearctic.org/novosti/2018/1/institut-labradora-polevaya-shkola-po-obshchestvennoi-arkheologii-i-menedzhmentu-ob-ektov-kul-turnogo-naslediya/> (дата обращения 11.10.2019).

⁶ Что такое полевая школа? Опыт археологии для себя. 2018. URL: <https://ru.lifehackk.com/49-what-is-a-field-school-archaeology-170865-8972> (дата обращения 11.10.2019).



Рис. 1. Участники полевой школы (фото авторов)
Fig. 1. Participants of the field school (photo by authors)

Раскопки многослойных археологических памятников отличаются особой сложностью, так как при их исследовании необходим грамотный выбор методических инструментов, позволяющих извлечь максимум информации и не исказить ее. Примерами таких исследований могут являться работы под руководством академика РАН В. И. Молодина на памятниках Тартас-1, Карьер Таи-1 (могильник Усть-Тартасские курганы) в Барабинской лесостепной зоне.

Поэтому главной задачей краткосрочной образовательной программы было формирование у обучающихся представления о современных подходах и методах изучения многослойных археологических памятников эпохи палеометалла. Задачи, которые ставили перед собой организаторы школы, сводились к трем положениям: закрепить, углубить, расширить знания о многослойных археологических ансамблях в рамках Венгеровского археологического микрорайона (Новосибирская область); ознакомить с современными мультидисциплинарными методами исследования археологических объектов (геофизика, тахеометрическая съемка, ортофотосъемка и др.); на примере памятников микрорайона показать возможности этих методов на практике; развить умения исследования археологических комплексов (захоронений, ям разного назначения, жилищ, теплотехнических устройств и др.) путем непосредственного участия в их раскопках.

Образовательная программа школы реализовывалась по ряду основных направлений.

Важной составной частью ее работы являлись экскурсии на археологические памятники Венгеровского микрорайона. Здесь использовались возможности демонстрации особенностей идентификации памятников на местности в естественном географическом и топографическом окружении с учетом рельефа отдельных участков местности и характера растительного покрова на них.

Сформировать теоретическую основу практических знаний и навыков был призван курс лекций, прочитанных в ходе работы школы (рис. 2):

- «Сейминско-турбинский транскультурный феномен» (академик, проф. В. И. Молодин, ИАЭТ СО РАН, НГУ);

- «Особенности методики раскопок многослойных археологических ансамблей эпохи палеометалла (на примере памятников Тартас-1 и Усть-Тартас-1, 2)» (д-р ист. наук Л. Н. Мыльникова, ИАЭТ СО РАН, НГУ);
- «Ранние неолитические комплексы Барабинской лесостепи» (канд. ист. наук Л. С. Кобелева, ИАЭТ СО РАН);
- «Поселения эпохи ранней и развитой бронзы Барабинской лесостепи» (канд. ист. наук М. С. Нестерова, ИАЭТ СО РАН);
- «Комплекс памятников Тартас-1» (канд. ист. наук Н. С. Ефремова, ИАЭТ СО РАН);
- «Памятники Поселение Карьер-Таи-1 и Усть-Тартасские курганы» (д-р ист. наук Л. Н. Мыльникова, ИАЭТ СО РАН, НГУ);
- «Современные мультидисциплинарные методы исследования керамики как археологического источника» (канд. ист. наук Д. В. Селин, ИАЭТ СО РАН, НГУ);
- «Теплотехнические устройства в археологии и особенности методики их исследования» (канд. ист. наук М. С. Нестерова, ИАЭТ СО РАН);
- «Бронзолитейное производство в южной части Западной Сибири» (канд. ист. наук И. А. Дураков, НГПУ).



Рис. 2. Лекция академика В. И. Молодина (фото авторов)
Fig. 2. Lecture by academician V. I. Molodin (photo by authors)

Были проведены мастер-классы и практикумы по темам:

- «Особенности раскопок погребений» (Ю. Н. Ненахова, ИАЭТ СО РАН);
- «Тахеометрическая съемка многослойных археологических памятников» (канд. ист. наук Д. В. Селин, ИАЭТ СО РАН, НГУ);
- «Ортофотосъемка археологических памятников с применением квадрокоптера» (канд. ист. наук Д. В. Селин, ИАЭТ СО РАН, НГУ; Д. А. Ненахов, ИАЭТ СО РАН);
- «Камеральная обработка и консервация археологических артефактов» (реставратор К. А. Борзых, ИАЭТ СО РАН).

Таким образом, в ходе лекционных занятий слушатели ознакомились с современными подходами и методами раскопок многослойных археологических ансамблей эпохи палеометалла, способах анализа полученных данных, междисциплинарных методиках исследования археологических артефактов.

Специальные мастер-классы и непосредственное участие слушателей школы в раскопках были реализованы на двух многослойных памятниках: Тартас-1 и Карьер Таи-1.

Памятник Тартас-1 открыт в 2003 г. Он располагается на надпойменной террасе правого берега р. Тартас, в 2,15 км к ССВ от автомобильного моста через р. Омь, в 2,5 км к северу от с. Старый Тартас. Восточная часть памятника разрушена старой грунтовой дорогой Венгерovo – Чаны, которая проходила по краю террасы. Южная и юго-западная части объекта уничтожены карьером, из которого брали грунт для сооружения насыпи новой трассы, соединяющей с. Венгерovo с пос. Чаны. Остальная площадь некрополя подвергалась регулярной распашке, в результате чего все, возможно, присутствовавшие на памятнике более или менее выраженные рельефные признаки надмогильных сооружений, были уничтожены. Перед началом раскопок на объекте проводился первичный геофизический мониторинг, который позволил судить о масштабах данного объекта и его планиграфии. Далее геофизические работы на могильнике осуществляются ежегодно, он является полигоном для испытания разных методов геофизической съемки [Эпов и др., 2017]. К настоящему времени исследовано около 34 093 кв. м площади некрополя Тартас-1. Выявлено 764 погребения, датированных временем от ранней бронзы до позднего средневековья, 1 609 ям хозяйственного и ритуального назначения, ритуальные комплексы поздней бронзы – переходного времени от бронзового к железному веку, а также объекты раннего неолита (сооружения сезонного типа и ямы для хранения (квашения) рыбы).

Могильник Усть-Тартасские курганы – один из наиболее известных еще с XIX в. объектов саргатской культуры юга Западной Сибири. Могильник, состоящий из курганных цепей, протянутых с северо-запада на юго-восток, расположен между р. п. Венгерovo и оз. Большой Чуланкуль, вдоль края северной террасы урочища Таи. В 2007 г. на территории могильника выделен еще один археологический объект – поселение Карьер-Таи-1. В 2016 г. совместная российско-германская экспедиция ИАЭТ СО РАН и Фонда прусского культурного наследия (Германия) провела на участке памятника археолого-геофизические исследования. Была выбрана зона протяженностью около 3 км вдоль Старого Московского тракта по направлению к Новосибирску от Венгерovo, на краю коренной террасы левого берега р. Тартас («Увал», по наименованию местных жителей), образовавшей в этом месте периодически затопляемую пойму, называемую «Урочище Таи». Высота надпойменной террасы в данном месте достигает до 8 м.

В результате геофизических исследований были зафиксированы аномалии, расположенные рядами и не имеющие рельефных признаков. К настоящему времени исследовано около 1 500 кв. м площади памятника. Выявлено 62 погребения, датированных временем от неолита до развитой бронзы; 153 ямы хозяйственного и ритуального назначения, ритуальный комплекс раннего неолита, а также хозяйственные объекты раннего неолита (сооружения сезонного типа и ямы для хранения (квашения) рыбы) и материалы поселенческого комплекса кротовской культуры.

Таким образом, оба сложных объекта могут выступать эталоном для отработки темы школы.

Обучающиеся в рамках школы участвовали в различных этапах изучения памятников: выборка горизонтов культурного слоя, разборка объектов различного назначения (ям, погребений, теплотехнических устройств, ровиков, котлованов жилищ) (рис. 3). Руководители школы постоянно подчеркивали перспективность проведения геофизических исследований на памятниках перед началом археологических работ и важность соблюдения методических принципов исследования памятников подобной сложности: погоризонтная выборка культурного слоя с последующей зачисткой, графической и фотофиксацией, с нивелировкой всех индивидуальных находок и полным исследованием выявленных объектов, обязательным выносом грунта за пределы исследуемой площади.



Рис. 3. Исследование объектов на памятнике Поселение Карьер-Тай-1 (фото авторов)
Fig. 3. Study of objects at the site Settlement Karier-Tai-1 (photo by authors)

Отличительными чертами данной полевой археологической школы являются те обстоятельства, что состав ее участников формировался на добровольной основе, а значит, собрались заинтересованные единомышленники; обучение проходило непосредственно на месте археологических раскопок. Поэтому поставленные задачи решались в контексте процесса археологических исследований конкретного памятника, использовался потенциал обнаруженных археологических артефактов. Думается, что подобная форма дополнительного обучения и далее будет развиваться в НГУ, позволяя обратить внимание на актуальные темы в археологии.

По итогам выполнения программы школы ее участники, имевшие высшее образование, получили дипломы о повышении квалификации, студенты – сертификаты о прохождении курса полевой школы.

Заключение

Подводя общий итог работы школы, следует подчеркнуть, что ее слушатели на практике ознакомились с современными подходами и методами раскопок многослойных археологических ансамблей палеометалла, способами анализа полученных данных, междисциплинарными методиками исследования археологических артефактов, получив непосредственный опыт участия в раскопках многослойных ансамблей.

Оценка проведенного мероприятия заключена в отзыве студента 5 курса исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета Ильи Савко: «...полевая школа полностью отвечает запросам мирового научного сообщества, поэтому участие в лекциях, экскурсиях и мастер-классах не только расширяло мой кругозор и знания, но давало возможность получить необходимые умения и навыки для того, чтобы в будущем самостоятельно использовать их в изучении памятников археологии: тахеометрическая и ортофотосъемка археологических памятников с применением квадрокоптера, а также современные методы консервации археологических артефактов. Помимо чисто практических знаний я получил уникальную возможность пообщаться с людьми из разных городов и учебных заведений, что, несомненно, расширяет научные связи»⁷. Студент также выразил искреннюю благодарность руководителям школы (В. И. Молодину, Л. Н. Мыльниковой, Д. В. Селину) за предоставленную возможность пройти достойную программу обучения, а также сотрудникам ИАЭТ СО РАН и НГУ (Л. С. Кобелевой, М. С. Нестеровой, Н. С. Ефремовой, Д. А. Ненахову, Ю. Н. Ненаховой, И. А. Дуракову, К. А. Борзых).

Список литературы

- Бочарова Е. Н.** Международная полевая археологическая школа «Shimaki-2013» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, № 5. С. 9–16.
- Гаврилова Е. А., Табарев А. В.** Опыт изучения палеоиндейских культур в рамках полевых археологических школ (университет Вайоминг, США) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2005. Т. 11, № 2. С. 213–216.
- Гачко М. В.** Сибирская археологическая полевая школа как средство дополнительного образования студентов // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: Материалы VII Всерос. студ. науч.-практ. конф. с международным участием: В 3 ч. / Под ред. Н. Е. Лукьянова. Новосибирск: Изд-во Ин-та истории, гуманитарного и социального образования, 2018. С. 116–118.
- Лбова Л. В., Зоткина Л. В., Бочарова Е. Н.** Образовательный проект «Сибирская археологическая полевая школа – 2014» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, № 7. С. 9–16.
- Международная археологическая школа: Сб. материалов итоговой конференции. Казань, Болгар, 2018. Вып. 5. 212 с.
- Ситдинов А. Г., Вязов Л. А., Макарова Е. М.** О работе Международной полевой археологической школы в Болгаре (18–31 августа 2014 г.) // Поволжская Археология. 2014. № 3 (9). С. 294–303.
- Ситдинов А. Г., Вязов Л. А., Макарова Е. М.** О работе 2 международной полевой археологической школы // Поволжская Археология. 2015. № 3 (13). С. 264–267.
- Эпов М. И., Молодин В. И., Балков Е. В., Дядьков П. Г., Фирсов А. П., Злыгостев И. Н., Вайсман П. А., Евменов Н. Д., Егоров В. Е., Карин Ю. Г., Колесов А. С., Кулешов Д. А., Манштейн А. К., Манштейн Ю. А., Позднякова О. А., Савлук А. В., Селезнев Д. С., Фадеев Д. И., Цибизов Л. В., Шапаренко И. О., Шеремет А. С.** Археогеофизические исследования в СО РАН, 2013–2015 годы // Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы: Материалы междунар. симп. Новосибирск, 2017. С. 405–413.

⁷ Студент исторического факультета принял участие в полевой археологической школе / Алтайский государственный педагогический университет. URL: https://www.altspu.ru/history/history_news/29459-student-istoricheskogo-fakulteta-prinyal-uchastie-v-polevoy-arheologicheskoy-shkole.html (дата обращения 11.10.2019).

References

- Bocharova E. N.** Mezhdunarodnaya polevaya arkheologicheskaya shkola «Shimaki-2013» [International Field Archaeological School «Shimaki-2013»]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2014, vol. 13, no. 5, p. 9–16. (in Russ.)
- Gavrilova E. A., Tabarev A. V.** Opyt izucheniya paleoindeiskikh kul'tur v ramkakh polevykh arkheologicheskikh shkol (Universitet Vaiming, USA) [On Studying Paleo-Indian Cultures at Field Archaeological Schools (University of Wyoming, USA)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Issues of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories], 2005, vol. 11, no. 2, p. 213–216. (in Russ.)
- Gachko M. V.** Sibirskaya arkheologicheskaya polevaya shkola kak sredstvo dopolnitel'nogo obrazovaniya studentov [Siberian Archaeological Field School as a Means of Further Education for Students]. In: Molodezh' XXI veka: obrazovanie, nauka, innovatsii Materialy VII Vserossiiskoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [21st Century Youth: Education, Science, Innovation Materials of the VII All-Russian Student Scientific and Practical Conference with International Participation]. Novosibirsk, Institut istorii, gumanitarnogo i sotsial'nogo obrazovaniya Publ., 2018, p. 116–118. (in Russ.)
- Lbova L. V., Zotkina L. V., Bocharova E. N.** Obrazovatel'nyi proekt «Sibirskaya arkheologicheskaya polevaya shkola – 2014» [Educational Project “Siberian Archaeological Field School – 2014”]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2014, vol. 13, no. 7, p. 9–16. (in Russ.)
- Mezhdunarodnaya arkheologicheskaya shkola: sbornik materialov itogovoi konferentsii [International Archaeological School: a collection of materials of the final conference]. Kazan', Bolgar, 2018, iss. 5, 212 p. (in Russ.)
- Sitdikov A. G., Vyazov L. A., Makarova E. M.** O rabote mezhdunarodnoi polevoi arkheologicheskoi shkoly v Bolgare (18–31 avgusta 2014) [On Work of the International Field Archaeological School in Bolgar (August 18–31, 2014)]. *Povolzhskaya arkheologiya* [Povolzhsk Archaeology], 2014, no. 3 (9), p. 294–303. (in Russ.)
- Sitdikov A. G., Vyazov L. A., Makarova E. M.** O rabote 2 mezhdunarodnoi polevoi arkheologicheskoi shkoly [On Work of the 2 International Field Archaeological School]. *Povolzhskaya arkheologiya* [Povolzhsk Archaeology], 2015, no. 3 (13), p. 264–267. (in Russ.)
- Epov M. I., Molodin V. I., Balkov E. V., Dyad'kov P. G., Firsov A. P., Zlygostev I. N., Vaisman P. A., Evmenov N. D., Egorov V. E., Karin Yu. G., Kolesov A. P., Kuleshov D. A., Manshtein A. K., Manshtein Yu. A., Pozdnyakova O. A., Savluk A. V., Seleznev D. P., Fadeev D. I., Tsibizov L. V., Shaparenko I. O., Sheremet A. P.** Arkheogeofizicheskie issledovaniya v SO RAN, 2013–2015 [Archaeogeophysical Research at the SB RAS, 2013–2015]. In: Mul'tidistsiplinarnye metody v arkheologii: noveishie itogi i perspektivy. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma [Multidisciplinary Methods in Archaeology: latest results and prospects. Materials of the international symposium]. Novosibirsk, 2017, p. 405–413. (in Russ.)

Материал поступил в редакцию
Received
13.09.2019

Сведения об авторах

Мыльникова Людмила Николаевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии палеометалла ИАЭТ СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия); ассистент кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

l.mylnikova@yandex.ru

ORCID 0000-0003-0196-5165

Селин Дмитрий Вадимович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела археологии палеометалла ИАЭТ СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия); младший научный сотрудник Новосибирского государственного университета ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

selin@epage.ru

ORCID 0000-0002-6939-2917

Information about the Authors

Lyudmila N. Mylnikova, Doctor of History, Leading Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Assistant Professor at the Department of Archaeology and Ethnography at the Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

l.mylnikova@yandex.ru

ORCID 0000-0003-0196-5165

Dmitrii V. Selin, Candidate of history, Junior researcher of the Department of Archaeology of the Paleometal at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Junior researcher at the Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

selin@epage.ru

ORCID 0000-0002-6939-2917

История науки, новые методы исследований

УДК 902/904; 908; 93/94
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-19-41

Сибирская научная школа по изучению первобытного искусства академика А. П. Окладникова

Ю. Н. Ненахова

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Академик А. П. Окладников – выдающийся советский археолог, историк и этнограф, организатор и первый директор основанного в 1966 г. Института истории, филологии и философии СО АН СССР (сегодня Институт археологии и этнографии СО РАН). Под руководством ученого разрабатывались различные направления изучения древней истории: первоначальное расселение человека и распространение палеолитических традиций на территории Азиатского материка; вопрос древнейших культурных связей Азии и Америки; этногенез и ранняя история коренных сибирских и дальневосточных народов, их вхождение в состав Российского государства; становление русской культуры в Сибири и многие другие. География его сибирских экспедиций охватывала обширный регион: с запада на восток – от Урала до Тихого океана, с севера на юг – от Северного Ледовитого океана до территории Центральной Азии. Десятки талантливых исследователей стали достойными последователями своего учителя. Одним из важнейших направлений научного творчества А. П. Окладникова стало первобытное искусство. Уместно говорить о выделении сибирской научной школы по изучению первобытного искусства, основоположником которой он и являлся.

Ключевые слова

академик А. П. Окладников, первобытное искусство, сибирская научная школа

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР XII.186.2 (№ 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях»)

Для цитирования

Ненахова Ю. Н. Сибирская научная школа изучения первобытного искусства академика А. П. Окладникова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография. С. 19–41. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-19-41

Siberian Scientific School of Prehistoric Art Founded by Academician A. P. Okladnikov

Yu. N. Nenakhova

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. One of the most important research areas studied by A. P. Okladnikov was prehistoric art, in particular its origin and correlation with the concept of “aesthetic beginning”, as well as issues of ancient art development and a number of other related aspects. Siberian scientific school of prehistoric art founded by academician A. P. Okladnikov has already made a significant contribution to the study of prehistoric art on a worldwide scale.

Results. A. P. Okladnikov’s scientific interest in prehistoric art issues formed at the beginning of the 1960s, when he moved to Akademgorodok in Novosibirsk. The scientific school was formed on the basis of the Institute of History,

Philology and Philosophy of SB RAS. A group of scientists from the institute organized a team which started to develop projects in several aspects: a) studied specific issues of the research program based on the leader's ideas; b) provided training for specialists; c) organized and coordinated efforts of different research groups studying prehistoric art issues.

Conclusion. Academician A. P. Okladnikov is an outstanding Soviet archaeologist, historian and anthropologist, an initiator and the first Director of the Institute of History, Philology and Philosophy of the AS in the USSR (currently the Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS), which was founded in 1966. Ancient history aspects under investigation at those times included the study of initial human settlements and the spread of Paleolithic traditions on the Asian continent, old cultural ties between Asia and America, ethnogenesis and early history of indigenous Siberian and Far Eastern peoples and their inclusion into the Russian state, the formation of Russian culture in Siberia and many others. A. P. Okladnikov organized a series of archaeological expeditions, and the geography of his Siberian expeditions covered a vast region from the Ural Mountains in the west to the Pacific Ocean in the east, from the Arctic Ocean in the north to Central Asia in the south. Dozens of talented researchers followed A. P. Okladnikov and made important archaeological discoveries. Their research areas cover a wide range of topical issues. Today it is the students of this researcher who largely determine the vector of archaeological development

Keywords

academician A. P. Okladnikov, prehistoric art, Siberian scientific school

Acknowledgements

The work was performed as part of the Research program XII.186.2 (project 0329-2019-0003 "Historical and cultural processes in Siberia and in adjacent territories")

For citation

Nenakhova Yu. N. Siberian Scientific School of Prehistoric Art Founded by Academician A. P. Okladnikov. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 19–41. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-19-41

Введение

Научное творчество выдающихся ученых невозможно оценить, измеряя его лишь датами жизни – последующим поколениям передаются результаты проделанной работы, заделы на будущее в виде научных теорий, гипотез, идей; кроме того, остаются и сами продолжатели дела – ученики и соратники.

Научно-исследовательская деятельность академика А. П. Окладникова не раз становилась предметом всестороннего рассмотрения и продолжает оставаться под пристальным вниманием представителей научного сообщества (см. [Деревянко, 1978; Конопацкий, 2001; 2009; Матющенко, 2001. С. 136–142; Молодин, 2009а; 2013] и др.). С именем исследователя связано формирование коллективов ученых-археологов в Новосибирске (ИИФФ СО РАН), Улан-Удэ (Институт общественных наук), в Якутии (Институт языка, литературы, истории), во Владивостоке (Отдел истории, археологии и этнографии), Кемерово (КемГУ) и др. (см. [Матющенко, 1995. С. 21–23, 50, 56, 57; Деревянко, Медведев, 2007. С. 22–26; Исмаиловой, 2009; Васильев, Шумкин, 2013. С. 63] и др.). Д. В. Черемисин впервые было подчеркнуто, что речь в данном случае должна идти не просто о направлениях в исследованиях А. П. Окладникова, а именно о научной школе [Черемисин, 2008. С. 103].

В публикациях, освещавших значимость вклада ученого в области изучения первобытного искусства, как правило, отмечалась позитивная обособленность этого направления в его исследовательской деятельности (см. [Борисковский, 1982. С. 293–294; Бродянский, 2008; 2010а. С. 4–13; Дашибалов, 2009; Деревянко, 1978; Ларичев, 1970; Молодин, 1997; 2008а; 2008б; 2009б. С. 21; 2013. С. 43, 61–73; 2015а. С. 296; Решетов, Окладникова, 1998. С. 152; Фролов, 1998; Черемисин, 2008; Мухарева, Русакова, 2009; Шер, 2011. С. 37–38] и др.).

Закономерно более подробно рассмотреть вопрос об определении сибирской научной школы по изучению первобытного искусства академика А. П. Окладникова (рис. 1).

Выделение сибирской научной школы по изучению первобытного искусства

Считается, что региональное выделение научной школы правомерно и характерно для отечественной науки [Мельникова, 2004. С. 4, 51]. Взяв за основу тенденции, выявленные для обоснования научных школ в археологии, необходимо говорить о ряде показателей.

Во-первых, это наличие группы ученых с лидером во главе (возможно, на базе организации). Во-вторых, разработка научного направления в нескольких аспектах: а) изучение конкретных проблем по исследовательской программе, в основе которой лежат идеи лидера; б) подготовка кадров; в) организация и координация общих усилий; г) утверждение норм взаимоотношений внутри коллектива. При этом время существования научной школы может определяться как в рамках реализации исследовательской программы, так и поколениями ученых [Мельникова, 2004. С. 15–18].



Рис. 1 (фото). Академик Алексей Павлович Окладников
(фото из личного архива Е. А. Окладниковой)

Fig. 1 (photo). Academician A. P. Okladnikov
(photo from the personal archive of E. A. Okladnikova)

Сибирская научная школа по изучению первобытного искусства была сформирована на базе Института истории, филологии и философии СО АН СССР (ИИФиФ СО РАН, сегодня ИАЭТ СО РАН), основателем и директором которого в 1966 г. стал академик А. П. Окладников – лидер научной школы. Ученый являлся также профессором, заведующим кафедрой всеобщей истории НГУ. Преподавательской деятельности он посвятил значительную часть жизни (с 1962 по 1981 г.). И, конечно, Новосибирский государственный университет следует рассматривать в качестве вспомогательной «платформы», внесшей весомый вклад в осуществление деятельности данной школы. При разработке направлений в исследованиях первобытного искусства затрагивались теоретические проблемы, изучались наскальные изображения и их пластические формы; рассматривался декоративно-прикладной аспект [Молодин, 2013. С. 62–70]. Эта многогранность в полной мере соотносится с манерой исследовательской деятельности А. П. Окладникова, которую В. И. Матющенко назвал глобально-историческим обобщением, методом генерализации [Матющенко, 1995. С. 81].

Превалирующим направлением исследований, связанных с его именем, на наш взгляд, следует считать изучение петроглифов. На основании грандиозных результатов работ академика в Северной и Центральной Азии стало понятно, что наскальное искусство – это достояние различных эпох, оно носит массовый характер, объемы и количество такого вида источников много больше, чем можно было представить, а специфика его как в плане методического, так и в плане методологического изучения, требует определенного набора навыков и знаний, т. е. специализации при работе с данным типом источников.

Трепетное отношение А. П. Окладникова к памятникам наскального искусства отмечается многими исследователями, обращавшимися к научному творчеству ученого (см. [Абрамова, 1999; Борисковский, 1982. С. 293–294; Бродянский, 2008; Васильевский, 2003; Деревянко, 1978; 2008. С. 803–805; 2009. С. 68; Деревянко и др., 2008; Деревянко, Закстельский, 2008. С. 7–193; Конопацкий, 2001; Мартынов, 2008; Молодин, 2008а; 2008б; 2009б; Мыльников, 2008; 2018; Черемисин, 2008] и др.). Д. Л. Бродянский указывал на то, что более половины публикаций А. П. Окладникова о древнем и средневековом искусстве посвящены наскальным изображениям, расположенным на берегах Томи, Лены, Ангары, Амура, оз. Байкал, в долинах Алтая, в степях и горах Монголии и Забайкалья [Бродянский, 2010а. С. 7].

Анализ направленности монографических изданий и статей, а также целевых установок исследователя позволяет отметить их четкость и ранжированность, что, несомненно, есть отражение глубокой разработанности методических и методологических принципов изучения изобразительного творчества древнего человека [Ковыршина, 2013].

С момента самой первой печатной работы ученого в 1926 г. и до выхода в свет первых двух монографий по петроглифам Ленских скал в 1959 г. (ленинградский период деятельности) вышло 12 специализированных публикаций, рассматривавших семантику образов в первобытном искусстве Сибири, мелкую пластику, наскальные изображения, а также теоретические проблемы происхождения искусства [Там же. С. 47–54]. В период с 1960 по 1981 г. (новосибирский период научного творчества) А. П. Окладниковым было опубликовано 35 статей, в которых все чаще поднимались проблемы истоков и традиций искусства, изучались вопросы семантики, вводились в научный оборот новые материалы и пр. Всего исследователем по наскальным изображениям Сибири в частности и первобытному искусству в целом опубликовано 25 монографий (в том числе коллективные). Так, можно отметить, что монографии о памятниках наскального искусства выходили регулярно с 1959 по 1981 г. (а также в 1982 и 1985 гг. уже посмертно). В 1959–1977, 1979 и 1980 гг. увидели свет работы, посвященные петроглифам Северной Азии: по Томи, Лене, Ангаре, Амуру, оз. Байкал и территории Забайкалья. В 1979–1981, 1982 и 1985 гг. систематически издавались книги-альбомы по петроглифам Алтая, которые продолжали серию его работ по наскальному искусству Центральной Азии [Ковыршина, 2013. С. 49–52].

Уже в середине XX в. исследователем были сформированы методологические и методические принципы культурно-хронологической интерпретации наскального искусства Северной и Центральной Азии: сформулированы основные подходы, цели и задачи; выстроен алгоритм культурно-хронологической интерпретации памятников наскальной изобразительной деятельности; представлено осмысление происхождения и развития искусства в контексте понимания петроглифических комплексов. Ученый ставил целью не просто введение в научный оборот полевого материала, а полноценное включение наскальных изображений в исторические источники для понимания историко-культурных процессов, происходивших на территории Северной Азии и соседних регионов. На основании выделения набора образов, характеристики художественных стилей, стоящей за этим мифологии и отражения в рисунках своеобразия хозяйственно-культурного развития региона он выделил «провинции» наскального искусства: «таежную»; «дальневосточную», или «амурскую»; «степную», или «центрально-азиатскую». Время сложения этих провинций он связывал с неолитом, а изменения, которые они претерпевали по территориальному и внутреннему содержанию, были закономерны, по его мнению, по отношению к историко-культурному контексту (см. [Ок-

ладников, 1969; 1970; 1971. С. 80–82; 1982] и др.). Концепция А. П. Окладникова о «провинциях» первобытного искусства была положительно воспринята научным сообществом (Я. А. Шер, Н. Л. Подольский, А. А. Формозов, А. И. Мартынов, Е. Г. Дэвлет, М. А. Дэвлет и др.). В значительной степени дополнена источниковая база для «центральноазиатского», а также выделенного «нижнетомского» очагов наскального искусства (см. [Молодин, 2009б; Молодин, Черемисин, 1999; 2007; Черемисин и др., 2018; Ковтун, 2001; Марочкин, Конончук, 2014; Пономарева, 2016] и др.).

А. П. Окладников стоял у истоков и заложил фундамент для дальнейшего развития научного направления в археологической науке – петроглифоведения. Им сформирована теоретическая основа подхода к исследованию наскальных изображений, подготовлены квалифицированные кадры. Работы ученого, использованные им методические и методологические подходы, алгоритм культурно-хронологической интерпретации послужили основой исследований многих других специалистов.

Представители сибирской научной школы по изучению первобытного искусства А. П. Окладникова

Коллектив соратников и последователей ученого в области изучения первобытного творчества древнего человека очень именит. Его значимость в формировании исследовательских интересов отмечена в отношении З. А. Абрамовой, В. В. Боброва, Д. Л. Бродянского, Р. С. Васильевского, В. Д. Кубарева, В. Е. Ларичева, А. И. Мазина, А. И. Мартынова, В. Е. Медведева, В. И. Молодина, Е. А. Окладниковой, В. Т. Петрина (рис. 2) [Молодин, 2008б. С. 74; 2013. С. 72; 2015а. С. 292; Черемисин, 2008. С. 103]. О значимости каждого из них и их весомом вкладе в развитие археологической науки можно написать немало.

Ведущим направлением научно-исследовательской деятельности профессора, доктора исторических наук Зои Александровны Абрамовой (19.03.1925 – 31.10.2013) было изучение эпохи палеолита и первобытного искусства. В 1961 г. она защитила кандидатскую диссертацию по теме «Палеолитическая скульптура на территории СССР», а в 1972 г. – докторскую по теме «Палеолитическое искусство Евразии как исторический источник». З. А. Абрамова признанный специалист в данной области. По приглашению крупнейшего исследователя первобытного искусства Андре Леруа-Гурана З. А. Абрамова даже читала курс лекций по палеолиту и первобытному искусству России во Франции (Колледж де Франс, Париж). Ее профессиональная деятельность была связана с Институтом истории материальной культуры (Санкт-Петербург) [Васильев, Григорьева, 2015. С. 17–21]. В. И. Матющенко отметил, что З. А. Абрамова приняла эстафету по исследованию древнейшего искусства от своего учителя А. П. Окладникова [Матющенко, 2001. С. 136] и сохранила основное его наследие – «умение все конкретные факты палеолита оценивать в общем контексте мировой истории глубокой древности» [Матющенко, 1995. С. 76]. Список опубликованных работ З. А. Абрамовой представлен [Всевиов, 2005. С. 26–47]: более 260 наименований, треть которых (заметки, статьи, монографии, рецензии) посвящены древней изобразительной деятельности. Около 20 работ вышли в иностранных изданиях.

Профессор, доктор исторических наук Давид Лазаревич Бродянский (24.10.1936 – 13.04.2017) в 1969 г. под руководством А. П. Окладникова защитил кандидатскую диссертацию «Южное Приморье в эпоху освоения металла (II–I тыс. до н. э.)», а затем и докторскую «Неолит и палеометалл Южного Приморья». Профессиональная деятельность исследователя с 1962 г. была связана с ДВГУ (сегодня Дальневосточный федеральный университет). Им опубликовано более 300 работ. Значительная их доля касается вопросов творчества. В широком культурном контексте рассматривается древнее искусство Приморья, разрабатываются проблемы изучения янковского и бойсманского искусства, открываются мобильные петроглифы, полиэйконическая скульптура и пр. [К 70-летию..., 2007; Артемьева, 2017. С. 171].



проф., д. и. н.
З. А. Абрамова



проф., д. и. н.
В. В. Бобров



проф., д. и. н.
Д. Л. Бродянский



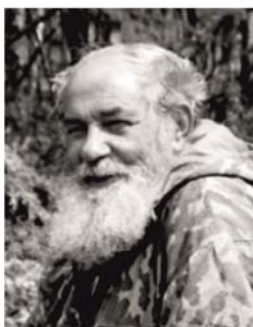
проф., д. и. н.
Р. С. Васильевский



д. и. н.
В. Д. Кубарев



проф., д. и. н.
В. Е. Ларичев



д. и. н.
А. И. Мазин



проф., д. и. н.
А. И. Мартынов



проф., д. и. н.
В. Е. Медведев



академик, проф., д. и. н.
В. И. Молодин



проф., д. и. н.
Е. А. Окладникова



проф., д. и. н.
В. Т. Петрин

Рис. 2 (фото). Представители сибирской научной школы А. П. Окладникова по изучению первобытного искусства

Fig. 2 (photo). Representatives of the Siberian scientific school of A. P. Okladnikov on the study of primitive art

Профессор, доктор исторических наук Руслан Сергеевич Васильевский (27.05.1933 – 26.12.2011) в 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию «Древнекорякская культура и ее место в культурной истории Северо-Восточной Азии», в 1974 г. – докторскую по теме «Древние культуры Тихоокеанского Севера». Вклад ученого в «копилку» исторического и археологического знания значителен. Его основная научно-исследовательская деятельность была связана с Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР. В его работах уделялось внимание вопросам творчества древнего человека. Но еще более весома работа ученого в области редакционной деятельности. Так, он не раз становился главным редактором сборника «Первобытное искусство» и других, долгие годы отвечал за выпуск научного журнала «Гуманитарные науки в Сибири», где нередко публиковались работы по первобытному творчеству.

Профессор, доктор исторических наук, блестящий историограф и популяризатор науки, археолог-востоковед Виталий Епифанович Ларичев (12.12.1932 – 02.06.2014) в 1961 г. защитил кандидатскую диссертацию «Древние культуры Северо-Восточного Китая: каменный и бронзовый века», а в 1971 г. – докторскую на тему «Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Формирование основ современных представлений о культурах древнекаменного века Азии 1871–1960 гг.». Исследователь заведовал сектором истории и археологии стран зарубежного Востока в составе ИИФиФ СО АН СССР – первым в Сибири подобного рода исследовательским подразделением. Библиография трудов В. Е. Ларичева насчитывает более 30 монографий и около 600 статей. Ученый внес заметный вклад в развитие сибирского востоковедения. Значительное место в творчестве В. Е. Ларичева занимали сложнейшие для изучения темы: семантика образов первобытного художественного творчества; проблема происхождения искусства; космогония и космология в мировоззрении общества ледниковой эпохи; зарождение протонауки, мифологии и культово-религиозных представлений; история изучения искусства древнекаменного века Европы и Сибири и пр. [Матющенко, 1995. С. 82–84; Алкин, Комиссаров, 2013; Тугужекова, 2018].

Доктор исторических наук Владимир Дмитриевич Кубарев (14.08.1946 – 08.05.2011) дополнил исследовательский коллектив ИИФиФ СО АН СССР. Встреча на Алтае с А. П. Окладниковым, по признанию самого В. Д. Кубарева, решила его судьбу [Кубарев, 2008. С. 47]. С 1973 г. он руководил Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской археологической экспедиции. Объем и качество научных исследований и трудов ученого при защите кандидатской диссертации позволили присудить соискателю сразу степень доктора наук (1998 г.) за диссертацию «Древние кочевники Алтая». В. Д. Кубаревым опубликовано более 320 работ, значительная часть которых посвящена памятникам наскальной изобразительной деятельности в Центральной Азии (Алтая, Монголии). Я. А. Шер отметил, что исследователем «открыты и исследованы выдающиеся памятники древнего искусства» [2007. С. 154]. В. Д. Кубарев признанный специалист: член-корреспондент Германского археологического института (Берлин); член-корреспондент Института изучения кочевнических цивилизаций (Улан-Батор); член Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства (Кемерово). В 2002 г. за вклад в изучение наскальных изображений Монголии ему было присвоено звание профессора Института археологии Монгольской академии наук [Там же]. В. Д. Кубарев с уважением и теплотой вспоминает о первых поручениях от Алексея Павловича вести в поле дневниковые записи по петроглифам и росписям Тальмы и Куленги, совместно набирать тексты в стенах дома учителя [Кубарев, 2008. С. 47]. Отмечал он работы с А. П. Окладниковым по изучению петроглифов в Монголии (ущелье Хавцгайт, хребет Гурван-Сайхан, Аршан-хад), на Алтае (Хобд-Сомон, Тэбш, Жалгыз-Тобе) [Там же. С. 47–50]. В. Д. Кубарев акцентировал внимание на том, что «это была настоящая школа» [Там же. С. 47]. В вопросе наличия древнейших петроглифов в Северной и Центральной Азии ученый был оппонентом представителям школы Окладникова, но о себе В. Д. Кубарев говорил, что «по мере своих сил я продолжаю работать в том же направлении и так же интенсивно, как работал мой Учитель» [Там же. С. 51].

Доктор исторических наук Анатолий Иванович Мазин (10.10.1938 – 10.04.2008) в 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию «Наскальные рисунки Верхнего Приамурья», а в 1988 г. – докторскую на тему «Петроглифы таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья». С 1969 г. являлся сотрудником ИИФиФ СО АН СССР (ИАЭТ СО РАН), занимался проблемами первобытного искусства, в том числе изучал наскальные изображения Восточной Сибири, Приамурья, а также материальную и духовную культуру, хозяйство и быт эвенков-орочонов в данном регионе [Молодин, 2009в]. Отмечается, что первый этап научной деятельности А. И. Мазина определен А. П. Окладниковым. В результате от Байкала до Лены и Амура им были «открыты или заново обследованы десятки памятников». Его работы вошли в отечественный фонд исследований древнего наскального искусства [Забияко, 2010. С. 4; Бродянский, 2010б. С. 12].

Профессор, доктор исторических наук Анатолий Иванович Мартынов (родился 11.03.1933), основатель и создатель кафедры археологии в Кемеровском государственном университете, в 1963 г. под руководством А. П. Окладникова защитил кандидатскую диссертацию «Объ-Чулымская лесостепь в эпоху бронзы и раннего железного века» [Китова, 2013]. Интерес А. И. Мартынова к Томской писанице был поддержан научным руководителем. В творчестве ученого внимание уделялось также петроглифам Южной Сибири (Средний Енисей, Горный Алтай и др.), искусству звериного стиля и пр. [Китова, Исмаиловой, 2013. С. 24, 25]. Сам А. И. Мартынов высоко оценивал вклад А. П. Окладникова в развитие исторической науки в Кузбассе [Мартынов, 1998]. Под руководством А. И. Мартынова была определена основа кемеровской школы специалистов по наскальному искусству и сформирован коллектив ученых (Б. Н. Пяткин, Я. А. Шер, В. В. Бобров, О. С. Советова (Черняева), Е. А. Миклашевич, Л. Н. Ермоленко, И. В. Ковтун и др.) [Китова, 2013. С. 25; Китова, Исмаиловой, 2013. С. 24–26; Советова, 2014]. Курс по первобытному искусству – одно из базовых образовательных направлений на кафедре археологии КемГУ [Китова, Исмаиловой, 2013. С. 24; Китова, 2016. С. 27–28]. С 1967 г. издается специализированный периодический сборник – «Известия лаборатории археологических исследований» [Китова, 2013. С. 26]. В 1997 г. в Кемерово была создана Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства. Сотрудники кафедры, студенты и аспиранты принимают участие в конференциях по первобытному творчеству, проводят на своей базе подобные мероприятия [Китова, Исмаиловой, 2013. С. 26, 27; Советова, 2014. С. 47]. В 2009 г. Ученый совет КемГУ утвердил статус научной археологической школы под названием «Исследование культуры и искусства древних обществ на стыке Северной и Центральной Азии (традиции и инновации)». В настоящее время ее руководителем является В. В. Бобров [Китова, Исмаиловой, 2013]. А. И. Мартынов – автор около 400 научных трудов, из которых более 90 посвящены древнему искусству и около 20 изданы за рубежом [Мартынов..., 2013]. Следует отметить, что центр по изучению наскального искусства в Кемерове развивался в общих тенденциях и лучших традициях научной школы А. П. Окладникова. Особенностью его, как отмечается, является то, что группа ученых работает на базе нескольких научных подразделений разной ведомственной подчиненности [Советова и др., 1995. С. 71].

Профессор, доктор исторических наук Владимир Васильевич Бобров (родился 05.06.1945) с 1998 г. возглавляет кафедру археологии КемГУ, одним из «сильных и представительных» направлений научной деятельности которой является изучение первобытного искусства Южной Сибири и Центральной Азии (данное направление сложилось под руководством А. И. Мартынова и было успешно продолжено его последователями) [Китова, 2015. С. 7–8]. Научным руководителем В. В. Боброва в аспирантуре стал А. П. Окладников. В 1973 г. ученый защитил кандидатскую диссертацию на тему «Олень в скифо-сибирском искусстве звериного стиля (тагарская культура)», а в 1992 г. – докторскую диссертацию «Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы». Исследователь ведет активную работу по организации науки в Кузбассе, а также занимается преподавательской деятельностью. Библиография ученого насчитывает более 400 научных трудов. Спектр научных интересов исследователя

широк – от неолита до Средневековья [Молодин, 2015б]. Немаловажное место в нем занимают вопросы искусства. Ученый определяет для Сибири три области развития искусства малых форм в переходное время от эпохи камня к палеометаллу: Зауралье; Верхнее Приобье, лесостепной и предгорный Алтай, межгорная Кузнецкая котловина; Прибайкалье и сопредельные территории, возможно, территория Среднего Енисея. Важно при этом отметить, что, во-первых, исследователь считает развитие мобильного искусства в этих областях продолжением изобразительных тенденций автохтонного неолитического населения (в силу отсутствия кардинальной смены хозяйства населения в переходный период к палеометаллу), во-вторых, что заметно проявление новых черт (преобладание антропоморфных образов, орнаментальная графика и проявление схематических приемов), в-третьих, сибирская мобильная пластика, по его мнению, развивалась в рамках общих тенденций искусства энеолита Евразии [Бобров, 2015]. Он также высказал идею о том, что эмоциональная реакция на произведение изобразительного творчества есть функция последнего, и воспринимать ее нужно в связи с этим как археологический источник, вписанный в контекст культуры, в канву хронологического периода той или иной эпохи [Там же. С. 8]. Надо сказать, что все это в полной мере отражает обоснованность высказанных А. П. Окладниковым положений.

Доктор исторических наук Виталий Егорович Медведев (родился 01.11.1941) на работу в ИИФиФ СО АН СССР был принят в конце 1960-х гг. В судьбе этого исследователя А. П. Окладников сыграл определяющую роль [Плотников, 2011]. Под его руководством ученый разрабатывал проблему чжурчжэньского Средневековья в Приамурье, в 1975 г. успешно защитив кандидатскую диссертацию по теме «Культура амурских чжурчжэней. Конец X – XI в.». На основе полученных средневековых материалов по Дальнему Востоку была подготовлена серия фундаментальных монографий и в 1984 г. докторская диссертация на тему «Среднее и Нижнее Приамурье в конце первой четверти II тыс. н. э. (чжурчжэньская эпоха)». В результате работ ученого значительно увеличилась источниковая база по новому каменному веку региона, выделены не известные ранее археологические культуры, углублена и скорректирована интерпретация уже известных культур. В. Е. Медведев – автор более 300 научных работ [Деревянко и др., 2012]. Интересы исследователя затрагивают и проблемы первобытного искусства Дальнего Востока: сюжеты нижнеамурского неолита, вопрос об истоках скульптурных и наскальных образов и пр. (см. [Медведев, 2000; 2001; 2012; 2013; Виталий Егорович Медведев..., 2013] и др.). Так, им был обоснован вывод о полисемантической культуре племен Приамурья [Виталий Егорович Медведев..., 2013. С. 319].

Академик, профессор, доктор исторических наук, заведующий отделом археологии палеометалла ИАЭТ СО РАН Вячеслав Иванович Молодин (родился 26.09.1948) в студенческие годы под руководством профессора, доктора исторических наук Т. Н. Троицкой активно занимался научной и полевой археологической работой. Затем он был принят на работу в ИИФ СО АН СССР и под руководством А. П. Окладникова возглавил масштабные исследования в Западной Сибири, принимая активное участие и в исследованиях наставника. В 1975 г. В. И. Молодин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Эпоха неолита и бронзы лесостепной полосы Обь-Иртышского междуречья», а в 1983 г. – докторскую на тему «Бараба в древности» [Бобров, 2018]. Отмечается интерес ученого к проблемам первобытного искусства [Там же. С. 25–28]. Это отдельное направление в его научно-исследовательской работе (как и у Учителя). Исследователем опубликовано более 1 500 научных работ [Вячеслав Иванович Молодин..., 2018]: около 80 из них носят специализированный характер и охватывают различные тематики изобразительной деятельности древнего человека; более десятка работ представляют собой редакцию работ по искусству, кроме того, столько же работ было выполнено под научным руководством ученого. В области изучения петроглифов значимы исследования Турочакской писаницы (р. Бия, Алтай), проведенные совместно с А. П. Окладниковым [Окладников, Молодин, 1978]. Позже В. И. Молодин опубликовал материалы по второй Турочакской писанице, на основании которых изменил хронологические рамки первой [Молодин, 1993; 2016]. Под руководством ученого комплексно изучен культо-

вый памятник Куйлю (р. Кучерла, Горный Алтай) [Молодин, Ефремова, 2010]. Проведены масштабные исследования по изучению петроглифов Калгутинского рудника на плоскогорье Укок, в рамках специализированной работы подробно охарактеризованы дискуссии по вопросу ранних датировок изображений Северной и Центральной Азии [Молодин, Черемисин, 1999]. Обращалось внимание на мобильное и декоративно-прикладное искусство древнего населения Западной Сибири [Молодин, 1992]. В последние годы В. И. Молодин активно разрабатывает проблему центрально-азиатского очага первобытного творчества древнего человека. Исследователь подробно рассмотрел концепцию А. П. Окладникова о центрально-азиатском очаге первобытного искусства, представив ее детальный анализ и свое отношение к проблеме датирования ряда изображений Северной и Центральной Азии палеолитическим временем, при этом дополнив весомым перечнем новых сюжетов [Молодин, 2008б. С. 72; 2009б]. В настоящее время представления о сути этих вопросов в значительной мере будут формироваться на основании материалов полевых работ, проведенных под руководством В. И. Молодина на территории российского и монгольского Алтая, в результате которых обнаружена целая серия наскальных рисунков, относящихся к древнейшему хронологическому пласту (см. [Молодин, Черемисин, 1999; 2007; Молодин и др., 2016; Черемисин, Молодин и др., 2018; Цэвэндорж и др., 2017] и др.).

Профессор, доктор исторических наук Елена Алексеевна Окладникова (родилась 13.10.1951) – продолжатель дела своего учителя и отца. В 1978 г. она защитила кандидатскую диссертацию по теме «Наскальные изображения северо-западного побережья Северной Америки и их связи с петроглифами Северо-Восточной Азии и Дальнего Востока СССР» (ЛО ИА АН СССР), в 1995 г. – докторскую по теме «Модель Вселенной в системе памятников наскального искусства Сибири и Северной Америки» (Институт антропологии этнологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая). Область научных интересов ученого – археология и наскальное искусство Сибири. В 1977–1980 гг. Е. А. Окладникова руководила экспедициями на Алтае, главной задачей которых было изучение наскального искусства долин рек Куяс, Чуя, Елангаш. Одним из направлений работ в данной области является проведение сравнительного анализа памятников наскального искусства Америки и Сибири, а также изучение в целом механизмов становления ранних форм архаических религиозных представлений, форм мышления, процессов становления художественных традиций (на материалах наскального искусства памятников Сибири и Северной Америки) и пр.¹ Исследовательницей опубликовано более 300 научных работ, из которых четверть освещает вопросы первобытного творчества (относительно работ только археологической направленности доля значительно больше)².

Профессор, доктор исторических наук, Заслуженный деятель науки РФ (2001) Валерий Трофимович Петрин (04.09.1943 – 15.09.2002) с 1978 г. работал в ИИФиФ СО АН СССР (затем ИАЭТ СО РАН). Закончил аспирантуру под руководством А. П. Окладникова, защитив в 1983 г. кандидатскую диссертацию по теме «Палеолитические памятники Восточного Зауралья (Западно-Сибирская равнина)», а в 1991 г. – докторскую диссертацию «Палеолит Западной Монголии» (научный консультант – академик А. П. Деревянко). В. Т. Петрин – специалист в области изучения палеолита Северной и Центральной Азии. Ученый исследовал десятки археологических памятников каменного века, сделал ряд открытий в области материальной и духовной культуры первобытного человека. Другим направлением в его работе стало изучение первобытного искусства: писаниц Урала, петроглифов Центральной Азии и пр. В. Т. Петриным открыта и комплексно изучена полихромная живопись Игнатьевской пещеры, датируемая возрастом 14 тыс. л. н. [Ларичев, 2003; Валерий Трофимович Пет-

¹ См.: Биографика СПбГУ: Окладникова Елена Алексеевна. URL: <http://bioslovhist.spbu.ru/person/1491-okladnikova-yelena-alekseyevna.html>; Отечественные этнографы и антропологи. XX век: Окладникова Елена Алексеевна. URL: <http://ethnographica.kunstkamera.ru>; Окладникова Елена Алексеевна. URL: <http://elena-okladnikova.narod.ru> (дата обращения 06.05.2019).

² См.: Список публикаций автора: Окладникова Елена Алексеевна. https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=71868&pubrole=100&show_refs=1&show_option=0 (дата обращения 06.05.2019).

рин, 2004]. Ученый является автором более 350 научных работ, значительная часть которых посвящена вопросам изучения наскальной живописи и мелкой пластики [Валерий Трофимович Петрин, 2003. С. 28–75].

Следует отметить значимость и вклад в область изучения наскального искусства трудов зарубежного коллеги, ученика Алексея Павловича, профессора, академика Дадмья Цэвээндоржа, осуществляющего активные работы в данной области на территории Монголии [Кубарев и др., 2005. С. 4; Кубарев, 2007. С. 111]. Ученый является одним из активных организаторов монгольской археологической науки (рис. 3).



Рис. 3 (фото). Академик Д. Цэвээндорж

Fig. 3 (photo). Portrait of the Academician D. Tseveendorzh

В настоящее время в ИАЭТ СО РАН вопросами изучения первобытного искусства занимается следующее поколение исследователей – кандидаты исторических наук Г. В. Кубарев, Д. В. Черемисин и Л. В. Зоткина [Молодин, 2013. С. 62–70]. Продолжается исследование наскальных изображений Алтая, Монголии и т. д. Активно развивается направление по применению в их изучении методики и возможностей трасологического анализа, а также 3D-моделирования.

Организационный аспект и издательская деятельность

Возвращаясь к вопросу организации А. П. Окладниковым исследований по изучению первобытного искусства, следует отметить, что успешная разработка им данного направления – это результат планомерных многолетних экспедиционных работ, проведенных под его руководством в различных регионах Северной и Центральной Азии: 1940–1945 гг. – Ленская историко-археологическая; 1951–1955 гг. – Ангарская; 1955–1959 гг. – Братская; 1947–1952 гг. – работы в Забайкалье, затем на Дальнем Востоке; 1960–1964, 1966–1973, 1975 гг. – Советско-Монгольская и др. [Васильевский, 1981].

А. П. Окладников провел значительную работу и в издательской сфере для гуманитарных наук. Так, по инициативе исследователя в журнале «Известия СО АН СССР» был учрежден выпуск «Серия общественных наук» (затем это «Серия история, филология и философия»), а с 1994 г. «Гуманитарные науки в Сибири». Более того, им было учреждено специализиро-

ванное серийное издание сборников статей «Первобытное искусство», вышедших в 1971, 1976, 1978, 1980, 1983, 1987, 1990, 1992 гг. [Матющенко, 1995. С. 69; Молодин, 2013. С. 71]. Нередко он являлся ответственным редактором и рецензентом работ и сборников, освещающих вопросы изобразительной деятельности древнего человека.

Заключение

По словам В. И. Матющенко, «А. П. Окладников оставил после себя наследство, масштабы и значимость которого трудно измерить и оценить: ИИФФ СО РАН, налаженные многочисленные зарубежные связи института, отработанная система подготовки кадров, издательская база и т. п. Помимо того, он оставил после себя громадное количество идей, мыслей и начинаний, которые не перечислить. <...> его преемники в Институте и других научных коллективах продолжают их разрабатывать» [Матющенко, 1995. С. 75]. И далее: «Вне всякого сомнения, школа А. П. Окладникова – уникальная в истории сибирской и в целом отечественной археологии» [Матющенко, 2001. С. 138]. В полной мере это относится и к научной школе по изучению первобытного искусства. Необходимо отметить, что к переезду в новосибирский Академгородок научный интерес А. П. Окладникова к вопросам древней изобразительной деятельности был уже выработан – публиковались статьи, подготовлены две основополагающие монографии по Ленским писаницам, в рамках проводимых археологических экспедиций осуществлялись целенаправленные работы по исследованию писаниц Сибири. Но окончательно, как можно видеть из вышеизложенного, школа по изучению первобытного искусства была сформирована уже на базе Новосибирского археологического центра.

Оценка деятельности А. П. Окладникова в области изучения первобытного искусства, даваемая отечественным и зарубежным научным сообществом, весьма высока – он признанный специалист в данной области. В 1977 г. ученый был избран вице-президентом Комиссии по наскальному искусству палеолита при Международном обществе доисторических наук во Франции и почетным членом общества «Центр изучения искусства» в Валькамоники (Италия) [Молодин, 2013. С. 73].

Список литературы

- Абрамова З. А.** Памяти учителя (к 90-летию со дня рождения А. П. Окладникова) // Археологические вести. 1999. № 6. С. 498–502.
- Алкин С. В., Комиссаров С. А.** Виталию Епифановичу Ларичеву 80 лет // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2013. № 1 (2). С. 276–280.
- Артемьева Н. Г.** Давид Лазаревич Бродянский (24.10.1936 – 13.04.2017) // Ойкумена. 2017. № 2. С. 169–172.
- Бобров В. В.** Мобильное искусство Сибири в переходное время от эпохи камня к палеометаллу // Искусство бронзового века (Материалы международного симпозиума, 15–19 апреля 2013 г., Штральзунд, Германия). Новосибирск; Берлин, 2015. С. 8–18.
- Бобров В. В.** Краткий очерк научной, научно-организационной и педагогической деятельности // Вячеслав Иванович Молодин. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. С. 10–43. (Материалы к биобиблиографии ученых: история; вып. 43)
- Борисковский П. И.** Алексей Павлович Окладников // СА. 1982. № 3. С. 291–296.
- Бродянский Д. Л.** Древнее искусство в творчестве А. П. Окладникова // Окно в неведомый мир: Сб. ст. к 100-летию со дня рождения академика Алексея Павловича Окладникова. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 24–27.
- Бродянский Д. Л.** Древнее искусство и его исследователи (очерки, статьи, доклады). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2010а. 180 с.
- Бродянский Д. Л.** Об ушедших друзьях-археологах и петроглифах // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2010б. Вып. 6. С. 11–13.

- Валерий Трофимович Петрин: Библиография. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 120 с.
- Валерий Трофимович Петрин // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 1 (17). С. 153–154.
- Васильев С. А., Григорьева Г. В.** Памяти Зои Александровны Абрамовой (19.03.1925 – 31.10.2013) // Stratum plus. 2015. № 1. С. 17–21.
- Васильев С. А., Шумкин В. Я.** Отдел палеолита // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 53–83.
- Васильевский Р. С.** Краткий очерк научной, педагогической и научно-организационной деятельности А. П. Окладникова // Алексей Павлович Окладников: Материалы к биобиблиографии ученых СССР. М.: Наука, 1981. С. 9–34.
- Васильевский Р. С.** Краткий очерк научной, педагогической и научно-организационной деятельности А. П. Окладникова // Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 2003. С. 6–22.
- Виталий Егорович Медведев – старейший выпускник-археолог Новосибирского государственного университета // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, № 3: Археология и этнография. С. 318–319.
- Всевиов Л. М.** Список опубликованных работ З. А. Абрамовой // Зоя Александровна Абрамова. Библиография. СПб., 2005. С. 26–47.
- Вячеслав Иванович Молодин. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. 307 с. (Материалы к биобиблиографии ученых: история; вып. 43)
- Дашибалов Б. Б.** Научное наследие академика А. П. Окладникова в изучении Курумчинских петроглифов // «Номо Eurasicus» у врат искусства. СПб.: Астерион, 2009. С. 21–25.
- Деревянко А. П.** В поисках оленя золотые рога. Благовещенск: Хабаровское кн. изд-во, 1978. 256 с.
- Деревянко А. П.** Душуномада даль звала (к 100-летию со дня рождения академика А. П. Окладникова) // Вестник Российской академии наук. 2008. Т. 78, № 9. С. 800–809.
- Деревянко А. П.** В поисках «Оленя Золотые Рога» (к 100-летию академика А. П. Окладникова) // Достояние поколений. 2009. № 2. С. 64–69.
- Деревянко А. П., Медведев В. Е.** Академик А. П. Окладников – основатель сибирской археологической школы // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 22–26.
- Деревянко А. П., Молодин В. И., Худяков Ю. С.** Значение научного наследия академика А. П. Окладникова для развития археологии Северной и Центральной Азии (к 100-летию со дня рождения) // Российская археология. 2008. № 4. С. 137–143.
- Деревянко А. П., Молодин В. И., Шуньков М. В.** Виталий Егорович Медведев // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 2 (50). С. 155–157.
- Деревянко Е. И., Закстельский А. Б.** Тропой далеких тысячелетий. Страницы из жизни археолога и путешественника. Новосибирск: Инфолио, 2008. 200 с.
- Забияко А. П.** Предисловие. Анатолий Иванович Мазин – человек тайги и науки // Традиционная культура востока Азии: Сб. ст. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2010. Вып. 6. С. 3–4.
- Исмайлова Э. Р.** Роль А. П. Окладникова в становлении и развитии сибирской археологии // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы): Материалы XLIX Регион. археолого-этногр. студ. конф. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2009. С. 12–13.
- К 70-летию Давида Лазаревича Бродянского // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. Вып. 17. С. 519–520.
- Китова Л. Ю.** Анатолий Иванович Мартынов – создатель Кемеровской археологической школы // Археология Южной Сибири. К 80-летию А. И. Мартынова. Кемерово, 2013. Вып. 26. С. 23–30.
- Китова Л. Ю.** Из истории кафедры археологии КемГУ (к 70-летию В. В. Боброва) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 6, № 2 (62). С. 7–12.

- Китова Л. Ю.** Подготовка археологов в Кемеровском государственном университете // Археология Южной Сибири. К 40-летию кафедры археологии КемГУ. Кемерово, 2016. Вып. 27. С. 24–29.
- Китова Л. Ю., Исмайлова Э. Р.** История формирования Кемеровской научной школы исследователей древнего и средневекового искусства // Вестник КемГУ. 2013. Т. 4, № 3 (55). С. 24–31.
- Ковтун И. В.** Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии: Проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов северо-западного Саяно-Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 184 с.
- Ковыршина Ю. Н.** Целевые установки академика А. П. Окладникова в публикациях по наскальным изображениям Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, № 7: Археология и этнография. С. 46–56.
- Конопацкий А. К.** Прошлого великий следопыт: академик А. П. Окладников. Страницы биографии. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 492 с.
- Конопацкий А. К.** Прошлого великий следопыт. Академик А. П. Окладников: страницы биографии. М.: АИРО-XXI, Новый хронограф, 2009. 549 с.
- Кубарев В. Д.** Арал-Толгой: новый памятник наскального искусства Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1 (29). С. 111–126.
- Кубарев В. Д.** Вспомним Учителя... // Окно в неведомый мир: Сб. ст. к 100-летию со дня рождения академика Алексея Павловича Окладникова. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 46–51.
- Кубарев В. Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э.** Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 640 с.
- Ларичев В. Е.** Сорок лет среди сибирских древностей (материалы к библиографии академика А. П. Окладникова). Аннотированная библиография. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1970. 239 с.
- Ларичев В. Е.** Феноменальная археология // Валерий Трофимович Петрин: Биобиблиография. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 15–22.
- Марочкин А. Г., Конончук К. В.** Археологические комплексы и культурно-хронологическая интерпретация петроглифов нижнетомского очага наскального искусства (историография вопроса) // Вестник Кемеров. гос. ун-та. 2014. Т. 3. № 4 (60). С. 29–34.
- Мартынов Анатолий Иванович.** Заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик РАЕН, доктор ист. наук, профессор Кемеровского государственного университета: Библиография трудов. Кемерово, 2013. 71 с.
- Мартынов А. И.** А. П. Окладников и развитие исторической науки в Кузбассе // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 1. С. 352–353.
- Мартынов А. И.** Академик Окладников – основатель современной археологической науки в Сибири // Окно в неведомый мир: Сб. ст. к 100-летию со дня рождения акад. А. П. Окладникова. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 63–67.
- Матющенко В. И.** Археология Сибири 1960–1990-х гг.: процессы развития: Учеб. пособие. Омск: ОмГУ, 1995. 95 с.
- Матющенко В. И.** 300 лет истории сибирской археологии. Омск: ОмГУ, 2001. Т. 1. 179 с.
- Медведев В. Е.** Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ними представления древних // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 3. С. 56–69.
- Медведев В. Е.** Проблема истоков некоторых скульптурных и наскальных образов в первобытном искусстве юга Дальнего Востока и находки, относящиеся к осиповской культуре на Амуре // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 4 (8). С. 77–94.

- Медведев В. Е.** Искусство эпохи неолита и средних веков на Амуре // Искусство народов Приамурья. XI–III тыс. до н. э., IX–XIII вв., XIX – начало XXI в. Хабаровск: Министерство культуры Хабаровского края; Дальневост. худож. музей, 2012. С. 10–31.
- Медведев В. Е.** Антропоморфные скульптурные изображения в искусстве неолита Приамурья // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы IV Междунар. науч. конф.: В 2 ч. Чита, 2013. Ч. 1. С. 123–130.
- Мельникова О. М.** Научные школы в археологии: Автореф. ... дис. д-ра ист. наук. Ижевск, 2004. 57 с.
- Молодин В. И.** Древнее искусство Западной Сибири (Обь-Иртышская лесостепь). Новосибирск: Наука, 1992. 191 с.
- Молодин В. И.** Еще раз о датировке Турочакских писаниц (Некоторые проблемы изучения и культурной принадлежности петроглифов Южной Сибири) // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: АлтГУ, 1993. С. 4–25.
- Молодин В. И.** Алексей Павлович Окладников – выдающийся исследователь древнего искусства (к 85-летию со дня рождения) // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С. 3–16.
- Молодин В. И.** Академик А. П. Окладников и археология Западной Сибири // Тр. II (XVIII) Всерос. археологического съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008а. Т. 1. С. 27–29.
- Молодин В. И.** Академик А. П. Окладников и его роль в изучении древнего искусства // Окно в неведомый мир: Сб. ст. к 100-летию со дня рождения академика Алексея Павловича Окладникова. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008б. С. 70–76.
- Молодин В. И.** Академик Алексей Павлович Окладников (к 100-летию со дня рождения) // Вестник истории, литературы, искусства. М.: Собрание, 2009а. Т. 6. С. 548–560.
- Молодин В. И.** Академик Окладников и его концепция центрально-азиатского очага происхождения первобытного искусства // «Homo Eurasicus» у врат искусства: Сб. науч. тр. СПб.: Астерион, 2009б. С. 12–21.
- Молодин В. И.** Мазин Анатолий Иванович // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009в. Т. 2: К–Р. С. 312.
- Молодин В. И.** Академик Окладников – страницы творчества (в честь 105-летнего юбилея): Учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 2013. 96 с.
- Молодин В. И.** Очерки истории сибирской археологии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015а. 311 с.
- Молодин В. И.** Профессор Владимир Васильевич Бобров: к 70-летию со дня рождения // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015б. № 3 (43). С. 156–157.
- Молодин В. И.** Наскальные изображения Бии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. 112 с.
- Молодин В. И., Ефремова Н. С.** Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). Новосибирск, 2010. 264 с.
- Молодин В. И., Черемисин Д. В.** Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. Новосибирск: Наука, 1999. 160 с.
- Молодин В. И., Черемисин Д. В.** Петроглифы Укока // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4 (32). С. 91–101.
- Молодин В. И., Черемисин Д. В., Кретан К., Зоткина Л. В., Женест Ж.-М., Мыльников В. П.** Исследование петроглифов на плоскогорье Укок в рамках российско-французской экспедиции в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 22. С. 361–365.
- Мыльников В. П.** Мой А. П. // Наука из первых рук. 2008. № 4 (22). С. 90–101.
- Мыльников В. П.** Мой А. П.: мгновения жизни великого археолога: Научные мемуары. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018. 391 с.

- Мухарева А. Н., Русакова И. Д.** Наследие А. П. Окладникова в фондах музея-заповедника «Томская писаница» // «Номо Eurasicus» у врат искусства: Сб. науч. тр. СПб.: Астерион, 2009. С. 25–29.
- Окладников А. П.** Петроглифы Сибири и Дальнего Востока как источник по этнической истории Северной Азии (методология и некоторые общие выводы) // Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1969. Вып. 1. С. 3–27.
- Окладников А. П.** Неолит Сибири и Дальнего Востока // Каменный век на территории СССР. М.: Наука, 1970. С. 172–193.
- Окладников А. П.** Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 335 с.
- Окладников А. П.** У истоков истории Сибири (археология сегодня) // Изв. СО АН СССР. Серия общественных наук. 1982. Вып. 1, № 1. С. 82–96.
- Окладников А. П., Молодин В. И.** Турочакская писаница (Алтай, долина р. Бия) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 11–21.
- Плотников Ю. А.** Удачи археолога Медведева // Наука в Сибири. 2011. № 44. С. 6.
- Пономарева И. А.** К вопросу о выделении ангарского стиля // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 2 (44). С. 69–80.
- Решетов А. М., Окладникова Е. А.** Этнография в кругу научных интересов А. П. Окладникова // Этнографическое обозрение. 1998. № 4. С. 152–165.
- Советова О. С.** К истории формирования Кемеровской школы специалистов по наскальному искусству // Вестник Кемеров. гос. ун-та. 2014. Т. 2, № 3 (59). С. 45–48.
- Советова О. С., Мартынов А. И., Русакова И. Д.** Из истории возникновения центра по изучению наскального искусства в Кемерове // Наскальное искусство Азии: Тез. докл. Междунар. конф. «Наскальное искусство Азии (изучение, сохранение, использование)». Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. С. 71–73.
- Тугужекова В. Н.** Виталий Епифанович Ларичев (к 85-летию юбилею доктора исторических наук, востоковеда, археолога, астроархеолога) // Материалы V Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященной 85-летию со дня рождения востоковеда, археолога, доктора исторических наук Виталия Епифановича Ларичева (27–28 сентября 2018 г.). Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2018. С. 4–11.
- Фролов Б. А.** А. П. Окладников о творческих началах искусства // Этнографическое обозрение. 1998. № 4. С. 165–171.
- Цэвээндорж Д., Молодин В. И., Черемисин Д. В., Кретэн К., Зоткина Л. В., Натсаг Б., Нестеркина А. Л.** Изучение древнейшего пласта наскальных изображений Монголии в 2017 году: памятники Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. 23. С. 231–234.
- Черемисин Д. В.** А. П. Окладников и изучение первобытного искусства Сибири // Окно в неведомый мир: Сб. ст. к 100-летию со дня рождения академика Алексея Павловича Окладникова. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 101–103.
- Черемисин Д. В., Молодин В. И., Зоткина Л. В., Цэвээндорж Д., Кретэн К.** Новые исследования раннего пласта наскального искусства Монгольского Алтая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 3: Археология и этнография. С. 57–77.
- Шер Я. А.** Владимир Дмитриевич Кубарев // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 3 (31). С. 154–155.
- Шер Я. А.** Первобытное искусство: Учеб. пособие. Кемерово, 2011. 436 с.

References

- Abramova Z. A.** Pamyati uchitelya (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya A. P. Okladnikova) [In Memory of the Teacher: (to the 90th anniversary of the birth of A. P. Okladnikov)]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News], 1999, no. 6, p. 498–502. (in Russ.)
- Alkin S. V., Komissarov S. A.** Vitaliyu Epifanovichu Larichevu 80 let [Vitaliy Epifanovich Larichev is 80]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya»* [News of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology], 2013, no. 1 (2), p. 276–280. (in Russ.)
- Artemieva N. G.** David Lazarevich Brodyanskij (24.10.1936 – 13.04.2017) [David Lazarevich Brodyansky (10.24.1936 – 13.04.2017)]. *Oikumena* [Oikumena], 2017, no. 2, p. 169–172. (in Russ.)
- Bobrov V. V.** Kratkii ocherk nauchnoi, nauchno-organizatsionnoi i pedagogicheskoi deyatel'nosti [Brief essay on scientific, organizational and pedagogical activity]. In: Vyacheslav Ivanovich Molodin. 2nd ed., corr. and add. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2018, p. 10–43. (Materialy k biobibliografii uchenykh: istoriya; vyp. 43). (in Russ.)
- Bobrov V. V.** Mobil'noe iskusstvo Sibiri v perekhodnoe vremya ot epokhi kamnya k paleometallu [The Mobile Art of Siberia in the Transitional Time from the Stone Age to the Paleometal]. In: Iskusstvo bronzovogo veka (Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma, 15–19 aprelya 2013 g., Shtral'zund, Germaniya) [Art of the Bronze Age (Materials of the International Symposium, April 15–19, 2013, Stralsund, Germany)]. Novosibirsk, Berlin, 2015, p. 8–18. (in Russ.)
- Boriskovsky P. I.** Aleksei Pavlovich Okladnikov [Alexey Pavlovich Okladnikov]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology], 1982, no. 3, p. 291–296. (in Russ.)
- Brodyansky D. L.** Drevnee iskusstvo i ego issledovateli (ocherki, stat'i, doklady) [Ancient art and its researchers (essays, articles, reports)]. Vladivostok, 2010, 180 p. (in Russ.)
- Brodyansky D. L.** Drevnee iskusstvo v tvorchestve A. P. Okladnikova [Ancient art in the work of A. P. Okladnikov]. In: Okno v nevedomyi mir [Window to the Unknown World]. Collection of articles on the 100th anniversary of the birth of Academician Alexei Pavlovich Okladnikov. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2008, p. 24–27. (in Russ.)
- Brodyansky D. L.** Ob ushedshikh druž'yakh-arkheologakh i petroglifakh [On the departed friends-archaeologists and petroglyphs]. In: Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii [Traditional Culture of East Asia]. Blagoveshchensk, Amur State Uni. Publ., 2010b, vol. 6, p. 11–13. (in Russ.)
- Cheremisin D. V.** A. P. Okladnikov i izuchenie pervobytnogo iskusstva Sibiri [A. P. Okladnikov and the Study of Primitive Art of Siberia]. In: Okno v nevedomyi mir [Window to the Unknown World]. Collection of articles on the 100th anniversary of the birth of Academician Alexei Pavlovich Okladnikov. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2008, p. 101–103. (in Russ.)
- Cheremisin D. V., Molodin V. I., Zotkina L. V., Tseveendorzh D., Kreten K.** Novye issledovaniya rannego plasta naskal'nogo iskusstva Mongol'skogo Altaya [New Studies of the Early Layer of Rock Art of the Mongolian Altai]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 57–77. (in Russ.)
- Dashibalov B. B.** Nauchnoe nasledie akademika A. P. Okladnikova v izuchenii Kurumchinskikh petroglifov [Scientific heritage of academician A. P. Okladnikov in the study of Kurumchin petroglyphs]. In: «Homo Eurasicus» u vrat iskusstva [Homo Eurasicus at the gates of art]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2009, p. 21–25. (in Russ.)
- Derevyanko A. P.** V poiskakh olenya zolotye roga [In search for deer golden horns]. Blagoveshchensk, Khabarovsk book Publ., 1978, 256 p. (in Russ.)
- Derevyanko A. P., Molodin V. I., Khudyakov Yu. S.** Znachenie nauchnogo naslediya akademika A. P. Okladnikova dlya razvitiya arkheologii Severnoi i Tsentral'noi Azii (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [The Importance of the Scientific Heritage of Academician A. P. Okladnikov for the Development of Archeology of Northern and Central Asia (on the 100th Anniversary of Birth)]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archeology], 2008, no. 4, p. 137–143. (in Russ.)

- Derevyanko E. I., Zakstelsky A. B.** Tropoi dalekikh tysyacheletii. Stranitsy iz zhizni arkhologa i puteshestvennika [The path of distant millennia. Pages from the life of an archaeologist and traveler]. Novosibirsk, Infolio Publ., 2008, 200 p. (in Russ.)
- Derevyanko A. P.** Dushu nomada dal' zvala (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika A. P. Okladnikova) [Dushu nomad dalzvala (on the 100th anniversary of the birth of academician A. P. Okladnikov)]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]*, 2008, vol. 78, no. 9, p. 800–809. (in Russ.)
- Derevyanko A. P.** V poiskakh «Olenya Zoloty Roga» (k 100-letiyu akademika A. P. Okladnikova) [In Search of the “Golden Deer Horn”: (On the 100th anniversary of Academician A. P. Okladnikov)]. *Dostoyanie pokolenii [Inheritance of Generations]*, 2009, no. 2, p. 64–69. (in Russ.)
- Derevyanko A. P., Medvedev V. E.** Akademik A. P. Okladnikov – osnovatel' sibirskoi arkhologicheskoi shkoly [Academician A. P. Okladnikov – Founder of the Siberian Archeological School]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]*, 2007, no. 2, p. 22–26. (in Russ.)
- Derevyanko A. P., Molodin V. I., Shunkov M. V.** Vitalii Egorovich Medvedev [Vitaly Medvedev]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia]*, 2012, no. 2 (50), p. 155–157. (in Russ.)
- Frolov B. A.** A. P. Okladnikov o tvorcheskikh nachalakh iskusstva [A. P. Okladnikov on the Creative Beginnings of Art]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*, 1998, no. 4, p. 165–171. (in Russ.)
- Ismajlova E. R.** Rol' A. P. Okladnikova v stanovlenii i razvitii sibirskoi arkhologii [The role of A. P. Okladnikov in the formation and development of Siberian archeology]. In: *Arkheologiya i etnografiya aziatskoi chasti Rossii (novye materialy, gipotezy, problemy i metody) [Archaeology and ethnography of the Asian part of Russia (new materials, hypotheses, problems and methods)]*. XLIX Materials Regional Archeological and Ethnographic Student Conference. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2009, p. 12–13. (in Russ.)
- K 70-letiyu Davida Lazarevicha Brodyanskogo** [On the 70th anniversary of David Lazarevich Brodyansky]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology, culture]*, 2007, vol. 17, p. 519–520. (in Russ.)
- Kitova L. Yu.** Iz istorii kafedry arkhologii KemGU (k 70-letiyu V. V. Bobrova) [From the history of the Department of Archeology of the KemSU (on the 70th anniversary of V. V. Bobrov)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kemerovo State University]*, 2015, vol. 6, no. 2 (62), p. 7–12. (in Russ.)
- Kitova L. Yu.** Anatolii Ivanovich Martynov – sozdatel' Kemerovskoi arkhologicheskoi shkoly [Anatoly Ivanovich Martynov – the creator of the Kemerovo Archeological School]. In: *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri. K 80-letiyu A. I. Martynova [Archaeology of Southern Siberia. On the 80th anniversary of A. I. Martynov]*. Kemerovo, 2013, vol. 26, p. 23–30. (in Russ.)
- Kitova L. Yu.** Podgotovka arkhologov v Kemerovskom gosudarstvennom universitete [Preparation of archaeologists at Kemerovo State University]. In: *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri. K 40-letiyu kafedry arkhologii KemGU [Archaeology of the Southern Siberia. On the 40th anniversary of the Department of Archeology of KemSU]*. Kemerovo, 2016, vol. 27, p. 24–29. (in Russ.)
- Kitova L. Yu., Ismajlova E. R.** Istoriya formirovaniya Kemerovskoi nauchnoi shkoly issledovatelei drevnego i srednevekovogo iskusstva [The history of the formation of the Kemerovo Scientific School of Researchers of Ancient and Medieval Art]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kemerovo State University]*, 2013, vol. 4, no. 3 (55), p. 24–31. (in Russ.)
- Konopatsky A. K.** Proshlogo velikii sledopyt. Akademik A. P. Okladnikov: stranitsy biografii [The past is a great tracker. Academician A. P. Okladnikov: of the pages biography]. Moscow, AIRO-XXI, Novyi khronograf Publ., 2009, 549 p. (in Russ.)

- Konopatsky A. K.** Proshlogo velikii sledopyt: akademik A. P. Okladnikov. Stranitsy biografii [The past is a great tracker: Academician A. P. Okladnikov. The pages of biography]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 2001, 492 p. (in Russ.)
- Kovtun I. V.** Izobrazitel'nye traditsii epokhi bronzy Tsentral'noi i Severo-Zapadnoi Azii: Problemy genezisa i khronologii ikonograficheskikh kompleksov severo-zapadnogo Sayano-Altaya [Pictorial traditions of the Bronze Age of Central and North-Western Asia: Problems of the genesis and chronology of the iconographic complexes of the north-west Sayano-Altai]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2001, 184 p. (in Russ.)
- Kovyreshina Yu. N.** Tselevye ustanovki akademika A. P. Okladnikova v publikatsiyakh po naskal'nym izobrazheniyam Sibiri [Target attitudes of academician A. P. Okladnikov in publications on rock paintings of Siberia]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 46–56. (in Russ.)
- Kubarev V. D.** Aral-Tolgoi: novyi pamyatnik naskal'nogo iskusstva Mongolii [Aral-Tolgoi: new monument the rock art in Mongolia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2007, no. 1 (29), p. 111–126. (in Russ.)
- Kubarev V. D.** Vspomnim Uchitelya... [Let us remember the Teacher...]. In: Okno v nevedomyi mir [Window to the Unknown World]. Collection of articles on the 100th anniversary of the birth of Academician Alexei Pavlovich Okladnikov. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2008, p. 46–51. (in Russ.)
- Kubarev V. D., Ceveendorzh D., Yakobson E.** Petroglify Cagaan-Salaa i Baga-Oigura (Mongol'skii Altai) [The petroglyphs Cagaan-Salaa and Baga-Oigura (the Mongolian Altai)]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2005, 640 p. (in Russ.)
- Larichev V. E.** Fenomenal'naya arkheologiya [The phenomenal Archeology]. In: Valery Trofimovich Petrin. Bibliography. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2003, p. 15–22. (in Russ.)
- Larichev V. E.** Sorok let sredi sibirskikh drevnostei (materialy k bibliografii akademika A. P. Okladnikova). Annotirovannaya bibliografiya [Forty years among Siberian antiquities (materials for the bibliography of academician A. P. Okladnikov). Annotated bibliography]. Novosibirsk, Zap.-Sib. knizhnoe izd-vo Publ., 1970, 239 p. (in Russ.)
- Marochkin A. G., Kononchuk K. V.** Arkheologicheskie komplekсы i kul'turno-khronologicheskaya interpretatsiya petroglifov nizhnetomskogo ochaga naskal'nogo iskusstva (istoriografiya voprosa) [Archaeological complexes and cultural – chronological interpretation of the petroglyphs of the Nizhny Yetsk center of rock art (question historiography)]. *Bulletin of the Kemerovo State University*, 2014, vol. 3, no. 4 (60), p. 29–34. (in Russ.)
- Martynov A. I.** A. P. Okladnikov i razvitie istoricheskoi nauki v Kuzbasse [A. P. Okladnikov and the development of historical science in Kuzbass]. In: Sibir' v panorame tysyacheletii (Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma) [Siberia in the millennium panorama (Materials of the international symposium)]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 1998, vol. 1, p. 352–353. (in Russ.)
- Martynov A. I.** Akademik Okladnikov – osnovatel' sovremennoi arkheologicheskoi nauki v Sibiri [Akademik Okladnikov – the founder of modern archaeological science in Siberia]. In: Okno v nevedomyi mir [Window to the Unknown World]. Collection of articles on the 100th anniversary of the birth of Academician Alexei Pavlovich Okladnikov. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2008, p. 63–67. (in Russ.)
- Martynov Anatolii Ivanovich.** Zasluzhennyi deyatel' nauki Rossiiskoi Federatsii, akademik RAEN, doktor istor. nauk, professor Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Martynov Anatoly Ivanovich. Honored Scientist of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of History. Sciences, Professor of Kemerovo State University]. Bibliography of the works. Kemerovo, 2013, 71 p. (in Russ.)
- Matyushchenko V. I.** 300 let istorii sibirskoi arkheologii [The 300 years of the Siberian archaeology]. Omsk, Omsk State Uni. Publ., 2001, vol. 1, 179 p. (in Russ.)
- Matyushchenko V. I.** Arkheologiya Sibiri 1960–1990-kh gg.: protsessy razvitiya [Archaeology of Siberia 1960–1990: Development Processes]. Manual. Omsk, OmSU Publ., 1995, 95 p. (in Russ.)

- Medvedev V. E.** Antropomorfnye skul'pturnye izobrazheniya v iskusstve neolita Priamur'ya [Anthropomorphic sculptural images in the art of the Neolithic Amur region]. In: Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri [Ancient cultures of the Mongolia and Baikal Siberia]. Materials of the IV Intern. Scientific Conference. In 2 vols. Chita, 2013, vol. 1, p. 123–130. (in Russ.)
- Medvedev V. E.** Iskustvo epokhi neolita i srednikh vekov na Amure [Art of the Neolithic and Middle Ages on the Amur]. Iskustvo narodov Priamur'ya. XI–III tys. do n. e., IX–XIII vv., XIX – nachalo XXI v. [Art of the People of Amur. 11th – 3rd millennium BC, 9th – 13th Centuries, 19th – beginning of the 21st Century]. Khabarovsk, Ministerstvo kul'tury Khabarovskogo kraia, Dal'nevostochn. khudozhestv. muzei Publ., 2012, p. 10–31. (in Russ.)
- Medvedev V. E.** Novye syuzhety v iskusstve nizhnemurskogo neolita i svyazannye s nimi predstavleniya drevnikh [New plots in the art of the Lower Amur Neolithic and related representations of the ancients]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia], 2000, no. 3, p. 56–69. (in Russ.)
- Medvedev V. E.** Problema istokov nekotorykh skul'pturnykh i naskal'nykh obrazov v pervobytnom iskusstve yuga Dal'nego Vostoka i nakhodki, otnosyashchiesya k osipovskoi kul'ture na Amure [The problem of the origins of some sculptural and rock images in the primitive art of the southern Far East and finds related to Osipovskoy culture on the Amur]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia], 2001, no. 4 (8), p. 77–94. (in Russ.)
- Melnikova O. M.** Nauchnye shkoly v arkheologii [Scientific schools in archaeology]. Doct. Hist. Sci. Syn. Diss. Izhevsk, 2004, 57 p. (in Russ.)
- Molodin V. I.** Akademik A. P. Okladnikov i arkheologiya Zapadnoi Sibiri [Academician A. P. Okladnikov and archeology of the Western Siberia]. In: Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Suzdale [Works of II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal]. Moscow, IA RAS Publ., 2008, vol. 1, p. 27–29. (in Russ.)
- Molodin V. I.** Akademik A. P. Okladnikov i ego rol' v izuchenii drevnego iskusstva [Academician A. P. Okladnikov and his role in the study of ancient art]. In: Okno v nevedomyi mir [Window to the Unknown World]. Collection of articles on the 100th anniversary of the birth of Academician Alexei Pavlovich Okladnikov. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2008, p. 70–76. (in Russ.)
- Molodin V. I.** Akademik Aleksei Pavlovich Okladnikov (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [Academician Aleksey Pavlovich Okladnikov (on the 100th anniversary of his birth)]. In: Vestnik istorii, literatury, iskusstva [Bulletin of the History Bulletin, Literature, Art]. Moscow, Sobranie Publ., 2009, vol. 6, p. 548–560. (in Russ.)
- Molodin V. I.** Aleksei Pavlovich Okladnikov – vydayushchiisya issledovatel' drevnego iskusstva (k 85-letiyu so dnya rozhdeniya) [Alexey Pavlovich Okladnikov – an outstanding researcher of ancient art (on the 85th anniversary of his birth)]. In: Istochniki po istorii Respubliki Altai [Sources on the history of the Republic of Altai]. Gorno-Altaysk, 1997, p. 3–16. (in Russ.)
- Molodin V. I.** Drevnee iskusstvo Zapadnoi Sibiri (Ob'-Irtyshskaya lesostep') [The ancient art of Western Siberia (Ob – Irtysh forest-steppe)]. Novosibirsk, Nauka, 1992, 191 p. (in Russ.)
- Molodin V. I.** Eshche raz o datirovke Turochakskikh pisanits (Nekotorye problemy izucheniya i kul'turnoi prinaldzhnosti petroglifov Yuzhnoi Sibiri) [Once again about the dating of Turochaksky pisanits (Some problems of the study and cultural affiliation of petroglyphs of Southern Siberia)]. In: Kul'tura drevnikh narodov Yuzhnoi Sibiri [Culture of the Ancients of Southern Siberia]. Barnaul, Altay State Uni. Publ., 1993, p. 4–25. (in Russ.)
- Molodin V. I.** Mazin Anatoliy Ivanovich [Mazin Anatoly Ivanovich]. In: Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri [Historical encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk, 2009, vol. 2: K–R, p. 312. (in Russ.)
- Molodin V. I.** Naskal'nye izobrazheniya Bii [The rock paintings Bija]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2016, 112 p. (in Russ.)

- Molodin V. I.** Ocherki istorii sibirskoi arkheologii [Essays on the history of Siberian archaeology]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2015, 311 p. (in Russ.)
- Molodin V. I.** Professor Vladimir Vasil'evich Bobrov: k 70-letiyu so dnya rozhdeniya [Professor Vladimir Vasilievich Bobrov: to the 70th anniversary of his birth]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia], 2015, no. 3 (43), p. 156–157. (in Russ.)
- Molodin V. I., Cheremisin D. V.** Drevneishie naskal'nye izobrazheniya ploskogor'ya Ukok [The oldest rock paintings of the Ukok Plateau]. Novosibirsk, Nauka, 1999, 160 p. (in Russ.)
- Molodin V. I., Cheremisin D. V.** Petroglify Ukoka [Petroglyphs of the Ukok]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia], 2007, no. 4 (32), p. 91–101. (in Russ.)
- Molodin V. I., Cheremisin D. V., Kretan K., Zotkina L. V., Zhenest Zh.-M., Mylnikov V. P.** Issledovanie petroglifov na ploskogor'e Ukok v ramkakh rossiisko-frantsuzskoi ekspeditsii v 2016 godu [Investigation of petroglyphs on the Ukok plateau as part of the Russian-French expedition in 2016]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of archeology, ethnography, anthropology of the Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2016, vol. 22, p. 361–365. (in Russ.)
- Molodin V. I., Efremova N. S.** Grot Kuilyu – kul'tovyi kompleks na reke Kucherle (Gornyi Altai) [The Grotte Kuilyu is a cult complex on the Kucherle River (Mountain Altai)]. Novosibirsk, 2010, 264 p. (in Russ.)
- Molodin V. I.** Akademik Okladnikov – stranitsy tvorchestva (v chest' 105-letnego yubileya) [Academician Okladnikov – pages of creativity (in honor of the 105th anniversary)]. Study guide. Novosibirsk, NSU Publ., 2013, 96 p. (in Russ.)
- Molodin V. I.** Akademik Okladnikov i ego kontseptsiya tsentral'no-aziatskogo ochaga proiskhozhdeniya pervobytnogo iskusstva [Academician A.P. Okladnikov and his concept of the Central Asian center of the origin of primitive art]. In: «Homo Eurasicus» u vrat iskusstva [“Homo Eurasicus” at the gates of art]. Collection of scientific works. St. Petersburg, Asterion Publ., 2009, p. 12–21. (in Russ.)
- Mukhareva A. N., Rusakova I. D.** Nasledie A. P. Okladnikova v fondakh muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanitsa» [The heritage of A. P. Okladnikov in the funds of the museum-reserve “Tomskaya pisanitsa”]. In: «Homo Eurasicus» u vrat iskusstva [“Homo Eurasicus” at the gates of art]. Collection of scientific works. St. Petersburg, Asterion Publ., 2009, p. 25–29. (in Russ.)
- Mylnikov V. P.** Moi A. P. [My A. P.]. *Nauka iz pervykh ruk* [Science of the first-hand], 2008, no. 4 (22), p. 90–101. (in Russ.)
- Mylnikov V. P.** Moi A. P.: mgnoveniya zhizni velikogo arkheologa [My A. P.: Moments of the life of a great archeologist]. Scientific memoirs. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2018, 391 p. (in Russ.)
- Okladnikov A. P.** Neolit Sibiri i Dal'nego Vostoka [Neolithic of the Siberia and the Far East]. In: Kamennyi vek na territorii SSSR [Stone Age in the USSR]. Moscow, Nauka, 1970, p. 172–193. (in Russ.)
- Okladnikov A. P.** Petroglify Sibiri i Dal'nego Vostoka kak istochnik po etnicheskoi istorii Severnoi Azii (metodologiya i nekotorye obshchie vyvody) [Petroglyphs of Siberia and the Far East as a source on the ethnic history of Northern Asia (methodology and some general conclusions)]. In: Materialy konferentsii «Etnogenez narodov Severnoi Azii» [Proceedings of the Conference “Ethnogenesis of the Peoples of Northern Asia”]. Novosibirsk, Institute of History, Philology and Philosophy SB AS USSR Publ., 1969, vol. 1, p. 3–27. (in Russ.)
- Okladnikov A. P.** U istokov istorii Sibiri (arkheologiya segodnya) [At the source of the history of Siberia (archeology today)]. *Izvestiya SO AN SSSR, seriya obshchestvennykh nauk* [News of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR. Series of social sciences], 1982, vol. 1, no. 1, p. 82–96. (in Russ.)

- Okladnikov A. P.** Petroglify Nizhnego Amura [Petroglyphs of the Lower Amur]. Leningrad, Nauka, 1971, 335 p. (in Russ.)
- Okladnikov A. P., Molodin V. I.** Turochakskaya pisanitsa (Altai, dolina r. Biya) [The Turochakskaya pisanitsa (Altai, valley of the Biya River)]. In: *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoi Sibiri* [Ancient cultures of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1978, p. 11–21. (in Russ.)
- Plotnikov Yu. A.** Udachi arkheologa Medvedeva [Luck of the Archaeologist: Medvedev]. *Nauka v Sibiri* [Science in Siberia], 2011, no. 44, p. 6. (in Russ.)
- Ponomareva I. A.** K voprosu o vydelenii angarskogo stilya [On Identifying the Angarsk Style]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Eurasia], 2016, vol. 2 (44), p. 69–80. (in Russ.)
- Reshetov A. M., Okladnikova E. A.** Etnografiya v krugu nauchnykh interesov A. P. Okladnikova [Place of Ethnography in the Circle of Scientific Interests of A. P. Okladnikov]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1998, no. 4, p. 152–165. (in Russ.)
- Sher Ya. A.** Pervobytnoe iskusstvo [Primitive Art]. Study Guide. Kemerovo, 2011, 436 p. (in Russ.)
- Sher Ya. A.** Vladimir Dmitrievich Kubarev [Vladimir Dmitrievich Kubarev]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2007, no. 3 (31), p. 154–155. (in Russ.)
- Sovetova O. S.** K istorii formirovaniya Kemerovskoi shkoly spetsialistov po naskal'nomu iskusstvu [On the History of the Kemerovo school of specialists in rock art]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University], 2014, vol. 2, no. 3 (59), p. 45–48. (in Russ.)
- Sovetova O. S., Martynov A. I., Rusakova I. D.** Iz istorii vozniknoveniya tsentra po izucheniyu naskal'nogo iskusstva v Kemerove [On the History of the Center for the Study of Rock Art in Kemerovo]. In: *Naskal'noe iskusstvo Azii: Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi konferentsii «Naskal'noe iskusstvo Azii» (izuchenie, sokhranenie, ispol'zovanie)* [The Rock Art of Asia: Abstracts of the International Conference “The Rock Art of Asia” (study, preservation, use)]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1995, p. 71–73. (in Russ.)
- Tseveendorzh D., Molodin V. I., Cheremisin D. V., Kreten K., Zotkina L. V., Natsag B., Nesterkina A. L.** Izuchenie drevneishego plasta naskal'nykh izobrazhenii Mongolii v 2017 godu: pamyatniki Tsagaan-Salaa i Baga-Oigur [Study of the Most Ancient Rock Formation of Mongolia in 2017: Monuments of Tsagaan-Sala and Baga-Oygur]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Issues on Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2017, vol. 23, p. 231–234. (in Russ.)
- Tuguzhekova V. N.** Vitalii Epifanovich Larichev (k 85-letnemu yubileyu doktora istoricheskikh nauk, vostokoveda, arkheologa, astroarkheologa) [Vitaliy Epifanovich Larichev (on the 85th anniversary of the doctor of historical sciences, orientalist, archaeologist, astroarchaeologist)]. In: *Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Narody i kul'tury Sayano-Altaya i sopredel'nykh territorii», posvyashchennoi 85-letiyu so dnya rozhdeniya vostokoveda, arkheologa, doktora istoricheskikh nauk Vitaliya Epifanovicha Laricheva (27–28 sentyabrya 2018 g.)* [Proceedings of the V International Scientific Conference “Peoples and Cultures of Sayano-Altai and Adjacent Territories” dedicated to the 85th anniversary of the birth of Orientalist, archeologist, doctor of history Vitaliy Epifanovich Larichev (September 27–28, 2018)]. Abakan, Khakas book Publ., 2018, p. 4–11. (in Russ.)
- Valery Trofimovich Petrin.** *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2004, no. 1 (17), p. 153–154. (in Russ.)
- Valery Trofimovich Petrin.** Bibliograph. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2003, 120 p. (in Russ.)
- Vasiliev S. A., Shumkin V. Ya.** Otdel paleolita [Department of Paleolithic]. In: *Akademicheskaya arkheologiya na beregakh Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014 gg.)* [Academic

- archeology on the banks of the Neva River (from RAIMK to IIMK RAS, 1919–2014)]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2013, p. 53–83. (in Russ.)
- Vasiliev S. A., Grigorieva G. V.** Pamyati Zoi Aleksandrovny Abramovoi (19.03.1925 – 31.10.2013) [In memory of Zoya Alexandrovna Abramova (03/19/1925 – 10/31/2013)]. *Stratum plus*, 2015, no. 1, p. 17–21. (in Russ.)
- Vasilievsky R. S.** Kratkii ocherk nauchnoi, pedagogicheskoi i nauchno-organizatsionnoi deyatel'nosti A. P. Okladnikova [A brief essay on the scientific, pedagogical, scientific and organizational activity of A. P. Okladnikov]. In: Aleksei Pavlovich Okladnikov [Alexey Pavlovich Okladnikov]. Materials for the bio-bibliography of USSR scientists. Moscow, Nauka, 1981, p. 9–34. (in Russ.)
- Vasilievsky R. S.** Kratkii ocherk nauchnoi, pedagogicheskoi i nauchno-organizatsionnoi deyatel'nosti A. P. Okladnikova [A brief essay on the scientific, pedagogical, and scientific-organizational activity of A. P. Okladnikov]. In: Arkheologiya Severnoi, Tsentral'noi i Vostochnoi Azii [Archaeology of Northern, Central and Eastern Asia]. Novosibirsk, Nauka, 2003, p. 6–22. (in Russ.)
- Vitalii Egorovich Medvedev – stareishii vypusknik-arkheolog Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta [Vitaly Yegorovich Medvedev – the oldest graduate-archeologist of Novosibirsk State University]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 318–319. (in Russ.)
- Vseviy L. M.** Spisok opublikovannykh rabot Z. A. Abramovoi [List of published works of the Z. A. Abramova]. In: Zoya Alexandrovna Abramova. Bibliography. St. Petersburg, 2005, p. 26–47. (in Russ.)
- Vyacheslav Ivanovich Molodin. 2nd ed., rev. and add. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2018, 307 p. (Materialy k biobibliografii uchenykh: istoriya; vyp. 43) (in Russ.)
- Zabiyako A. P.** Predislovie. Anatolii Ivanovich Mazin – chelovek taigi i nauki [Preface. Anatoly Ivanovich Mazin – a man of taiga and science]. In: Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii [Traditional Culture of the Eastern Asia]. Blagoveshchensk, Amur State Uni. Publ., 2010, vol. 6, p. 3–4. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
16.05.2019

Сведения об авторе

Ненахова Юлия Николаевна, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
nenaxoffsurgut@mail.ru
ORCID 0000-0003-3209-8180

Information about the Author

Yuliya N. Nenakhova, Junior Researcher of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
nenaxoffsurgut@mail.ru
ORCID 0000-0003-3209-8180

УДК 902
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-42-56

Проблема соотношения археологического «городища» и исторического «городка»: историография вопроса (на примере городища Усть-Войкарское – Войкарского городка)

Ю. Н. Гаркуша

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматривается проблема верификации источников, использованных для обоснования тождества археологического памятника Усть-Войкарское городище (Шурышкарский район ЯНАО) и исторического Войкарского городка. Бытующее у краеведов мнение об их расположении основано на скудных и противоречивых данных начала XVII – конца XIX в. Одна из главных проблем – не всегда достоверные сведения о местоположении этих «объектов древности», изложенные в краеведческой литературе XIX в., где географическим ориентиром для их привязки служило селение Войкарские юрты. В современной историографии не учитывалось наличие у коренных жителей Нижнего Приобья нескольких селений с одинаковым названием. Соответственно, известные материалы не могут являться достаточно убедительными для установления тождества между названными археологическим и историческим объектами, а также не позволяют подтвердить, что они связаны с местностью, где в начале XXI в. были проведены археологические раскопки.

Ключевые слова

Усть-Войкарское городище, Войкарский городок, Войкарские юрты, археологические раскопки

Для цитирования

Гаркуша Ю. Н. Проблема соотношения археологического «городища» и исторического «городка»: историография вопроса (на примере городища Усть-Войкарское – Войкарского городка) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография. С. 42–56. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-42-56

On Correlation of an Archaeological Site and a Historical Settlement: Historical Approach (Through the Example of Ust-Voikarskoe Site and Voikarsky Gorodok)

Yu. N. Garkusha

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. Ust-Voikarskoe site is situated in the Lower Ob Region (Shuryshkarsky district of the Yamal-Nenets Autonomous District, Russia). It represents autochthonous late Middle-Age culture of the north of Western Siberia. The article discusses verification of the sources used for analysis that would confirm possible identity of the archeological site Ust-Voikarskoe and a historical settlement of the Middle-Age, Voikarsky Gorodok.

Results. Firstly, researches noted that the archaeological site had been known in the written sources as Ostyak (Khanty) Voikarsky Gorodok since at least the beginning of the 17th century, including Russian fiscal documents. Siberian local historians of the 2nd half of the 19th century mentioned some “ancient hills” located near the village of Voikarskie Yurty. At the same time, there is a group of other sources which have not been analyzed yet. A complex

© Ю. Н. Гаркуша, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography

review of all the sources that we conducted tells us an intricate story with more questions than answers. Where exactly were “ancient hills” near the village of Voikarskie Yurty located? What did they look like? We discovered that the Khanty had a few settlements named Voikarskie Yurty. So, the question remains, which Voikarskie Yurty was located near the settlement identified by historians as Voikarsky Gorodok?

Conclusion. Known historical materials cannot indisputably prove the identity of the archeological Ust-Voikarskoe site and the historical Middle-Age settlement of Voikarsky Gorodok. They also cannot be the ground to say that these places are connected with the territory that was explored by archaeologists at the beginning of the 21st century.

Keywords

Ust-Voikarskoe site, Voikarsky Gorodok, Voikarskie Yurty, archaeological excavation

For citation

Garkusha Yu. N. On Correlation of an Archaeological Site and a Historical Settlement: Historical Approach (Through the Example of Ust-Voikarskoe Site and Voikarsky Gorodok). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 42–56. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-42-56

Введение

Отождествление археологического «городища», обнаруженного вблизи современной дер. Усть-Войкары (Шурышкарский р-он ЯНАО), и исторического «Войкарского городка» было предпринято еще до начала полевых работ на памятнике. Объект входил в круг аборигенных средневековых «городков», выполнявших функции различных по своему назначению локальных центров для коренного населения севера Западной Сибири (см., например: [Шашков, 2002; Первалова, 2004. С. 214; Перцев, 2017]).

Подтверждение поселенческого статуса масштабного археологического объекта, полученное уже в первом сезоне раскопок, и наличие сведений, пусть и скудных, но свидетельствующих в пользу присутствия в Средневековье в окрестностях р. Войкар (левобережного притока Оби) значимого населенного пункта, укрепило мнение первых исследователей «городища» о правомерности такой исторической интерпретации. Тем самым археологическому объекту сразу была придана, по меткому замечанию А. Т. Шашкова, «историческая статусность» [2002. С. 240].

Признание научным сообществом предложенной трактовки (см., например: [Брусницына, 2000. С. 38; Перцев, 2017. С. 106]) отодвинуло необходимость критического осмысления имеющейся информации об истории и местоположении исторического «городка». Цель публикации – обзор историографических источников, в определенной мере позволяющих восполнить этот пробел.

Результаты исследований и обсуждение

Наиболее ранними из известных источников, где упоминается, по мнению исследователей, Войкарский городок, являются сведения Г. Ф. Миллера, приведенные в связи с ранней историей г. Березова. Историк сообщал о походе «из Березова в низовья реки Оби против остяцкого городка Вой-карра, откуда привели в город несколько пленных. Это место расположено на левом берегу Оби, в 18 верстах ниже Асс-пугля, и до сих пор еще населено остяками. Туда приходят иногда самоеды со своими чумами, чтобы пожить некоторое время в этой местности. Остяки были уже вполне покорены, а самоеды только недавно обложены ясаком»¹ [Миллер, 1999. С. 280]. Необходимость проведения военной операции против удаленного городка была вызвана, по мнению Г. Ф. Миллера, проявлением коренными жителями недовольства проводимой фискальной политикой. Свою версию событий он привел в первом русскоязычном «Описании Сибирского царства» (из поздней редакции его размышления на эту тему были исключены. – Ю. Г.): «Разве тамошние остяки еще не все в дань положены были; или от новаго города более строгости почувствовали, нежели от прежняго Березовскаго острога, что они тем к непокорству подвинулись; или сей поход больше касал-

¹ Речь идет о событиях 1594 г. [Первалова, 2004. С. 39].

ся против самой себя, из которых тогда первые в ящик положены, когда остяцкой крайней городок Обдорской утвержден под Российскою державою» [Миллер, 1750. С. 258].

Представление исследователем альтернативных суждений о причинах этого события позволяет предположить, что они, скорее, основывались на сложившихся у него взглядах об особенностях этого периода истории на севере Западной Сибири, чем имели под собой документальную основу. Сведения о пленниках почерпнуты Миллером из грамоты 1601 г., где рассматривалась тяжба между остяком Степаном Пуртеевым и остяцким князем Шатровым Лугуевым. Инцидент относится к 1595 г. и связан с побегом от Пуртеева к князю трех жен, одна из которых куплена из «Воикарсково полону» [Миллер, 1999. С. 387].

Относительную хронологическую близость к сообщениям Г. Ф. Миллера имеют сведения, изложенные в «Книге Большому Чертежу» (далее – КБЧ), составленной в 1627 г. на основе целого ряда картографических источников XVI в. В разделе «Река Обь великая» указаны «от устья вверх Обдорские городы», среди которых упоминается топоним с интересующим нас формантом: «А от Носового 70 верст, с правой стороны Оби, город Ирка. А от Ирка вверх 40 верст Воикар или Ноцкой. А выше Воикара Уркай или Белои» [КБЧ, 1950. С. 168].

Существенные сведения представлены на чертежах С. У. Ремезова, аккумулирующих данные по географии, истории, этнографии Сибири на конец XVII – начало XVIII в. Здесь отмечены долина р. Войкар и указан ряд топонимов, содержащих соответствующий формант. Однако ойконим «Войкарский городок» присутствует только на одном чертеже «Хорографической чертежной книги» (далее – ХЧК) – наиболее полном из составленных им атласов, работа над которым велась в 1697–1711 гг.

В ХЧК долина р. Войкар присутствует в разделе, посвященном описанию речных систем Сибири, и в разделе, где представлены копии чертежей, выполненных по царскому указу в разные годы. В первом разделе на л. 117 (глава 28 «Обь») отмечена р. Войкар, левобережный приток Оби. В среднем и нижнем течении притока, по обоим берегам, обозначены три населенных места; два из них не имеют названий. Одно из мест на левобережье Войкара, в нижнем течении, имеет не поддающуюся интерпретации надпись, приведенную в комментариях к атласу, как «в. Вошкорска». В нижнем течении притока, но на правом берегу, показан «Войкарский городок» [ХЧК, 2011. Кн. 1. С. 117; Кн. 2. С. 129].

Далее долина р. Войкар («Р. Воикарская») представлена на л. 167 «Чертежь грани Березова города с уездами до моря». Обращают на себя внимание значительные отличия второго чертежа от первого в части, относящейся к притоку Оби. Так, на л. 167 между устьем Войкара и Обью показано оз. Войкарский Сор. В среднем и верхнем течении Войкара обозначены два левобережных притока. Исчез ойконим «Войкарский городок», на участке, соответствующем северному побережью озера, появились «Воикарские юрты». Обозначение нового населенного пункта (н. п.) сопровождалось надписью: «Воикарские (ю.) <юрты> до г(орода) <Березова> вод(ным), з(имним) 8 дней х(оду)». В верховьях реки обозначены «самоецки чюмы»; вместе с тем населенных мест указано меньше [ХЧК, 2011. Кн. 1. Л. 167; 2011. Кн. 2. С. 190].

Ситуация в долине Войкара, зафиксированная на л. 167, практически без изменений нанесена на «Чертеж земли Березовского города» из «Чертежной книги Сибири» (далее – ЧКС) 1701 г. Новшеством стало появление на карте н. п. «Воикарковы юрты» («На острову до Обдорского городка 2 дня»), расположенного на одном из островов в устье Оби [ЧКС, 2003. Т. 1. Л. 8; Т. 2. С. 76].

Долина р. Войкар нанесена также на «Чертеж всех Сибирских городов и рек и земель». Отображенная ситуация отличается отсутствием населенных пунктов, большим количеством притоков и иным их расположением; Сор не изображен. Иначе показана и этническая ситуация: вся долина Войкара обозначена как место проживания остяков [ЧКС, 2003. Т. 1. Л. 21].

В последнем из серии атласов, связанных с деятельностью С. У. Ремезова, – «Служебной чертежной книге» (далее – СЧК), особенности нанесения на чертеж долины Войкара, представленной на «Чертеже земли Березова города», соответствуют тому, что изображено на л. 8 ЧКС и л. 167 ХКС [СЧК, 2006. Л. 55].

Важным источником по исторической топонимии края является географическое исследование Г. Ф. Миллера «Описание низовьев реки Оби и впадающих в Обь рек от места ее разделения на Большую Обь и Малую Обь (о которой упомянуто в описании путешествия в Березов) вниз по течению. Из устных известий. 1740 г.», в котором, наряду с описанием гидрографической сети Нижнего Приобья, фигурирует и список населенных мест, известных к началу второй трети XVIII в. и приуроченных к долинам упоминаемых рек. Среди таковых вновь фигурирует н. п. «Войкарра», расположенный на левобережье Малой Оби: «Войкарра, или Войкарский городок, по-остяцки Ai-wasch, по-самоедски Jóta-garden, на левом берегу, в 2–3 верстах ниже устья предыдущей названной по нему реки. Раньше был остяцкой крепостью и сейчас еще здесь живет много остяков, которые относятся частью к Куновацкой и частью к Обдорской волости»² [Сибирь XVIII века..., 1996. С. 256].

Важными источниками по ойконимии севера Западной Сибири XVII–XIX вв. являются статистические документы, содержащие сведения о составе коренного населения, в которых приводятся списки населенных мест в соответствии с принятым административно-территориальным делением: ясачные книги и материалы переписей.

Согласно ясачным книгам, Войкарский городок, наряду с Обдорском и Юильским, значился местом, где на протяжении XVII в. платили ясак обдорские, иногда пустозерские самоеды. В таком качестве городок упоминался и, например, в 1712 г. [Долгих, 1960. С. 68, 72].

По мнению С. В. Бахрушина, ясачные книги свидетельствуют, что Войкарский городок Обдорской волости являлся местом ярмарки, куда «по первому зимнему пути березовская и пустозерская самоедь к ясачным осяткам приезжают»; это позволило ему считать городок обладающим в XVII в. «довольно крупным значением» [Бахрушин, 1935. С. 13, 62].

По материалам 4-й ревизии (1782 г.) В. Г. Бабаковым установлено, что городок, числившийся в составе Обдорской волости Березовского уезда, входил в ограниченное число населенных пунктов волости, к которым были приписаны, преимущественно, крещенные ханты [Бабаков, 1976. С. 102]. По данным той же ревизии остяки Обдорской волости были причислены к 12 городкам, среди которых значился и Войкарский; он же фигурирует в материалах 5-й (1795 г.) и 7-й (1816 г.) ревизий. Но, по данным 10-й ревизии (1858 г.), «городки», за исключением Обдорского и Надымского, были записаны уже как «юрты» [Перевалова, 2004. С. 171, 330; Мартынова, 1998. С. 83].

Привлекая материалы по Куноватской волости середины – конца XVII в., следует опираться на работу Б. О. Долгих о родоплеменном составе народов Сибири, где Войкарский городок упомянут в составе данной волости [Перевалова, 2004. С. 173]. Однако Б. О. Долгих, изучая данные по Березовскому уезду, в цитируемой работе не указывал волостную принадлежность городка. В конце XVIII в. в Куноватской волости зафиксировано 10 городков, но Войкарский среди них не значился. В начале второй половины XIX в. (по данным 9-й ревизии) в составе волости появились Войкарские юрты, которые были выделены, наряду с Нянинскими, из Кееватского городка [Там же. С. 173, 337].

² Согласно схеме описания населенных пунктов, расположенных в долине Малой Оби, которой придерживался Г. Ф. Миллер, речь должна идти о левом берегу именно Оби, а не Войкара. В качестве примера укажем описание местоположения населенных пунктов по правобережью Малой Оби: «Киевацкие юрты, по-остяцки Kiewat-kurt, на правой стороне, на острове... Ass-pugl, на правой стороне, на острове, в 20 верстах от Киевацких юрт...» [Сибирь XVIII века..., 1996. С. 256]. Отсутствует также ясность в том, что именно принималось за устье – переход притока в оз. Войкарский сор или устье самого сора. Таким образом, несмотря на относительную точность приведенной Г. Ф. Миллером локализации Войкарского городка, мы не можем уверенно судить, было ли ошибочным помещение С. У. Ремезовым «городка» на правобережье Войкара.

Таким образом, данные переписей, согласно сведениям, приведенным Е. В. Переваловой, показывают существование и в определенные периоды сосуществование на севере Нижнего Приобья нескольких ойконимов с интересующим нас формантом.

Исследователь предложила следующим образом разграничить места расположения упоминаемых населенных пунктов, в название которых включено слово «войкарские»: «Юрты Войкарские Куноватской волости располагались по р. Малая Обь, Войкарский городок Обдорской волости – в устье р. Войкар» [Перевалова, 2004. С. 173]. Однако эти рекомендации не в полной мере соответствуют приведенным ею же сведениям.

Вероятно, со второй половины XIX в. начал формироваться интерес к «городкам» как объектам древности, связанным с историей коренного населения севера Западной Сибири. Известный краевед Н. А. Абрамов привел перечень «древних остяцких городков», расположенных на территории Березовского округа, но без каких-либо комментариев. В числе 12 «городков» Обдорской волости назван и Войкарский, расположенный в 198 верстах от окружного центра [Абрамов, 1857. С. 388].

По всей видимости, первым известием о «древностях» в окрестностях Войкарских юрт, дающим некоторое представление об их состоянии и местоположении, можно считать упоминание известного тобольского краеведа К. М. Голодникова. В подготовленную им сводку объектов археологии Тобольской губернии были включены и весьма скудные данные по Березовскому округу. Он отмечал, что «в Куноватской волости находятся два бугра или кургана; первый Войкарский, имеющий окружность в 90 сажень и высоту в 5 сажень ³ с грунтом полупесчаным. Бугор этот находится по течению р. Малой Оби, на левой стороне ее, подле Сора Няпчи-Лор ⁴, у самых Войкарских зимних юрт, на большой трактовой дороге, в расстоянии от с. Мужа около 30 верст: на бугре этом ям и камней нет; шурфов также не видно. Второй – Шурумкарский...» [Голодников, 1879. С. 16].

Эти данные были воспроизведены в разделе «Остатки древних городов и городищ в Березовском округе» справочного издания «Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год», одним из основных составителей которого являлся К. М. Голодников. Здесь можно найти подтверждение тому, что правомерно связывать с его именем авторство первых сведений об объектах «старины» в окрестностях упомянутых юрт. В начале раздела сказано, что представляются «совершенно новые» сведения об остатках «древних городищ» округа, «существование которых в отдаленном и малолюдном крае до сих пор было мало кому известно». Например, в «Списке населенных мест Тобольской губернии по состоянию на 1868–1869 годы» в разделе «Курганы и городища», в части посвященной древностям Березовского округа, данные памятники не фигурируют [Список населенных мест..., 1871. С. XC]. Описание здесь дополнено важной деталью, которая отсутствовала в первоначальном варианте: ям на нем нет, но следы строений заметны [Памятная книжка..., 1884. С. 75–76], что предполагает наличие каких-то их остатков.

К. М. Голодников мог получить такую детальную информацию непосредственно у жителей «Войкаровских юрт» во время их посещения, будучи там проездом на зимнюю Обдорскую ярмарку в конце 1870-х гг. [Голодников, 1878. С. 2]. Но остается неясным, удалось ли ему лично посетить этот ландшафтный объект, учитывая сезон путешествия, или он ограничился сообщениями информаторов.

Существует и другое свидетельство о наличии объектов древности, приуроченных к н. п. «Войкарские юрты», полученное этнографом К. Д. Носиловым во время его поездки в Обдорск осенью 1884 г. Он сообщает о неких «курганах», обнаруженных им на левом берегу Оби, местоположение и внешний вид которых характеризуется следующим образом: «В Войкарских остяцких юртах, на берегу Оби, я наблюдал два имеющие связь кургана, вышиною до 20' <футов> и длиною до 100' или 140' при ширине в 35'–45' ⁵. Они имеют направление

³ Около 192 и 10 м соответственно.

⁴ Не удалось соотнести данный гидроним с современными гидронимами ЯНАО.

⁵ Высотой около 6 м, длиной от 30 до 42 м, при ширине около 11–14 м.

длинной оси с юга на север, поросли травой, а по местному известию, внутри себя имеют деревянные срубы для помещений и дверь с наружной стороны. Но дверь эту никто не знает где она, а следов ее уже никто давно не замечал» [Носилов, 1890. С. 567].

При сопоставлении двух сообщений обращают внимание принципиальные отличия между описаниями объектов, приведенными К. М. Голодниковым и К. Д. Носиловым. Также отметим, что упомянутые «бугор» и «курганы» еще не связываются с местом расположения одноименного «остяцкого» городка.

Вероятно, первым, кто счел возможным объединить «бугор» и летописный «городок» в один исторический объект, был известный сибирский краевед и ученый И. Я. Словцов. Однако основания для этого представлены не были. В подготовленном им перечне «памятников прошедшей жизни в Тобольской губернии» приводились урезанные сведения о «Войкарском бугре», почерпнутые из «Памятной книжки» 1884 г., на что указывал и сам составитель, но уже характеризующие его как «городок»: «Войкарский городок лежит по течению Малой Оби у Войкарских зимних юрт. Имеет окружность 90 сажен, высоту 5 сажен» [Словцов, 1890. С. 9]. Информация об административно-территориальной принадлежности объекта отсутствует.

Впоследствии С. В. Бахрушиным было допущено недоразумение при использовании сведений, собранных предшественниками: непонятным образом высота «городка» в 5 сажен трансформировалась в вал высотой 5 сажен, а сам «городок» превратился в «крепость»: «...это была небольшая крепость 90 саженей окружностью, защищенная валом пятисаженной высоты» [Бахрушин, 1935. С. 62]. Трактовка ученого была воспринята и некоторыми современными исследователями [Шашков, 2002. С. 244].

Следующее упоминание Войкарского городка связано с этапом развития краеведческого движения в Сибири, пришедшегося уже на первые годы советской власти. В 1925 г. в издании «Наш край», выпускаемом Тобольским обществом изучения края при музее Тобольского Севера, вышла статья, где поднимался назревший вопрос об инвентаризации «всех курганов и городищ» Тобольского округа. Приводимый список объектов, как указано во введении, основан на уже известных сведениях, опубликованных К. М. Голодниковым и И. Я. Словцовым: «Войкарский городок – по течению Малой Оби, левой стороне ее, у Войкарских зимних юрт. Имеет окружность 90 саж., высоту 5 саж., в 30 верст. от с. Мужи» [Убыткова и др., 1925. С. 33].

В 1953 г. увидела свет, по сути, первая археологическая карта Западной Сибири, подготовленная И. А. Талицкой, куда вошли памятники, известные и на территории современного ЯНАО. В сводку включен объект «Войкарский городок», сведения о котором представлены на основе текстов И. Я. Словцова и «Памятной книжки» 1884 г.: «Войкарский городок. Войкарские зимние юрты Ямало-Ненецкого нац. округа Тюменской обл. (б. Куноватская вол. Березовского у. Тобольской губ.), устье р. Войкара – левого притока р. Горной Оби. <...> 65°40'; 64°30'»⁶ [Талицкая, 1953. С. 247]. Характер изложения данных позволяет допустить, что И. А. Талицкая отождествила места расположения «городка» и «юрты». Но это входит в противоречие с исходными сведениями К. М. Голодникова, где указывается на некоторое пространственное разнесение населенного пункта и «бугра». В свою очередь, объекты, описанные К. Д. Носиловым, рассматриваются И. А. Талицкой как отдельный памятник. В то же время, как можно заключить из изложенного исследователем, «юрты Войкары»⁷, близ которых расположены «курганы», и «Войкарские зимние юрты», где находится «городок», рассматривались ею как один и тот же населенный пункт [Там же].

⁶ При воспроизведении координат посредством ресурса Google Earth установлено, что расположение полученной точки приходится на зеркало оз. Войкарский сор.

⁷ Напомним, что в изложении К. Д. Носилова месторасположение «курганов» несколько отличается от трактовки И. А. Талицкой.

Нечеткое изложение сведений об упоминаемых объектах в работе И. А. Талицкой, изначально воспринимаемых как разные, заложило основу для последующего некорректного толкования первоначальных сведений о них в контексте отождествления «городища» и «городка».

Первый свод археологических памятников, охватывающий всю территорию ЯНАО, был подготовлен к 1994 г. В этом издании впервые фигурирует памятник «Усть-Войкарское городище», расположенный в окрестностях пос. Усть-Войкар. Объект позиционируется как известный с конца XIX в., сообщается, что он «с тех пор неоднократно обследовался. Последний раз – Е. И. Кочеговым и Н. В. Федоровой в 1993 г.». Опираясь на работу И. А. Талицкой, еще до проведения стационарных исследований, памятник был отождествлен с Войкарским городком [Косинская, Федорова, 1994. С. 58–59].

Археологические раскопки на городище были начаты в 2003 г. В публикациях о предварительных результатах связь с Войкарским городком была закреплена ссылками на КБЧ, исторические материалы Г. Ф. Миллера, сведения И. Я. Слоцова и К. Д. Носилова, а также на упоминание «городка» в материалах переписей конца XVIII – середины XIX в. [Брусницына, 2003. С. 45–48; Федорова, 2004. С. 106]. Один из первых исследователей памятника, Н. В. Федорова, тем не менее, отмечала вероятностный характер толкования историографических источников в пользу идентификации с «городком», хотя и «с большой долей уверенности» [2006. С. 11]. Как бы то ни было, научным сообществом предложенная трактовка была принята без оговорок.

Обращает внимание, что в группу источников, призванных обосновать тождество между «городищем» и «городком», включены сведения К. Д. Носилова, несмотря на их принципиальные отличия от данных К. М. Голодникова. При этом на археологической карте Ямала 1994 г. «курганы» и «городище / городок» были приведены как отдельные объекты [Косинская, Федорова, 1994. С. 61].

В такой ситуации актуальность приобретает вопрос: о каких Войкарских юртах идет речь в каждом случае?

Возникает необходимость хотя бы кратко рассмотреть случаи упоминания ойконима «Войкарские юрты», который регулярно встречается в различных изданиях, по крайней мере, со второй половины XIX в., учитывая его ключевую роль для современных исследователей в определении местоположения «городка»⁸.

В сибиреведческой литературе термин «юрты» применительно к обозначению типа населенного пункта на севере Западной Сибири, трактуется как «селение, неукрепленное поселение». При этом не до конца ясным остается вопрос о том, какое же содержание вкладывали в понятие «городок» составители ревизских сказок. Основание для такой постановки вопроса можно обнаружить в сочинении Г. Ф. Миллера о сибирской истории. Описывая Куноватский городок, он отмечал, что в бытность его посещения Западной Сибири городок являлся уже заброшенным: «Городок Куноват легко отыскать... Остяки называют Кун-аут или Кун-авот высокий мыс, на котором стоял городок. Оттуда производят они Кун-аут-ваш, как прежнее название городка. Русские же называют его Куно-ват или Куноватское старое городище. Остатки его видны еще и сейчас...» [Миллер, 1999. С. 263]. В то же время в ревизских сказках данный ойконим фигурировал вплоть до середины XIX в. [Перевалова, 2004. С. 173, 338].

Считается, что после включения Северо-Западной Сибири в состав Российского государства у коренного населения отпала надобность в создании укрепленных поселений-«городков», так как внутренние междоусобицы пошли на спад [Мартынова, 1995. С. 83]. Тем не менее местная топонимия продолжала сохранять в своих названиях указания на оборонительную функцию и в отсутствие укреплений. О таких населенных пунктах письменные источники XVII в. сообщали: «...городу и острогу нет, только одне юрты» [Бахрушин, 1935.

⁸ Среди известных ранних письменных источников, следующих по хронологии за чертежами С. У. Ремезова, упоминание Войкарских юрт, но, к сожалению, без комментариев, встречается в записках В. Ф. Зуева об экспедиции в Нижнее Приобье, совершенной в 1771 г. [Зуев, 1947. С. 60].

С. 41]. Таким образом, принципиальные структурные отличия между «городками» и «юртами» в течение XVII в. должны были исчезнуть. Обращая внимание на неустойчивую практику в употреблении переписчиками XVIII в. упомянутых терминов, В. Г. Бабаков допустил, что она обусловлена именно отсутствием таковых отличий в восприятии статуса населенных пунктов составителями административных документов [Бабаков, 1976. С. 101]. Тем не менее, как показывает археологическое изучение Надымского городка, не все «городки» отказались от оборонительных сооружений; они существовали еще в конце первой трети XVIII в. [Кардаш, 2009].

Приведем ряд примеров того, что во второй половине XIX – начале XX в. существовало по крайней мере несколько населенных пунктов, в названии которых фигурировало определение «войкарские».

Так, к 1912 г. в составе Куноватской инородческой управы Березовского уезда на земском тракте значились Войкарские юрты при р. Малая Обь. В то же время в составе Обдорской остяцкой волости значились Войкарские юрты при р. Малой Оби, но без каких-либо уточнений [Список населенных мест..., 1912. С. 570, 576]. Далее в этом издании можем найти информацию о том, что в составе той же Куноватской управы значились два населенных пункта под названием Кушеватские юрты, расположенные «при р. Кушеватской»; населенный пункт с таким же наименованием указан и в составе Ляпинской волости [Там же, С. 570, 572].

Такое положение дел было обусловлено сложившейся традицией формирования населенных пунктов у «инородцев» Нижнего Приобья. С. К. Патканов принципы формирования системы расселения остяцкого населения описывает следующим образом: «Обыкновенно из одного крупного зимнего селения летом образуется несколько мелких, то последние, кроме своего собственного имени, иногда носят еще имя зимнего селения, в котором их жители проживают в холодное время года. Заметим еще, что остяцкие юрты данного округа часто меняют свое местоположение, делятся с течением времени на два или соединяются по 2–3 вместе, изменяя при этом и свои наименования...» [Патканов, 1911. С. 121].

Широко отражена ойконимия северной части Нижнего Приобья в различных документах, связанных с деятельностью Обдорской духовной миссии [Путевые журналы..., 2002; «И здесь появляется...», 2003; Из истории Обдорской..., 2004]. Часто упоминание населенных пунктов сопровождается информацией о составе населения, географическом положении, расстоянии до близлежащих населенных мест и т. п. Случаи упоминания Войкарских юрт отличаются географическим контекстом, что вновь актуализирует вопрос о том, какие именно юрты были названы как отправная точка для определения возможного места расположения Войкарского городка.

Так, в отчетах Обдорской миссии за 1858 и 1882 гг. сообщается о посещении миссионерами «юрт Войкарских, или Няропсовых (в другом случае указаны «юрты Войкарские-Няропсовы»)»⁹ [«И здесь появляется...», 2003. С. 162, 166; Из истории Обдорской..., 2004. С. 150].

В путевом журнале священника миссии Александра Тверитина, где приводятся сведения о посещении им остяцких юрт (август – ноябрь 1867 г.), расположенных по Оби выше Обдорска, присутствуют такие записи: «Мы поспешили в путь и в 8 часов утра были уже в Войкарских юртах, где более 10 чумов инородцев, все крещенные. ... Побеседовав с ними о разных предметах... я намерен немедленно отправиться вперед до устья реки Войкара – еще 75 верст...» [Путевые журналы..., 2002. С. 89]. Любопытную информацию мы находим у этого же автора далее, где говорится о скором возвращении из устья Войкара в юрты: «...в пять часов пополудни, приплыли в юрты Войкарские, сделав в этот день под парусом 60 верст» [Там же. С. 90]. В связи с этим напомним, что И. А. Талицкая в качестве географиче-

⁹ Е. В. Перевалова называет в числе трех родов, имеющих отношение к Войкарскому городку Обдорской волости, род Нёрапса ёх [Перевалова, 2004. С. 194].

ческого репера для определения положения «городка» называла юрты, расположенные в устье р. Войкар.

Близкое к указанному расстояние от неких Войкарских юрт до р. Войкар (60 верст) мы находим в записках священника Иона Платонова о летней поездке 1866 г. [Путевые журналы..., 2002. С. 67].

В журнале священника Николая Герасимова сообщается о посещении им зимой 1870 г. юрт Войкарских (Ай-Важских); в другом месте этого повествования они же были названы малыми Войкарскими юртами, расположенными в устье р. Войкар, в отличие от больших, отстоящих от устья на 25 верст вверх по притоку [Там же. С. 133].

Разночтения в размещении «Войкарских юрт» присутствуют и в описании маршрутов экспедиций, посещавших долину р. Войкар на протяжении второй половины XIX – начала XX в. Так, Ю. И. Кушелевский, рассказывая о своих экспедициях 1862–1864 гг., юрты Войкарские помещал на удалении от побережья Малой Оби, непосредственно в месте слияния Войкара и Войкарского Сора [Кушелевский, 1864. Вложенная карта].

В 1909 г. Обдорскую волость посетил С. И. Руденко. Среди населенных пунктов, приуроченных к побережью Оби, в левобережной приустьевой части р. Войкар указан и Войкаргорт, расположенный ниже с. Мужи, которому соответствуют также следующие названия: юрты Ай-вош, юрты Войкарские [Руденко, 1914. С. 14–15].

Судя по справочным изданиям второй половины XIX в., одни из Войкарских юрт были наделены «статусностью»: населенный пункт входил в сеть станций, распределенных по зимнему тракту на маршруте Березов – Обдорск. Именно в таком качестве упоминает их врач Ф. Ф. Белявский, описывая свою зимнюю поездку в Обдорск в 20-х гг. XIX в. Наряду с ойконимом «Войкар», он также употреблял «Вайкар», «Войкарт» [Белявский, 1833. С. 36, 49, 50].

Подробное описание земского (зимнего) тракта давал А. А. Дунин-Горкавич: от станции Мужи вниз по течению, в 35 верстах располагалась станция Войкарская – она находилась в зимних юртах с таким же названием, расположенных на левом берегу Малой Оби, на 1 версту ниже р. Войкар [Дунин-Горкавич, 1910. С. 259]. При этом вся долина р. Войкар находилась на территории Обдорской остяцкой волости [Дунин-Горкавич, 1904. С. 140].

Благодаря своей значимости именно зимние Войкарские юрты в устье р. Войкар неоднократно отмечались в справочных изданиях первых лет советской власти. Первый официальный список населенных пунктов Тобольского округа, изданный в 1926 г., сообщал, что на территории Мужевского сельсовета Обдорского р-на, на расстоянии в 45 верст от сельского центра «при р. М. Обь» располагалась станция Войкар в 3 двора [Список населенных пунктов..., 1926. С. 25].

В справочном издании «Населенные пункты Уральской области», подготовленном по материалам Приполярной переписи 1926–1927 гг., среди населенных пунктов Мужевского сельсовета, на расстоянии в 45 км от сельского центра, фигурировали юрты Устье-Войкар в 5 хозяйств, также ранее известные как Стáнок Войкар, Войкарские юрты, «юрты Айвож» [Населенные пункты..., 1928]. Здесь важно указать, что населенный пункт указан как располагающийся «на побережье» рек Войкар и Малая Обь; это соответствует и расположению современной дер. Устье-Войкары. Такую формулировку составители справочника применяли для населенных пунктов, расположенных не далее 1 версты от реки. В случае если населенный пункт был удален на расстояние до двух верст, указывалось «близ реки такой-то» [Там же. С. 110–111]. Использование таких понятий, как «станция», «ста́нок», свидетельствует о включении населенного пункта в систему ямских станций, что позволяет говорить о географической преемственности, учитывая также сведения о местоположении этих населенных пунктов, – между зимними Войкарскими юртами по А. А. Дунину-Горкавичу, юртами Устье-Войкары по материалам Приполярной переписи и современной дер. Устье-Войкары.

Совокупность приведенных сведений позволяет поставить под сомнение предположение первых исследователей городища о том, что населенный пункт Войкарские юрты существовал на месте расположения археологического «городища» до конца XIX в., а то и первой по-

ловины XX в., а современная дер. Усть-Войкары, в свою очередь, была основана на побережье лишь в годы советской власти [Брусницына, 2003. С. 48; Федорова, 2004. С. 106]. Это предположение может опровергаться и сведениями К. М. Голодникова о заброшенности Войкарского «бугра», но при условии, если тобольский краевед имел в виду именно это место, так как есть основания допустить, что Войкарские зимние юрты в низовьях р. Войкар и Войкарские зимние юрты по К. М. Голодникову могли являться разными населенными пунктами. Об этом свидетельствует указание на принадлежность юрт, упоминаемых известным краеведом, к Куноватской волости. Напомним, что Е. В. Перевалова высказалась за различные местоположения Войкарского городка и одноименных юрт Куноватской волости. Она также отмечала, что достаточно условные границы Обдорской, Куноватской и Казымской волостей в XVIII–XIX вв. почти не изменялись [Перевалова, 2004. С. 169]. Долина р. Войкар относилась к территории Обдорской волости, но при этом ее нижнее течение помещалось в зоне, которую вполне можно считать пограничной [Мартынова, 1995. С. 86; Перевалова, 2004. С. 170]. Возможно, такая специфическая особенность расположения окрестностей р. Войкар и породила различные трактовки местоположения в делопроизводственной документации и записках путешественников XIX в.

Заключение

Таким образом, мы столкнулись с ситуацией, когда археологическими раскопками по-фактум были получены материальные свидетельства в пользу гипотезы о существовании в Средневековье крупного или значимого населенного пункта на левобережье Оби, в окрестностях нижнего течения р. Войкар. Однако привлекаемые историографические источники для обоснования возможной связи археологического памятника с историческим поселением содержат неоднозначную, плохо согласующуюся между собой информацию¹⁰, которая не может являться убедительно свидетельствовать в пользу установления тождества между археологическим «городищем» и историческим «городком», с одной стороны, а с другой – утверждать, что они связаны с местностью, где в начале XXI в. были проведены археологические раскопки.

Список литературы

- Абрамов Н. А.** Описание Березовского края // ЗИРГО. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1857. Кн. 12. С. 329–448.
- Бабаков В. Г.** К этноисторическому изучению приобских хантов (по материалам переписей населения XVIII в.) // СЭ. 1976. № 6. С. 99–110.
- Бахрушин С. В.** Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1935. 91 с.
- Белявский Ф.** Поездка к Ледовитому морю. М.: Тип. Лазаревых Ин-та вост. языков, 1833. 281 с.
- Брусницына А. Г.** Современная источниковая база изучения позднего железного века полярной зоны Западной Сибири // Научный вестник ЯНАО. 2000. Вып. 3. С. 32–48.
- Брусницына А. Г.** Городище Усть-Войкарское. Начало изучения // Угры: Материалы VI Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск: [Б. и.], 2003. С. 45–52.
- Голодников К. М.** Поездка на Обдорскую ярмарку // ТГВ. 1878. № 14. С. 2–4.

¹⁰ Обращает внимание значительные расхождения в описаниях объектов древности, расположенных в окрестностях Войкарских юрт, приводимых разными авторами, а также их абсолютные несовпадения с внешним видом памятника до начала его раскопок [см. например: Брусницына, 2003; Федорова, 2004].

- Голодников К. М.** Заслуживают ли и в какой мере заслуживают научного исследования сибирские курганы вообще и тобольские в особенности? Тобольск: Тип. Тобольского губернского правления, 1879. 24 с.
- Долгих Б. О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 662 с.
- Дунин-Горкавич А. А.** Справочная книга Тобольской губернии. Тобольск: Тип. Епархиального братства, 1904. 166 с.
- Дунин-Горкавич А. А.** Тобольский Север. Тобольск: Губ. тип., 1910. Т. 2: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. 430 с.
- Зуев В. Ф.** Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов // Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771–1772). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 17–84.
- «И здесь появляется заря христианства...» (Обдорская миссия. 30-е – 80-е гг. XIX в.) Тюмень: Мандр и К, 2003. 328 с.
- Из истории Обдорской миссии: Источники. Тюмень: Мандр и К, 2004. 288 с.
- Кардаш О. В.** Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII в. История и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2009. 360 с.
- КБЧ – Книга Большому Чертежу. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 232 с.
- Косинская Л. Л., Федорова Н. В.** Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. Екатеринбург: УрО РАН, 1994. 114 с.
- Кушелевский Ю. И.** Путевые записки. Тобольск: Тип. губернского правления, 1864. 70 с.
- Мартынова Е. П.** Общественное устройство в XVII–XIX в. // История и культура ханты. Томск: Изд-во ТГН, 1995. С. 177–120.
- Мартынова Е. П.** Очерки истории и культуры хантов. М.: ИЭА РАН, 1998. 235 с.
- Миллер Г. Ф.** Описание Сибирского царства. Книга Первая. СПб.: Тип. при Имп. Акад. наук, 1750. 506 с.
- Миллер Г. Ф.** История Сибири. М.: Вост. лит., 1999. Т. 1. 630 с.
- Населенные пункты Уральской области. Свердловск: Издание орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928. Т. 12: Тобольский округ. 282 с.
- Носилов К. Д.** Исторические памятники племени Маньсы // Изв. Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Труды антропол. отдела. Т. 9. Вып. 3. Протоколы заседаний Антропологического отдела Общества с 4-го декабря 1881 г. по 1886 г.: Т. 59. Вып. 5. М.: «Русская» типо-литография, 1890. С. 560–568.
- Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск: Тип. Тобольского губернского правления, 1884. 530 с.
- Патканов С. К.** Статистические данные, показывающие племенной состав Сибири, язык и роды инородцев. Том 2: Тобольская, Томская и Енисейская губернии // ЗИРГО по отделению статистики. СПб., 1911. Т. 11, вып. 2. 432 с.
- Перевалова Е. В.** Северные ханты: этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с.
- Перцев Н. В.** Аборигенные «городки» Нижнего Приобья в XVI–XVII вв.: проблемы выявления и соотношения письменных и археологических источников // Вестник ТГУ. 2017. № 415. С. 102–109.
- Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60-е – 70-е XIX в.). Тюмень: Изд-во Юрия Мандрики, 2002. 224 с.
- Руденко С. И.** Инородцы Нижней Оби. СПб.: Тип. А. Э. Коллинс, 1914. 20 с.
- Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 310 с. (История Сибири. Первоисточники; вып. 6)
- Словцов И. Я.** Материалы о распределении курганов и городищ в Тобольской губернии. Томск: Типо-литография В. В. Михайлова и П. И. Макушина, 1890. 28 с.

- СЧК – Служебная чертежная книга. Ремезов С. У. и сыновья: рукопись конца XVII – начала XVIII в. Эрмитажного собрания № 237 Российской национальной библиотеки: [факсимильное издание]. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2006. 167 л.
- Список населенных мест Тобольской губернии по состоянию на 1868–1869 годы. СПб.: Центр. стат. комитет МВД, 1871. 478 с.
- Список населенных мест Тобольской губернии. Тобольск: Губ. тип., 1912. 365 с.
- Список населенных пунктов и административное деление Тобольского округа Уральской области. На 1 октября 1926 г. Тобольск: Изд. Орготдела Окрисполкома, 1926. 120 с.
- Талицкая И. А.** Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. Древняя история Нижнего Приобья. М.: АН СССР, 1953. № 35. С. 242–357.
- Убыткова Е., Преображенская И., Коптилов М.** Курганы и городища Тобольского округа и их изучение // Наш край. 1925. № 4. С. 31–35.
- Федорова Н. В.** Городище Усть-Войкарское (Войкарский городок) // Проблемы межнационального взаимодействия в Сибири. Новосибирск: АртИнфоДата, 2004. Вып. 2. С. 106–108.
- Федорова Н. В.** Войкарский городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Научный вестник ЯНАО. 2006. Вып. 4. С. 11–17.
- ХЧК – Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова: В 2 кн. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2011. Кн. 1. 171 с.; Кн. 2. 692 с.
- ЧКС – Чертежная книга Сибири. Составлена тобольским сыном бояр. С. Ремезовым в 1701 г. [в 2 т.]. М.: Картография, 2003. Т. 1. 100 с.; Т. 2. 176 с.
- Шашков А. Т.** Средневековые югорские городки: сведения письменных источников и задачи археологического изучения // Северный археологический конгресс. Доклады. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 240–252.

References

- «I zdes' poyavlyayetsya zarya khristianstva...» (Obdorskaya missiya. 30-e – 80-e gg. XIX v.) [“Here Christian Dawn is Beginning to Appear...” (Obdorsk Mission in the 1830s – 1880s)]. Tyumen, Mandr i K Publ., 2003, 328 p. (in Russ.)
- Abramov N. A.** Opisanie Berezovskogo kraia [Description of the Berezov Region]. In: Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva [Writings of the Imperial Russian Society]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1857, book 12, p. 329–448. (in Russ.)
- Babakov V. G.** K etnoistoricheskomu izucheniyu priobskikh khantov (po materialam perepisei naseleniya XVIII v.) [On Ethnographical and Historical Research of the Ob Khanty (based on the materials of the population census in the 18th century)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1976, no. 6, p. 99–110. (in Russ.)
- Bakhrushin S. V.** Ostyatskie i vogul'skie knyazhestva v XVI–XVII vekakh [Ostyak and Vogul Principalities in the 16th – 17th Centuries]. Leningrad, Institut narodov Severa TSIK SSSR im. P. G. Smidovicha Publ., 1935, 91 p. (in Russ.)
- Belyavskii F.** Poezdka k Ledovitomu moryu [A trip to the Arctic Ocean]. Moscow, Tipografiya Lazarevykh Instituta vostochnykh yazykov Publ., 1833, 281 p. (in Russ.)
- Brusnitsyna A. G.** Gorodishche Ust'-Voikarskoe. Nachalo izucheniya [Ust-Voikarskoe Site. Initial Research]. In: Ugry: materialy VI Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri» [Ugry: Materials of the 6th Siberian Symposium “The cultural Heritage of the Peoples of Western Siberia”]. Tobolsk, 2003, p. 45–52. (in Russ.)
- Brusnitsyna A. G.** Sovremennaya istochnikovaya baza izucheniya pozdnego zheleznogo veka polyarnoi zony Zapadnoi Sibiri [Modern Sources for Research on the Late Iron Age in the Western Siberia Polar Zone]. *Nauchnyi vestnik YaNAO* [Scientific Bulletin of the Yamalo-Nenets Autonomous District], 2000, iss. 3, p. 32–48. (in Russ.)

- Chertezhnaya kniga Sibiri Sostavlena tobol'skim synom boyarskim S. Remezovym v 1701 g. [A Siberian Book of Drawings. Prepared by S. Remezov, the Tobolsk son of the boyars, in 1701]. In 2 vols. [a facsimile edition]. Moscow, Kartografiya Publ., 2003, vol. 1, 100 p.; vol. 2, 176 p. (in Russ.)
- Dolgikh B. O.** Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII v. [Families and Tribes of Siberian People in the 17th Century]. Moscow, AS SSSR Publ., 1960, 662 p. (in Russ.)
- Dunin-Gorkavich A. A.** Spravochnaya kniga Tobol'skoi gubernii [Reference Book for Tobolsk District]. Tobolsk, Tipografiya Eparkhial'nogo bratstva Publ., 1904, 166 p. (in Russ.)
- Dunin-Gorkavich A. A.** Tobol'skii Sever [Tobolsk North]. Tobolsk, Gubernskaya tipografiya, 1910, vol 2: Geographic and Statistical-Economic Description of the Country by Particular Geographical Areas, 430 p. (in Russ.)
- Fedorova N. V.** Gorodishche Ust'-Voikarskoe (Voikarskii gorodok) [Ust-Voikarskoe Site (Voikarsky Gorodok)]. In: Problemy mezhetnicheskogo vzaimodeistviya v Sibiri [On Inter-ethnic Interaction in Siberia]. Novosibirsk, ArtInfoData Publ., 2004, iss. 2, p. 106–108. (in Russ.)
- Fedorova N. V.** Voikarskii gorodok. Itogi raskopok 2003–2005 gg. [Voikarsky Gorodok. Results of Archaeological Excavations in 2003–2005] *Nauchnyi vestnik YaNAO* [Scientific Bulletin of the Yamalo-Nenets Autonomous District], 2006, iss. 4, p. 11–17. (in Russ.)
- Golodnikov K. M.** Poezdka na Obdorskuyu yarmarku [A Trip to Obdorsk Fair]. *Tobol'skii gubernskii vestnik* [Tobolsk Provincial Gazette], 1878, no. 14, p. 2–4. (in Russ.)
- Golodnikov K. M.** Zasluzhivayut li i v kakoi mere zaslužhivayut nauchnogo issledovaniya sibirskie kurgany voobshche i tobol'skie v osobennosti? [Do Siberian and Tobolsk Burial Mounds, in particular, Need to be Researched?]. Tobol'sk, Tipografiya Tobol'skogo gubernskogo pravleniya Publ., 1879, 24 p. (in Russ.)
- Iz istorii Obdorskoi missii: Istochniki [From the History of Obdorsk Mission. Sources]. Tyumen, Mandr i K Publ., 2004, 288 p. (in Russ.)
- Kardash O. V.** Nadymskii gorodok v kontse XVI – pervoi treti XVIII v. Istoriya i material'naya kul'tura [Nadymsky Gorodok in the End 16th – 1st third of the 18th Century. History and Material Culture]. Ekaterinburg, Nefteyugansk, Magellan Publ., 2009, 360 p. (in Russ.)
- Khorograficheskaya chertezhnaya kniga Sibiri S. U. Remezova [A Chorographic Siberian Book of Drawings by S. U. Remezov]. In 2 vol. Tobolsk, Vozrozhdenie Tobol'ska Publ., 2011, vol. 1, 171 p.; vol. 2, 692 p. (in Russ.)
- Kniga Bol'shomu Chertezhu [Book for the Big Drawing]. Moscow, Leningrad, AS SSSR Publ., 1950, 232 p. (in Russ.)
- Kosinskaya L. L., Fedorova N. V.** Arkheologicheskaya karta Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [An Archaeological Map of the Yamal-Nenets Autonomous District]. Ekaterinburg, UB RAS Publ., 1994, 114 p. (in Russ.)
- Kushelevskii Yu. I.** Putevye zapiski [Travel essays]. Tobolsk, Tipografiya gubernskogo pravleniya Publ., 1864, 70 p. (in Russ.)
- Martynova E. P.** Obshchestvennoe ustroistvo v XVII – XIX v [Social Structure in 17th – 19th Centuries]. In: Istoriya i kul'tura Khanty [History and Culture of the Hanty]. Tomsk, Tomsk State Uni. Publ., 1995, p. 177–120. (in Russ.)
- Martynova E. P.** Ocherki istorii i kul'tury khantov [Essays on the Khanty History and Culture]. Moscow, IEA RAS Publ., 1998, 235 p. (in Russ.)
- Miller G. F.** Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1999, vol. 1, 630 p. (in Russ.)
- Miller G. F.** Opisanie Sibirskogo tsarstva. Kniga Pervaya [Description of Siberian Realm. Book One]. St. Petersburg, Tipografiya pri Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1750, 506 p. (in Russ.)
- Naselennye punkty Ural'skoi oblasti [Settlements in the Ural Province]. Sverdlovsk, Izdanie otdela Uraloblispolkoma, Uralstatupravleniya i okruzhnykh ispolkomov Publ., 1928, vol. 12: Tobolsk District, 282 p. (in Russ.)

- Nosilov K. D.** Istoricheskie pamyatniki plemeni Man'sy [Historical Sites of the Mansi Tribe]. Izvestiya Imperatorskogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya, antropologii i etnografii pri Moskovskom universitete. Trudy antropologicheskogo otdela. T. 9. Iss. 3. Protokoly zasedanii Antropologicheskogo otdela Obshchestva s 4-go dekabrya 1881 g. po 1886 g. T. 59. Iss. 5. [News of the Imperial Society of Lovers of Natural History, Anthropology and Ethnography at Moscow University. Proceedings of the Anthropological Department. Vol. 9. Issue. 3. Minutes of Meetings of the Anthropological Department of the Company from December 4, 1881 to 1886: Vol. 59. Iss. 5]. Moscow, «Russkaya» tipo-litografiya Publ., 1890, p. 560–568. (in Russ.)
- Pamyatnaya knizhka Tobol'skoi gubernii na 1884 god [Memorandum Book of the Tobolsk Province for the Year of 1894]. Tobolsk, Tipografiya Tobol'skogo gubernskogo pravleniya Publ., 1884, 530 p. (in Russ.)
- Patkanov S. K.** Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennoi sostav Sibiri, yazyk i rody inorodtsev. T. 2: Tobol'skaya, Tomskaya i Eniseiskaya gubernii [Statistics on Siberian Tribes, Languages and Families. Volume 2: Tobolsk, Tomsk and Eniseisk Provinces]. In: Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu statistiki [Notes of the Imperial Russian Geographical Society for the Department of Statistics]. St. Petersburg, 1911, vol. 11, iss. 2, 432 p. (in Russ.)
- Perevalova E. V.** Severnye khanty: etnicheskaya istoriya [The Northern Khanty: Ethnic History]. Ekaterinburg, UB RAS Publ., 2004, 414 p. (in Russ.)
- Pertsev N. V.** Aborigennyye «gorodki» Nizhnego Priob'ya v XVI–XVII vv.: problemy vyyavleniya i sootnosheniya pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikov [Autochthonous Settlements of the Lower Ob Region in 16th – 17th Centuries: On Revealing and Matching Written and Archaeological Sources]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2017, no. 415, p. 102–109. (in Russ.)
- Putevye zhurnaly missionerov Obdorskoi missii (60-e – 70-e XIX v.) [Travel Essays of Obdorsk Mission (1860s – 1870s)]. Tyumen, Yuriy Mandrika Publ., 2002, 224 p. (in Russ.)
- Rudenko S. I.** Inorodtsy Nizhnei Obi [Non-Russian Population in the Lower Ob Region]. St. Petersburg, Tipografiya A. E. Kollins Publ., 1914, 20 p. (in Russ.)
- Shashkov A. T.** Srednevekovyye yugorskie gorodki: svedeniya pis'mennykh istochnikov i zadachi arkheologicheskogo izucheniya [Middle-Age Ugor Gorodki: Materials from Written Sources and Tasks for Archaeological Research]. In: Severnyi arkheologicheskii kongress. Doklady [Nord Archaeological Congress. Reports]. Khanty-Mansiisk, Ekaterinburg, Akademkniga Publ., 2002, p. 240–252. (in Russ.)
- Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G. F. Millera [Siberia of 18th Century in Travel Essays by G. F. Miller]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 1996, 310 p. (History of Siberia. Sources. Iss. 6) (in Russ.)
- Slovtsov I. Ya.** Materialy o raspredelenii kurganov i gorodishch v Tobol'skoi gubernii [Materials on Localizing Burial Mounds and Settlements in the Tobolsk Province]. Tomsk, Tipo-Litografiya V. V. Mikhailova i P. I. Makushina Publ., 1890, 28 p. (in Russ.)
- Sluzhebnyaya chertezhnaya kniga. Remezov S. U. i synov'ya: rukopis' kontsa XVII – nachala XVIII v. Ermitazhnogo sobraniya № 237 Rossiiskoi natsional'noi biblioteki: [faksimil'noe izdanie] [An Official Book of Drawings. Remezov S. U. and Sons: a Manuscript of the late 16th – early 18th Century. Hermitage Collection No. 237 of the Russian National Library: facsimile edition]. Tobolsk, Vozrozhdenie Tobol'ska Publ., 2006, 167 p. (in Russ.)
- Spisok naselennykh mest Tobol'skoi gubernii [A List of Settlements in the Tobolsk Province]. Tobol'sk, Gubernskaya tipografiya Publ., 1912, 365 p. (in Russ.)
- Spisok naselennykh mest Tobol'skoi gubernii po sostoyaniyu na 1868–1869 gody [A List of Settlements in the Tobolsk Province in 1868–1869]. St. Petersburg, Tsentr. stat. komitet MVD Publ., 1871, 478 p. (in Russ.)

- Spisok naselennykh punktov i administrativnoe delenie Tobol'skogo okruga Ural'skoi oblasti. Na 1 oktyabrya 1926 g. [A List of Settlements and Administrative Division of the Tobolsk District, Ural Region for the Date of 1st October 1926] Tobolsk, Izdanie Orgotdela Okrispolkoma Publ., 1926, 120 p. (in Russ.)
- Talitskaya I. A.** Materialy k arkheologicheskoi karte Nizhnego i Srednego Priob'ya [Materials for the Archaeological Map of the Lower and Middle Ob Regions]. In: Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya [Materials and Research on Archaeology of the USSR. Ancient History of the Lower Ob Area]. Moscow, AS SSSR Publ., 1953, no. 35, p. 242–357. (in Russ.)
- Ubytkova E., Preobrazhenskaya I., Kopotilov M.** Kurgany i gorodishcha Tobol'skogo okruga i ikh izuchenie [Burial Mounds and Settlements of the Tobolsk District under Research]. *Nash krai* [Our Land], 1925, no. 4, p. 31–35. (in Russ.)
- Zuev V. F.** Opisanie zhivushchikh Sibirskoi gubernii v Berezovskom uezde inovercheskikh narodov ostyakov i samoedtsov [Description of Unorthodoxes (the Ostyaks and Samoeds) in the Berezov Uezd of the Siberian Guberniya]. In: Materialy po etnografii Sibiri XVIII v. (1771–1772) [Materials on the Ethnography of Siberia in the 18th Century. (1771–1772)]. Moscow, Leningrad, AS SSSR Publ., 1947, p. 17–84. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
19.09.2019

Сведения об авторах

Гаркуша Юрий Николаевич, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
yunga1971@ngs.ru

Information about the Authors

Yuriy N. Garkusha, Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
yunga1971@ngs.ru

Петроглиф «Белая Лошадь» в Минусинской котловине (атрибуция, эксперимент, дискуссия)

П. В. Волков¹, Е. С. Буравлёва¹, Л. В. Лбова¹, Д. В. Кулешов²

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

Аннотация

Широко известный в археологической литературе петроглиф «Белая Лошадь» в Минусинской котловине на основании формальных аналогий датировался временем позднего палеолита. В ходе трасологического анализа поверхности зоны с рисунком нами был проведен ряд специальных экспериментов, целью которых являлась проверка возможности формирования изображения по предполагаемой «аппликативной» технологии. Результаты исследований и проведенная радиоуглеродная датировка кальцитовых налетов с помощью ускорительной масс-спектрометрии привели к пересмотру времени создания изображения. Экспериментально-технологические исследования и фотограмметрия петроглифа дают основание для определения трех этапов формирования рисунка. Его 3D модель позволяет получить отчетливое наглядное изображение объекта. Стилистический анализ аналогичных и территориально близких изобразительных объектов дает возможность датировать рисунок временем не ранее позднего голоцена. Сохранность изображения представляет собой серьезную проблему в связи со стремительным разрушением поверхности скальной плиты.

Ключевые слова

Сибирь, Минусинская котловина, петроглиф «Белая Лошадь», атрибуция, экспериментально-технологический анализ, датировка

Благодарности

Исследование проведено при поддержке РФФИ-CNRS, НЦНИЛ-а (проект № 17-056-16-16).

Работа по пробоподготовке образцов проводилась при поддержке проекта НИР ИАЭТ СО РАН (проект № 0264-2019-0010 «Реконструкция природных условий и способы адаптации к ним населения Евразии в четвертичном периоде»; Д. В. Кулешов).

Для цитирования

Волков П. В., Буравлёва Е. С., Лбова Л. В., Кулешов Д. В. Петроглиф «Белая Лошадь» в Минусинской котловине (атрибуция, эксперимент, дискуссия) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография. С. 57–73. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-57-73

Petroglyph “Belaya Loshad” (White Horse) in the Minusinsk Basin (Attribution, Experiment, Discussion)

P. V. Volkov¹, E. S. Buravleva¹, L. V. Lbova¹, D. V. Kuleshov²

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

² Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Purpose. According to the data about its analogues, the petroglyph White Horse in the Minusinsk basin has been dated as the late Paleolithic. Such dating of the petroglyph provides ground for research and drawing stylistic links with a series of similar Paleolithic images of Western Europe.

Results. We used microscopical analysis of the surface with the pattern to carry out a number of special experiments. The aim of our research was to verify whether the image could have been created using the supposed “applicative” technology. The results of our studies and the dating of calcite stains on the rocky planes obtained by means of accelerator mass spectrometry lead us to revise the time estimates of the image. Experimental-technological and special traceological studies together with photogrammetry of the petroglyph provide the basis for determining three stages of the pattern formation. Some of the fragments of the image are likely to have been performed by different people at different times. A stylistic analysis of similar and geographically close objects allows us to date the picture no earlier than the Late Holocene. The image safety is under a serious threat due to the rapid destruction of the rock surface.

Conclusion. Based on the data obtained as a result of our experiments, the petroglyph cannot be defined as “an image of the Upper Paleolithic era”. After a series of analyses including chemical analysis of calcite and experimental traceological analysis, we conclude that relative dating of the image refers to a period not earlier than the Bronze Age. A stylistic analysis suggests that the petroglyph White Horse in the Minusinsk basin, to a certain extent, naturally fits into the general visual tradition of the region. The 3-D model of the image allows us to keep a clear visual image of the object. However, the image can be damaged as a result of natural processes as the rock surface is in a state of decay.

Keywords

Siberia, Minusinsk depression, petroglyph “Belaya Loshad” (White Horse), attribution, experimental-technological analysis, dating

Acknowledgements

This work was supported by the RFBR – CNRS (project no. 17-056-16-16).

The work on sample preparation was carried out with the support of the project of the Scientific and Research Institute of IAET SB of the RAS (project no. 0264-2019-0010 “Reconstruction of natural conditions and methods of adaptation of the Eurasian population in the Quaternary period”; D. V. Kuleshov).

For citation

Volkov P. V., Buravleva E. S., Lbova L. V., Kuleshov D. V. Petroglyph “Belaya Loshad” (White Horse) in the Minusinsk Basin (Attribution, Experiment, Discussion). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 57–73. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-57-73

Введение

Изучение наскальных изображений является актуальной задачей археологии. За последние десятилетия в Сибири было открыто множество новых памятников наскального искусства, что существенно расширило хронологические и географические границы этого явления (см. [Молодин, Черемисин, 1999; Дэвлет, 2002] и др.).

Впервые о существовании петроглифа «Белая Лошадь» в общих чертах стало известно из публикации работ Верхнечулымской археологической экспедиции под руководством В. Е. Ларичева в 1987 г. [Алкин, 2017. С. 21]. Несколько позже В. Е. Ларичевым совместно с командой астрономов, геодезистов и математиков объект был исследован более детально [Ларичев, 1994; Гиенко, Паршиков, 2017]. В это же время была предложена гипотеза о палеолитической древности петроглифа, высказана уверенная интерпретация комплекса на Черной горе как палеоастрономического святилища [Ларичев, 1994. С. 28–35].

Исследователь опубликовал и свое понимание техники нанесения петроглифа на скальную поверхность. По мнению В. Е. Ларичева, изображение лошади на г. Черной – это «своего рода аппликация или, скорее, своеобразный микробарельеф, поскольку фон его был, надо полагать, самым тщательнейшим образом и весьма расчетливо выскоблен» [Там же. С. 28]. Такое предположение о технике нанесения было определено как «аппликативное», не основанное на экспериментальных данных и носившее умозрительный характер [Там же. С. 29]. Датировка петроглифа периодом верхнего палеолита дало основание для поиска и, естественно, обнаружения стилистических аналогий с серией палеолитических изображений Западной Европы [Там же. С. 32–35].

Необходимо отметить возрастание воздействия негативных факторов на древнее наскальное искусство, вызванных антропогенными и техногенными изменениями окружающей среды. Воздействие человека на природу привело к увеличению кислотности дождей, загрязнению среды промышленными выбросами, что не может не сказаться на сохранности даже удаленных от индустриальных центров памятников [Дэвлет, 2002]. Состояние петроглифа

«Белая Лошадь» критическое, поэтому точность документирования, атрибуция и интерпретация этого объекта обосновывают цель, необходимость и актуальность срочной публикации результатов его современного исследования.

Методы и материалы

Петроглиф с изображением лошади белого цвета расположен на плоскости скального обнажения девонских песчаников г. Черной, в 5,8 км к западу от с. Июс Орджоникидзевского района Хакасии. Координаты местоположения: 54°41'42"N / 89°40'4"E. Рисунок расположен на относительно вертикальном плоском участке скального обнажения девонских песчаников, на высоте порядка 175 см от поверхности почвы у его подножия.

На поверхности объекта повсеместно отмечены натёки кальцита, частично покрывающие и плоскость с изучаемым рисунком. Интенсивность образования кальцитовых корок различна по всей площади скальной поверхности. Границы «чистых» и покрытых кальцитом зон на плоскостях скалы могут иметь как «размытый», так и контрастный характер (рис. 1). Следует отметить и неоднородность покрытия поверхности скалы натёками кальцита по мощности (рис. 2). Относительно равномерное перекрывание натёком редко прослеживается участками не более 10–15 кв. см.

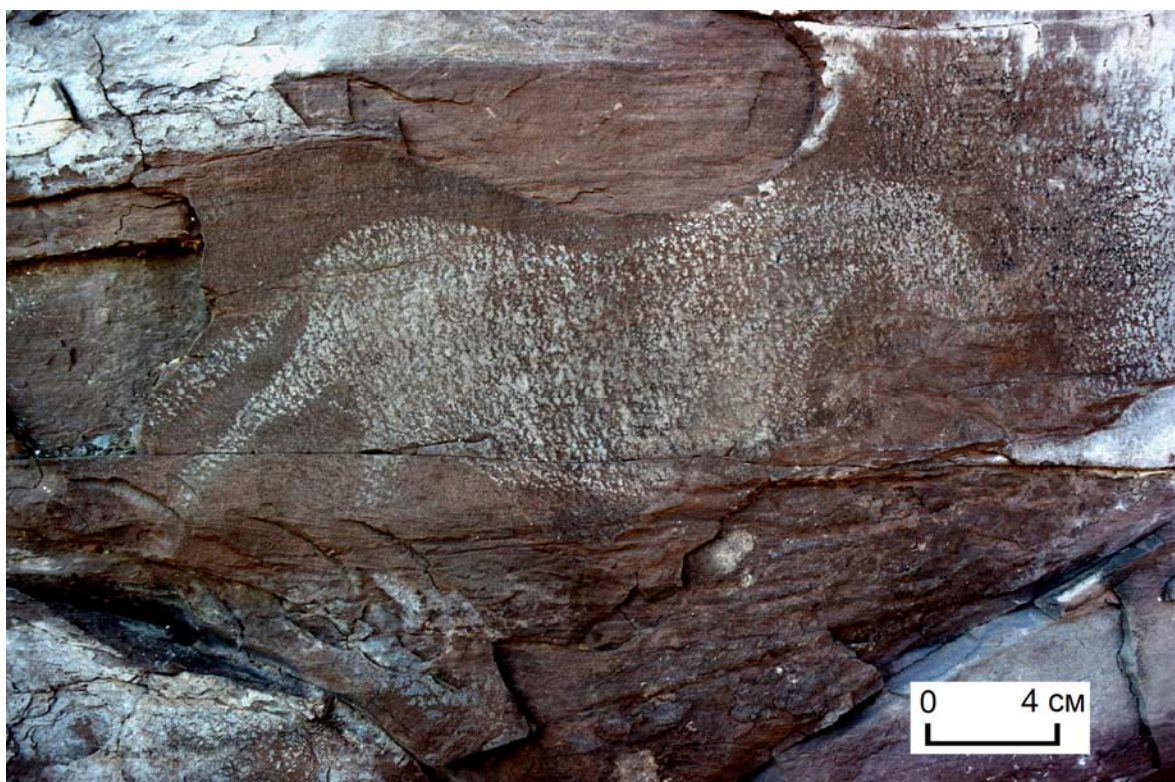


Рис. 1. Общий вид изображения «Белая Лошадь» (фото П. В. Волкова)
Fig. 1. General view of the image "Belaya Loshad" (White Horse) (photo by P. V. Volkov)

Композиционно по центру ниши, с легким смещением на юг, на высоте примерно 150–160 см от уровня современной поверхности подножия расположено изображение лошади. Оно силуэтное, общая длина 28,5 см; от холки до груди лошади 16 см. Изображение ориентировано на север (вправо от зрителя). Голова широкая и короткая, слегка выдвинутая вперед, с массивной и округлой нижней челюстью. В профиле четко выделено короткое ухо

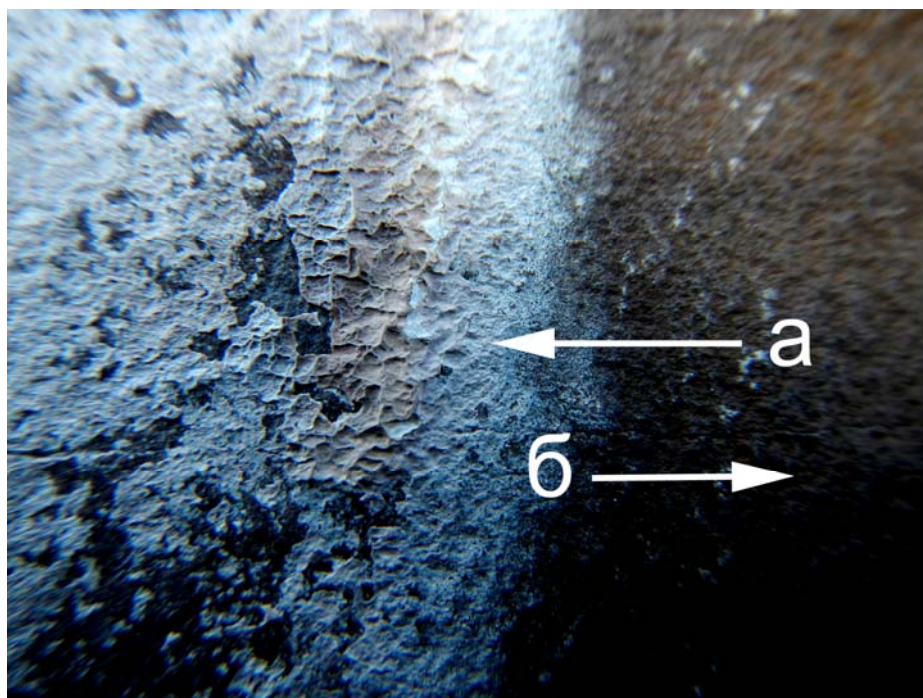


Рис. 2. Натеки кальцита (а) и чистая поверхность (б) скальной плиты (без масштаба)
(фото П. В. Волкова)

Fig. 2. Calcite deposits (a) and clean surface (б) of the rock plate (not scaled)
(photo by P. V. Volkov)

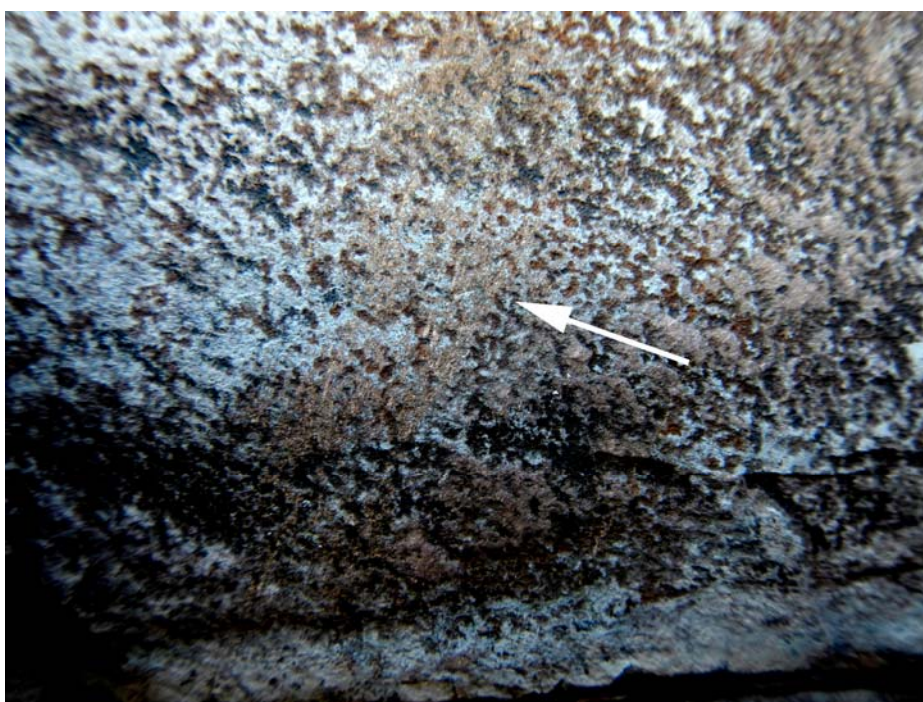


Рис. 3. Следы экспериментального удаления кальцинированной поверхности (без масштаба)
(фото П. В. Волкова)

Fig. 3. Traces of experimental removal of the calcined surface (not scaled)
(photo by P. V. Volkov)

треугольной формы, слегка выставленное вперед; ближнее к зрителю ухо определяется довольно длинной узкой белой чертой. Легко просматривается глаз лошади – округлое темное пятно, где были удалены следы кальцитового натека. Четко выделяется также уступ гривы, из чего можно сделать вывод, что грива жесткая и ее волосы торчат вертикально. Шея широкая, массивная и короткая, плавно переходящая в туловище. Линия спины слабо вогнута, круп закруглен умеренно. Задние ноги широко расставлены (в шаге или прыжке). У ноги, отставленной назад, выделяется бедренная часть и видно колено; изображение второй, вертикально ориентированной ноги, не просматривается, но видна частично сохранившаяся ее нижняя часть. В верхней части ноги соединены линией – пунктиром кальцитовых следов, возможно, оставленным намеренно немного ниже промежности. Хвост лошади длинный, его нижняя часть значительно шире той, что отходит от крупа. Передние ноги отсутствуют, не видно их начала на участке песчаника, прилегающем к нижней части груди и краю живота. Живот выпуклый. Вероятно, это изображение кобылы, по всей видимости, беременной. Плохо сохранилась нижняя часть живота лошади, что не позволяет с полной уверенностью говорить о том, намеревался ли автор подчеркнуть его выпуклость. Следует отметить и менее интенсивно окрашенное пятно на спине лошади в центральной части изображения, хорошо определяемое на трехмерном изображении¹; оно может быть интерпретировано как седло, или иного рода покрытие спины типа попоны (рис. 3). В целом, широкое, массивное, укороченное тело лошади отличается грузностью и тяжеловесностью, близостью к изображениям диких лошадей Пржевальского.

В ходе полевого сезона летом 2018 г. на петроглифе были проведены исследования, показавшие, что «какой-либо искусственной, специальной обработки скальной плоскости перед нанесением рисунка не выявлено, как на плоскости дислокации изображения, так и на окружающих его периферийных участках скалы» [Волков и др., 2018. С. 53]. Все процессы деформации стенки скального выхода происходили в различное время и имели естественный характер.

В ходе трасологического анализа поверхности зоны с рисунком был проведен ряд специальных экспериментов. Задачей являлась проверка возможности формирования изображения по предполагаемой «аппликативной» технологии.

Для этого на поверхности скального выхода песчаника, на удалении от рисунка лошади, но на аналогично ориентированной по сторонам света и сходной по структуре плоскости, были предприняты попытки удаления натёков кальцита различной интенсивности с помощью фрагмента, отколовшегося от скального массива того же девонского песчаника. В результате экспериментов установлено, что процесс удаления даже относительно тонкой и слабо сформированной кальцитовой корки требует очень больших усилий. Результаты 60-ти возвратно-поступательных движений каменного инструмента при протирке поверхности с большим нажимом хорошо показывают, что сколь-нибудь заметных успехов в удалении кальцита не получено (см. рис. 3). Очевидно, что для полного удаления «белого фона» требуется многочасовая работа, при которой маловероятна детальная проработка контура ожидаемого на поверхности скалы остатка кальцита в виде детального рисунка. Как один из результатов серии экспериментов следует отметить факт быстрого формирования на обрабатываемой поверхности линейных следов (см. рис. 3), образовавшихся от воздействия частиц более твердых минералов, входящих в состав девонского песчаника.

Эксперименты по протиранью непокрытых кальцитом поверхностей скалы предоставили характерные образцы. Среди результатов экспериментов следует отметить возможность быстрой и эффективной деформации обрабатываемой поверхности согласно намеченным планам образования светлого рисунка на темной поверхности патинизированной плоскости скалы. Площадь предполагаемого рисунка в 10 кв. см была сформирована десятком возвратно-поступательных движений орудием из того же девонского песчаника за пару минут рабочего

¹ Белая лошадь // Наскальное искусство Сибири. URL: <http://rockart.artemiris.org/ru/petroglyph/44>

времени. Характерны и неизбежно образующиеся, при таком воздействии на скальную поверхность, линейные следы (рис. 4).

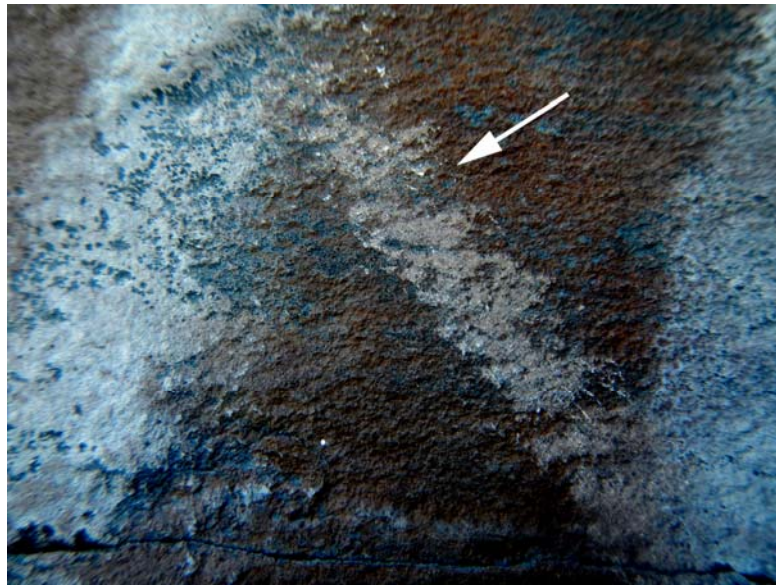


Рис. 4. Следы экспериментальной протирки поверхности песчаника (без масштаба)
(фото П. В. Волкова)

Fig. 4. Traces of experimental wiping on sandstone surface (not scaled)
(photo by P. V. Volkov)

При обследовании поверхности плоскости с рисунком лошади производилось микрофотографирование с помощью специализированной фотокамеры «Nikon». Для удобства иллюстрирования результатов трасологического анализа на схеме (рис. 5) отмечены зоны дислокации микросъемок, отображенных на последующих рисунках.

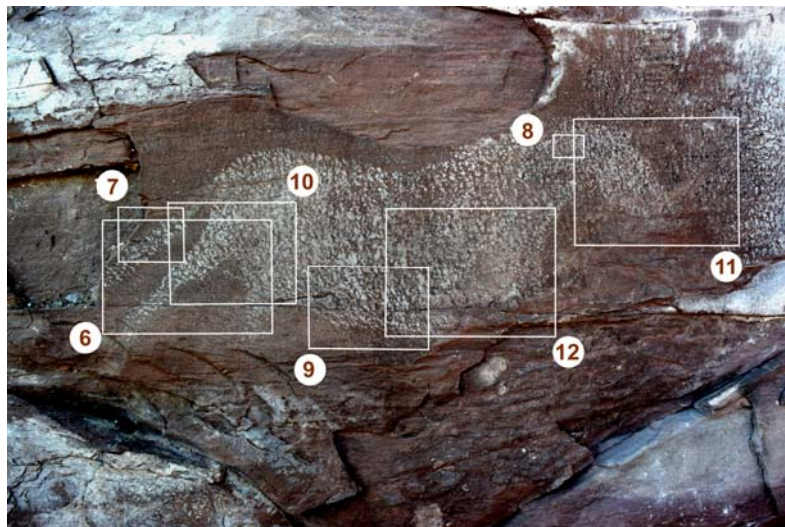


Рис. 5. Обозначение зон микрофотографирования,
представленных на иллюстрациях № 6–12 (без масштаба)
(фото П. В. Волкова)

Fig. 5. Legend for microphotographic zones shown in Figures 6–12 (not scaled)
(photo by P. V. Volkov)

Исследование поверхности вне контура рисунка не выявило следов искусственной деформации скальной структуры. Освещение рисунка лошади лучами солнца, идущими параллельно плоскости с изображением, дает возможность убедиться, что какого-либо воздействия на ее поверхность вне зоны рисунка не производилось. На фотографии хорошо видна потревоженная структура песчаника (рис. 6). Не фиксируются здесь не только неизбежно образующиеся при протирке характерные линейные следы, но и деформация выступающих элементов микрорельефа, неизбежно оказавшихся бы нивелированными (рис. 7).

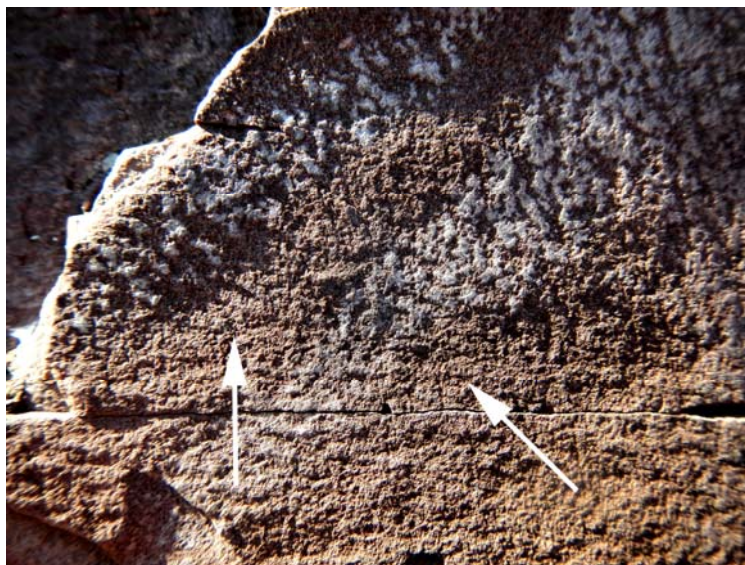


Рис. 6. Непотревоженная поверхность плоского рельефа скалы при косом освещении (без масштаба) (фото П. В. Волкова)

Fig. 6. Undisturbed surface of a flat rock relief under oblique light (not scaled) (photo by P. V. Volkov)



Рис. 7. Непотревоженная поверхность фрагмента выпуклого рельефа скалы при косом освещении (без масштаба) (фото П. В. Волкова)

Fig. 7. Undisturbed surface of a fragment on a convex part of rock under oblique light (not scaled) (photo by P. V. Volkov)



Рис. 8. Сглаженный рельеф на вытертой поверхности рисунка (без масштаба)
(фото П. В. Волкова)

Fig. 8. Smooth relief on the wiped surface of the image (not scaled)
(photo by P. V. Volkov)

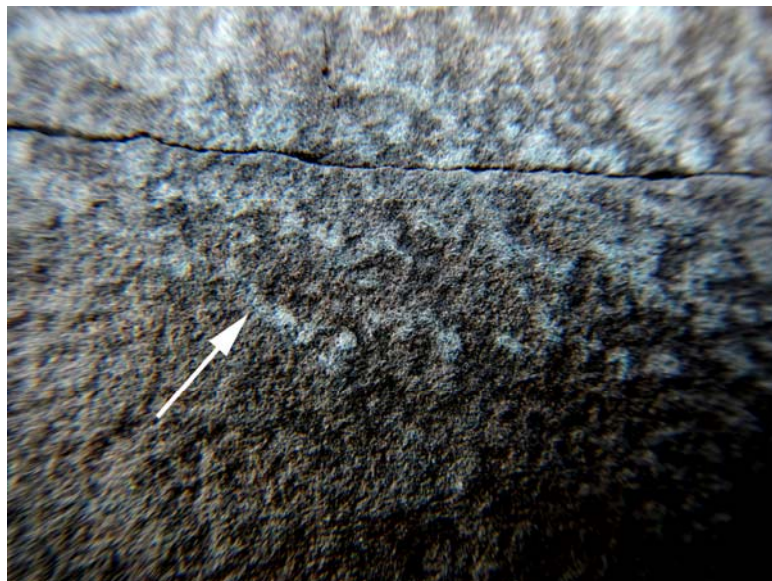


Рис. 9. Линейный характер дорисовки в нижней части изображения (без масштаба)
(фото П. В. Волкова)

Fig. 9. Linear nature of additional carving at the bottom of the image (not scaled)
(photo by P. V. Volkov)

Исследуя поверхность самого изображения, мы отметили выразительные, хорошо фиксируемые фототехникой следы искусственной деформации девонского песчаника (рис. 8). Воздействие инструмента привело практически к полной стертости микрорельефа, преобразованию его возвышающихся элементов в сглаженные куполообразные структуры.

Линейные следы на деформированной поверхности рисунка не выявлены. Это может быть объяснено тем, что в качестве сырья для инструмента протирки использовался не обычный

девонский песчаник, до сих пор в изобилии собираемый в раздробленном виде у подножья писаницы, а именно его интенсивно кальцинированные обломки. Мощные натеки кальцита на сравнительно мелких отдельностях камня могут успешно использоваться, как показал эксперимент, и в качестве орудия протирки, и одновременно как светлый (белый) краситель.

Изучение структуры изображения и технологические аспекты его формирования дают основание предполагать многоэтапность образования рисунка. Очень вероятно, что некоторые из фрагментов изображения выполнялись различными людьми.

Как показал анализ, при нанесении основного изображения лошади применялась техника, использующая возвратно-поступательные движения орудия с многократным воздействием инструмента на затираемую площадь. В результате такого рода работы на самом изображении образовалась поверхность со следами плотной, равномерной белой окраски.

Нижняя часть изображения лошади выполнена в иной манере. Движения красяще-протирающего инструмента здесь линейны и однонаправлены (рис. 9). На фотографии хорошо видна однородность структуры протирки окраски подбрюшья лошади в верхней части снимка и линейность поздней дорисовки, придающей образу лошади более яркие черты палеолитических прототипов. Автор «подправки», используя, вероятно, незнакомую ему технику, сформировавшую основное изображение лошади, не был столь искусен, как его предшественник. Его движения были не только исключительно линейны, но и более размашисты, чем это было необходимо. Такого рода «неаккуратность» дорисовки изначального образа лошади дополнилась вследствие этого «лишним» элементом между ее ног (рис. 10).



Рис. 10. Левый край линии, изменившей контур в нижней части рисунка (без масштаба)
(фото П. В. Волкова)

Fig. 10. Left edge of the line which changed its outline at the bottom of the picture (not scaled)
(photo by P. V. Volkov)

В совершенно иной технике выполнена и такая деталь в общем изображении, как «рог» лошади (рис. 11). В основном здесь использовался ударный инструмент. Есть немного следов протирки. «Доводка» до образа «единорога» привела к уничтожению темной патины плоскости скального выхода. Работа выполнена, судя по ряду признаков, совсем недавно.

На основном рисунке лошади во времена столь же не отдаленные образовались и следы воздействия рук, вероятно, его почитателей. Наиболее интенсивные следы такого рода истирания фиксируются на груди лошади (рис. 12). На фотографии хорошо видно, что красящие

элементы кальцита, собранные на эластичную кожу пальцев с куполов микрорельефа основной зоны окрашивания лошади, проникают вглубь рельефа камня много дальше, чем это происходило при изначальной протирке ее изображения.



Рис. 11. Следы, образовавшиеся при формировании «рога» у лошади (без масштаба)
(фото П. В. Волкова)

Fig. 11. Traces formed while carving a "horn" (not scaled)
(photo by P. V. Volkov)

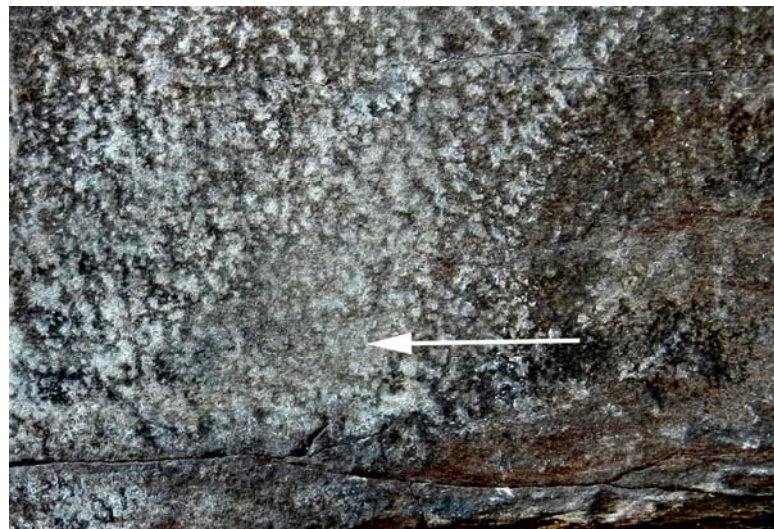


Рис. 12. Следы разрушения микрорельефа красителя на поверхности рисунка (без масштаба) (фото П. В. Волкова)

Fig. 12. Traces of destruction in the microrelief of the dye on the image surface (not scaled) (photo by P. V. Volkov)

Учитывая общее несовершенство техники формирования рисунка, в первую очередь неглубокое проникновение кальцита в структуру микрорельефа плоскости девонского песчаника, можно предположить ее быстрое выцветание от воздействия влаги на протяжении короткого

времени. Следы затертости, сформировавшие изображение, после вымывания кальцита будут, вероятно, заметны еще некоторое время.

На участке с изображением фиксируется слишком равномерное покрытие кальцитом на относительно большой плоскости. Это не характерно для общей картины распространения кальцита по всей остальной плоскости скального выхода. Площадь равномерного кальцитового покрытия на изображении лошади крайне неестественна.

Использование фотограмметрии как способа документирования петроглифов и получение качественной трехмерной модели изображения подтверждают выводы, изложенные выше.

Таким образом, экспериментальные и трасологические наблюдения позволяют утверждать, что датировка изображения «Белой Лошади» временем палеолита крайне сомнительна.

В марте 2019 г. были получены результаты радиоуглеродной датировки кальцитовых натеков, которую проводили на уникальной научной установке «Ускорительный масс-спектрометр ИЯФ СО РАН» (далее, УНУ УМС ИЯФ СО РАН) [Parkhomchuk, Rastigeev, 2011]. Натек счищали с фрагмента породы и без какой-либо химической обработки направляли на процедуру зауглероживания. Зауглероживание проб осуществляли в Лаборатории радиоуглеродных методов анализа (ЛРМА) НГУ на абсорбционно-каталитической установке, включающей стадии сжигания, сорбции углекислого газа на селективном сорбенте, десорбции и каталитического восстановления CO_2 водородом [Lysikov et al., 2018]. Аналогичной процедуре зауглероживания, помимо исследовательских образцов, подвергались также стандартные образцы щавелевой кислоты: OxI и SRM 4990C (OxII). Относительное содержание радиоуглерода $^{14}\text{C} / ^{13}\text{C}$ в исследовательских образцах нормировалось на содержание $^{14}\text{C} / ^{13}\text{C}$ в современном углероде, определяемом по стандартным образцам. Далее зауглероженные образцы прессовались и направлялись на определение содержания радиоуглерода на УНУ УМС ИЯФ СО РАН (см. таблицу). Трудность зауглероживания образцов натеков состояла в низком содержании углерода в пробах, поэтому многие образцы датировались по одной пробе натека. Радиоуглеродный возраст кальцитовых натеков составил не более 5 тыс. л. (верхняя граница в пределах до 500–700 л. н.).

Результаты датирования образцов кальцитовых натеков на скальных выходах на площади памятника (Республика Хакасия, Орджоникидзевский район, с. Июс, Черная гора)

Results of dating for samples of calcite stains on rock outcrops at the site (Republic of Khakassia, Ordzhonikidze district, Iyus village, Chernaya Gora)

Шифр образца	Тип образца	Исходный код (по паспорту)	Радиоуглеродный возраст
NSKA 02053	Девонский песчаник с кальцитовой коркой	1-BL	современный
NSKA 02054 *	Девонский песчаник с кальцитовой коркой	2-BL	642 ± 125
NSKA 02054 *	Девонский песчаник с кальцитовой коркой	2-BL	$1\,112 \pm 101$
NSKA 02055 *	Девонский песчаник с кальцитовой коркой	3-BL	$3\,770 \pm 155$
NSKA 02055 *	Девонский песчаник с кальцитовой коркой	3-BL	$5\,217 \pm 133$
NSKA 02056 *	Девонский песчаник с кальцитовой коркой	4-BL	$1\,969 \pm 129$
NSKA 02056 *	Девонский песчаник с кальцитовой коркой	4-BL	917 ± 149
NSKA 02057	Девонский песчаник с кальцитовой коркой	5-BL	658 ± 132

Примечание: символом «*» отмечены образцы, на которых забор пробы проводился дважды на разных участках (разница результатов оценки возраста подтверждает неравномерность формирования кальцитового натека на образце).

В контексте проводимых исследований это означает, что изображение лошади было нанесено на скальную поверхность кальцитом, возраст которого относится к позднему голоцену, в археологической хронологии не ранее эпохи энеолита – ранней бронзы. Не исключено при этом и значительно более позднее время появления петроглифа.

В связи с результатами датировки кальцита появилась и необходимость поиска аналогий петроглифу «Белая лошадь» уже не в сфере позднепалеолитического искусства Европы, а среди географически более близких наскальных изображений Минусинской котловины.

Дискуссия

При изучении результатов исследований наскальных изображений данного района было выявлено множество аналогий с изображением с г. Черной. Так, например, в устье р. Сосновки Джойской (правого притока Енисея) обнаружен комплекс изображений, датируемых энеолитом, среди которых различаются массивные фигуры лошадей, выполненные охрой [Шер, 1980. С. 133–134].

Можно также отметить гравированное изображение головы лошади с тяжелой челюстью и полной массивной шеей на Кунинской писанице, обнаруженной А. В. Адриановым в 1907 г. на г. Куны между реками Енисей и Биджа; датировка этих изображений не ясна и требует дополнительного исследования [Там же. С. 144–147].

На Шалаболинской писанице на правом берегу р. Тубы было обнаружено множество изображений лошадей, по ряду признаков (грузность, массивность, выпуклый живот) схожих с петроглифом «Белая Лошадь». Например, лошадь без головы на камне 12, лошадь без живота и задних ног на камне 22, массивные лошади с непропорционально маленькими головами и приоткрытыми ртами на камнях 32–33 и др. [Пяткин, Мартынов, 1985. С. 24–43]. Рисунки этой писаницы разновременные и датируются временем от энеолита до железного века [Шер, 1980. С. 156; Пяткин, Мартынов, 1985. С. 5].

Аналогичное изображение было найдено также на скалах Оглахты на берегу Красноярского водохранилища. Комплекс петроглифов на данном местонахождении датируется периодами неолита, ранней бронзы и тагарского времени [Шер, 1980. С. 156–160; Миклашевич и др., 2015. С. 56]. На спине этой грузной лошади с выпуклым животом, выполненной в технике выбивки и частично покрытой кальцитовым налетом, ясно различается изображение седла, что может служить ориентиром при датировке. В то же время для установления относительно точной даты создания петроглифа требуется дополнительно провести анализ данных палеоклиматологии и палеозоологии (поскольку на данный момент лошади, схожие с изображенной на Оглахты, на территории Минусинской котловины не обитают), а также технологических аспектов изображений [Миклашевич и др., 2015. С. 61].

Кроме того, массивные, грузные фигуры лошадей, схожие в стилистическом отношении с «Белой Лошадью» и изображениями с Шалаболино и Оглахты, присутствуют на писанице Усть-Туба, расположенной на южном склоне г. Тепсей и предварительно датируемые неолитом – эпохой бронзы, раннетагарским и древнетюркским временем [Шер, 1980. С. 150–157]. Можно найти изображение лошади с некоторыми общими с петроглифом с г. Черной чертами, близкими стилистическими особенностями и на петроглифическом комплексе Улазы в Новоселовском районе Красноярского края, датируемым периодами бронзы и Средневековья [Мухарева, 2012. С. 68–69]. Здесь это изображение является частью композиции: за описанной лошадью следует всадник на коне.

Вообще для ранних этапов развития наскального искусства Минусинской котловины характерны такие стилистические черты, как грузность, массивность изображаемых фигур животных, укороченность их ног, подквадратная форма туловищ, горизонтальное размещение на плоскости, первобытный реализм. Эти петроглифы выделяются в енисейскую (минусинскую) изобразительную традицию [Дэвлет, Дэвлет, 2011. С. 88–89].

Схожие грузность и массивность при некоторых отличиях (суховатые длинные ноги, наклонное расположение на плоскости) присутствуют и рисунках «ангарского стиля» [Там же.

С. 89]. Тем не менее, несмотря на различия между двумя этими изобразительными традициями, в некоторых случаях можно наблюдать далекие от классических варианты, когда элементы минусинского и ангарского стилей в наскальных изображениях комбинировались так, что исследователи отмечали это явление либо как эклектику [Подольский, 1973. С. 271], либо как переходный этап от минусинской традиции к ангарской [Советова, Миклашевич, 1999. С. 56, 57]; иногда, как в случае с петроглифами раннего пласта Шалаболинской писаницы, изображения вообще не разделяются по стилю на минусинский и ангарский [Пяткин, Мартынов, 1985]. Относительно сказанного стоит отметить, что изображения, объединяющие характерные, казалось бы, для описанных изобразительных традиций признаки, могут представлять собой даже не переходную, а вполне самостоятельную группу. Поэтому необходимо уяснить, как она соотносится с минусинской изобразительной традицией – является ли она более поздней или существует одновременно [Миклашевич и др., 2015. С. 61].

Заключение

Подводя итоги нашего исследования следует в первую очередь заявить, что формирование образа «Белой Лошади» на скальной поверхности Черной горы происходило в несколько этапов. После оформления основного рисунка животного на втором этапе формирования изображения, т. е. позже и уже в иной технике, в композицию были добавлены элементы контура подбрюшья лошади и «рог» на ее голове (рис. 13). Радиоуглеродное датирование кальцитовых натеков показывает время их формирования в пределах позднеголоценового времени, что по археологической периодизации соответствует эпохе палеометалла.

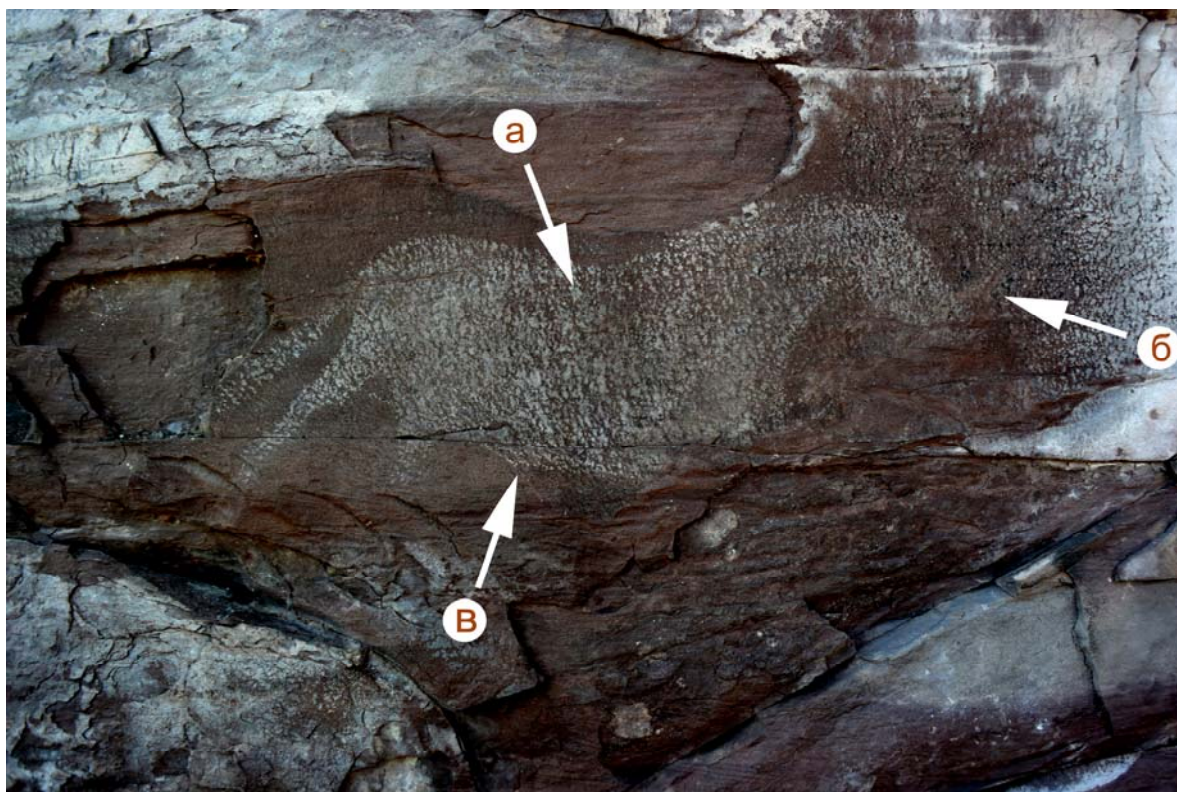


Рис. 13. Этапы формирования образа «Белой Лошади»: а – первый этап; б – второй этап; в – финальный этап (без масштаба) (фото П. В. Волкова)
 Fig. 13. Stages of forming the image of “Belaya Loshad” (White Horse): а – first stage; б – second stage; в – final stage (not scaled) (photo by P. V. Volkov)

В целом, на основании полученных данных (химического анализа кальцитов и экспериментально-трассологического изучения поверхностей) этот петроглиф нельзя определить, как изображение эпохи верхнего палеолита. Скорее всего, он датируется временем не ранее эпохи бронзы. Стилистический анализ предполагает, что имеющееся изображение в определенной степени может вписаться в общую, относительно позднюю, изобразительную традицию региона. Созданная 3D модель ² позволяет получить наглядное изображение объекта, которое можно будет использовать в развитии дискуссии.

В связи с полученными результатами есть основания сделать ряд выводов и относительно общей интерпретации комплекса, получившего в туристической сфере современной культуры Хакасии наименование фантастического характера – «храм Времени» ³. Сохранность объекта представляет собой серьезную проблему в связи со стремительным разрушением поверхности скальной плиты.

Список литературы

- Алкин С. В. Реки времени В. Е. Ларичева // *Universum Humanitarium*. 2017. № 2. С. 18–24.
- Волков П. В., Лбова Л. В., Рие М. Предварительные результаты экспериментально-трассологического исследования петроглифа Белая лошадь в Минусинской котловине // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск. Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2018. Т. 24. С. 52–55.
- Гиенко Е. Г., Паршиков С. А. В. Е. Ларичев. Астроархеологические экспедиции в Северной Хакасии // *Universum Humanitarium*. 2017. № 2. С. 25–31.
- Дэвлет Е. Г. Памятники наскального искусства. Изучение, сохранение, использование. М.: Научный мир, 2002. 240 с.
- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Сокровища наскального искусства Северной и Центральной Азии. М.: Изд-во ИА РАН, 2011. 379 с.
- Ларичев В. Е. «Белая лошадь» Черной горы (астрономические аспекты памятника и астральная подоснова искусства древнекаменного века Сибири) // *Древние культуры Южной Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск, 1994. С. 9–39.
- Миклашевич Е. А., Бове Л. Л., Зоткина Л. В., Солодейников А. К., Тыхтерев А. С. Исследование петроглифов древнейшего пласта на береговых скалах Оглахты в 2014 году // *Вестник Кемеров. гос. ун-та*. 2015, Т. 3, № 1 (61). С. 55–65.
- Молодин В. И., Черемисин Д. В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. Новосибирск: Наука, 1999. 160 с.
- Мухарева А. Н. Петроглифы местонахождения Улазы III // *Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская, Лынищенская, Улазы III, Сосниха*. Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. Вып. 10. С. 56–71.
- Подольский Н. Л. О принципах датировки наскальных изображений // *СА*. 1973. № 3. С. 265–275.
- Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск: Изд-во КГУ, 1985. 192 с.
- Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // *Археология, этнография и музейное дело*. Кемерово: КемГУ, 1999. С. 47–74.
- Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

² URL: <http://rockart.artemiris.org/ru/petroglyph/44>

³ Экскурсия по местам силы «Сундуки» – «Храм времени предков» // Туристическая компания Discovery Сибири. URL: <https://www.discovery-khakasia.ru/ekskursii/item/34-ekskursiya-na-sunduki-khram-vremeni.html>

- Parkhomchuk V. V., Rastigeev S. A.** Accelerator mass spectrometer of the center for collective use of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. *Journal of Surface Investigation*, 2011, vol. 5, no. 6, p. 1068–1072.
- Lysikov A. I., Kalinkin P. N., Sashkina K. A., Okunev A. G., Parkhomchuk E. V., Rastigeev S. A., Parkhomchuk V. V., Kuleshov D. V., Vorobyeva E. E., Dralyuk R. I.** Novel Simplified Absorption-Catalytic Method of Sample Preparation for AMS analysis designed at the Laboratory of Radiocarbon Methods of Analysis (LRMA) in Novosibirsk Akademgorodok. *International Journal of Mass-Spectrometry*, 2018, vol. 433, p. 11–18.

References

- Alkin S. V.** Reki vremeni V. E. Laricheva [Rivers of Time by V. E. Larichev]. *Universum Humanitarium*, 2017, no. 2, p. 18–24. (in Russ.)
- Devlet E. G.** Pamyatniki naskal'nogo iskusstva. Izucheniye, sohraneniye, ispol'zovaniye [Rock Art. Reserch, Conservation, Usage]. Moscow, Nauchnyi mir Publ., 2002, 240 p. (in Russ.)
- Devlet E. G., Devlet M. A.** Sokrovishcha naskal'nogo iskusstva Severnoi i Tsentral'noi Azii [Rock Art Treasures of North and Central Asia]. Moscow, IA RAS Publ., 2011, 379 p. (in Russ.)
- Gienko E. G., Parshikov S. A.** V. E. Larichev. Astroarkheologicheskie ekspeditsii v Severnoi Khakasii [V. E. Larichev. Astroarchaeology Expeditions in the North of Khakassia]. *Universum Humanitarium*, 2017, no. 2, p. 25–31. (in Russ.)
- Larichev V. E.** Belaya Loshad' Chernoi Gory (astronomicheskie aspekty pamyatnika i astral'naya podosnova iskusstva drevnekamennogo veka Sibiri) [White Horse of the Black Mountain (Astronomical Aspects of the Site and the Astronomic Foundation of the Art of Siberian Ancient Stone Age)]. In: Drevnie kul'tury Yuzhnoi Sibiri i Dal'nego Vostoka [Ancient Cultures of Southern Siberia and the Far East]. Novosibirsk, 1994, p. 9–39. (in Russ.)
- Lysikov A. I., Kalinkin P. N., Sashkina K. A., Okunev A. G., Parkhomchuk E. V., Rastigeev S. A., Parkhomchuk V. V., Kuleshov D. V., Vorobyeva E. E., Dralyuk R. I.** Novel Simplified Absorption-Catalytic Method of Sample Preparation for AMS analysis designed at the Laboratory of Radiocarbon Methods of Analysis (LRMA) in Novosibirsk Akademgorodok. *International Journal of Mass-Spectrometry*, 2018, vol. 433, p. 11–18.
- Miklashevich E. A., Bove L. L., Zotkina L. V., Solodeinikov A. K., Tekhterekov A. S.** Issledovanie petroglifov drevneishego plasta na beregovykh skalakh Oglakhty [A Study of the Oldest Formation Petroglyphs of Oglakhty Coastal Rocks in 2014]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2015, vol. 3, no. 1 (61), p. 55–65. (in Russ.)
- Molodin V. I., Cheremisin D. V.** Drevneishie naskal'nye izobrazheniya ploskogor'ya Ukok [The Oldest Rock Art Images on the Ukok Plateau]. Novosibirsk, Nauka, 1999, 160 p. (in Russ.)
- Mukhareva A. N.** Petroglify mestonakhozhdeniya Ulazy III [Petroglyphs of the Ulazy III Rock Art Site]. Pamyatniki naskal'nogo iskusstva Minusinskoj kotloviny: Georgievskaya, L'nishchenskaya, Ulazy III, Sosnikha. Trudy Sibirskoi assotsiatsii issledovatelei pervobytnogo iskusstva [Rock Art Sites of the Minusinsk Basin: Georgievskaya, L'nishchenskaya, Ulazy III, Sosnikha. Proceedings of the Siberian Association of Primitive Art Researchers]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2012, vol. 10, p. 56–71. (in Russ.)
- Parkhomchuk V. V., Rastigeev S. A.** Accelerator mass spectrometer of the center for collective use of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. *Journal of Surface Investigation*, 2011, vol. 5, no. 6, p. 1068–1072.
- Podolsky N. L.** O principakh datirovki naskal'nykh izobrazhenii [On the Principles of Dating Rock Art Images]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1973, no. 3, p. 265–275. (in Russ.)
- Pyatkin B. N., Martynov A. I.** Shalabolinskie petroglify [Petroglyphs of Shalabolino]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Uni. Publ., 1985, 192 p. (in Russ.)

- Sher Ya. A.** Petroglify Srednei i Tsentral'noi Azii [Petroglyphs of the Middle and Central Asia]. Moscow, Nauka, 1980, 328 p. (in Russ.)
- Sovetova O. S., Miklashevich E. A.** Khronologicheskie i stilisticheskie osobennosti sredneeniseiskikh petroglifov (po itogam raboty Petroglificheskogo Otryada Yuzhnosibirskoi Arkheologicheskoi Expeditsii KemGU) [Chronological and Stylistic Features of the Middle Yenisei Petroglyphs (based on the results of the Petroglyphic Southern-Siberian archaeological expedition organized by KemSU)]. In: Arkheologiya, etnografiya i muzeinoe delo [Archaeology, Ethnography and Museums]. Kemerovo, Kemerovo State Uni. Publ., 1999, p. 47–74. (in Russ.)
- Volkov P. V., Lbova L. V., Rie M.** Predvaritel'nye resul'taty experimental'no-trasologicheskogo issledovaniya petroglifa Belaya Loshad' v Minusinskoj kotlovine [Preliminary Results of the Traceological Study of the Petroglyph White Horse in the Minusa Region]. In: Problemy arkheologii, etnografii i sopredel'nykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2018, vol. 24, p. 52–55. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
12.07.2019

Сведения об авторах

Волков Павел Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
volkov100@yandex.ru

Буравлёва Елизавета Сергеевна, студентка Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
buravleva.elizaveta@yandex.ru

Лбова Людмила Валентиновна, доктор исторических наук, профессор, профессор Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
lbovapnr5@gmail.com
ORCID 0000-0003-4103-7785

Кулешов Дмитрий Викторович, младший научный сотрудник, Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
kuleshov@catalysis.ru

Information about the Authors

Pavel V. Volkov, Doctor of History, Leading Researcher at the Laboratory of Humanitarian Research at the Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

volkov100@yandex.ru

Elizaveta S. Buravleva, Student at the Humanitarian Institute of Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

buravleva.elizaveta@yandex.ru

Liudmila V. Lbova, Doctor of History, Full professor, Professor at the Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

lbovapnr5@gmail.com

ORCID 0000-0003-4103-7785

Dmitry V. Kuleshov, Junior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

kuleshov@catalysis.ru

Технологический анализ украшений из бирюзы (по материалам находок из могильника скифского времени Ак-Даг I в Тыве)

П. В. Волков¹, **О. А. Митько**¹, **Ю. С. Губар**^{1,2}
Р. В. Давыдов^{1,2}, **И. С. Половников**^{1,2}

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

Аннотация

Представлены результаты изучения элементного состава и технологии изготовления украшений из бирюзы, обнаруженных в кургане № 1 могильника раннескифского времени Ак-Даг I в Тыве. Для определения элементного состава минерала использовался метод сканирующей электронной микроскопии и энергодисперсионной рентгеновской спектроскопии. Элементный состав и соотношение элементов в образцах свидетельствуют о том, что предметы изготовлены из бирюзы. Необычно высоким является содержание циркония, что может выступать маркером для определения месторождения, с которого получено сырье. Трасологическое исследование артефактов базировалось на методике экспериментально-трассологического анализа. В результате установлено, что изготовление артефактов происходило в три этапа. Первоначально формировались основные плоскости заготовок, шлифовались торцы. На втором этапе работы производилось сверление, точки начала которого располагались на узких торцах изделий; наблюдаемые следы свидетельствуют об использовании станкового скоростного сверления. На финальном этапе происходила обработка изделий на мелкозернистом абразиве, в результате чего им была придана сглаженная форма. В целом технологию производства можно охарактеризовать как относительно совершенную. Ближайшие аналогии обнаружены в том же районе Тывы – в кургане № 6 могильника Саускен. Подобный способ наклонного сверления встречается также у скифов Алтая на изделиях из камня.

Ключевые слова

Южная Сибирь, Тыва, раннескифское время, могильник Ак-Даг I, бирюза, украшения, микроскопический анализ, элементный состав, технология обработки

Благодарности

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 1.5041.2017/ВУ (П. В. Волков); № 33.5677.2017/8.9 (О. А. Митько)) и проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2019-0010 «Реконструкция природных условий и способы адаптации к ним населения Евразии в четвертичном периоде» (И. С. Половников)

Для цитирования

Волков П. В., Митько О. А., Губар Ю. С., Давыдов Р. В., Половников И. С. Технологический анализ украшений из бирюзы (по материалам находок из могильника скифского времени Ак-Даг I в Тыве) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография. С. 74–86. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-74-86

Technological Analysis of Turquoise Jewelry (Based on Finds from the Scythian Burial Ground of Ak-Dag I in Tyva)

P. V. Volkov¹, O. A. Mitko¹, Yu. S. Gubar^{1,2}
R. V. Davydov^{1,2}, I. S. Polovnikov^{1,2}

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

² Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Purpose. The article presents results of studying the elemental composition and manufacturing technology of turquoise jewelry found in barrow 1 of the Ak-Dag I burial ground of the early Scythian time. Scanning electron microscopy and energy dispersive X-ray spectroscopy were used to determine the elemental composition of the mineral. The presence and ratio of the number of elements in the table indicates that the items are made of turquoise. The basic elements of the mineral include oxides of copper, phosphorus, aluminum and iron. A relatively large amount of iron oxide gives turquoise minerals a more saturated green color. The composition of the samples under study is extremely rich in zirconium, which allows us to identify the field where the raw material was obtained.

Results. A traceological study of the artifacts considered was based on the proven methodology of experimental-traceological analysis. As a result of experimental and technological research, we conclude that the process of manufacturing occurred in three stages. Initially, the formation of the main planes of the workpieces and grinding of the ends took place. At the second stage the artifacts were drilled, the starting points of drilling were located at the narrow ends of the items. The traces of work that are visible on the artifacts indicate the use of easel, high-speed drilling. At the third stage the artifacts were processed with a fine-grained abrasive, as a result of which the final products were given a smoothed shape.

Conclusion. In general, the production technology of the artifacts considered can be described as relatively perfect. There were closest analogues of the products from the Ak-Dag I site found in the same region. A similar method of inclined drilling was also used by the Scythians of Altai on their stone products.

Keywords

South Siberia, Tyva, Early Scythian time, Ak-Dag I burial ground, turquoise, jewelry, microscopic analysis, elemental composition, processing technology

Acknowledgements

The study was carried out as part of a state assignment in the field of scientific activity (project No. 1.5041.2017/BY) (P. V. Volkov), the project of a state assignment in the field of scientific activity (project No 33.5677.2017/8.9) (O. A. Mitko) and the project of the scientific and research institute of the IAET SB RAS № 0264-2019-0010 "Reconstruction of natural conditions and how to adapt the population of Eurasia to them Quaternary period" (I. S. Polovnikov)

For citation

Volkov P. V., Mitko O. A., Gubar Yu. S., Davydov R. V., Polovnikov I. S. Technological Analysis of Turquoise Jewelry (Based on Finds from the Scythian Burial Ground of Ak-Dag I in Tyva). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 74–86. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-74-86

Введение

Во все времена и практически у всех народов украшения из бирюзы, отличающиеся яркой цветовой гаммой, включающей все оттенки голубого и зеленого цветов, пользовались особой популярностью. Как и другие виды украшений, они были связаны с двумя основными функциями: эстетической и магической. «Любимый камень Востока» и «священный камень Тибета», как называли бирюзу в Азии, мастера-ювелиры ценили за легкость обработки, позволяющей придать изделию необходимую форму [Менчинская, 1981. С. 9].

Особенно широкое распространение этот минерал получил в раннем железном веке у скотоводов Евразии. Он служил сырьем, из которого изготавливались бусы, подвески, нашивки и вставки в украшения, отлитые из бронзы и золота. Находки в археологических памятниках подобных изделий позволили И. П. Засецкой выделить в рамках полихромного художествен-

ного стиля отдельное направление – «сарматский полихромно-бирюзовый звериный стиль», сформировавшийся в этнокультурной среде сармато-аланской общности. По ее мнению, звериные мотивы и инкрустация бирюзой являлись одним из главных художественных направлений в сарматском искусстве [Засецкая, 1989. С. 46].

Есть основания считать, что бирюзово-золотой стиль сложился намного раньше I–II в. н. э., а ареал его распространения охватывал не только западные, но и центральные регионы степного пояса Евразии. Золотые миниатюры, выполненные в традиционном для скифского искусства зверином стиле с бирюзовыми вставками, были обнаружены на целом ряде сакских памятников Центрального и Восточного Казахстана (курган Байгетобе, могильник Чиликты и ряд других). Что касается бус из бирюзы, то в Приаргунье на р. Барун-Кондую в одном из кенотафов плиточных могил был обнаружен золотой браслет из витой проволоки, пронизка и ожерелье из 28 сердоликовых и 7 бирюзовых бусин. Отметим, что бирюзовые бусы из этого памятника имеют цилиндрическую и плоскую четырехугольную форму. По мнению Ю. С. Гришина, бусы из бирюзы и сердолика имеют юго-восточное происхождение [1975. С. 101. Рис. 19, 3]. Н. Н. Диков считал, что сердоликовые бусы происходят из Индии, а бирюзовые – из Средней Азии и Ирана [1958. С. 66].

На территории Южной Сибири наиболее ранние образцы изделий из бирюзы зафиксированы на памятнике рубежа VIII–IX вв. Аржан-1. Они имеют различные геометрические формы, но их объединяет общий признак – небольшие размеры и уплощенность [Грязнов, 1980. С. 20. Рис. 10, 2]. Большое количество бирюзовых бус и подвесок, имеющих, как правило, одно сквозное отверстие, было обнаружено в кургане Аржан-2 [Чугунов и др., 2017. С. 166].

Несмотря на уже имеющиеся определенные успехи и результаты, в настоящее время изучение бирюзы – как отдельных самостоятельных украшений, так и в виде вставок на предметах, изготовленных из драгоценных металлов, – только начинается. Уже первые результаты их анализов методами наук естественного профиля показали сложность структурного состава в разных вставках и указали на необходимость дальнейшего проведения исследований на различных образцах. Следует отметить, что существует также проблема идентификации бирюзы из археологических памятников Алтае-Саяна, что связано с отсутствием базы данных проб, взятых из мест древних разработок, с которыми можно было бы произвести детальное сравнение [Марсадолов и др., 2013. С. 137].

Целью данной публикации является обсуждение результатов изучения химического состава и технологии изготовления происходящих из могилы № 1 кургана № 1 могильника раннескифского времени Ак-Даг I в долине р. Эрбек в Тыве двух предметов украшений из бирюзы, изготовленных с применением нестандартных и трудоемких методов. Несмотря на простую форму, их отличают тонкость исполнения работы и технические приемы сверления отверстий, требующие не только профессиональных навыков, но и набора необходимых инструментов (рис. 1–5).

Могильник Ак-Даг I относится к уюкской [Кызласов, 1979. С. 33–41] или алды-бельской [Грач, 1980. С. 29–30] культуре раннего железного века Тывы. По результатам антропологического анализа было сделано заключение, о том, что в могиле № 1 кургана № 1 захоронили мужчину зрелого возраста. В публикации материалов раскопок два небольших артефакта, изготовленных из минерала зеленого цвета, были определены, как украшения, крепившиеся на тканевую или кожаную основу [Тетерин, Митько, 2014. С. 140. Рис. 7, 9, 10].

Результаты исследований и их обсуждение

Артефакты представляют собой две плоские пластинки-нашивки прямоугольной формы с отверстиями для крепления. Их отличительной особенностью являлось расположение каналов отверстий наклонно от двух противолежащих торцов изделия к его тыльной стороне (см. рис. 1). Нашивка № 1 имела размеры 14 × 12 мм, ширина отверстий – 2 мм (рис. 1, а). Экземпляр № 2 имел размеры 13,5 × 12 мм, ширина отверстий – 1,9 мм (рис. 1, б). Благодаря использованию техники наклонного сверления нити крепления нашивок на мягкую основу бы-

ли скрыты, что акцентировало внимание зрителей непосредственно на минералах. С эстетической точки зрения данный технический прием делал украшение намного привлекательнее по сравнению с распространенным способом крепления через край в вертикально просверленные сквозные отверстия (рис. 1, в).

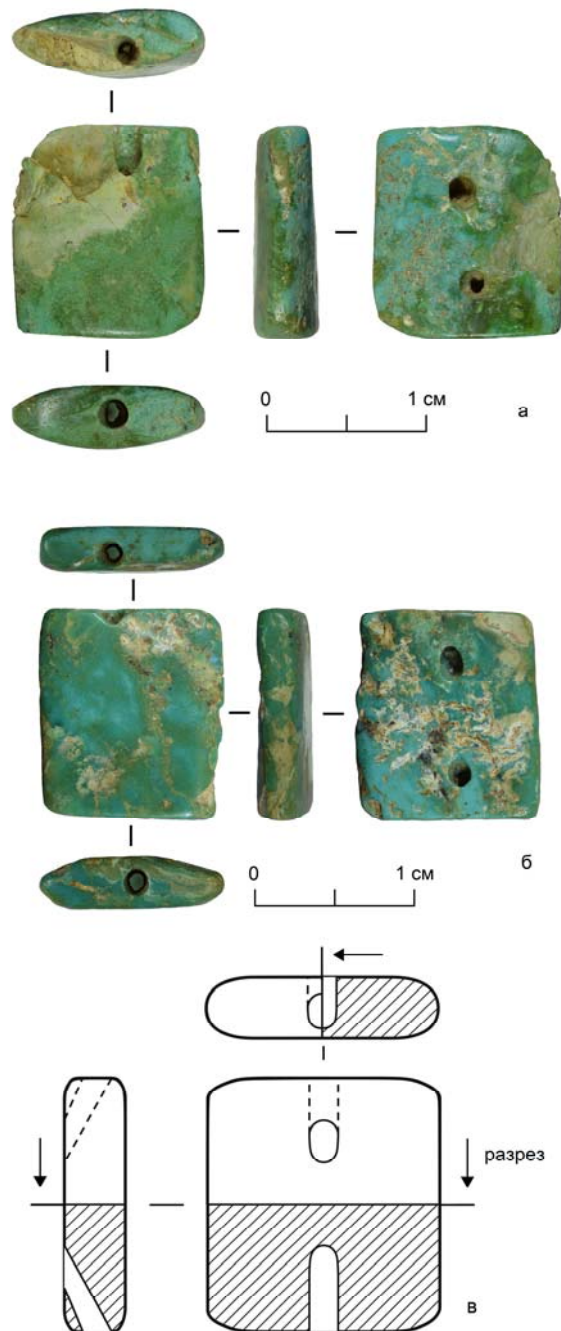


Рис. 1. Нашивки из бирюзы из могилы № 1 кургана № 1 могильника Ак-Даг I (без масштаба):

a – изделие № 1; *б* – изделие № 2; *в* – схематичный чертеж изделия № 1
(фото и прорисовка авторов)

Fig. 1. Artifacts of turquoise from grave 1, barrow 1 of burial site Ak-Dag I (no scale):

a – artifact no. 1; *б* – artifact no. 2; *в* – layout of artifact no. 1
(photo and drawing by authors)

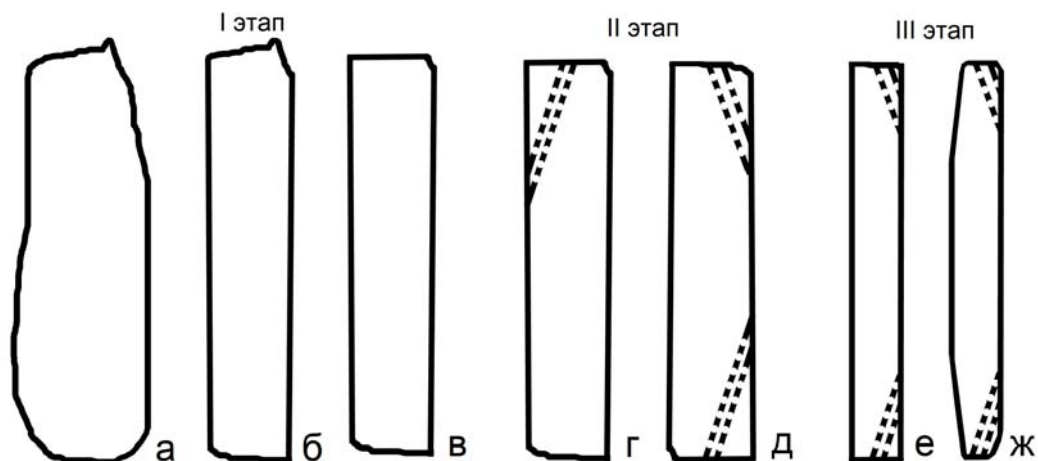


Рис. 2. Схема трех этапов формирования нашивок из бирюзы из могилы № 1 кургана № 1 могильника Ак-Даг I (без масштаба): а-в – этап формирования заготовки; г, д – этап сверления; е, ж – завершающий этап шлифовки
Fig. 2. Scheme of the three stages of making turquoise artifacts from grave 1, barrow 1 of burial site Ak-Dag I (no scale): а-в – piece formation, г, д – drilling phase; е, ж – final grinding step



Рис. 3. Лицевая и обратная стороны (а, б) нашивки из бирюзы № 1 со следами сверления на торцах изделия (в, г) из могилы № 1 кургана № 1 могильника Ак-Даг I (без масштаба) (фото П. В. Волкова)
Fig. 3. Front and reverse side (а, б) of turquoise artifact no. 1, traces of drilling on the artifact edges (в, г) from grave 1, barrow 1 of burial site Ak-Dag I (w/o scale) (photo by P. V. Volkov)

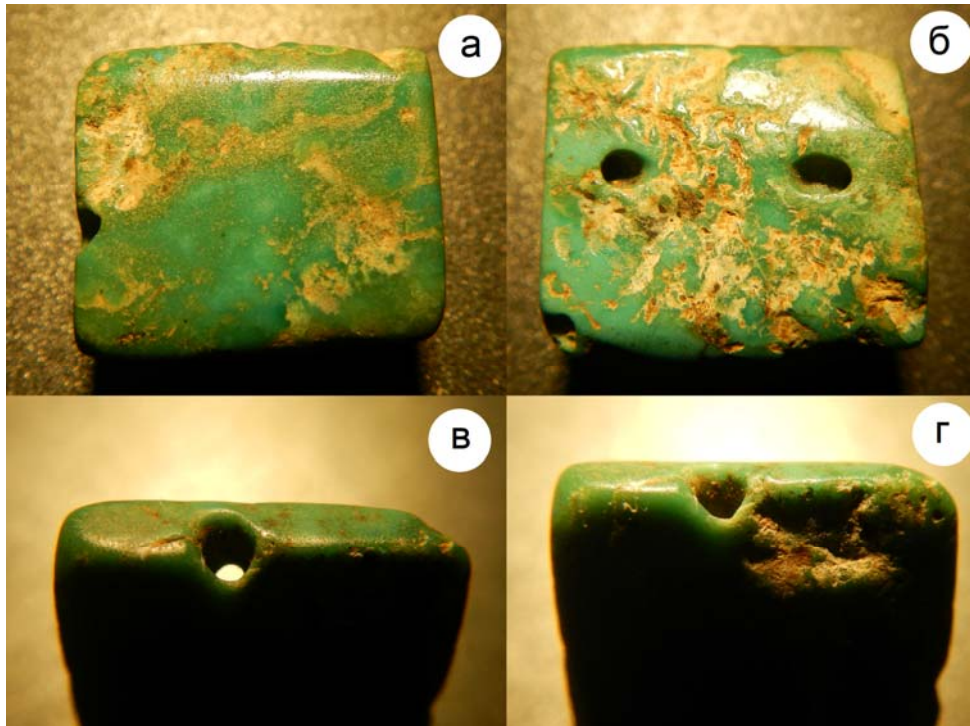


Рис. 4. Лицевая и оборотная стороны (а, б) нашивки из бирюзы № 2 со следами сверления на торцах изделия (в, г) из могилы № 1 кургана № 1 могильника Ак-Даг I (без масштаба) (фото П. В. Волкова)
Fig. 4. Front and reverse side (a, b) turquoise artifacts no. 2, traces of drilling on the artifact edges (v, g) from grave 1, barrow 1 of burial site Ak-Dag I (w/o scale) (photo by P. V. Volkov)

Для определения элементного состава минерала использовался метод SEM-EDX (сканирующая электронная микроскопия и энергодисперсионная рентгеновская спектроскопия). Анализ выполнен на электронном микроскопе Bruker Nano GmbH Quantax 70 (Germany), позволяющем работать в широком и плавно перестраиваемом диапазоне увеличений до 30 000×.

При помощи метода SEM-EDX были получены следующие результаты: фотографии точки спектроскопии (рис. 6, 1а, 2а), элементный состав в зоне выбранной точки в процентах, а также график спектра, демонстрирующий набор основных химических элементов, присутствующих в образце (рис. 6, 1б, 2б; таблица). Присутствие и соотношение количества элементов свидетельствуют о том, что предметы изготовлены из бирюзы.

Основу данного минерала ($\text{CuAl}_6[\text{PO}_4]_4(\text{OH})_8\text{H}_2\text{O}$) составляют: оксид алюминия, оксид меди и оксид фосфора. Железо (Fe), зафиксированное в составе изделия № 2 в сравнительно большем количестве, является типичной примесью для бирюзы, придающей ей более насыщенный зеленый цвет [Буканов, 2008. С. 152].

Меди в изделиях содержится 3,5–4,5 %, что соответствует процентному содержанию плотной бирюзы зеленого цвета. Зеленые тона в окраске появляются при изменении плотности минерала в результате замещения гидроокислами железа и кремнеземом основных его составляющих (меди, фосфора и алюминия) [Менчинская, 1981. С. 8–9, 107]. Исходя из данных спектроскопии (см. рис. 6, 1б) можно отметить, что кальций (Ca) присутствует в составе изделия № 1 как один из основных элементов вкраплений в минерал; его цвет тусклее, фиксируются прожилки. При изготовлении изделия № 2 был взят минерал с равномерной структурой и естественной примесью железа, благодаря которому она имела более яркий цвет.

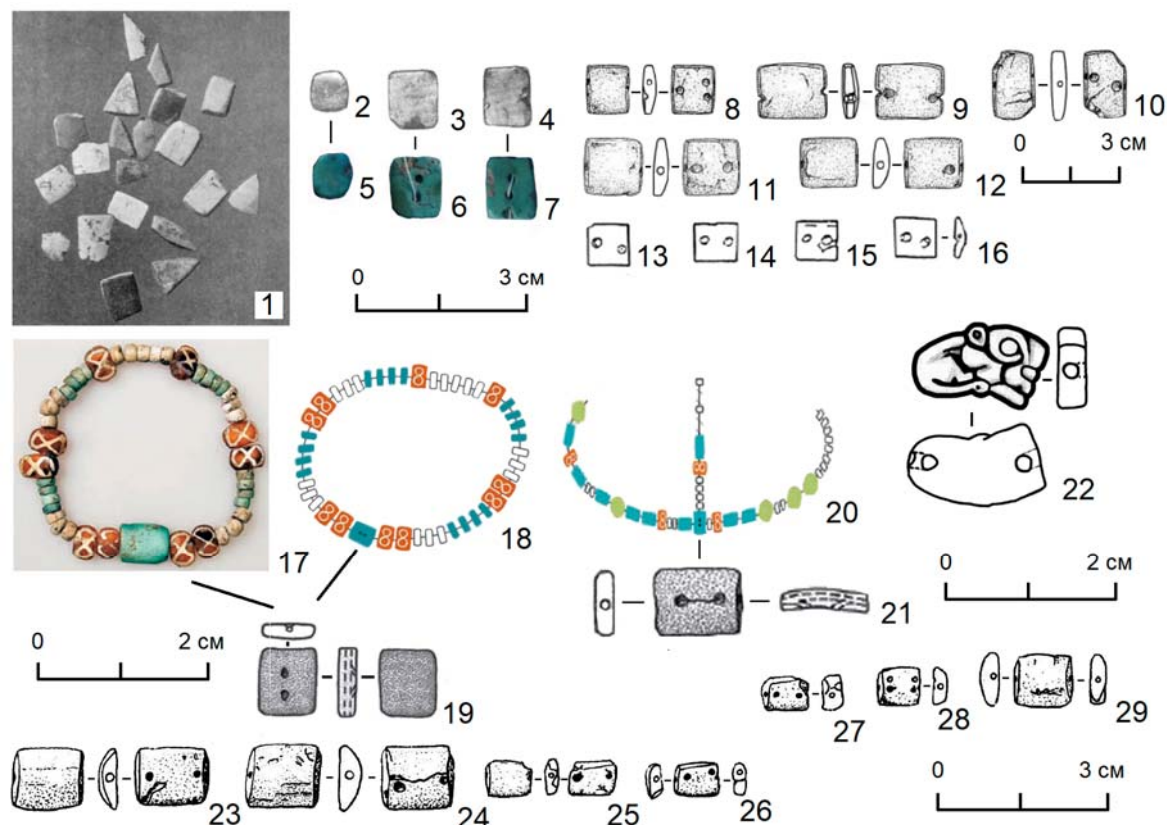


Рис. 5. Аналогии бирюзовым изделиям из могилы № 1 кургана № 1 могильника Ак-Даг I:

1 – курган Аржан-1 (по: [Грязнов, 1980. Рис. 10, 2]); 2–4 – нашивки из могильника Куйлуг-Хем (по: [Грач, 1980. Рис. 84, 4]); 5–7 – нашивки из могильника Куйлуг-Хем¹; 8–12 – нашивки из объекта № 6 могильника Саускен-3 (по: [Семенов, Килуновская, 2014. Рис. 13, 6–10]); 13–16 – нашивки из кургана 17 могильника Догээ-Баары-2 (по: [Чугунов, 2007. Ил. 16, 10]); 17, 18 – реконструкция низки бус из могилы 13А кургана Аржан-2 (по: [Чугунов и др., 2017. Табл. 91, 17; Табл. 106, 7]); 19 – нашивка-бусина из могилы 13А кургана Аржан-2 (по: [Чугунов и др., 2017. Табл. 91, 14]); 20 – частичная реконструкция ожерелья из могилы 13В кургана Аржан-2 (по: [Чугунов и др., 2017. Табл. 93, 24]); 21 – нашивка-бусина из могилы 13В кургана Аржан-2 (по: [Чугунов и др., 2017. Табл. 93, 12]); 22 – нашивное украшение из могильника Гилево-10, группа № 5 (по: [Шульга, 2016. Рис. 47, 5d]); 23–29 – нефритовые бусины из могильника Обские Плесы 2 (по: [Ведянин, Кунгуров, 1996. Рис. 12, 2, 6]).

Fig. 5. Analogies of turquoise artifacts from grave 1, barrow 1 of burial site Ak-Dag I:

1 – mound Arzhan 1 (referring to: [Gryaznov, 1980. Fig. 10, 2]); 2–4 – turquoise artifacts from mound 22 of burial site Kuylug-Khem (referring to: [Grach, 1980. Fig. 84, 4]); 5–7 – turquoise artifacts from burial site Kuylug-Khem²; 8–12 – artifacts from an object № 6 of burial site Sausken 3 (referring to: [Semenov, Kilunovskaya, 2014. Fig. 13, 6–10]); 13–16 – turquoise artifacts from mound 17 of burial site Dogee-Baary 2 (referring to: [Chugunov, 2007. Ил. 16, 10]); 17, 18 – reconstruction jewelry out of beads from grave 13A of burial site Arzhan-2 (referring to: [Chugunov et al., 2017. Tabl. 91, 17; Tabl. 106, 7]); 19 – artifacts from grave 13A of burial site Arzhan-2 (referring to: [Chugunov et al., 2017. Tabl. 91, 14]); 20 – partial reconstruction of necklace from grave 13 B of burial site Arzhan 2 (referring to: [Chugunov et al., 2017. Tabl. 93, 24]); 21 – artifact from grave 13B of burial site Arzhan-2 (referring to: [Chugunov et al., 2017. Tabl. 93, 12]); 22 – jewelry from burial site Gilyovo-10, group № 5 (referring to: [Shulga, 2016. Fig. 47, 5d]); 23–29 – beads of nephrite from burial site Obskie Plesy 2 (referring to: [Vedyanin, Kungurov, 1996. Fig. 12, 2, 6]).

¹ Сайт Государственного каталога. URL: <https://www.goskatalog.ru/portal/#/collections?id=17936196> (дата обращения 15.08.2019).

² Сайт Gosudarstvennogo kataloga [State Catalog Website]. (in Russ.) URL: <https://www.goskatalog.ru/portal/#/collections?id=17936196> (accessed 15.08.2019).

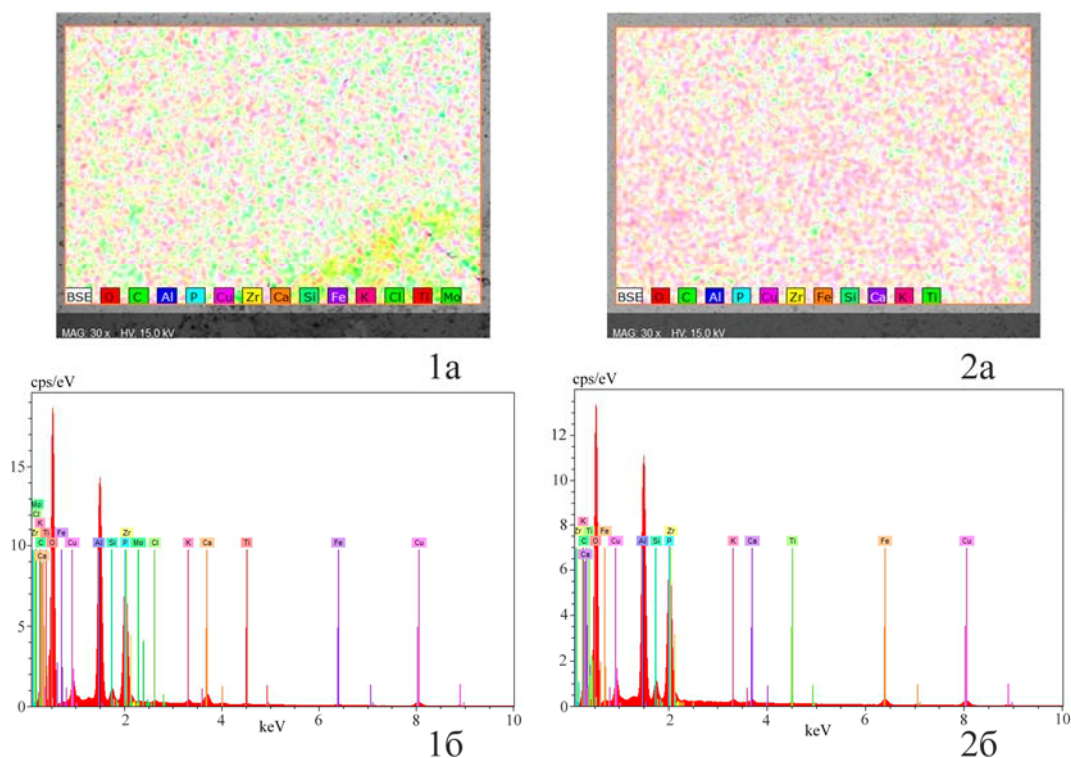


Рис. 6. Спектральный анализ минерала нашивок из бирюзы из могилы № 1 кургана № 1 могильника Ак-Даг I:

1 – изделие № 1; 2 – изделие № 2 (а – микроструктура вещества, увеличение 300×;

б – график количественных характеристик элементов спектра)

Fig. 6. Spectral analysis of minerals for the turquoise artifacts from grave 1, barrow 1 of burial site Ak-Dag I:

1 – artifact no. 1; 2 – artifact no. 2 (a – the microstructure of the substance, increase of 300×;

b – graph of the quantitative characteristics of the elements of the spectrum)

Нашивки из бирюзы из могилы № 1, курган №1 могильника Ак-Даг I:
результаты элементного анализа изделий, %

Turquoise artifacts from grave no. 1, barrow no. 1 of burial site Ak-Dag I:
the results of elemental analysis, %

	Химический элемент / Chemical element												
	O	C	Al	P	Cu	Zr	Ca	Si	Fe	K	Cl	Ti	Mo
Изд. № 1 Art. № 1	54,2	15	13,3	8,3	3,5	2,1	1,4	0,9	0,4	0,4	0,2	0,2	0,1
Изд. № 2 Art. № 2	50,8	15,2	13,7	9,1	4,5	2,4	0,4	1,2	2,5	0,3	—	0,1	—

Определенным маркером при определении происхождения сырья может служить уровень циркония (Zr) в составе минерала (см. таблицу). Его среднее содержание в сланцевых и кислых разностях пород составляет (2–10 %). Так, для среднеазиатских месторождений бирюзы (Ак-Турпак, Джаман-Каскыр, Аякаши I) доля циркония (Zr) в минерале составляет от 0,01–0,03 до 0,007–0,001–0,003 % [Менчинская, 1981. С. 18. Табл. 2]. В то же время во вмещающих бирюзовоносные зоны кварцитах эти средние показатели превышаются в два-три раза [Там же. С. 87]. В исследованных нами образцах содержание циркония является довольно высоким: 2,1 % (образец № 1); 2,4 % (образец № 2), что не характерно для среднеазиатских месторождений бирюзы.

На территории Тывы месторождения минерала обнаружены, преимущественно, в районах аридного климата с реликтами древних слоев выветривания, на измененных эффузивами участках. Так, например, для бирюзовоносного участка «Медный» (правобережье р. Ондум) характерны минералы бирюзы с извилистыми голубыми прожилками. При этом из-за небольших размеров агрегаты с данного месторождения для самостоятельных поделок мало пригодны [Кудрявцев, 1996. С. 29. Рис. 2].

Трасологическое исследование рассматриваемых артефактов базировалось на методике экспериментально-трассологического анализа, разработанной С. А. Семеновым и Г. Ф. Коробковой (см. [Семенов, 1957; Korobkova, 1999] и др.). При общем обследовании материалов применялись бинокляр Altamí и специальная фотоаппаратура «Nikon». Для сравнительного анализа следов обработки изделий использовались материалы Сибирской эталонной коллекции трассологических стандартов. Трассологическая лексика и функциональная типология инструментария соответствуют каталогу терминов, приведенному в монографии «Опыт эксперимента в археологии» [Волков, 2013. С. 99–126].

При микроскопическом обследовании изделий сохранность их поверхности определена как достаточная для трассологического анализа следов инструментария, использовавшихся при их изготовлении. Признаков разрушений артефактов при извлечении их из почвы и при реставрационных работах не выявлено. В результате экспериментально-технологических исследований установлено, что при работе с изделиями использовались абразивные материалы двух типов и сверло.

Определить форму изначального сырьевого блока в ходе микроскопического анализа поверхности артефактов не представлялось возможным. Вся поверхность изделий покрыта следами формообразующей шлифовки.

Процесс их изготовления происходил в три этапа (см. рис. 3). Первоначально с помощью относительно крупнозернистого абразива происходило формирование основных плоскостей заготовок и шлифовка торцов образующихся уплощенных параллелепипедов (см. рис. 3, а–в). С тыльной стороны изделий, там, где расположены выходы каналов сверления, шлифовка производилась достаточно грубо – на фотографиях хорошо видны не устраненные шлифовкой каверны на естественной поверхности камня (см. рис. 4, б). На лицевой стороне дефекты сырья такого рода убраны более качественно (см. рис. 4, а).

На втором этапе работы с артефактами происходило их сверление. Точки начала сверлений располагались на узких торцах изделий (см. рис. 3 д, е; 4, в, д). Вероятно, кернение поверхности производилось на этих участках. Во всех случаях сверления канал прободения имеет одинаковый диаметр по всей длине. Учитывая их относительную протяженность, можно предположить, что использовавшееся сверло обладало достаточной эластичностью, свойственной не каменным, а металлическим инструментам. Угол наклона его длинной оси к плоскости сверления при формировании отверстий всегда стабилен и колеблется в интервалах < 20–35°. Совокупность наблюдаемых на изделиях следов работы свидетельствует об использовании станкового скоростного сверления.

На третьем этапе работ с артефактами происходила их обработка на относительно мелкозернистом абразиве, в результате которой изделиям была придана сглаженная форма (см. рис. 3, е, ж) как по периметру, так и на их лицевых частях (см. рис. 3, а; 4, а). На этом же

этапе, вероятно, происходило и сглаживание входных или выходных участков каналов сверления (см. рис. 3, *з*; 4, *з*). Следы полировки с использованием эластичной органической поверхности придали изделиям завершённый вид, но отчетливых следов использования украшений не выявлено.

В целом технологию производства можно охарактеризовать как относительно совершенную. Мастерство работы изготовителя проявилось в первую очередь в качественном сверлении сравнительно хрупкого материала, в точности выбора оптимального угла наклона сверл и скоростном режиме их работы, не допускающем перегрева и крошения обрабатываемого материала.

Украшения из бирюзы в скифских комплексах Тывы чаще всего встречаются в алдыбельских памятниках. Бирюзовые украшения, аналогичные нашивкам из Ак-Даг I, были обнаружены А. Д. Грачом в погребении кургана № 22 могильника Куйлуг-Хем (см. рис. 5, 2–4) [Грач, 1980. С. 222. Рис. 84, 4]. Судя по фотографиям на сайте Национального музея имени Алдан-Маадыр Республики Тыва, они также имеют наклонные отверстия (инвентарный номер ТРК IV 8254/143 1982) (см. рис. 5, 5–7)³. Изделия комбинированного типа были зафиксированы в двух женских погребениях кургана Аржан-2 (см. рис. 5, 17, 18, 20). Они представляли собой плоские прямоугольные пластины с одним сквозным отверстием, выполненным вдоль длинных стенок, и двумя отверстиями, проделанными с лицевой стороны к краям бусины, соединенным со сквозным каналом (рис. 5, 19, 21). У погребенных женщин (45–50 и 20–25 лет) они зафиксированы у запястья руки (браслет?) (могила № 13А) и входили в состав ожерелья (могила № 13В) соответственно [Чугунов и др., 2017. С. 429. Табл. 91, 14, 17; С. 444. Табл. 106, 7; С. 431; Табл. 93, 12, 24].

Наклонное сверление применялось не только на украшениях из бирюзы, но и на изделиях из других минералов. Так, в могильнике Саускен-3 (объект № 6) были обнаружены плоские прямоугольные бусины из хризопраза с наклонными отверстиями (см. рис. 5, 8–12). Авторы находки отнесли их к нашивкам в составе поясного набора [Семенов, Килуновская, 2014. С. 409. Рис. 13, 6–10]. На р. Бий-Хем (Большой Енисей) в кургане № 17 могильника Догээ-Баары 2, на бусинах из хризопраза канал сверления также проходит под углом относительно вертикальной оси (см. рис. 5, 13–16) [Чугунов, 2007. С. 136. Ил. 16, 10].

Подобный способ сверления встречается у скифов Алтая на изделиях из камня VII–VI вв. до н. э. (Гилево-10, группа № 5) (см. рис. 5, 22) [Шульга, 2016. С. 232. Рис. 47, 5d] и нефрита, обнаруженных в погребальных памятниках староалейской культуры V–IV вв. до н. э. (могилище Обские Плесы 2) (рис. 5, 23–29) [Ведянин, Кунгуров, 1996. С. 98. Рис. 12, 2, 6].

Заключение

Судя по химическому составу, обнаруженные в могиле № 1 кургана № 1 могильника Ак-Даг I нашивки из бирюзы могли быть изготовлены из местного сырья или добытого на месторождениях Монголии, для которых характерно высокое содержание циркония. Отмеченное в ходе трасологического анализа качественное станковое сверление сравнительно хрупкого минерала не позволяет дать характеристику используемого сверла небольшого размера (медного или железного). Его диаметр мог составлять менее 2 мм. Открытым остается вопрос о способе жесткого крепления заготовки при скоростном сверлении отверстий. Вероятно, ответить на эти вопросы можно лишь на основе серии экспериментов по изготовлению точных реплик артефактов из бирюзы.

Список литературы

Буканов В. В. Цветные камни: Энциклопедия. СПб.: Гранит, 2008. 472 с.

³ URL: <https://www.goskatalog.ru/portal/#/collections?id=17936196>

- Ведянин С. Д., Кунгуров А. Л.** Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Племы 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. С. 88–114.
- Волков П. В.** Опыт эксперимента в археологии СПб.: Нестор-История, 2013. 416 с.
- Гришин Ю. С.** Бронзовый и ранний железные века Восточного Забайкалья. М.: Наука, 1975. 136 с.
- Диков Н. Н.** Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 140 с.
- Грач А. Д.** Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1980. 256 с.
- Грязнов М. П.** Аржан – царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 64 с.
- Засецкая И. П.** Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор) // СА. 1989. № 3. С. 35–47.
- Кудрявцев В. И.** Камнесамоцветное сырье Республики Тыва (история изучения, классификация и обзор ресурсов). Кызыл: ТуВИКОПР, 1996. 73 с.
- Кызласов Л. Р.** Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979. 208 с.
- Марсадолов Л. С., Хаврин С. В., Гук Д. Ю.** Проба древнего золота Казахстана и Саяно-Алтая, как временной и социальный индикатор // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 8 (2). С. 129–141.
- Менчинская Т. И.** Бирюза. М.: Недра, 1981. 159 с.
- Семенов В. А., Килуновская М. Е.** Могильник скифского времени Саускен 3 в долине р. Ээрбек (Республика Тыва) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2014. С. 393–423.
- Семенов С. А.** Первобытная техника // МИА. М.; Л.: Наука, 1957. № 54. 241 с.
- Тетерин Ю. В., Митько О. А.** Курганы раннескифского времени могильника Ак-Даг I в Тыве // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, № 5: Археология и этнография. С. 135–144.
- Чугунов К. В.** Могильник Догээ-Баары 2 как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы (по материалам раскопок 1990–1998 гг.) // Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 123–144.
- Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А.** Царский курган скифского времени Аржан-2 в Тыве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.
- Шульга П. И.** Могильник раннескифского времени Гилёво-10 в предгорьях Алтая. Новосибирск, 2016. 258 с.
- Korobkova G. F.** Narzedzia w pradziejach. Torin, wydawnictwo Uniwersytetu Mikolaja Kopernika, 1999. 168 p. (in Pol.)

References

- Bukanov V. V.** Tsvetnye kamni: Encyclopedia [Gemstones: Encyclopedia]. St. Petersburg, Granit Publ., 2008, 472 p. (in Russ.)
- Chugunov K. V.** Mogil'nik Dogee-Baary 2 kak pamyatnik nachala uyuksko-saglynskoi kul'tury Tyvy (po materialam raskopok 1990–1998) [The Burial Site Dogee-Baary 2 as a Site of the Beginning of Uyuk-Saglyn Culture of Tuva (based on excavations from 1990–1998)]. In: Sbornik nauchnykh trudov v chest' 60-letiya A. V. Vinogradova [Collection of Scientific Works Dedicated to the 60th Anniversary of A. V. Vinogradov]. St. Petersburg, Kul't-Inform-Press, 2007, p. 123–144. (in Russ.)
- Chugunov K. V., Parzinger H., Nagler A.** Tsarskii kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tyve [The Royal Mound of the Scythian Time Arzhan-2 in Tuva]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2017, 500 p. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Bronzovyi vek Zabaiykal'a [The Bronze Age of Transbaikalia]. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 1958, 140 p. (in Russ.)
- Grach A. D.** Drevnie kochevniki v tsentre Azii [Ancient Nomads in the Centre of Asia]. Moscow, Nauka, The main edition of oriental literature Publ., 1980, 256 p. (in Russ.)

- Grishin Yu. S.** Bronzovyi i rannii zheleznye veka Vostochnogo Zabaykal'a [The Bronze Age and Early Iron Age of Eastern Transbaikalia]. Moscow, Nauka, 1975, 136 p. (in Russ.)
- Gryaznov M. P.** Arzhan – tsarskii kurgan ranneskifskogo vremeni [Arjan Royal Mound of the Early Scythian Time]. Leningrad, Nauka, 1980, 64 p. (in Russ.)
- Korobkova G. F.** Narzedzia w pradziejach. Torin, wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1999. 168 p. (in Pol.)
- Kudryavtsev V. I.** Kamnesamotsvetnoe syr'e Respubliki Tyva (Istoriya izucheniya, klassifikatsiya i obzor resursov) [Raw gemstones in the Republic of Tyva (History of Studying, Classification and Review of Resources)]. Kyzyl, Tuva Institute of Integrated Development of Natural Resources Publ., 1996, 73 p. (in Russ.)
- Kyzlasov L. R.** Drevnyaya Tuva (ot paleolita do IX v.) [Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th Century)]. Moscow, Moscow State Uni. Publ., 1979, 208 p. (in Russ.)
- Marsadolov L. S., Khavrin S. V., Guk D. Yu.** Proba drevnego zolota Kazakhstana i Sayano-Altaya kak vremennoi i sotsial'nyi indikator [Cupelling of Ancient Gold in Kazakhstan and Sayan-Altai as a Time and Social Indicator]. *Theory and practice of archaeological research*, 2013, no. 8 (2), p. 129–141. (in Russ.)
- Menchinskaya T. I.** Biruza [Turquoise]. Moscow, Nedra, 1981, 159 p. (in Russ.)
- Semenov S. A.** Pervobytnaya tekhnika [Primitive Technique]. In: Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on Archaeology of the USSR]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1957, no. 54, 241 p. (in Russ.)
- Semenov V. A., Kilunovskaya M. E.** Mogil'nik skifskogo vremeni Sausken 3 v doline r. Eerbek (Respublika Tyva) [The Burial Site of the Scythian Period Sausken 3 in the Eerbek River Valley (Republic of Tyva)]. In: Arkheologiya drevnikh obshchestv Evrazii: khronologiya, kul'turogenez, religioznye vozzreniya [Archaeology of Ancient Societies of Eurasia: Chronology, Cultural Genesis, Religious Views]. St. Petersburg, IHMC RAS Publ., 2014, p. 393–423. (in Russ.)
- Shulga P. I.** Mogil'nik ranneskifskogo vremeni Gilyovo-10 v predgor'yakh Altaya [The Early Scythian Time Necropolis Gilyovo-10 in the Altai Foothills]. Novosibirsk, Novosibirsk State Uni. Press, 2016, 258 p. (in Russ.)
- Teterin Yu. V., Mitko O. A.** Kurgany ranneskifskogo vremeni mogil'nika Ak-Dag I v Tyve [Mounds of the Early Scythian Time at the Burial Site Ak-Dag I in Tuva]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2014, vol. 13, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 135–144. (in Russ.)
- Vedyanin S. D., Kungurov A. L.** Gruntovyi mogil'nik staroaleiyskoi kul'tury Obskie Plesy 2 [The Burial Site Obskie Plesy 2 of the Staroaleyi Culture]. In: Pogrebal'nyi obryad drevnikh plemen Altaya [The Obsequies of Altai Ancient Tribes]. Barnaul, Altai State Uni. Publ., 1996, p. 88–114. (in Russ.)
- Volkov P. V.** Opyt eksperimenta v arkheologii [On Experiment in Archaeology]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2013, 416 p. (in Russ.)
- Zasetskaya I. P.** Problemy sarmatskogo zverinogo stilya (istoriograficheskii obzor) [On Sarmatian Animal Style (historiographic review)]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1989, no. 3, p. 35–47. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received
12.07.2019

Сведения об авторах

Волков Павел Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

volkov100@yandex.ru

Митько Олег Андреевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором археологии Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

omitis@gf.nsu.ru

Губар Юлия Сергеевна, магистрант Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

julfoxzzz@gmail.com

Давыдов Роман Вячеславович, магистрант Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия), инженер Лаборатории палеотехнологий НОЦ «Новая археология» Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

puer-viro@mail.ru

Половников Иван Сергеевич, аспирант Новосибирского государственного университета, младший научный сотрудник Лаборатории естественно-научных исследований в археологии Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)

polis.sib@gmail.com

Information about the Authors

Pavel V. Volkov, Doctor of History, Leading Researcher at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

volkov100@yandex.ru

Oleg A. Mitko, Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of Archaeology, Laboratory for Humanitarian Studies at the Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

omitis@gf.nsu.ru

Yuliy S. Gubar, Graduate student at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

julfoxzzz@gmail.com

Roman V. Davydov, Graduate student at Novosibirsk State University, Engineer of Laboratory of Paleotechnology "New archaeology" project at NSU (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

puer-viro@mail.ru

Ivan S. Polovnikov, graduate student at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Junior Researcher at Laboratory for Natural Sciences in Archaeology (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

polis.sib@gmail.com

УДК 903-034.3
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-87-97

К вопросу о технологии изготовления средневековых ритуальных изделий из серебра (по материалам коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН)

И. В. Сальникова

*Институт археологии этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В последние годы собрание Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН интенсивно пополнялось культовыми изделиями с территории Урала и Западной Сибири. Среди них привлекает внимание обилие предметов, изготовленных из серебра. В ритуальной практике обских угров серебро обладало сакральным смыслом и было тесно связано с комплексом мифологических представлений. Определение характера производства таких вещей возможно, в том числе, на основе изучения многоэлементного состава их металла с использованием неразрушающего метода РФА диагностики. Его применение позволило выявить несколько объектов, созданных по одинаковой технологии – из трех листов серебра разной пробы методом холоднойковки. В статье приведены результаты металлографического исследования трех таких изделий культового назначения. Представлена семантика рассматриваемых изделий. Вероятно, такая сложная технология была мотивирована ритуальностью изготовления сакральных предметов, на что указывают и их изобразительные сюжеты.

Ключевые слова

Урал, Западная Сибирь, древние угры, серебро, культовые предметы, метод холоднойковки, иконографические сюжеты, рентгенофлуоресцентный анализ

Для цитирования

Сальникова И. В. К вопросу о технологии изготовления средневековых ритуальных изделий из серебра (по материалам коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография. С. 87–97. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-87-97

On Technology of Manufacturing Medieval Ritual Silverware (Based on Materials from the Museum of the History and Culture of the Peoples of Siberia and the Far East, IAE SB RAS)

I. V. Salnikova

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The collection of the Museum of history and culture of peoples of Siberia and Far East at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS has a unique section of ritual objects produced by the Ob Ugrians during Middle Ages. The collection features unique objects made of silver, which allows us to make a conclusion that silver had a sacral meaning for the Khanty and Mansi, and the material itself was closely connected with a complex of cosmological and mythological conceptions.

Results. We conducted XRF analysis for a series of silver objects of cult and identified three objects made with the use of a special laborious technology by means of cold hammering from three sheets of silver.

Conclusion. The article gives a full description of the objects and describes the semantics of the images presented. We provide the results of element composition of the metal and identify a circle of analogues. The artifacts considered included a metal plate with a solar sign made with gilding, with an engraving around it on the surface of metalwork, a stylized profile of attenuated heads of elks facing each other (the drawing was created later); the second item being a metal plate with a central part in the form of a medallion depicting a horseman who strikes a man lying at the horse's legs with a spear (it was made by means of engraving on a ready form); and the third item being a platter with the images of an eagle owl standing on the back of a deer and a duck flying up. The plots of the silver items evidently have a cult significance and correspond to some mythological constructs. The unique technology of their three-layer composition is accounted for by mythological conceptions and enhances a sacral significance of the items.

Keywords

Ural, Western Siberia, ancient Ugrians, silver, cult objects, cold forging method, iconographic plots, X-ray fluorescence analysis

For citation

Salnikova I. V. On Technology of Manufacturing Medieval Ritual Silverware (Based on Materials from the Museum of the History and Culture of the Peoples of Siberia and the Far East, IAE SB RAS). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 87–97. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-87-97

Введение

Интерес к культовым средневековым изделиям с территории Пермского Предуралья (Великой Перми – Чердынь), Урала и Западной Сибири возрос в связи с пополнением музейных коллекций массивом новых интересных находок. Феномен обилия ритуальных предметов, изготовленных из серебра, привлек внимание многих ученых. Рассматривались вопросы семантики [Бауло, 2004; Бауло, и др., 2004], применения предметов в ритуальной практике [Бауло, 2009; 2013; 2018], анализировалось влияние местных и импортных традиций на их декор и изобразительные сюжеты [Подосенова, 2017; Карачаров, 2005].

В последние годы коллекция Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН также пополнилась культовыми изделиями хантов с территории Урала и Западной Сибири. Они атрибутированы и введены в научный оборот [Бауло, 2004; 2018]. Автором настоящей статьи был проведен металлографический анализ изделий из серебра Средневековья и Нового времени, украшенных золочением, с целью определения способов изготовления подобного декора. Установлено, что в Средневековье был известен только способ амальгамирования, на что указывает наличие ртути в их составе. В Новое время ювелиры освоили еще один способ золочения предметов – гальванизацию [Сальникова, 2017]. В ходе исследования среди серебряных изделий выявлены предметы, изготовленные из разных по составу листов серебра. Изучение технологии их производства и определило цель нашего исследования, а также его новизну.

Методы и материалы

Состав металла музейных предметов планировалось определять на основе спектрального анализа (с привлечением к работе инспектора Государственного пробирного надзора А. В. Набирухиной) и с использованием анализатора ПРИЗМА-М(Au), предназначенного для многоэлементного анализа металлов, сплавов и изделий на их основе. Прибор представляет собой рентгенофлуоресцентный спектрометр, основанный на принципе измерения спектра вторичного рентгеновского излучения¹. Первичные рентгеновские лучи, создаваемые рентгеновской трубкой, облучают анализируемую пробу и вызывают вторичное рентгеновское излучение, спектр которого зависит от элементного состава пробы. В качестве источника возбуждения используется рентгеновская трубка. Расчет массовой доли анализируемых элементов основан на зависимости интенсивности излучения от его массовой доли в пробе. При расчете используется метод фундаментальных параметров, не требующий эталонных образ-

¹ Анализатор ПРИЗМА-М(Au). URL: <http://www.analizator.ru/upload/iblock/9ed/9ed530ce346d10b6953f87625556eec7.pdf>.

цов для точного определения в исследуемых объектах массовой доли любых элементов в любых концентрациях. Прибор специально адаптирован для высокоточного (до 2–3 проб) определения содержания золота, серебра, платины, родия, иридия, рутения, палладия и легирующих элементов в ювелирных и других сплавах на основе драгоценных металлов. Необходимо отметить ценность данной диагностики, позволяющей не нарушать целостность предмета.

Объектами исследования стали культовые предметы из основного фонда этнографических коллекций музея: бляхи № 5039 и 5036, а также блюдо с изображением филина, стоящего на спине оленя, и взлетающей утки (№ 2373).

Результаты исследования

Бляха № 5039 диаметром 10 см весит 39,10 г (рис. 1). Центральная часть имеет полусферическую форму диаметром 3,5 см. Она позолочена методом амальгамирования – в составе изделия присутствует ртуть (Hg) [Сальникова, 2017. С. 212]. Ее рельеф подчеркнут ободком с треугольниками круглых точечных вдавлений, выполненных чеканкой с внутренней стороны, которые на поверхности выглядят жемчужинами. Этот декоративный прием имитирует лучи солнца. Рядом круглых вдавлений-жемчужин с треугольными пирамидками украшен и периметр изделия. На лицевой стороне гравировкой выполнен сюжет – стилизованное профильное изображение вытянутых голов лосей, повернутых друг к другу. Бляха имеет бронзовую петлю (рис. 2), изготовленную из согнутой полоски металла с раскованными концами, крепящуюся с помощью штифта.

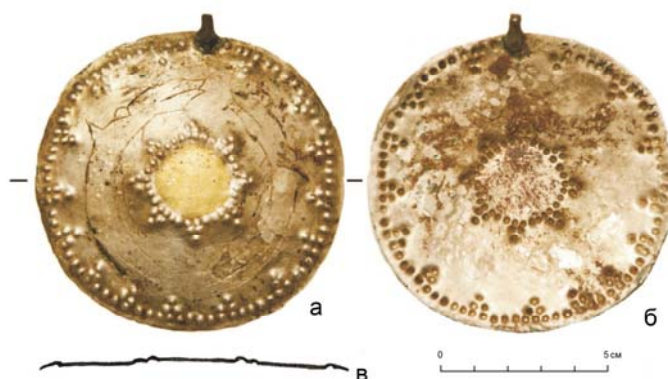


Рис. 1. Бляха с солярным знаком:
а – лицевая сторона; б – оборотная сторона; в – сечение
(серебро, золото, бронза) (фото А. В. Бауло и И. В. Сальниковой)

Fig. 1. Plate with a solar sign:
а – face side; б – reverse side; в – section
(silver, gold, bronze) (photo by A. V. Baulo and I. V. Salnikova)



Рис 2. Бронзовая петля бляхи с солярным знаком
(фото А. В. Бауло и И. В. Сальниковой)

Fig. 2. Bronze loop of the plate with a solar sign
(photo by A. V. Baulo and I. V. Salnikova)

По мнению А. В. Бауло, позолоченный центр изделия, скорее всего, означает солнечный диск с отходящими лучами, который окружают головы лосей [2018. С. 125]. С большой долей вероятности можно предположить, что гравировка на лицевой поверхности была вторичным сюжетом, нанесенным на готовое изделие в более позднее время.

Подобные предметы известны на территории Пермского Предуралья. Орнамент, который наносился способом точечной чеканки, и полусферическая центральная часть изделия характерны для серебряных пластинчатых подвесок с этой территории. Данная группа изделий датируется X–XI вв. и считается статусными предметами. С изучаемыми экземплярами их связывает и способ изготовления – все они выполнены из тонкой серебряной пластины, но отличаются по размерам (описываемое изделие крупнее). Ю. А. Подосенова считает их маркерами изделий «древнененгерского происхождения» [2017. С. 101–102, рис. 1, 4].

Бляха № 5036 имеет диаметр 11,3 см, вес 39,16 г (рис. 3). Центральная часть выполнена в виде медальона и отделена от бортика выпуклым желобком. На ней фронтально изображен всадник, сидящий боком, – ноги повернуты влево. Одной рукой он держит узду лошади, вторая поднята с занесенным копьем для поражения лежащего у ног лошади человека. Туловище всадника трапецевидное, на верхней части одежды просматриваются горизонтальные полосы. Нижняя часть одеяния имеет вид юбки с горизонтальными полосками. Можно предположить, что здесь изображен воин в защитном доспехе. У воина, лежащего на земле и много меньшего, чем всадник, по размерам, лицо повернуто вправо, правая рука согнута. Одет он так же. Лошадь показана в профиль, в движении, хвост приподнят, грива обозначена горизонтальными полосками.



Рис. 3. Бляха с изображением всадника:
а – лицевая сторона; б – оборотная сторона; в – сечение
(серебро, бронза) (фото А. В. Бауло и И. В. Сальниковой)

Fig. 3. Plate with an image of a rider
а – face side; б – reverse side; в – section
(silver, bronze) (photo by A. V. Baulo and I. V. Salnikova)

К изделию при помощи штифта прикреплена бронзовая петля, изготовленная из полоски металла с раскованными концами; сама бляха выполнена из трех пластин серебра, что фиксируется по участкам поверхности, на которых видно их расслоение (рис. 3–6). Декор был создан при помощи тиснения по готовой форме (с внутренней стороны образован рельеф) (рис. 3, б).

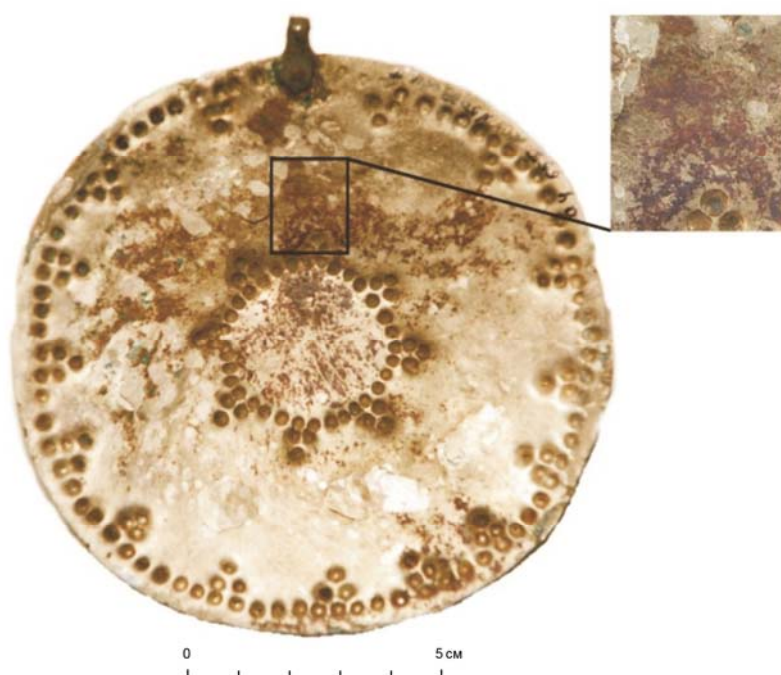


Рис. 4. Следы расслоения поверхности бляхи с солярным знаком
(фото А. В. Бауло и И. В. Сальниковой)

Fig. 4. Traces of layering on the surface of the plate with a solar sign
(photo by A. V. Baulo and I. V. Salnikova)



Рис. 5. Следы расслоения на внешней поверхности бляхи с изображением всадника
(фото А. В. Бауло и И. В. Сальниковой)

Fig. 5. Traces of layering on the outer surface of the plate with the image of a rider
(photo by A. V. Baulo and I. V. Salnikova)



Рис. 6. Рельеф изображения всадника с оборотной стороны изделия с участком расслоения
(фото А. В. Бауло и И. В. Сальниковой)

Fig. 6. Relief of the image of the rider from the reverse side of the item with delamination
(photo by A. V. Baulo and I. V. Salnikova)

Бляха с подобным сюжетом, найденная на берегу оз. Шурышкарский Сор (Ямало-Ненецкий автономный округ, Шурышкарский район) и датированная XII–XIV вв., показана в каталоге «Серебро древней Югры» [Комова, Приступа, 2012. С. 129] Она отличается от изучаемого предмета меньшими размерами, более четким рельефом, лучшей сохранностью. Изображение на ней более нарядно, окантовано декоративной полоской с растительным орнаментом.

По мнению Н. Ф. Федоровой, в культовой практике населения Западной Сибири появление всаднического сюжета относится к концу I – началу II тыс. н. э. [2003. С. 18]. Такие изображения на бляхах, по нашему мнению, отражают близкий к библейскому сюжет о битве Димитрия Солунского с царем Калояном. «Изображения этого чуда появились во второй половине XIII в. На них представлен великомученик Димитрий в воинском облачении пеший или на коне, с копьем в руке, которым он убивает поверженного на землю царя Калояна»².

Третье изделие – блюдо с изображением филина, стоящего на спине оленя, и взлетающей утки, найдено на р. Войкар (также Шурышкарский район) в 1970-е гг. и в 2003 г. приобретено для музейного собрания (рис. 7, 8). Оно датировано IX–X вв. Изделие имеет диаметр 39,2 см и вес 660,48 г. Изготовлено методомковки из трех листов серебра различной пробы (см. таблицу). Его бортик приподнят и утолщен. Центральный сюжет сосредоточен на медальоне, украшенном по внешнему периметру бордюром.

² Иконы России. URL: <http://www.iconrussia.ru/iconography/2107/>.



Рис. 7. Серебряное блюдо с изображением филина, стоящего на спине оленя:
а – лицевая сторона; б – оборотная сторона; в – сечение
(фото А. В. Бауло и И. В. Сальниковой)

Fig. 7. Silver dish with an image of an eagle-owl standing on the back of a deer:
а – face side; б – reverse side; в – section
(photo by A. V. Baulo and I. V. Salnikova)



Рис. 8. Следы расслоения поверхности блюда с изображением филина, стоящего на спине оленя
(фото А. В. Бауло и И. В. Сальниковой)

Fig. 8. Traces of layering on the surface of the dish with the image of an eagle-owl standing on the back of a deer
(photo by A. V. Baulo and I. V. Salnikova)

Элементный состав сплавов изделий
Elemental composition of alloys artifacts

Описание изделия	Состав сплава, %						
	Ag	Cu	Bi	Pb	Hg	Au	компоненты сплава
Бляха с изображением всадника и поверженного воина, № 5036осн, вес 40,09 г							
Внешний слой, сторона с рисунком	93,75	5	–	1,25	–	–	–
Внутренний слой, углубление, сторона с рисунком	71,58	27,26	–	1,17	–	–	–
Внешний слой, сторона без рисунка	94,34	4,63	–	1,02	–	–	–
Оборотный слой, углубление, Сторона без рисунка	76,05	23,31	–	0,64	–	–	–
Бляха с двумя головами лосей с позолотой, № 5039, вес 39,16 г							
Внешний слой с позолотой, сторона с рисунком	44,89	3,3	–	–	9,07	42,74	–
Оборотный слой	71,22	28,3	–	0,52	–	–	–
Внешний слой, углубление, сторона с рисунком	91,38	8,62	–	–	–	–	–
Внешний слой, сторона с рисунком	91,95	7,14	0,36	0,55	–	–	–
Внешний слой, сторона без рисунка	91,45	8,09	–	0,46	–	–	–
Слой в углублении, сторона без рисунка	89,9	10,1	–	–	–	–	17,70 Cr
Блюдо (филин, стоящий на спине оленя), № 2373, вес 669,48 г							
Внешняя сторона	90	8	–	–	–	–	2 Zn
Оборотная сторона	60,3	36,6	–	–	–	–	3,10 Zn
В месте отслоения внешнего слоя	35	56,7	–	–	–	–	8,3 Zn

Подробное описание сюжета и его интерпретация выполнены А. В. Бауло. Предполагается его сакральная направленность: олень приносится в жертву семейному духу-покровителю, который выступает в птичьей ипостаси (предок в облике филина с распахнутыми крыльями) [2013. С. 578]. Изображение филина в таком виде является наиболее часто встречаемым образом в средневековой угорской пластике [Туркина, 2014. С. 102].

Результаты количественного химического анализа артефакта изложены в статье [Бауло и др., 2004]. Проведенная нами позже металлографическая диагностика блюда с использованием рентгенофлуоресцентного метода [Сальникова, 2017. С. 213] дала близкие результаты по содержанию основных компонентов и легирующих добавок. Заметные отличия наблюдались только в составе верхнего слоя лицевой стороны, где зафиксировано более низкое содержание серебра. Этот факт можно объяснить тем, что после первого анализа блюдо подвергалось реставрации, в результате которой были удалены окислы легирующих добавок и очищена его поверхность. Известно, что почвенная и атмосферная коррозия, неблагоприятные условия хранения и использования предметов вызывают активные окислительные процессы, и на поверхность изделия выходят окислы меди, что негативно действует на поверхностный слой драгоценных металлов, уменьшая его процентное содержание [Шемаханская, 1989. С. 90].

Результаты исследования показали, что рассматриваемые предметы объединяет сложная и трудоемкая технология изготовления. Их многослойность заметна визуально, поскольку сохранность изделий неполная, и видны явные следы расслоения поверхности (см. рис. 1, 3–8). Это подтверждено также данными рентгенофлуоресцентного анализа, который зафиксировал отличия в содержании серебра в разных слоях предметов (см. таблицу). По элементному составу сплавов описанных предметов видно, что во всех изделиях основой являлось серебро с большой долей меди. Внешний слой отличался большим содержанием серебра и малым количеством легирующих добавок. Для оборотной стороны предметов использовалась пластина со средним содержанием драгоценного металла (от 71 до 65 %).

Заключение

По мнению ряда авторов, выбор металла для изготовления ритуальных предметов у обских угров не случаен. «Серебро вобрало в себя сакральные свойства, установлена связь между серебром и космогоническими представлениями обских угров» [Чернецов, 1947. С. 125]. «Золото и серебро для хантов и манси имеют, прежде всего, трансцендентальную ценность и сильнейшим образом связаны со всем комплексом мифологических представлений» [Балакин, 1998. С. 134]. Сложность технологии изготовления проанализированных нами предметов (многослойность) не вызывает сомнения: они состоят из трех листов серебра, для соединения которых использованы приемыковки. Подобная холодная обработка металла широко использовалась в Евразии начиная с античного времени [Миносян, 2014. С. 227, 249]. Для выполнения центрального рельефного изображения сюжета использован метод тиснения по матрице. Детали декора подчеркнуты гравировкой. Анализ сюжетов дает основание предполагать, что трудоемкость изготовления описанных предметов напрямую связана с их культовым характером, отражающим мифологические и космогонические представления древних угров.

Список литературы

- Балакин Ю. В. Урало-Сибирское культовое литье в мифе и ритуале. Новосибирск: Наука, 1998, 284 с.
- Бауло А. В. Атрибутика и миф. Металл в обрядах обских угров. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 160 с.
- Бауло А. В. Тобольское серебро в обрядах вогулов и остяков. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009, 176 с.

- Бауло А. В.** Люди Филина // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 566–580.
- Бауло А. В.** Изображения небесных светил на сакральных атрибутах обских угров (по археологическим и этнографическим источникам II тыс. н. э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46, № 1. С. 123–132. DOI 10.17746/1563-0102.2018.46.43.3/123–132
- Бауло А. В., Маршак Б. И., Федорова Н. В.** Серебряные блюда с реки Войкар // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 2 (18). С. 107–114.
- Карачаров К. Г.** Искусство Уральской Венгрии. 2005. URL: http://www.northarch.ru/sever_4.htm
- Комова Н. Г., Приступа О. И.** Серебро древней Югры. Каталог. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Баско, 2012. 140 с.
- Миносян Р. С.** Металлообработка в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2014. 472 с.
- Подосенова Ю. А.** Серебряные пластинчатые подвески с территории Пермского Предуралья // Вестник Пермского научного центра. 2017. № 4. С. 100–104.
- Сальникова И. В.** Междисциплинарные исследования музейных коллекций // Тр. V (XXI) Всерос. археологического съезда. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. Т. 3. С. 211–216.
- Туркина Т. Ю.** Орнитоморфные мотивы в искусстве населения Европейского Северо-Востока в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Изв. Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар, 2014. Вып. 1 (17). С. 92–102.
- Федорова Н. В.** Сокровища Приобья в истории западно-сибирского Средневековья // Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях Средневековья. Салехард; Санкт-Петербург: [б. и.], 2003. 96 с.
- Чернецов В. Н.** К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 1. С. 113–134.
- Шемаханская М. С.** Реставрация металла. Методические рекомендации / ВНИИР. М., 1989. 96 с.

References

- Balakin Yu. V.** Uralo-sibirskoe kul'tovoe lit'e v mife i rituale [Ural-Siberian Religious Casting in Myth and Ritual]. Novosibirsk, Nauka, 1998, 284 p. (in Russ.)
- Baulo A. V.** Atributika i mif. Metall v obryadakh obskikh ugrov [Attributes and Myth. Metal in the Rites of the Ob Ugrians]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2004, 160 p. (in Russ.)
- Baulo A. V.** Lyudi Filina [The People of Eagle-owl]. In: Fundamental'nye problemy arkheologii, antropologii i etnografii Evrazii [Fundamental Issues of Archaeology, Anthropology and Ethnography of Eurasia]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2013. p. 566–580 (in Russ.)
- Baulo A. V.** Tobol'skoe serebro v obryadakh vogulov i ostyakov [Tobolsk Silver in the Rites of the Voguls and Ostyaks]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2009, 176 p. (in Russ.)
- Baulo A. V., Marshak B. I., Fedorova N. V.** Serebryanye blyuda s reki Voikar [Silver Dishes from the Voikar River Area]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2004, no. 2 (18), p. 107–114. (in Russ.)
- Baulo A. V.** Izobrazheniya nebesnykh svetil na sakral'nykh atributakh obskikh ugrov (po arheologicheskim i etnograficheskim istochnikam II tys. n. e.) [Images of Heavenly Bodies on the Sacred Attributes of the Ob Ugrians (according to archaeological and ethnographic sources of the 2nd millennium AD)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2018, vol. 46, no. 1, p. 123–132. DOI 10.17746/1563-0102.2018.46.43.3/123–132 (in Russ.)

- Chernetsov V. N.** K voprosu o proniknovenii vostochnogo serebra v Priob'e. [On Penetration of Oriental Silver into the Ob Region]. In: Trudy Instituta Etnografii im N. N. Mikluho-Maklaya [Proceedings of the Institute of Ethnography after N. N. Miklouho-Maclay]. New series. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1947, vol. 1, p. 113–134. (in Russ.)
- Fedorova N. V.** Sokrovishcha Priob'ya v istorii zapadno-sibirskogo Srednevekov'ya [Pribye Treasures in the History of the West Siberian Middle Ages]. In: Treasures of Pribye. Western Siberia on the torog paths of the Middle Ages. Salekhard, St. Petersburg, 2003, 96 p. (in Russ.)
- Karacharov K. G.** Iskusstvo Ural'skoi Vengrii [Art of the Ural Hungary]. 2005. (in Russ.) URL: http://www.northarch.ru/sever_4.htm date of circulation (accessed 04.12.2018).
- Komova N. G., Pristupa O. I.** Srebro drevnei Yugry [Silver of Ancient Ugra]. Catalogue. Khaty-Mansiysk, Ekaterinburg, Basko Publ., 2012, 140 p. (in Russ.)
- Minosyan R. S.** Metalloobrabotka v drevnosti i srednevekov'e [Metalworking in Antiquity and the Middle Ages]. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2014, 472 p. (in Russ.)
- Podosenova Yu. A.** Serebryanye plastinchatye podveski s territorii Permskogo Predural'ya [Silver Lamellar Pendants from the Territory of the Perm Cis-Urals]. *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Perm Scientific Center], 2017, no. 4, p. 100–104. (in Russ.)
- Salnikova I. V.** Mezhdistsiplinarnye issledovaniya muzeinykh kollektsii [Interdisciplinary Studies of Museum Collections]. In: Trydy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda [Works of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress]. Barnaul, Altay State Uni. Publ., 2017, vol. 3, p. 211–216. (in Russ.)
- Shemakhanskaya M. S.** Restavratsiya metalla [Metal Restoration]. Guidelines. Moscow, All-Russian Research Institute of Rebuilding Publ., 1989, 96 p. (in Russ.)
- Turkina T. Yu.** Ornitomorfnye motivy v iskusstve naseleniya Evropeiskogo Severo-Vostoka v I tys. do n. e. – I tys. n. e. [Ornithomorphic Motifs in the Art of the Population of the European Northeast in the 1st millennium BC – I thousand AD]. In: Izvestiya Komi nauchnogo centra UrO RAN [Proceedings of the Komi Scientific Center UB RAS]. Syktyvkar, 2014, vol. 1 (17), p. 92–102. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
10.01.2019

Сведения об авторе

Сальникова Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
salnikovair52@gmail.com
ORCID 0000-0003-3239-9418

Information about the Author

Irina V. Salnikova, PhD in History, senior researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
salnikovair52@gmail.com
ORCID 0000-0003-3239-9418

УДК 902/904

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-98-111

Определение бифасиального компонента в среднепалеолитических комплексах (по материалам памятника Чагырская Пещера)

К. А. Колобова, А. В. Шалагина, С. В. Маркин, А. И. Кривошапкин

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Вплоть до настоящего этапа исследований бифасиальные изделия, обнаруженные в комплексах двух индустриальных вариантов среднего палеолита Алтая, рассматривались не в качестве культурнозначимых системных элементов палеотехнокомплексов, а, скорее, как яркое, но ситуативное проявление типологической вариативности орудийных наборов. Однако последние данные, полученные в ходе изучения комплексов памятника Чагырская Пещера, свидетельствуют о том, что бифасиальный компонент является важнейшей составляющей технокомплекса и во многом определяет его технико-типологические характеристики. В индустрии данного памятника были обнаружены свидетельства всех этапов бифасиального расщепления – от преформ до бифасиальных орудий и орудий, изготовленных на сколах утончения бифасов, сопровождающиеся многочисленными техническими сколами и чешуйками утончения бифасов. Применение экспериментального моделирования показало, что доля сколов, которые ассоциируются с бифасиальным производством, гораздо выше, чем можно определить при анализе археологических коллекций.

Ключевые слова

Алтай, средний палеолит, неандертальцы, Чагырская Пещера, бифасиальная технология, *plano-convex*, *bi-convex*, культурный маркер

Благодарности

Аналитическая работа выполнена в рамках программы НИР (проект № 0329-2018-0001 «Заселение первобытным человеком Северной Азии: культурный и экологический контекст»); экспериментальный анализ и анализ последовательности сколов был осуществлен при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00041 «Освоение неандертальцами различных экологических ниш Горного Алтая в среднем палеолите»).

Авторы выражают благодарность В. П. Чабаю за консультации и плодотворные дискуссии, а также художникам Н. В. Вавилиной и О. В. Тупицыной за подготовку иллюстраций каменных артефактов.

Для цитирования

Колобова К. А., Шалагина А. В., Маркин С. В., Кривошапкин А. И. Определение бифасиального компонента в среднепалеолитических комплексах (по материалам памятника Чагырская Пещера) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография. С. 98–111. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-98-111

Identification of Bifacial Components in Middle Paleolithic Techno-Complexes (Based on the Chagyrskaya Cave Assemblages)

K. A. Kolobova, A. V. Shalagina, S. V. Markin, A. I. Krivoshapkin

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Previously, occasional bifacial tools found in different industrial variants of the Altai Middle Paleolithic were not considered as cultural markers that could be used to differentiate the technological/cultural variants. They rather were a bright but situational manifestation of the typological variability, especially in the case of the Sibiryachikha assemblages.

© К. А. Колобова, А. В. Шалагина, С. В. Маркин, А. И. Кривошапкин, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography

Purpose. The article discusses various research approaches used to determine and evaluate the bifacial component in the Middle Paleolithic lithic assemblages, namely attributive analysis with a set of specific attributes, scar-pattern analysis and experimental modelling.

Results. As a result of recent studies at the site Chagyrskaya Cave, the key-site of Sibiryachikha, we found out that all the bifaces were made using plano-convex technology. In the Chagyrskaya Cave assemblage all stages of bifacial production have been noticed? including pre-forms, bifacial tools and tools made on bifacial thinning flakes, accompanied by numerous bifacial thinning flakes and bifacial thinning chips. Re-investigation of the Okladnikov assemblage should bring a new, previously unknown series of technical spalls related to the bifacial plano-convex technology. A similar situation is with Karabom complexes, where all bifacial tools are made using bi-convex bifacial technology. Thus, criteria for technological distinction of bifacial production are of special importance.

Conclusion. Our experiments have shown that the proportion of chips associated with bifacial production is much higher than it can be determined while analyzing archaeological assemblages. Taking in account the new data on bifacial technologies in the region, we conclude that variability of Middle Paleolithic complexes has become more complex. To evaluate the bifacial component in Paleolithic assemblages, all stages of bifacial flaking should be documented, including bifacial pre-forms, technical spalls related to bifacial reduction sequence, chips, blanks which demonstrate bifacial flaking errors and tools made on bifacial thinning flakes and bifacial tools. A complete set of bifacial production is present at the Chagyrskaya Cave assemblage due to the fact that the cave was constantly visited and had a sufficiently long habitation cycle as a source of raw materials. In the assemblage, a complete sequence of lithic raw material exploitation was processed. Taking into account the fact that Chagyrskaya Cave and Okladnikov Cave are associated only with Neanderthal remains, it can be assumed that bifacial plano-convex technology in the Middle Paleolithic of Altai is linked to Neanderthal population in the region.

Keywords

Altai, Middle Paleolithic, Neanderthals, Chagyrskaya Cave, bifacial technology, plano-convex, bi-convex, cultural marker

Acknowledgements

This analytic work was performed as part of the Research program (project no. 0329-2018-0001 “Prehistoric occupation of Northern Asia: cultural and ecological contexts”); experimental analysis and scar-pattern analysis was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project no. 18-09-00041 “The Neanderthals occupation of various ecological niches of the Altay Mountains in the Middle Paleolithic”).

The authors are grateful to V. P. Chabay for consultations and fruitful discussions, as well as to the artists N. V. Vavilina and O. V. Tupitsyna for preparing illustrations of stone artifacts.

For citation

Kolobova K. A., Shalagina A. V., Markin S. V., Krivoschapkin A. I. Identification of Bifacial Components in Middle Paleolithic Techno-Complexes (Based on the Chagyrskaya Cave Assemblages). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 98–111. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-98-111

Введение

Средний палеолит Горного Алтая демонстрирует технологическую вариабельность, позволяя говорить о сосуществовании в нем трех индустриальных вариантов: денисовского, карабумовского и сибирячихинского. Первые два варианта оцениваются как принадлежащие одной леваллуа-мустьерской культурной традиции с различиями, обусловленными сырьевыми, функциональными и хронологическими факторами [Рыбин, Колобова, 2009]. Значительные отличия третьего, сибирячихинского, варианта от всех остальных технокомплексов наиболее заметны в наполнении и структуре оружейных наборов, содержащих большое количество скребел типа *déjeté*, скребел-ножей с обушками, остроконечников и т. д. [Деревянко и др., 2018]. Следует отметить, что комплексы как сибирячихинского, так и леваллуа-мустьерского варианта, содержат бифасиальные орудия, но данные изделия демонстрируют определенные морфологические отличия [Деревянко, Шуньков, 2002].

В настоящей публикации обсуждаются основные возможности технико-типологического анализа для определения и оценки бифасиального компонента в среднепалеолитических каменных индустриях. Основная цель такого анализа состоит в реконструкции стилистических особенностей и функциональной направленности коллекций посредством документирования каждого артефакта как совокупности многочисленных технологически значимых и взаимосвязанных морфологических и метрических характеристик [Monigal, 2002; Чабай, 2004]. Основное внимание сосредоточено на технологическом анализе бифасиальных изделий

из комплекса Чагырской Пещеры, расположенной в предгорьях Северо-Западного Алтая в устье р. Чарыш. Среднепалеолитический археологический материал из четырех его стратиграфических подразделений (6а, 6б, 6в/1, 6в/2) демонстрирует одинаковые технико-типологические характеристики. Хронологические рамки существования комплексов укладываются в период конца MIS-4 – начала MIS-3 [Деревянко и др., 2018]. Это ключевой памятник сибирячихинского варианта среднего палеолита Горного Алтая, поскольку его археологические комплексы исключительно многочисленны, имеют четкую хронологическую привязку, а бифасиальная технология в рамках данной индустрии является культурозначимой [Деревянко и др., 2018].

Бифасиальные изделия – яркий маркирующий компонент многих каменных индустрий различных этапов каменного века. Но зафиксировать бифасиальное расщепление на стоянке не всегда представляется возможным, поскольку бифасы часто приносились сюда уже в предварительно оформленном виде, иногда использовались в качестве запасов сырья [Uthmeier, 2012]. Кроме того, на первых этапах оформления бифасов этот процесс во многом схож с первичным расщеплением и значительная доля продуктов оформления бифасов может интерпретироваться как продукты первичного расщепления. В связи с этим значительную роль в исследовании бифасиальной технологии и выявлении доли бифасиального расщепления в индустрии играет изучение технических сколов и чешуек оформления и переоформления бифасов. Данные обстоятельства, во-первых, формируют рабочие задачи исследования, а во-вторых, обеспечивают его новизну

Материалы и методы

В исследовании использованы бифасиальные изделия из среднепалеолитических комплексов Чагырской Пещеры – слои 6в/1 и 6в/2 (всего – 33 экз.). Для характеристики общего технологического контекста их производства использованы статистические сведения, полученные при изучении археологических материалов из раскопок 2008 г., и данные технико-типологического анализа в рамках атрибутивного подхода к артефактам из слоя 6в/1 Чагырской Пещеры общей численностью 3 021 экз.

Протокол атрибутивного анализа бифасиальных орудий учитывал следующие признаки: метрические параметры бифасов, форма, метод оформления, сырье, тип заготовки, количество лезвий, манера их оформления, наличие или отсутствие обушка, способ подработки обушка и др. Кроме того фиксировались все продукты бифасиального производства: преформы, орудия, изготовленные на сколах утончения бифасов, технические сколы и чешуйки утончения бифасов.

Анализ последовательности сколов основан на детальном изучении всех негативов сколов на поверхности изделия и восстановлении хронологической последовательности их нанесения. Данный метод позволяет восстановить очередность оформления изделия при отсутствии апплицируемых сколов дебитаж [Pastoors, Schäfer, 1999; Pastoors, 2000; Richter, 2001; 2004; Kot, 2013; 2014; Шалагина и др., 2019].

Экспериментальное моделирование [Гиря, 1997; Харевич и др., 2015] основывалось на представлениях о процессе изготовления бифасиальных орудий, сформированных в результате анализа последовательности сколов и технико-типологического анализа археологической коллекции. Основной задачей экспериментов было определение физических особенностей локального сырья, влияющих на количество и типологию отходов бифасиального производства.

Результаты

Анализ исследовательской литературы, посвященной изучению бифасов среднего палеолита, а также изучение экспериментальной коллекции технических сколов, полученных при моделировании среднепалеолитических бифасов, позволяют определить их основные признаки. Технические сколы оформления бифасов имеют следующие характеристики: сильно ско-

шенная по отношению к вентральной поверхности ударная площадка; наличие мелких негативов на участке дорсальной поверхности, приуроченной к краю ударной площадки; «расплывчатый» или отсутствующий ударный бугорок; наличие вентрального карниза (рис. 1, 1–7). Такие морфологические признаки характеризуют большую часть сколов, полученных в рамках среднепалеолитического бифасиального расщепления, независимо от географического положения памятника. Сколы данного облика по характеристикам проксимальных зон в целом соответствуют среднепалеолитической технике «мягкого» отбойника и общей плоско-выпуклой технологии оформления бифасов. Среди сколов, полученных в процессе оформления бифасов, выделяются также специфические сколы переоформления острий двусторонних орудий и отщепы, частично снявшие противолежащее лезвие орудия. Отдельное место занимают специфические сколы подправки острий и лезвий двусторонних орудий и оформления дистальных частей односторонних и двусторонних скребел – резцовые сколы Прадник (Prądnik para-burin spalls) [Chabai, Demidenko, 1998; Демиденко, 2003].

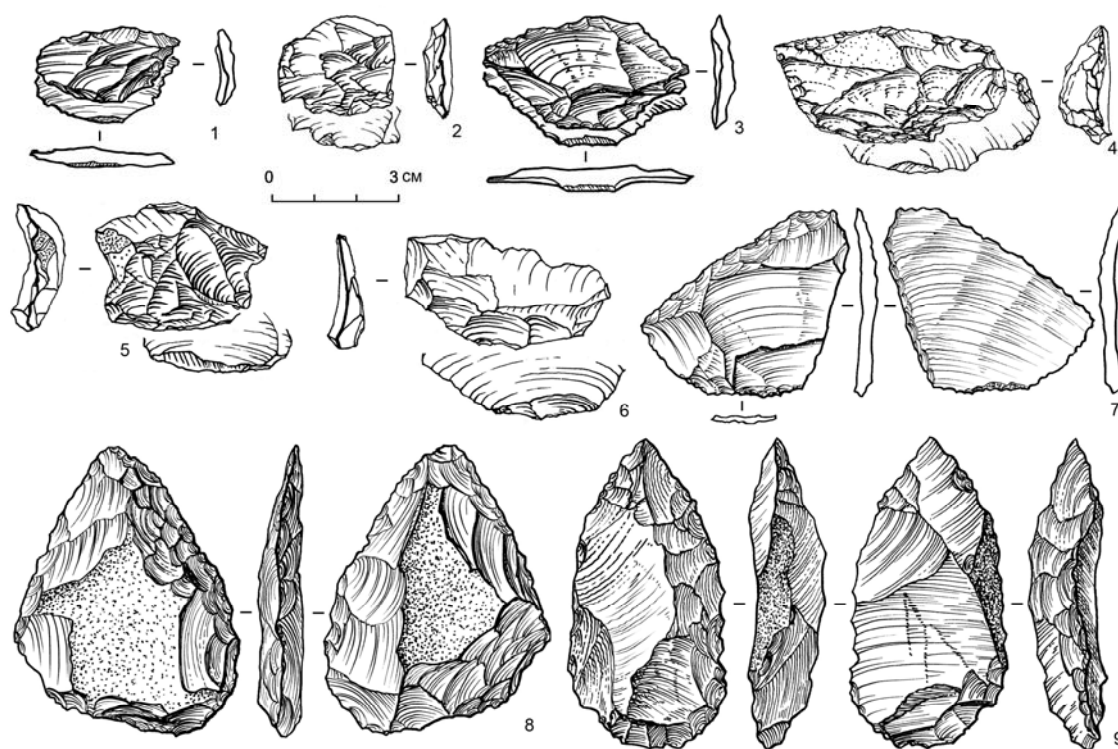


Рис. 1 Сколы утончения бифасов (1–3, 5–6), орудия на технических сколах утончения бифасов (4, 7) и бифасиальные орудия (8–9) из комплексов Чагырской Пещеры

Fig. 1. Bifacial thinning flakes (1–3, 5–6), tools made on bifacial thinning flakes (4, 7) and bifacial tools (8–9) from the Chagyrskaya Cave assemblages

Сырье для производства каменных изделий обитателями пещеры добывалось в непосредственной близости от нее – из русла р. Чарыш. Насчитывается 25 разновидностей сырья, четыре из которых использовались наиболее широко: засурийские яшмоиды, порфириды, мелкозернистый песчаник и роговик. Для производства бифасиальных орудий в подавляющем большинстве случаев выбиралось наиболее качественное сырье: засурийские яшмоиды и яшмоиды по эффузивам [Деревянко и др., 2018].

В целом индустрия характеризуется значительной долей орудий (16 %) при малочисленности нуклеусов (радиального и ортогонального типов); доля отходов производства, включающих осколки и чешуйки, составляет более 80 % от общего количества артефактов в индустрии; присутствует также значительное количество технических сколов (см. таблицу), среди которых доминируют краевые сколы, являющиеся частью операционных цепочек радиального и ортогонального расщепления.

Структура комплекса слоя 6в/1 памятника Чагырская Пещера
с диагностируемыми продуктами бифасиальной технологии
Composition of assemblage from layer 6c/1 of the Chagyrskaya Cave
with diagnosed products of bifacial technology

Категории первичного расщепления	Общая структура коллекции		Диагностируемые продукты бифасиальной технологии	
	ед.	%	ед.	%
Пренуклеусы	3	0,10	0	0,00
Нуклеусы	27	0,89	0	0,00
Преформы	8	0,26	8	0,26
Отщепы	750	24,83	0	0,00
Технические отщепы	483	15,99	34	1,13
Пластины	74	2,45	0	0,00
Технические пластины	39	1,29	1	0,03
Бифасиальные орудия	35	1,16	35	1,16
Неопределимые сколы	16	0,53	0	0,00
Чешуйки	1 409	46,64	127	4,20
Обломки	177	5,86	0	0,00
Всего	3 021	100,00	205	6,78

Среди технических отщепов выделено 29 экз. отщепов утончения двусторонних орудий (рис. 1, 3–7) и 5 экз. отщепов, захвативших противоположную часть бифаса. Из числа удлиненных технических сколов определен один скол утончения бифасиального орудия. В отходах производства выделено 127 экз. чешуек, обладающих морфологическими признаками сколов обработки двухсторонних орудий (рис. 1, 1–2). Если учитывать только чешуйки с сохранившимися проксимальными частями, то доля чешуек, связанных с производством бифасов, составляет 17,89 % от общего количества чешуек.

Среди сколов обработки двусторонних орудий изделия без корки составляют 65,71 %; частично покрытые коркой – 25,71 %; полностью покрытые коркой – 8,58 %. Три скола обработки практически полностью покрыты коркой, 4 экз. демонстрируют латеральное положение корки и 5 экз. – дистальное. Ограники сколов обработки двусторонних орудий не образуют статистически выраженных групп.

Незначительная доля сколов обработки двусторонних орудий и их структура указывают на ограниченные объемы производства двусторонних орудий по сравнению с нуклеусным расщеплением. Типологически определимых бифасиальных орудий (двухсторонние скребла и двухсторонние остроконечники) насчитывается 16 экз., что составляет 6,75 % типологически определимой части орудийного набора (рис. 1, 8–9). Выделено также 8 типологически неопределимых фрагментов, принадлежавших бифасиальным орудиям.

Проведенные эксперименты по реконструкции процесса производства плоско-выпуклых бифасиальных орудий показали, что среди полученных сколов дебитаж только пятая часть имеет черты технических сколов оформления бифасов. На большинстве сколов фиксируется

гладкая ударная площадка, отсутствуют следы редукции или мелких снятий на дорсальной поверхности, приуроченной к краю ударной площадки, а вентральный угол в большинстве случаев варьирует от 100 до 125°. Чешуйки утончения бифасиальных орудий в экспериментальной коллекции практически отсутствуют, что говорит о получении таких сколов в основном в ходе подживления, а не первоначального оформления рабочего лезвия бифаса.

При этом, по данным ремонтажа, позволившего полностью восстановить преформу бифасиального орудия из археологической коллекции крымского микока, было установлено, что в процессе оформления одной преформы получается около 3 тыс. сколов. Однако количество идентифицируемых сколов бифасиального расщепления в данной коллекции незначительно. Только 50 % чешуек имеют вентральный карниз. Наличие мелких негативов, приуроченных к краю ударной площадки, в сочетании с сильно скошенной ударной площадкой фиксируется еще реже [Veselsky, 2008]. Важной характеристикой индустрии памятника является наличие в ней орудий, произведенных на сколах утончения двухсторонних орудий (рис. 1, 4, 7), что свидетельствует о процессах преднамеренного бифасиального расщепления, а также указывает на возможность экспорта бифасов в качестве запасов сырья [Uthmeier, 2012].

Подавляющее большинство двусторонних орудий изготовлено в рамках плоско-выпуклой технологической традиции (93 %), меньшая доля орудий – в рамках плоско-выпуклой альтернативной технологии (7 %). Морфологическая структура двусторонних орудий определяется доминирующей ролью листовидных острий; представлены также сегментовидные, трапиевидные и треугольные формы (рис. 1, 8–9).

С учетом объема первичных заготовок бифасиальных изделий выделены две технологические последовательности: «длинная» и «короткая», что обосновано для комплексов Восточно-Европейского микока [Veselsky, 2008; Chabai 1998; Чабай, 2015]. Короткая технология применялась для модификации относительно тонких (до 2 см) галек или крупных сколов: обрабатывалось одно или два лезвия орудия, а на большей его части сохранялась желвачная корка, либо вентральная / дорсальная поверхность скола-заготовки (рис. 1, 8). Длинная технология применялась для обработки относительно толстых галек. Сырье в процессе преобразования от преформы до конечного орудия проходило несколько последовательных этапов поверхностного оформления и ретуширования (рис. 1, 9).

Использование двух технологических цепочек оформления двусторонне обработанных орудий подтверждается наличием тонких в поперечном сечении и массивных преформ в коллекции. Показатели ширины и длины преформ и двусторонних орудий Чагырской Пещеры достаточно близки. По признаку «максимальная толщина» преформы подразделяются на две группы: тонкие и массивные. Толщина тонких преформ колеблется в пределах 11,32–18,49 мм. Толщина двух массивных преформ составляет 32,25 и 34,03 мм. Преформы демонстрируют ярко выраженное плоско-выпуклое сечение.

Такой характер оформления бифасов из комплексов Чагырской Пещеры ярко иллюстрируют результаты анализа последовательности сколов. На начальном этапе «длинной» цепочки в результате первичного оформления была сформирована заготовка с характерным плоско-выпуклым сечением (рис. 2, негативы А, В, О, D). После этого плоско-выпуклым методом оформлялись два продольных края изделия. Первыми были сформированы плоская и выпуклая стороны одного края (рис. 2, негативы L, J, R). Затем в плоско-выпуклой манере был оформлен другой рабочий край (рис. 2, негативы С, К, L). На завершающем этапе наносилась ретушь по продольному краю (рис. 2, негативы F, M, N, H).

Важным обстоятельством является присутствие в коллекции бифасов нескольких орудий, которые могут быть отнесены к группе ножей с обушком, получивших название *Keilmesser* [Bosinski, 1967; Jöris, 2002; 2004]. Это двусторонне обработанные орудия, имеющие одно острое протяженное рабочее лезвие, выполненное бифасиальной ретушью, и противолежащий необработанный или грубо обработанный обушок [Jöris, 2006]. Такие изделия являются фактически культурным маркером определенного варианта европейского среднего палеолита.

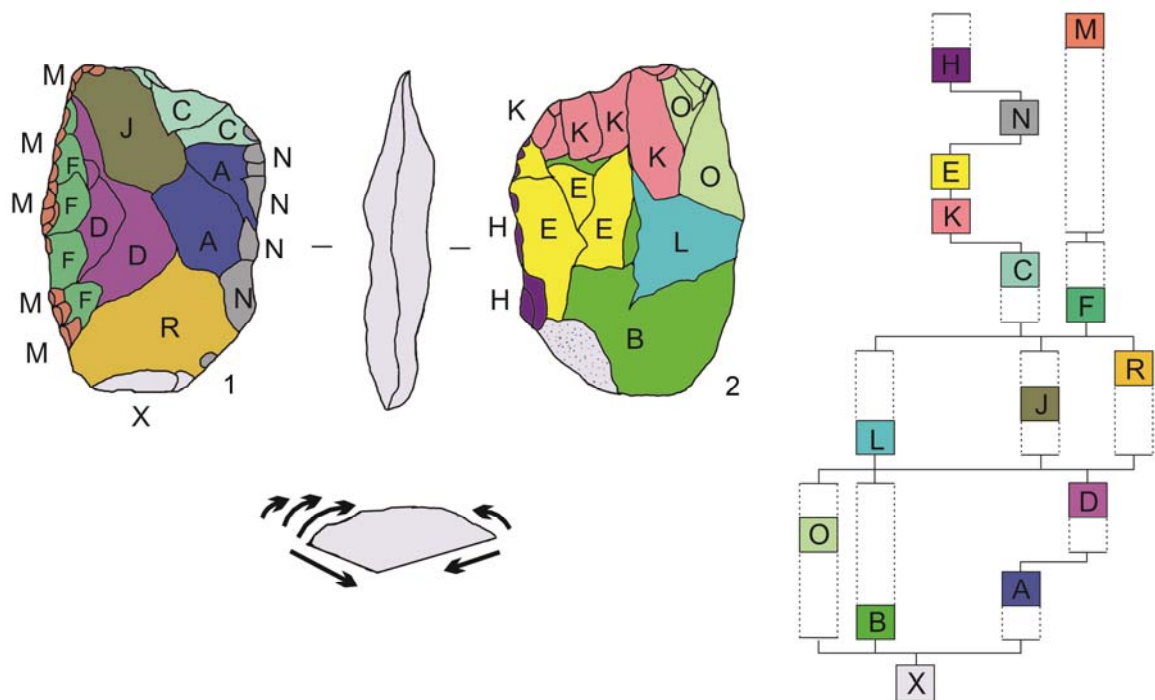


Рис. 2. Схема, полученная в результате анализа последовательности сколов бифаса из комплекса Чагырской Пещеры («длинная» цепочка; буквами обозначены группы негативов сколов):
1 – выпуклая сторона; 2 – плоская сторона

Fig. 2. Scar pattern sequence of bifacial production from the Chagyrskaya Cave assemblage: “long” sequence (letters identify the group of negatives):
1 – convex side; 2 – flat side

Дискуссия

До последнего этапа исследований бифасиальные изделия в среднем палеолите Горного Алтая рассматривались только как составляющая часть оружейных наборов, изолированно от компонентов первичного расщепления. Совокупное атрибутивное изучение комплекса культурного слоя бв/1 продемонстрировало, что даже при немногочисленной доле бифасиальных изделий фиксируется значительное количество диагностируемых продуктов бифасиальной технологии (см. таблицу), что характерно для стоянок-мастерских, на которых осуществлялся полный цикл изготовления бифасов.

Продукты не всех этапов бифасиального расщепления можно зафиксировать в комплексе. На первых этапах оформления бифасов набор произведенных технических сколов по своим морфометрическим характеристикам мало отличался от набора технических сколов первичного оформления нуклеусов (рис. 3, а, б). При этом продукты, произведенные на завершающих этапах производства бифасиальных оружий, фиксировались достаточно точно.

Оценивая перспективность подобных исследований в контексте среднего палеолита Горного Алтая, необходимо указать на несколько комплексов, в которых бифасиальный компонент «недооценен». Потенциально, при повторном тщательном исследовании коллекции каменных артефактов из памятника Пещера Окладникова – второго памятника сибирячихинского варианта среднего палеолита региона, могут быть обнаружены новые продукты бифасиальной технологии. Бифасы в индустриях Пещеры Окладникова насчитывают 10 экз., что составляет лишь 1 % оружейного набора, однако это означает, что количество диагностируемых сколов, принадлежащих бифасиальной операционной цепочке, должно быть в несколько раз больше.

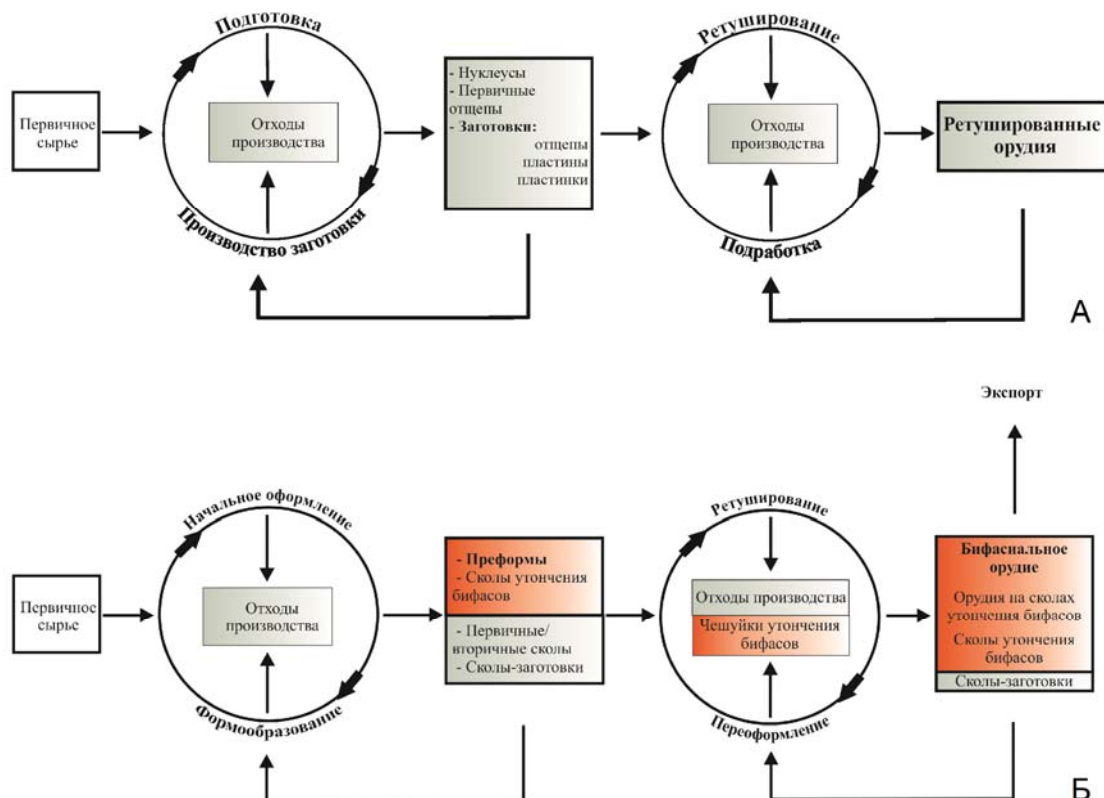


Рис. 3 Сопоставление процессов нуклеусного и бифасиального расщепления в палеолитических комплексах:
 А – нуклеусное расщепление (модифицированный рисунок по: [Debenath, Dibble, 1994]);
 Б – бифасиальное расщепление

Fig. 3. Comparison of core and bifacial flaking in Paleolithic assemblages:
 A – core flaking (modified after: [Debenath, Dibble, 1994]); B – bifacial flaking

В настоящий момент мы можем лишь заключить, что все бифасиальные изделия, изученные нами в обеих индустриях сибирячихинского варианта, изготовлены в рамках единой плоско-выпуклой технологической традиции. Учитывая то обстоятельство, что комплексы Чагырская и Окладникова проявляют значительную степень технико-типологического сходства, плоско-выпуклая бифасиальная технология нами рассматривается в качестве характерного признака сибирячихинского варианта, определяющего его технологическое своеобразие на фоне остальных среднепалеолитических комплексов Горного Алтая.

Кроме комплексов сибирячихинского варианта среднего палеолита региона, где бифасиальные изделия образуют устойчивые типологические серии двухсторонних скребел и острокопечников, несколько единичных бифасиальных изделий были обнаружены в комплексах карабумовского леваллуазского варианта: Усть-Каракол-1, Ануй-3 и Кара-Бом. Их хронологические границы определены в пределах MIS-5 – начала MIS-3. Эти орудия характеризуются как маркеры, определяющие индустриальный облик комплексов карабумовского варианта. Листовидные двояковыпуклые бифасы из среднепалеолитических комплексов стоянок Усть-Каракол-1 (1 экз.), Ануй-3 (5 экз.), Кара-Бом (1 экз.), и Усть-Канская пещера (1 экз.) были обнаружены в контексте индустрий, характеризующихся развитым леваллуазским расщеплением со значительной долей продуктов параллельного плоскостного расщепления [Деревянко, Шуньков, 2002]. Орудийные наборы комплексов содержат орудия на леваллуазских сколах, простые скребла, ретушированные пластины и выемчатые орудия [Деревянко, Шуньков, 2002; Рыбин, Колобова, 2009]. При пересмотре указанных коллекций высока вероятность

обнаружения серий технических сколов и цепочек, являющихся частью двояковыпуклых бифасиальных редуccionных последовательностей.

Учитывая наличие в обоих комплексах сибирячихинского варианта останков представителей лишь одного подвида древнего человека [Krause et al., 2007; Prüfer et al., 2014], что полностью согласуется с данными по европейскому микоку [Jöris, 2002; Chabai et al., 2004], можно предположить, связь технологии производства плоско-выпуклых бифасов в среднем палеолите Алтая с появлением и существованием в регионе популяции неандертальцев.

Заключение

Учитывая новые данные по бифасиальным технологиям Алтая, следует заключить, что проявления вариабельности среднепалеолитических комплексов усложнились. Для оценки роли бифасиального расщепления должны быть зафиксированы все этапы (либо подтверждено их отсутствие) бифасиального производства: преформы бифасов; технические сколы бифасиальной редуccionной последовательности; сколы, соответствующие ошибкам расщепления при бифасиальном производстве; орудия, изготовленные на сколах утончения бифасов и сами бифасиальные орудия. Поскольку памятник Чагырская Пещера являлся постоянно посещаемым объектом на выходах сырья с достаточно продолжительным циклом заселения, то на примере его комплекса отмечается полный набор элементов бифасиального производства, на котором осуществлялся полный цикл обработки камня: от разжелачивания до переоформления орудий [Деревянко и др., 2018]. В зависимости от функционального типа памятника могут меняться пропорции различных сколов и орудий. Например, для «эфмерных» охотничьих лагерей неандертальцев свойственны исключительно продукты бифасиальной технологии, в то время как на стоянках-мастерских орудий-бифасов обнаруживается их минимальное количество [Uthmaier, 2004; 2012].

Учитывая данные экспериментального моделирования и немногочисленные свидетельства полного цикла бифасиального производства на основе аппликативных склеек [Veselsky, 2008], необходимо отметить, что финальные оценки бифасиального производства в любом случае будут занижены, поскольку не все продукты бифасиального производства, особенно начальных этапов, диагностируемы.

Список литературы

- Гиря Е. Ю.** Технологический анализ каменных индустрий (Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 2). СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1997. 198 с.
- Демиденко Ю. Э.** Сколы обработки орудий, как индикатор особенностей и интенсивности процессов кремнеобработки и жизнедеятельности коллективов неандертальцев на стоянках среднего палеолита в контексте вариабельности индустрий крымской микокской традиции // Археологический альманах. 2003. № 13. С. 128–157.
- Деревянко А. П., Маркин С. В., Колобова К. А., Чабай В. П., Рудая Н. А., Виола Б., Бужилова А. П., Медникова М. Б., Васильев С. К., Зыкин В. С., Зыкина В. С., Зажигин В. С., Вольвах А. О., Робертс Р. Г., Якобс З., Бо Ли.** Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. 468 с.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В.** Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 1. С. 16–42.
- Рыбин Е. П., Колобова К. А.** Средний палеолит Алтая: вариабельность и эволюция // Stratum plus. 2009. № 1. С. 33–78.
- Харевич В. М., Акимов Е. В., Стасюк И. В., Томилова Е. А.** Технология производства пластин индустрии культурного слоя 19 стоянки Лиственка // Stratum plus. 2015. № 1. С. 321–331.
- Чабай В. П.** Средний палеолит Крыма. Симферополь: Шлях, 2004. 324 с.

- Чабай В. П.** Морфологические особенности двусторонних орудий крымского микока // Методы изучения каменных артефактов: Материалы междунар. конф. (Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2015 г.). СПб., 2015. С. 138–143.
- Шалагина А. В., Колобова К. А., Кривошапкин А. И.** Анализ последовательности сколов как инструмент реконструкции процесса изготовления каменных артефактов // *Stratum plus*. 2019. № 1. 145–154.
- Bosinski G.** Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa. Köln, Fundamenta, 1967, 205 p.
- Chabai V. P.** Kabazi II, Units IIA-III: Artifacts. In: *The Middle Paleolithic of Western Crimea 1*. Eds. A. E. Marks, V. P. Chabai. Liège, ERAUL, 1998, no. 84, p. 253–272.
- Chabai V. P., Demidenko Yu. E.** The Classification of Flint Artifacts. In: *The Middle Paleolithic of Western Crimea 1*. Eds. A. E. Marks, V. P. Chabai. Liège, ERAUL, 1998, no. 84, p. 31–51.
- Chabai V. P., Marks A. E., Monigal K.** Crimea in the Context of the Eastern European Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic. In: *The Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic of Eastern Crimea*. Eds. V. P. Chabai, K. Monigal and A. E. Marks. Liège, ERAUL, 2004, p. 419–460.
- Debenath A., Dibble H. L.** Handbook of Paleolithic Typology. Volume One: Lower and Middle Paleolithic of Europe. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1994, 202 p.
- Jöris O.** Out of the Cold. On Late Néandertal Population Dynamics in Central Europe. *Notae Praehistoricae*, 2002, no. 22, p. 33–45.
- Jöris O.** Zur chronostratigraphischen Stellung der spätmittelpaläolithischen Keilmessergruppen. Der Versuch einer kulturgeographischen Abgrenzung einer mittelpaläolithischen Formen-Gruppe in ihrem europäischen Kontext. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*, 2004, no. 84, p. 49–153.
- Jöris O.** Bifacially Backed Knives (Keilmesser) in the Central European Middle Palaeolithic. In: *Axe Age: Acheulian Tool-Making from Quarry to Discard*. Eds. N. Goren-Inbar, G. Sharon. London, 2006, p. 287–310.
- Kot M. A.** The Earliest Middle Palaeolithic Bifacial Leafpoints in Central and Southern Europe. Technological Approach. PhD Thesis. Warsaw, 2013, 731 p.
- Kot M. A.** The Earliest Middle Palaeolithic Bifacial Leafpoints in Central and Southern Europe: Technological Approach. *Quaternary International*, 2014, no. 326–327, p. 381–397.
- Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M. P., Hublin J. J., Hänni C., Derevianko A. P., Pääbo S.** Neanderthals in Central Asia and Siberia. *Nature*, 2007, no. 449, p. 902–904.
- Monigal K.** The Levantine Leptolithic: Blade Production from the Lower Paleolithic to the Dawn of the Upper Paleolithic. PhD Thesis. Dallas, Southern Methodist University, 2002. 307 p.
- Prüfer K., Racimo F., Patterson N., Jay F., Sankararaman S., Sawyer S., Heinze A.** The Complete Genome Sequence of a Neandertal from the Altai Mountains. *Nature*, 2014, no. 505, p. 43–49.
- Pastors A., Schäfer J.** Analyse des états techniques de transformation, d'utilisation et états post dépositionnelles illustrée par un outil bifacial de Salzgitter-Lebenstedt (FRG). *Préhistoire Européenne*, 1999, no. 14, p. 33–47.
- Pastors A.** Standardization and Individuality in the Production Process of Bifacial Tools – Leaf-Shaped Scrapers from the Middle Paleolithic Open Air Site Sare Kaya I (Crimea). In: *Neanderthals and Modern Humans – Discussing the Transition. Central and Eastern Europe from 50.000–30.000 B. P.* Mettmann, Neanderthal Museum, 2000, p. 243–255.
- Richter J.** Une analyse standardisée des chaînes opératoires sur les pièces foliacées du Paléolithique moyen tardif. In: *Préhistoire et approche expérimentale*. Eds. L. Bourguignon, I. Ortega, M.-C. Frèresautot. Montagnac, Editions Monique Mergoil., 2001, p. 77–78.

- Richter J.** Copies of Flakes: Operational Sequences of Foliate Pieces from Buran-Kaya III Level B1. In: The Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic of Eastern Crimea 3. Eds. V. P. Chabai, K. Monigal and A. E. Marks. Liège, ERAUL, 2004, no. 104, p. 233–247.
- Veselsky A. P.** Kabazi V: Production and Rejuvenation of Bifacial Tools. In: Kabazi V: Interstratification of Micoquian and Levallois Mousterian Camp Sites. Palaeolithic sites of Crimea. Eds. V. Chabai, Ju. Richter, Th. Uthmeier. Simferopol, Cologne, 2008, vol. 3, part 2, p. 455–479.
- Uthmeier Th.** Transformation Analysis and the Reconstruction of On-Site and Off-Site Activities: Methodological Remarks. In: The Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic of Eastern Crimea: The Paleolithic of Crimea III. Eds. V. P. Chabai, K. Monigal and A. E. Marks. Liège, ERAUL, 2004, no. 104, p. 175–191.
- Uthmeier Th.** The Transition from Middle – to Upper Palaeolithic at Buran Kaya III, Crimea (Ukraine): a case of conceptual continuity of lithic artefact manufacture? In: Flakes not Blades: The Role of Flake Production at the Onset of the Upper Palaeolithic. Wissenschaftliche Schriften des Neanderthal Museums 5. Eds. A. Pastors, M. Peresani. Mettmann, 2012, p. 239–260.

References

- Bosinski G.** Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa. Köln, Fundamenta, 1967, 205 p.
- Chabai V. P.** Kabazi II, Units IIA-III: Artifacts. In: The Middle Paleolithic of Western Crimea 1. Eds. A. E. Marks, V. P. Chabai. Liège, ERAUL, 1998, no. 84, p. 253–272.
- Chabai V. P.** Morfologicheskie osobennosti dvustoronnikh orudii krymskogo mikoka [Morphological Features of Bifacial Tools of the Crimean Mikok]. In: Metody izucheniya kamennykh artefaktov [Methods of Studying Stone Artifacts]. Materials of the International Conference (St. Petersburg, 16–18 November 2015). St. Petersburg, 2015, p. 138–143. (in Russ.)
- Chabai V. P.** Srednii paleolit Kryma [The Middle Paleolithic of Crimea]. Simferopol, Shlyakh Publ., 2004, 324 p. (in Russ.)
- Chabai V. P., Demidenko Yu. E.** The Classification of Flint Artifacts. In: The Middle Paleolithic of Western Crimea 1. Eds. A. E. Marks, V. P. Chabai. Liège, ERAUL, 1998, no. 84, p. 31–51.
- Chabai V. P., Marks A. E., Monigal K.** Crimea in the Context of the Eastern European Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic. In: The Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic of Eastern Crimea. Eds. V. P. Chabai, K. Monigal and A. E. Marks. Liège, ERAUL, 2004, p. 419–460.
- Debenath A., Dibble H. L.** Handbook of Paleolithic Typology. Volume One: Lower and Middle Paleolithic of Europe. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1994, 202 p.
- Demidenko Yu. E.** Skoly obrabotki orudii, kak indikator osobennostei i intensivnosti protsessov kremneobrabotki i zhiznedeyatel'nosti kollektivov neandertal'tsev na stoyankakh srednego paleolita v kontekste variabelnosti industrii krymskoi mikokskoi traditsii [Bifacial Thinning Chips as an Indicator of Characteristics and Intensity of Lithic Production and Neanderthal Groups Functioning at the Middle Paleolithic Sites in Terms of Industry Variability of the Crimean Mikok Tradition]. *Arheologicheskii al'manakh* [Archaeological Almanakh], 2003, no. 13, p. 128–157. (in Russ.)
- Derevianko A. P., Markin S. V., Kolobova K. A., Chabai V. P., Rudaya N. A., Viola B., Buzhilova A. P., Mednikova M. B., Zykin V. S., Zykina V. S., Zazhigin V. S., Vasiliev S. K., Roberts R. G., Bo L., Jacobs Z.** Mezhdistsiplinarnye issledovaniya Chagyrskoi peshchery – stoyanki srednego paleolita Altaya [Interdisciplinary Studies of Chagyrskaya Cave – a Middle Paleolithic Site at Altai]. Novosibirsk, IAE Publ., 2018, 468 p. (in Russ.)
- Derevianko A. P., Shunkov M. V.** Industarii s listovidnymi bifasami v srednem paleolite Gornogo Altaya [Middle Paleolithic Industries with Foliate Bifaces in Gorny Altai]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 2002, vol. 1, p. 16–42. (in Russ.)

- Girya E. Yu.** Tekhnologicheskii analiz kamennykh industrii (Metodika mikro-makroanaliza drevnykh orudii truda. Chast' 2) [Technological Analysis of Lithic Industries (Method of Micro-Macro Analysis of Ancient Tools. Part 2)]. St. Petersburg, IHMC RAS Publ., 1997, 198 p. (in Russ.)
- Jöris O.** Bifacially Backed Knives (Keilmesser) in the Central European Middle Palaeolithic. In: *Axe Age: Acheulian Tool-Making from Quarry to Discard*. Eds. N. Goren-Inbar, G. Sharon. London, 2006, p. 287–310.
- Jöris O.** Out of the Cold. On Late Néandertal Population Dynamics in Central Europe. *Notae Praehistoricae*, 2002, no. 22, p. 33–45.
- Jöris O.** Zur chronostratigraphischen Stellung der spätmittelpaläolithischen Keilmessergruppen. Der Versuch einer kulturgeographischen Abgrenzung einer mittelpaläolithischen Formen-Gruppe in ihrem europäischen Kontext. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*, 2004, no. 84, p. 49–153.
- Kharevich V. M., Akimova E. V., Stasyk I. V., Tomilova E. A.** Tekhnologiya proizvodstva plastin industrii kul'turnogo sloya 19 stoyanki Listvenka [Plate Production Technology for the Cultural Layer Industry 19 of the Listvenka Site]. *Stratum plus*, 2015, no. 1, p. 321–331. (in Russ.)
- Kot M. A.** The Earliest Middle Palaeolithic Bifacial Leafpoints in Central and Southern Europe. Technological Approach. PhD Thesis. Warsaw, 2013, 731 p.
- Kot M. A.** The Earliest Middle Palaeolithic Bifacial Leafpoints in Central and Southern Europe: Technological Approach. *Quaternary International*, 2014, no. 326–327, p. 381–397.
- Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M. P., Hublin J. J., Hänni C., Derevianko A. P., Pääbo S.** Neanderthals in Central Asia and Siberia. *Nature*, 2007, no. 449, p. 902–904.
- Monigal K.** The Levantine Leptolithic: Blade Production from the Lower Paleolithic to the Dawn of the Upper Paleolithic. PhD Thesis. Dallas, Southern Methodist University, 2002. 307 p.
- Pastors A.** Standardization and Individuality in the Production Process of Bifacial Tools – Leaf-Shaped Scrapers from the Middle Paleolithic Open Air Site Sare Kaya I (Crimea). In: *Neanderthals and Modern Humans – Discussing the Transition. Central and Eastern Europe from 50.000–30.000 B. P.* Mettmann, Neanderthal Museum, 2000, p. 243–255.
- Pastors A., Schäfer J.** Analyse des états techniques de transformation, d'utilisation et états post-dépositionnelles illustrée par un outil bifacial de Salzgitter-Lebenstedt (FRG). *Préhistoire Européenne*, 1999, no. 14, p. 33–47.
- Prüfer K., Racimo F., Patterson N., Jay F., Sankararaman S., Sawyer S., Heinze A.** The Complete Genome Sequence of a Neandertal from the Altai Mountains. *Nature*, 2014, no. 505, p. 43–49.
- Richter J.** Une analyse standardisée des chaînes opératoires sur les pièces foliacées du Paléolithique moyen tardif. In: *Préhistoire et approche expérimentale*. Eds. L. Bourguignon, I. Ortega, M.-C. Frèresautot. Montagnac, Editions Monique Mergoïl., 2001, p. 77–78.
- Richter J.** Copies of Flakes: Operational Sequences of Foliate Pieces from Buran-Kaya III Level B1. In: *The Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic of Eastern Crimea 3*. Eds. V. P. Chabai, K. Monigal and A. E. Marks. Liège, ERAUL, 2004, no. 104, p. 233–247.
- Rybin E. P., Kolobova K. A.** Srednii paleolit Altaya: Variabelnost' i evolyutsiya [Middle Paleolithic of Altai: Variability and Evolution]. *Stratum plus*, 2009, vol. 1, p. 33–78. (in Russ.)
- Shalagina A. V., Kolobova K. A., Krivoshepin A. I.** Analiz posledovatelnosti skolov kak instrument rekonstruktsii processa izgotovleniya kamennykh artefaktov [Scar Pattern Analysis as a Method for Reconstruction of Lithic Artifacts Production]. *Stratum plus*, 2019, no. 1, p. 145–154. (in Russ.)
- Uthmeier Th.** The Transition from Middle – to Upper Palaeolithic at Buran Kaya III, Crimea (Ukraine): a case of conceptual continuity of lithic artefact manufacture? In: *Flakes not Blades: The Role of Flake Production at the Onset of the Upper Palaeolithic*. Wissenschaft-

- liche Schriften des Neanderthal Museums 5. Eds. A. Pastoors, M. Peresani. Mettmann, 2012, p. 239–260.
- Uthmeier Th.** Transformation Analysis and the Reconstruction of On-Site and Off-Site Activities: Methodological Remarks. In: The Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic of Eastern Crimea: The Paleolithic of Crimea III. Eds. V. P. Chabai, K. Monigal and A. E. Marks. Liège, ERAUL, 2004, no. 104, p. 175–191.
- Veselsky A. P.** Kabazi V: Production and Rejuvenation of Bifacial Tools. In: Kabazi V: Interstratification of Micoquian and Levallois Mousterian Camp Sites. Palaeolithic sites of Crimea. Eds. V. Chabai, Ju. Richter, Th. Uthmeier. Simferopol, Cologne, 2008, vol. 3, part 2, p. 455–479.

*Материал поступил в редколлегию
Received
10.06. 2019*

Сведения об авторах

Колобова Ксения Анатольевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
kolobovak@yandex.ru
ORCID 0000-0002-5757-3251

Шалагина Алена Владимировна, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия); младший научный сотрудник Алтайского государственного университета (ул. Ленина, 61, Барнаул, 65049, Россия)
aliona.shalagina@yandex.ru
ORCID 0000-0002-2267-2452

Маркин Сергей Васильевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
markin@archaeology.nsc.ru
ORCID 0000-0002-4528-8613

Кривошапкин Андрей Иннокентьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия); ведущий научный сотрудник Алтайского государственного университета (ул. Ленина, 61, Барнаул, 65049, Россия)
krivoshapkin@mail.ru
ORCID 0000-0002-5327-3438

Information about the Authors

Ksenia A. Kolobova, Doctor of History, leading researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
kolobovak@yandex.ru
ORCID 0000-0002-5757-3251

Alena V. Shalagina, Junior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Junior Researcher at the Altai State University (61 Lenin Str., Barnaul, 65049, Russian federation)
aliona.shalagina@yandex.ru
ORCID 0000-0002-2267-2452

Sergey V. Markin, Doctor of History, Leading Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
markin@archaeology.nsc.ru
ORCID 0000-0002-4528-8613

Andrey I. Krivoshapkin, Doctor of History, leading researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Leading Researcher, Altai State University (61 Lenin Str., Barnaul, 65049, Russian Federation)
krivoshapkin@mail.ru
ORCID 0000-0002-5327-3438

УДК 903.01
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-112-131

Технология обработки каменного сырья в эпипалеолите Восточного Приэльбрусья (по материалам стоянки Навес Бадыноко)

М. В. Селецкий, С. В. Шнайдер, А. Ю. Федорченко

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Навес Бадыноко является одним из ключевых археологических местонахождений Восточного Приэльбрусья, содержащих стратифицированные археологические комплексы финального плейстоцена и раннего голоцена. Цель исследования – технологический анализ археологических комплексов стоянки с привлечением экспериментальных данных по расщеплению кремневого сырья и обсидиана. В результате работы выявлены основные стратегии расщепления, определены приемы подготовки зоны расщепления нуклеусов и способы получения пластинчатых заготовок нескольких типов – микропластин, пластинок и пластин. Установлено, что все изученные археологические комплексы стоянки отличала направленность первичного расщепления на получение пластинок и микропластин с объемных ядрищ в рамках продольного расщепления. Анализ морфологии сколов индустрий позволил связать производство каждого типа заготовок на разных этапах срабатывания нуклеусов с определенной техникой скола – прямым ударом мягкого органического отбойника и отжимом.

Ключевые слова

Восточное Приэльбрусье, эпипалеолит, каменная индустрия, технологический анализ, техника расщепления

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2019-0009 «Цифровые технологии в реконструкции стратегий жизнеобеспечения древнего населения Евразии»

Для цитирования

Селецкий М. В., Шнайдер С. В., Федорченко А. Ю. Технология обработки каменного сырья в эпипалеолите Восточного Приэльбрусья (по материалам стоянки Навес Бадыноко) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография. С. 112–131. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-112-131

Techniques for Processing Lithic Material during Epipalaeolithic in the Eastern Elbrus Region (On Materials of the Naves Badynoko Site)

M. V. Seletskiy, S. V. Shnaider, A. Yu. Fedorchenko

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The rock shelter Badynoko site is one of the key archaeological sites of the Eastern Elbrus region, which contains stratified archaeological complexes of the Final Pleistocene and Early Holocene. Stone industries at this site are the most important evidence for studying the cultural dynamics, economic and technological transformations that took place during the Epipalaeolithic time in Northern Caucasus. We aimed at conducting technological analysis of the Badynoko's archaeological complexes using experimental data on knapping flint and obsidian raw materials. To achieve this goal, we analyzed available information on morphometric criteria to identify knapping techniques.

© М. В. Селецкий, С. В. Шнайдер, А. Ю. Федорченко, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography

Our research interests included experimental modelling of the main methods which were used at the rock shelter Badynoko site for producing obsidian lamellar blanks; we also identified knapping techniques for producing blanks from other lithic materials.

Results. We described the main strategies used in processing lithic materials which existed during the Final Pleistocene and Early Holocene periods at the rock shelter Badynoko site. Identified are basic techniques applied in the fracture zone and methods for producing lamellar blanks of several types, namely microblades, bladelets, and blades. The common feature of all the assemblages is that primary flaking was meant to obtain bladelets and microblades from volumetric cores mainly by unidirectional knapping. The technological and morphological study of each type of the blanks has allowed us to link the production of these items with different stages of utilizing cores and determine knapping techniques used, such as direct hitting with a soft mineral chipper tool and pressure.

Conclusion. Based on our technological reconstructions, we provide a more detailed description of the evolution of strategies and knapping techniques used to process lithic materials during various stages at the rock shelter Badynoko site.

Keywords

Eastern Elbrus region, Epipaleolithic, stone industry, technological analysis, knapping technique

Acknowledgements

This research was conducted under the auspices of the Institute of Archeology and Ethnography of SB RAS, project № 0264-2019-0009 “Digital technology for reconstructing subsistence strategies of ancient populations in Eurasia”

For citation

Seletskiy M. V., Shnaider S. V., Fedorchenko A. Yu. Techniques for Processing Lithic Material during Epipaleolithic in the Eastern Elbrus Region (On Materials of the Naves Badynoko Site). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 112–131. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-112-131

Введение

Исследование древних технологий обработки каменного сырья занимает важное место в современных археологических изысканиях. Подобный интерес не вызывает удивления – большинство доступных исследователю свидетельств о жизни древнейших человеческих сообществ обычно представлено каменными артефактами. Ключевым инструментом реконструкции способов производства изделий из камня выступает технологический метод, который предполагает последовательное выполнение серии специализированных научных процедур: анализ технологического контекста, конкретных форм и последовательности расщепления; изучение техники скола, типов и источников каменного сырья; осуществление экспериментов по моделированию различных методов и технологий производства [Bordes, Crabtree, 1969; Inizan, 1990; Гиря, 1997; Нехорошев, 1999]. В настоящий момент на базе технологического метода в отечественной науке о древностях активно разрабатываются и внедряются в практику исследований отдельные направления и методики археологических реконструкций: атрибутивный анализ, или подход [Павленок и др., 2011], метод сырьевых единиц [Белоусова и др., 2018], анализ последовательности сколов [Шалагина и др., 2019].

Одной из составляющих технологического анализа каменных индустрий выступает изучение техник скола [Волков, Гиря, 1990; Гиря, Брэдли, 1996; Гиря, 1997. С. 68–75]. Под этим термином нами понимается совокупность приемов, средств и навыков приложения силового импульса к зоне расщепления с целью получения скола [Гиря, Нехорошев, 1993. С. 6; Васильев и др., 2007. С. 167]. По способу передачи импульса техники скола обычно разделяют на ударные, при которых скол отделяется в результате прямого или опосредованного удара, и отжимные, предполагающие плавное приложение усилия к предмету расщепления с применением силы и веса человека или рычага [Павленок, Павленок, 2013; 2014; Еськова, 2015. С. 17].

Важным условием корректной идентификации техник расщепления является сопоставление морфометрических параметров сколов из археологических коллекций с эталонами, полученными экспериментальным путем. К настоящему моменту перечень диагностических признаков для определения техник скола разработан для каменных индустрий, основанных на расщеплении мелкозернистого французского кремня, донецкого мелового (мелкозернистого)

и верхневолжского (мелко- и среднезернистого) карбонового кремня [Pelegrin, 1988; 2006; Волков, Гиря, 1990; Гиря, 1997; Еськова, 2017]. Отдельные научные работы посвящены исследованию способов расщепления обсидиана [Pelegrin, 1988; Pelegrin, Yamanaka, 2007]. На протяжении последних десятилетий активно разрабатываются критерии для идентификации техник расщепления кварцевого сырья [Flenniken, 1981; Reher, Frison, 1991; Тарасов, 2008]. Таким образом, для получения объективного списка морфометрических характеристик сколов для иных разновидностей камня, расщеплявшегося в древности, необходимо проведение новых экспериментов и самостоятельное получение серий эталонов.

В последнее время работы, направленные на определение техники скола в комплексах каменного века Северной и Центральной Азии, существенно активизировались [Павленок и др., 2016; Харевиц и др., 2017]. Тем не менее нужно констатировать, что потенциал археологических исследований, связанных со специализированным изучением способов получения сколов-заготовок для различных этапов первобытной археологии этих территорий, на данный момент остается в значительной степени нереализованным.

Цель настоящего исследования заключается в реконструкции технологии обработки каменного сырья археологических комплексов стоянки Навес Бадыноко в Восточном Приэльбрусье. Каменные индустрии этого памятника являются важнейшим источником для изучения процессов культурных, хозяйственных и технологических трансформаций, происходивших на территории центральной части Северного Кавказа на рубеже позднего плейстоцена и раннего голоцена. Основные задачи исследования – анализ опубликованных данных относительно морфометрических критериев идентификации основных техник скола, экспериментальное моделирование способов получения пластинчатых сколов из обсидиана, применявшихся в индустриях стоянки, определение техник скола при производстве сколов-заготовок изучаемого археологического комплекса. На основании проведенных реконструкций рассматривается вопрос относительно эволюции технологий расщепления каменного сырья на различных этапах заселения изучаемого памятника.

Данные о стоянке

Многослойная стоянка Навес Бадыноко была открыта и исследована археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством д-ра ист. наук В. Н. Зенина в 2004 г. [Деревянко и др., 2004]. Памятник располагается на территории Кабардино-Балкарской Республики, примерно в 50 км к западу от г. Нальчик, в непосредственной близости от сел Жанхотеко и Лашкута. Стоянка приурочена к скальному навесу южной экспозиции высотой 30 м над уровнем р. Баксан. Южная часть памятника была частично разрушена в результате дорожно-строительных работ. Аналогичная ситуация наблюдается в верхней части покровных отложений, где широкая тропа для домашних животных привела к образованию обширной осыпи, в которой содержались разновременные культурные материалы. Современная площадка под навесом представляет собой слабоскошенную поверхность (20°), которая усеяна обломками и крупными глыбами известняка размерами 1–4 м, выпадавшими со стены под отрицательным углом.

В результате первого этапа изучения стоянки были получены сведения о стратиграфии и абсолютной хронологии археологических комплексов этого местонахождения. В. Н. Зениным выделялось восемь литологических слоев, из которых в состоянии *in situ* оказались представлены лишь слои 7 и 8, раскопанные на площади 5 кв. м. Радиоуглеродный анализ образцов кости, полученных в результате раскопок, позволил сделать несколько определений: для основания литологического слоя 7 (горизонт 5) – $13\,990 \pm 340$ л. н. (СОАН-5897), средней части слоя 7 (горизонт 4) – $12\,635 \pm 150$ л. н. (СОАН-5896), средней части слоя 7 (горизонт 2) – $7\,715 \pm 95$ л. н. (СОАН-5895) [Зенин, Орлова, 2006. С. 56].

В процессе раскопок изучаемого памятника была получена представительная коллекция каменных артефактов и фаунистического материала, первичный анализ которой позволил

сделать вывод о широком хронологическом периоде обитания древнего человека на объекте – от палеолита до Средневековья. Материалы непо потревоженных литологических слоев 7 и 8 были интерпретированы исследователями как «классические для мезолита Кавказа» [Деревянко и др., 2004]. На настоящем этапе исследований был проведен технико-типологический анализ коллекции стоянки, осуществленный в рамках атрибутивного подхода [Селецкий и др., 2017]. В результате этой работы были выявлены сырьевые предпочтения древних обитателей навеса, определены основные технико-типологические характеристики нуклеусов, сколов и орудий. По результатам изучения археологической коллекции и данным радиоуглеродного датирования археологические комплексы памятника были сгруппированы в три культурно-хронологических этапа, которые характеризовали преемственное развитие каменной индустрии от ранней до поздней стадии эпилептолита.

Методика и методология исследования

Исследование каменных индустрий Навеса Бадыноко базировалось на технологическом методе [Гиря, 1997; Нехорошев, 1999]. Описание и анализ основных элементов каменной индустрии осуществлялись на основе атрибутивного подхода [Павленок и др., 2011]. Ключевую роль в процессе идентификации разнообразных способов получения сколов-заготовок анализируемых комплексов играли опубликованные экспериментальные материалы [Crabtree, 1968; Pelegrin, 1988; 2006; Flenniken, 1987; Texier, 1984; Gomez Coutouly, 2011; Altınbilek-Algül et al., 2012; Clark, 2012; Pelegrin, 2012; Tabarev, 2012] и результаты собственных экспериментальных работ, используемые в качестве эталонов при сопоставлении с данными технологического анализа.

На основе имеющихся экспериментальных данных был определен перечень основных морфометрических характеристик сколов, получаемых в результате применения техник прямого удара твердым и мягкими органическими отбойниками, техники отжима и посредника. Согласно Ж. Пелеграну, основные морфологические характеристики сколов из кремневого сырья и обсидиана, полученных аналогичным способом, имеют сходство, однако их метрические параметры нередко различаются [Pelegrin, 1988; Pelegrin, Yamanaka, 2007]. По мнению исследователя, размерность отжимных заготовок зависит от применения того или иного способа приложения импульса, на основании чего Ж. Пелеграном было выделено несколько разновидностей этой техники: отжим ручной; отжим при помощи плечевого «костыля»; отжим с использованием малого «костыля» в положении сидя; отжим при фиксации нуклеуса в положении стоя; отжим с помощью рычага. Для каждого из перечисленных типов был разработан перечень собственных различительных морфометрических характеристик (рис. 1). Из указанного списка нами использовался перечень характеристик для первых четырех типов этой техники, поскольку в каменной индустрии Навеса Бадыноко не представлены пластинчатые сколы, полученные отжимом и достигавшие более 40 мм в длину.

Особое внимание было уделено различению техник отжима и посредника, поскольку фактически их продукты расщепления имеют схожие метрические параметры [Gomez Coutouly, 2011]. В связи с этим в рамках настоящего исследования была проведена серия экспериментов, направленных на производство сколов-заготовок из обсидиана с использованием отжима и посредника. В результате составлена оригинальная таблица морфологических характеристик, использованная при идентификации конкретных способов получения сколов (табл. 1).

Материалы исследования

В рамках исследования было проанализировано 2433 каменных артефакта, происходящих из литологических слоев 8 и 7 (горизонты 7.1–7.5) стоянки, среди которых нуклеидные изделия (45 экз.), технические сколы (67 экз.), отщепы (265 экз.), пластины (40 экз.), пластинки (685 экз.), микропластины (333 экз.) и отходы производства (998 экз.) (табл. 2). Петрографический анализ каменных индустрий стоянки показал, что представленные здесь археологические комплексы базируются на утилизации кремневого и обсидианового сырья.

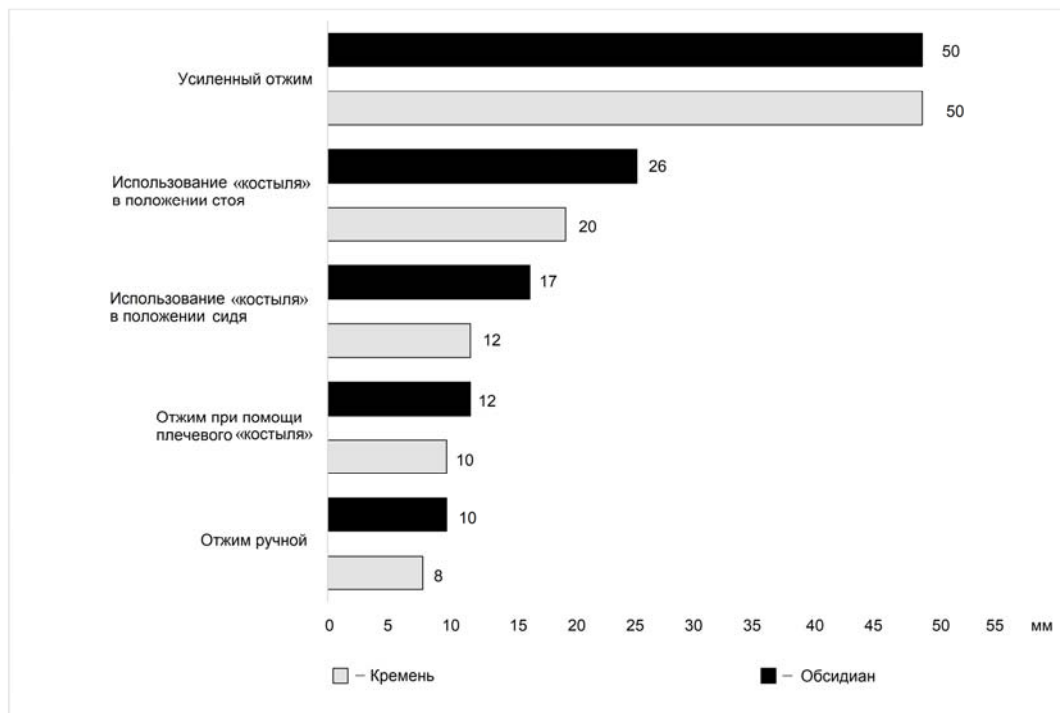


Рис. 1. Ширина пластинчатых сколов из кремня и обсидиана при использовании различных типов отжима (по: [Pelegrin, Yamanaka, 2007])

Fig. 1. The width of lamellar blanks of flint and obsidian when using various types of pressure technique (by: [Pelegrin, Yamanaka, 2007])

Каменная индустрия слоев 8 и 7.5 насчитывает 463 изделия, включая 182 артефакта, отнесенных к отходам производства – обломки, осколки, чешуйки, отщепы размерами менее 20 мм (39 %). В сырьевом отношении наиболее популярным материалом для производства каменных изделий в изучаемой индустрии являлся обсидиан (75 %).

Нуклеидные изделия (рис. 2, 5) представлены двумя экземплярами, отражающими технологию производства пластинчатых сколов с цилиндрических нуклеусов из кремня и обсидиана. Ядрища обладают овальной в сечении и многогранной в плане формой, ударные площадки организованы серией мелких снятий. Площадки нуклеусов располагаются под углом 70–80° по отношению к фронту. Расположение негативов пластинчатых снятий на фронте указывает на использование продольного и бипродольного скалывания. Основным приемом подготовки зоны расщепления на нуклеусах выступала абразивная подработка. Длина первого ядрища составляет 28 мм, ширина – 18, толщина – 16 мм. Второе изделие достигает 52 мм в длину, 22 мм в ширину и 29 мм в толщину. На основе изучения морфометрических характеристик нуклеусов слоев 8 и 7.5 можно утверждать, что утилизация этих изделий была прекращена на финальной стадии. Кроме того, пятью экземплярами в коллекции представлены нуклеидные обломки, отражающие стадию апробирования каменного сырья.

В рамках исследования проведено атрибутивное описание 274 сколов, среди которых технические сколы (15 экз.), отщепы (93 экз.), пластины (15 экз.), пластинки (119 экз.) и микропластинки (32 экз.). В коллекции технических сколов выделены сколы подправки фронта нуклеусов, краевые снятия, сколы подправки ударной площадки, полуреберчатые сколы, снятые с объемных ядрищ (рис. 2, 1, 7). Отщепы (93 экз., 34 %) имеют угловатую в плане форму,

Таблица 1

Основные морфометрические характеристики сколов
при использовании различных техник расщепления каменного сырья

Table 1

The basic morphometric features of flakes when using various
knapping techniques of stone raw materials

Морфометрическая характеристика сколов	Техника расщепления			
	удар твердым отбойником	удар мягким органическим отбойником	отжим	техника посредника
Степень фрагментации	Низкая	Средняя	Высокая	Высокая
Степень регулярности	Низкая	Средняя	Высокая	Высокая
Огранка дорсальной поверхности	Разнообразная	Продольная	Продольная	Продольная
Степень удлиненности	Низкая	Средняя	Высокая + уплощённость	Высокая + уплощённость
Профиль скола	Изогнутый	Изогнутый	Прямой (реже изогнут в дистальной части)	Изогнутый
Форма скола	Разновидная асимметричная	Листовидная, подпрямуюгольшая, в равной степени асимметричная и симметричная	Листовидная, подпрямуюгольшая, треугольная	Листовидная, подпрямуюгольшая, треугольная, остроконечная
Форма и толщина дистального окончания	Петлевидные и ступенчатые; толстые	Перьевидная; средняя	Перьевидная; тонкая	Перьевидная; средняя (до 20 мм)
Форма ударной площадки	Треугольная	Мелкая сегментовидная	Линейные и точечные	Линейные и точечные
Угол ударной площадки	90° и менее	90° и менее	85–100°	90 и более 100°
Степень редуцирования	Низкая	Средняя	Высокая	Высокая
Направленность расщепления	Крупные отщепы и пластины	Отщепы и пластины, режепластины	Пластинчатые сколы до 12 мм в ширину	Пластинчатые сколы до 12 мм в ширину, режепластины

Таблица 2

Каменная индустрия эpipалаeолитических культурных комплексов стоянки Навес Бадыноко

Table 2

The stone industry of the Eripalaeolithic cultural complexes of the Naves Badynoko site

Тип артефактов	Нижний комплекс (слои 8 и 7.5)		Средний комплекс (слои 7.4 и 7.3)		Верхний комплекс (слои 7.2 и 7.1)		Всего	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%
Отходы производства (осколки, обломки, чешуйки, отщепы < 20 мм)	182	39	603	38	213	62	998	38
Пластинки	119	26	505	31	61	16	685	26
Отщепы	93	20	141	9	31	9	265	10
Микропластины	32	7	271	17	30	9	333	13
Пластины	15	3	25	1	–	–	40	4
Технические сколы	15	3	47	3	5	1	67	5
Нуклеидные изделия	7	2	28	1	10	3	45	4
Всего	463	100	1 620	100	350	100	2 633	100

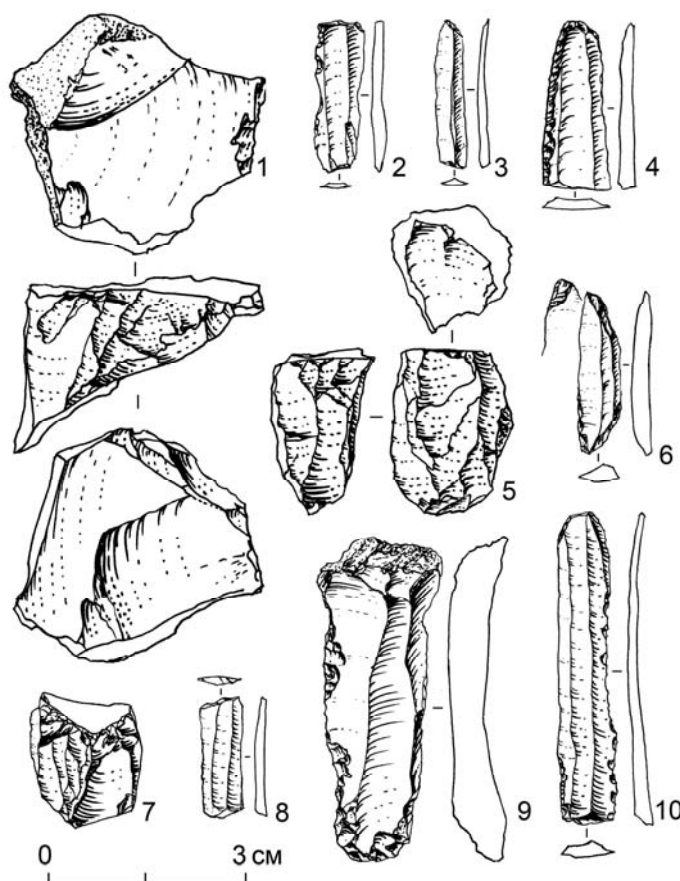


Рис. 2 (прорисовка). Каменная индустрия нижнего культурного комплекса стоянки Навес Бадыноко (слои 8 и 7.5): 1 – скол подправки площадки нуклеуса; 2–4, 8, 10 – пластинки с усеченным краем, 5 – цилиндрический нуклеус для пластинок; 6 – острие; 7 – скол подправки фронта нуклеуса; 9 – выемчатое изделие

Fig. 2 (drawing). The stone industry of the Lower cultural complex of the Naves Badynoko site (layers 8 and 7.5): 1 – rejuvenation core tablet; 2–4, 8, 10 – truncated bladelets; 5 – cylindrical core for bladelets; 6 – point; 7 – flanc de nucléus; 9 – notched tool

продольную огранку дорсальной поверхности, треугольное и многогранное поперечные сечения, гладкие ударные площадки со следами редуцирования мелкими сколами. Пластины (15 экз., 7 %) характеризуются прямоугольной в плане формой, продольной огранкой дорсальной поверхности, трапециевидным поперечным сечением, изогнутым латеральным профилем и гладкими ударными площадками со следами редуцирования. Пластинки (119 экз., 42 %) и микропластины (32 экз.) характеризуются прямым латеральным профилем, точечными или линейными площадками с признаками редуцирования. Длина пластинчатых сколов из кремня соответствует диапазону от 13 до 44 мм (основная часть – от 13 до 30 мм), из обсидиана – от 13 до 43 мм (имеется единственный экземпляр 62 мм; основная часть – от 13 до 30 мм); ширина кремневых изделий – от 3,5 до 10 мм, обсидиановых – от 4 до 16,5 мм (основная часть – до 13 мм).

Каменная индустрия слоев 7.4 и 7.3 включает 1 620 артефактов, из которых 603 отнесены к отходам производства (38 %). С точки зрения сырьевых предпочтений заметен переход от доминирования обсидиана к его равному использованию с кремневым сырьем.

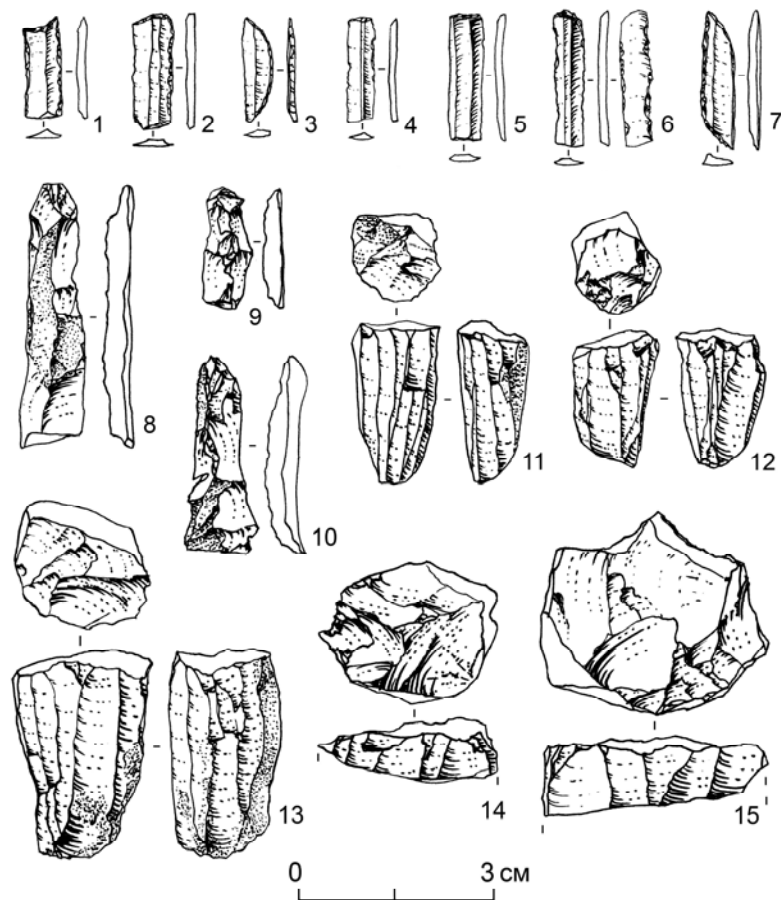


Рис. 3 (прорисовка). Каменная индустрия среднего культурного комплекса стоянки Навес Бадыноко (слои 7.4 и 7.3): 1, 7 – трапеции; 2 – прямоугольник; 3 – сегмент; 4–6 – пластинки и микропластины с усеченным краем; 8–10 – реберчатые сколы; 11–13 – цилиндрические нуклеусы для пластинок и микропластин; 14–15 – сколы подправки площадок нуклеусов

Fig. 3 (drawing). The stone industry of the Middle cultural complex of the Naves Badynoko site (layers 7.4 and 7.3): 1, 7 – trapezes; 2 – rectangle; 3 – circular segment; 4–6 – truncated bladelets and microbladelets; 8–10 – ridge flakes; 11–13 – cylindrical cores for bladelets and microbladelets; 14–15 – flange de nucleus

В коллекции литологических слоев 7.4 и 7.3 зафиксировано 24 нуклеидных изделия (ядрища) (рис. 3, 11–13). Технологию производства пластинок с цилиндрических продольных нуклеусов иллюстрирует фрагмент, выполненный на кремневом желваке. Ударная площадка этого ядрища располагается под углом 70° по отношению к фронту, зона расщепления имеет следы редуцирования и абразивной подработки. Предмет находился на ранней стадии утилизации. Его длина составляет 21 мм, ширина – 27, толщина – 12 мм. Первичное расщепление, направленное на получение пластинок и микропластин, представлено 23 объемными нуклеусами из обсидиана (8 экз.) и кремня (15 экз.). Эта группа включает цилиндрические (14 экз.), конические (6 экз.), подцилиндрические (2 экз.) и подконусовидные (1 экз.) разновидности. Анализируемые ядрища имеют подпрямоугольное или подтреугольное поперечное сечение, прямоугольную или овальную, реже – плосковыпуклую в плане форму. Площадки изделий располагаются относительно фронта под углом 70° или 90° . Фронт нуклеусов в боль-

шинстве случаев незамкнут. Длина ядрищ варьирует от 20 до 36 мм, ширина – от 8 до 25, толщина – от 7 до 21 мм. Анализ морфометрических параметров нуклеусов слоев 7.3 и 7.4 позволяет предположить, что их расщепление было остановлено на финальной стадии. Четыре нуклевидных обломка, представленные в индустрии, отражают этап первичной апробации каменного материала.

В рамках исследования проанализировано 989 сколов, среди которых технические сколы (47 экз.), отщепы (141 экз.), пластины (25 экз.), пластинки (505 экз.) и микропластинки (271 экз.). Коллекция технических сколов (47 экз.) включает сколы, произведенные с объемных ядрищ: подправки фронта, краевые снятия, сколы подправки площадки, реберчатые и полуреберчатые снятия, вторичные реберчатые и полуреберчатые сколы и др. (рис. 3, 8–10, 14–15). Большинство отщепов индустрии (141 экз., 13 %) обладает угловатой формой, продольной огранкой дорсала, треугольным и многогранным поперечными сечениями. Большая часть сколов имеет линейные или гладкие площадки со следами абразивной подработки. Пластины обладают прямоугольной формой, продольной огранкой, трапециевидным сечением и изогнутым профилем – сохранившие проксимальную часть имеют линейные площадки с признаками редуцирования и абразивной подработки. Пластинки (505 экз., 50 %) и микропластинки (271 экз., 27 %) обладают прямоугольной в плане формой, прямым латеральным профилем, трапециевидным и треугольным поперечным сечением, точечными или линейными площадками. Преобладающая часть сколов несет следы абразивной подработки. Длина пластинок и микропластин из кремня варьируется в диапазоне 12–40 мм (основная часть – до 30 мм), из обсидиана – 13–61 мм (основная часть – до 40 мм). Ширина пластинок и микропластин из кремня составляет 4–12 мм (преимущественно до 9 мм), обсидиановых – 4–12 мм (основная часть – до 10 мм).

Археологический комплекс литологических слоев 7.2 и 7.1 стоянки насчитывает 350 артефактов, включая 213 изделий (62 %), отнесенных к категории отходов производства – обломки, осколки, чешуйки и отщепы размерами менее 20 мм. Большинство каменных артефактов анализируемой индустрии изготавливалось из кремнистого сырья (почти 80 %).

В коллекциях выявлены четыре нуклевидных изделия (ядрища) (рис. 4, 11–12). Технологию производства пластинок и микропластин из кремня отражают два цилиндрических нуклеуса. Эти изделия обладают подпрямоугольной в плане формой, плосковыпуклым сечением и многогранной скошенной площадкой. Фронт ядрищ является незамкнутым, занимает примерно половину их периметра. Подготовка зоны расщепления осуществлялась редуцированием и абразивной обработкой. Изделия достигают 26–30 мм в длину, 18–22 мм в ширину и 13–14 мм в толщину. Расщепление одного из нуклеусов было прекращено на средней стадии утилизации из-за дефекта сырья, второго – на финальной стадии из-за истощения. Технология получения микропластин из обсидиана представлена одним подконусовидным нуклеусом. Изделие имеет треугольную форму в плане и в поперечном сечении. Площадка ядрища располагается под прямым углом по отношению к фронту. Фронт скалывания занимает примерно половину периметра изделия. Нуклеус находится на крайней стадии утилизации. Длина изделия составляет 20 мм, ширина – 16, толщина – 13 мм. Единственным экземпляром в индустрии представлена технология получения пластинок и микропластин с торцовых нуклеусов из кремня. Ядрище обладает плосковыпуклой формой поперечного сечения, слабоскошенной ударной площадкой и фронтом, занимающим $\frac{1}{4}$ часть периметра изделия. Нуклеус находится на крайней стадии утилизации. Длина изделия составляет 25 мм, ширина – 15, толщина – 12 мм. Четырьмя экземплярами представлены нуклевидные обломки, отражающие стадию апробирования каменного сырья.

Осуществлено атрибутивное описание 121 скола, среди которых технические снятия (5 экз.), отщепы (31 экз.), пластинки (61 экз.) и микропластинки (30 экз.). Пластины в изучаемой индустрии полностью отсутствуют. Серия технических сколов (5 экз.) представлена краевыми, реберчатыми снятиями и одним сколом подправки площадки, реализованными с объемных

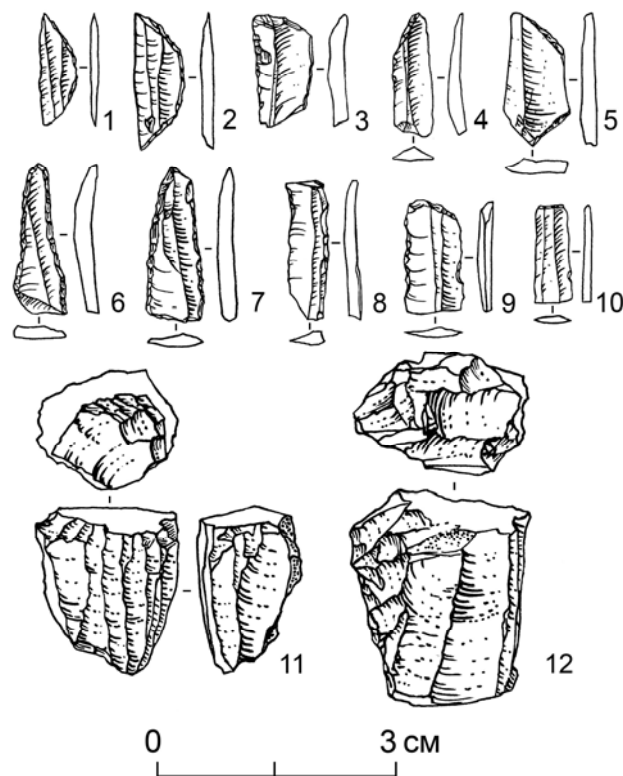


Рис. 4 (прорисовка). Каменная индустрия верхнего культурного комплекса стоянки Навес Бадыноко (слои 7.2 и 7.1): 1–2 – сегменты; 3–5 – трапеции; 6 – перфоратор; 7–10 – пластинки и микропластины с усеченным краем; 11 – подцилиндрический нуклеус для микропластин; 12 – цилиндрический нуклеус для пластинок и микропластин

Fig. 4 (drawing). The stone industry of the Upper cultural complex of the Naves Badynoko site (layers 7.2 and 7.1): 1–2 – circular segments; 3–5 – trapezes; 6 – drill; 7–10 – truncated bladelets and microblades; 11 – subcylindrical core for microblades; 12 – cylindrical core for bladelets and microblades

ядрищ. Отщепы индустрии (31 экз., 25 %) характеризуются угловатой и овальной в плане формой, продольной и поперечной огранкой дорсала, многогранным и треугольным сечением, гладкими площадками со следами редуцирования. Пластинки (61 экз., 50 %) и микропластины (30 экз., 25 %) коллекции характеризуются прямоугольной и треугольной в плане формами, прямым профилем, линейной и точечной площадками, признаками редуцирования. Длина пластинчатых сколов из кремня колеблется в диапазоне 13–29 мм, обсидиановых – 20–21 мм. Ширина кремневых сколов определена в интервале 5–8 мм, обсидиановых – 8–9 мм.

Результаты исследования

В результате технологического анализа было установлено, что каменные индустрии стоянки Навес Бадыноко отличается направленность на получение нескольких типов сколов в рамках призматического расщепления. Преобладающим типом заготовок в индустрии всех трех культурных комплексов памятника являлись удлинённые мелкие пластинчатые сколы (пластинки и микропластины) с призматической огранкой и относительно ровным профилем, получаемые путем расщепления вариаций цилиндрических и конусовидных нуклеусов, значи-

тельно реже – торцовых ядрищ. Менее распространенной являлась технология получения удлиненных пластин с цилиндрических нуклеусов, которая представлена в нижнем и среднем культурных комплексах и полностью отсутствует в верхнем.

Каменные индустрии стоянки базировались на использовании минерального сырья двух типов – высококачественного мелкозернистого кремня белого, молочного, серого и розового цветов, а также обсидиана черного и черно-коричневого цвета. Отсутствие в материалах анализируемых комплексов сколов со следами окатанной поверхности позволяет предполагать, что при подготовке нуклеусов обитателями стоянки использовалось каменное сырье из первичных местонахождений. Судя по морфологии и метрическим параметрам изученных ядрищ и сколов, для подготовки нуклеусов для пластинчатых заготовок привлекались отдельности преимущественно средневалунной размерности (250–500 мм). В коллекции не зафиксированы пренуклеусы или ядрища начальной стадии расщепления, что позволяет судить о подготовке этих изделий вне стоянки или охваченной раскопками площади.

Производство объемных нуклеусов для пластинчатых сколов в рамках реконструируемых технологий включало несколько стадий: декорткация отдельностей сырья из обсидиана и кремня и оформление пренуклеусов, подготовка площадок снятием мелких сколов и организация плоскостей скалывания посредством отделения реберчатых сколов. Получение мелких пластинчатых сколов (пластинок и микропластин) осуществлялось при помощи техники удара мягким органическим отбойником (нижний культурный комплекс) или ручного отжима (средний и верхний комплексы) до полного истощения ядрища. Основными приемами подготовки зоны расщепления в изучаемых индустриях выступали прямое редуцирование и абразивная подработка.

Детальный анализ каменных индустрий стоянки позволил проследить ряд особенностей, специфических для каждой из них. Индустрия нижнего культурного комплекса (слои 8 и 7.5) базировалась главным образом на обсидиановом сырье (80 %). При получении пластинчатых сколов применялась техника прямого удара мягким органическим отбойником. В качестве заготовок для формальных орудий привлекались, преимущественно, пластины и пластинки. Анализ орудийной коллекции нижнего культурного комплекса стоянки Навес Бадыноко продемонстрировал широкую распространенность сколов без ретуши и выемчатых орудий, а также скребков, резцов и перфораторов (см. рис. 2, 2–4, 6, 8–10). Основным приемом оформления орудий в изучаемой индустрии выступала ретушь притупления, дорсальная и вентральная стелющаяся ретушь.

Индустрия среднего культурного комплекса (слои 7.4 и 7.3) отличается сочетанием иных технологических характеристик. В составе сырьевой базы сокращается доля обсидиана (в литологическом горизонте 7.4 он составляет 68 %, в горизонте 7.3 – 52 %). Для производства пластинок и микропластин применялась техника ручного отжима. В качестве заготовок для орудий, в большинстве случаев, использовались пластинки и микропластины. Широко были представлены и усеченные пластинки, пластинки с вентральной ретушью, геометрические микролиты в виде прямоугольников и трапеций; отмечены единичные сегменты и треугольники, микроскребки, перфораторы и выемчатые орудия (см. рис. 3, 1–7). Большая часть орудий оформлена при помощи усечения, ретуши притупления и вентральной ретуши.

В каменной индустрии верхнего культурного комплекса (слои 7.2 и 7.1) по сравнению с материалами иных комплексов памятника существенно снижается доля обсидиана (24 % в слое 7.2 и 16 % в слое 7.1). Производство пластинчатых сколов шириной до 12 мм осуществлялось посредством ручного отжима. Основными типами заготовок для орудий выступали пластинки и отщепы. В орудийной коллекции комплекса распространены усеченные пластинки и скребки, единичные геометрические микролиты (трапеции, треугольники, сегменты), перфораторы, долотовидные изделия (см. рис. 4, 1–10). Подавляющая часть орудий оформлена с использованием приема усечения, ретуши притупления, вентральной ретуши и крутой сильномодифицирующей дорсальной ретуши.

Таблица 3

Основные морфометрические характеристики сколов
культурных комплексов стоянки Навес Бадыноко

Table 3

The basic morphometric features of lamellar blanks of cultural complexes
from the Naves Badynoko site

Морфометрическая характеристика сколов	Нижний комплекс (слои 8 и 7.5)	Средний комплекс (слои 7.4 и 7.3)	Верхний комплекс (слои 7.2 и 7.1)
Степень фрагментации	Средняя	Высокая	Высокая
Степень регулярности	Высокая	Высокая	Высокая
Огранка дорсальной поверхности	Продольная	Продольная	Продольная
Степень удлиненности	Высокая + утолщенность	Высокая + утолщенность	Высокая + утолщенность
Профиль скола	Изогнутый	Прямой (иногда изогнут в дистальной части)	Прямой (иногда изогнут в дистальной части)
Форма скола	Подпрямоугольная, остроконечная	Подпрямоугольная, остроконечная	Подпрямоугольная
Форма и толщина дистального окончания	Перьевидная, средняя	Перьевидная, тонкая	Перьевидная, тонкая
Форма ударной площадки	Линейная, точечная	Линейная, точечная	Линейная, точечная
Угол ударной площадки	85–95°	85–90°	85–90°
Степень редукации	Высокая	Высокая	Высокая
Длина сколов (в мм)	до 40	до 40	до 30
Средний диапазон длины (в мм)	от 20 до 30	от 20 до 30	от 20 до 30
Техника скола	Удар мягким органическим отбойником	Ручной отжим	Ручной отжим

Прямое сопоставление основных технологических характеристик каменных индустрий стоянки Навес Бадыноко позволяет сделать несколько заключений. Так, анализ технологий первичного расщепления и орудийного набора позволяет предположить возможность прямой преемственности изучаемых археологических комплексов между собой – развитие технологического репертуара обитателей стоянки, вероятно, происходило плавно, без внедрения заметных типологических и технологических инокультурных элементов. При сравнении сырьевых предпочтений в различные хронологические эпизоды ее заселения отчетливо прослеживается тенденция увеличения роли кремнистого сырья в первичном расщеплении. Вопрос о причинах смены сырьевых предпочтений населения на рубеже позднего плейстоцена и раннего голоцена нуждается в дальнейшем изучении.

Важным итогом проведенного технологического исследования стала надежная фиксация в комплексах стоянки нескольких техник скола, применявшихся при получении пластинок, пластин и микропластин (табл. 3). Возникновение отжимного расщепления фиксируется в материалах среднего культурного комплекса памятника уже 12 600 ¹⁴С л. н. Изучение ассамбляжей стоянки позволило выявить общий тренд на микролитизацию каменных орудий, который был напрямую связан с направленностью индустрии верхнего культурного комплекса памятника на получение мелких пластинчатых сколов ручным отжимом.

Заключение

Таким образом, для установления культурно-хронологической позиции памятника в изучаемом регионе был осуществлен (с привлечением экспериментальных данных по расщеплению камня) технико-типологический анализ каменных индустрий стоянки, который позволил выделить три культурных комплекса, связанных с последовательным заселением площади под навесом в хронологическом интервале 14 000–7 000 ¹⁴С л. н. В результате работы выявлены основные стратегии расщепления кремневого сырья и обсидиана в изучаемых индустриях, определены основные приемы подготовки зоны расщепления нуклеусов и способы получения пластинчатых заготовок нескольких типов. Общей чертой трех изученных комплексов являлась направленность первичного расщепления на получение пластинок и микропластин с объемных нуклеусов в рамках продольного расщепления. Изучение морфологии сколов индустрии позволило связать производство каждого типа заготовок (пластин, пластинок и микропластин) на разных этапах срабатывания ядрищ с определенными техниками скола (прямой удар мягкого органического отбойника или отжим).

Результаты проведенного изучения показали, что стоянка Навес Бадыноко является одним из опорных памятников восточного Приэльбрусья, поскольку содержит стратифицированные археологические комплексы, датируемые эпохой финального плейстоцена и раннего голоцена. Реконструируемые стратегии расщепления каменного сырья археологических комплексов стоянки имеют общие черты с другими памятниками финального плейстоцена и раннего голоцена Кавказского региона. Каменные индустрии этой территории, датируемые в интервале между окончанием максимума последнего оледенения и началом голоцена, в археологической историографии относят к эпипалеолиту [Голованова, Дороничев, 2012], финальному палеолиту [Nioradze, Otte, 2000], позднему верхнему палеолиту [Meshveliani et al., 2004] или терминальному палеолиту [Bar-Yosef, Belfer-Cohen, 2010]. В литологических слоях 1–3 пещеры Мезмайской зафиксирована представительная серия призматических ядрищ для получения пластинок и микропластин, которые численно преобладают в индустрии сколов этого комплекса [Голованова, Дороничев, 2012. С. 63]. Аналогичная технология продольного призматического расщепления для производства мелких пластинчатых и микропластинчатых сколов описана для материалов слоев 10–14 навеса Чыгай, слоев 6–7 пещеры Двойная [Леонова и др., 2013. С. 373–374]. В мезолитическом комплексе литологических слоев 4–5 пещеры Двойной выявлена серия уплощенных конических нуклеусов для микропластин, появление которых связывается исследователями этого памятника с развитием отжимной техники [Там же. С. 374].

В целом культурная атрибуция большинства археологических местонахождений финала плейстоцена – раннего голоцена Северо-Западного Кавказа и Восточного Приэльбрусья (пещера Двойная, навесы Чыгай и Сатанай, грот Сосруко, навесы у Алебастрового завода и Бадыноко) является до настоящего момента достоверно неопределенной или дискуссионной. Попытка решения этой проблемы диктует необходимость осуществления дальнейшей корреляции археологических комплексов Северного Кавказа для определения основных направлений культурного и технологического развития популяций охотников-собирателей изучаемого региона на данном этапе.

Список литературы

- Белоусова Н. Е., Федорченко А. Ю., Славинский В. С.** Анализ сырьевых единиц как способ изучения структуры культурных отложений и реконструкции систем мобильности и жизнеобеспечения // *Stratum plus. Культурная антропология и археология*. 2018. № 1. С. 125–143.
- Васильев С. А., Бозински Г., Бредли Б. А., Вишняцкий Л. Б., Гиря Е. Ю., Грибченко Ю. Н., Желтова М. Н., Тихонов А. Н.** Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 262 с.
- Волков П. В., Гиря Е. Ю.** Опыт исследования техники скола // *Проблемы технологии древних производств*. Новосибирск: Полиграф, 1990. С. 38–56.
- Гиря Е. Ю.** Технологический анализ каменных индустрий. Методика макро-микроанализа древних орудий труда. СПб.: Академ Принт, 1997. Ч. 2. 198 с.
- Гиря Е. Ю., Бредли Б. А.** Словарь Кроу Каньон: концепция технологического анализа каменных индустрий // *Археологический альманах*. 1996. Вып. 5. С. 13–22.
- Гиря Е. Ю., Нехорошев П. Е.** Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий // *РА*. 1993. № 4. С. 5–24.
- Голованова Л. В., Дороничев В. Б.** Имеретинская культура в верхнем палеолите Кавказа: прошлое и настоящее // *Первобытные древности Евразии: к 60-летию Алексея Николаевича Сорокина*. М.: Изд-во ИА РАН, 2012. С. 59–102.
- Деревянко А. П., Зенин В. Н., Аношкин А. А., Рыбин Е. П., Кереев Б. М., Виндугов Х. Х.** Бадыноко – новое многослойное местонахождение каменного века в Кабардино-Балкарии // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. 10, ч. 1. С. 70–76.
- Еськова Д. К.** Технология расщепления камня на стоянках восточного граветта Русской равнины: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 293 с.
- Еськова Д. К.** Технология расщепления камня на стоянках иеневской мезолитической культуры // *РА*. 2017. № 2. С. 14–26.
- Зенин В. Н., Орлова Л. А.** Каменный век Баксанского ущелья (хронологический аспект) // *XXIV Крупновские чтения*. Нальчик, 2006. С. 54–57.
- Леонова Е. В., Александрова О. И., Антипушина Ж. А., Сердюк Н. В., Спиридонова Е. А., Тесаков А. С.** Комплексные исследования многослойных памятников каменного века в Губском ущелье // *VIII Всерос. совещание по изучению четвертичного периода: «Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований»*. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 373–375.
- Нехорошев П. Е.** Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб.: Европейский Дом, 1999. 173 с.
- Павленок К. К., Белоусова Н. Е., Рыбин Е. П.** Атрибутивный подход к реконструкции «операционных цепочек» расщепления камня // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2011. Т. 10, № 3: Археология и этнография. С. 35–46.

- Павленок Г. Д., Павленок К. К.** Ударные техники скола в каменном веке: обзор англо- и русскоязычной литературы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, № 7: Археология и этнография. С. 28–37.
- Павленок Г. Д., Павленок К. К.** Техника отжима в каменном веке: обзор англо- и русскоязычной литературы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, № 5: Археология и этнография. С. 26–36.
- Павленок К. К., Колобова К. А., Кривошапкин А. И.** Изучение техники скола в комплексах развитого верхнего палеолита стоянки Додекатым 2 (Западный Тянь-Шань) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2016. Вып. 5. С. 109–115.
- Селецкий М. В., Шнайдер С. В., Зенин В. Н., Кривошапкин А. И., Колобова К. А., Алишер кызы С.** Эпипалеолитические комплексы Навеса Бадыноко (Приэльбрусье) // Вестник ТГУ. 2017. № 418. С. 147–162.
- Тарасов А. Ю.** Метрические критерии техники скола при анализе продуктов расщепления кварца: опыт экспериментального изучения // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. СПб.: Наука, 2008. Т. 1. С. 146–153.
- Харевич В. М., Хаценович А. М., Павленок Г. Д., Рыбин Е. П.** Признаки использования различных типов мягких отбойников (по материалам археологической и экспериментальной коллекций из долины реки Их-Тулбэрийн-Гол, Северная Монголия) // Древний человек и камень: технология, форма, функция. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. С. 101–109.
- Шалагина А. В., Колобова К. А., Кривошапкин А. И.** Анализ последовательности сколов как инструмент реконструкции процесса изготовления каменных артефактов // *Stratum plus*. Культурная антропология и археология. 2019. № 1. С. 145–154.
- Altınbilek-Algül C., Astruc L., Binder D., Pelegrin J.** Pressure Blade Production with a Lever in the Early and Late Neolithic of the Near East. In: *The Emergence of Pressure Blade Making from Origin to Modern Experimentation*. New York, Springer, 2012, p. 157–179.
- Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A.** The Levantine Upper Palaeolithic and Epipalaeolithic. In: *An offprint from South-Eastern Mediterranean Peoples Between 130,000 and 10,000 Years Ago*. Oxford, Oxford books, 2010, p. 144–167.
- Bordes F., Crabtree D. E.** The Corbiac Blade Technique and Other Experiments. *Tebiwa*, 1969, vol. 12, no. 2, p. 1–22.
- Clark J. E.** Stoneworkers' Approaches to Replicating Prismatic Blades. In: *The Emergence of Pressure Blade Making from Origin to Modern Experimentation*. New York, Springer, 2012, p. 43–135.
- Crabtree D. E.** Mesoamerican Polyhedral Cores and Prismatic Blades. *American Antiquity*, 1968, vol. 33, p. 446–478.
- Flenniken J. J.** Replicative systems analysis: A model applied to the vein quartz artifacts from the Hoko River site. Pullman, Laboratory of Anthropology Reports of Investigations, Washington State University, 1981, no. 59, 129 p.
- Flenniken J. J.** The Paleolithic Dyuktai Pressure Blade Technique of Siberia. *Arctic Anthropology*, 1987, vol. 24, iss. 2, p. 117–132.
- Gomez Coutouly Y.** Industries lithiques à composante lamellaire par pression du Nord Pacifique de la fin du Pléistocène au début de l'Holocène: Thèse de doctorat en Préhistoire. Paris, Paris West University Nanterre La Défense, 2011, 631 p. (in Fr.)
- Inizan M.-L.** Le débitage par pression: des choix culturels. In: *25 ans d'études technologiques en préhistoire: bilan et perspectives*. In: *XI^e rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes*. Juan-les-Pins, Editions APDCA, 1990, p. 367–377. (in Fr.)
- Meshveliani T., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A.** The Upper Paleolithic in Western Georgia. In: *The Early Upper Paleolithic beyond Western Europe*. Berkeley, University of California Press, 2004, p. 129–143.

- Nioradze M. G., Otte M.** Paleolithique Superieur de Georgie. *L'Anthropologie*, 2000, vol. 104, p. 265–300. (in Fr.)
- Pelegrin J.** Debitage Experimental par Pression: du plus petit au plus grand. In: *Technologie Préhistorique*. Valbonne, Editions du CNRS, 1988, p. 37–53. (in Fr.)
- Pelegrin J.** Long Blade Technology in the Old World: An Experimental Approach and Some Archaeological Results. In: *Skilled Production and Social Reproduction*. Uppsala, Societas Archaeologica Upsaliensis, 2006, p. 37–68.
- Pelegrin J.** New Experimental Observations for the Characterization of Pressure Blade Production Techniques. In: *The Emergence of Pressure Blade Making from Origin to Modern Experimentation*. New York, Springer, 2012, p. 465–500.
- Pelegrin J., Yamanaka I.** From the Smallest to the Largest: Experimental Flaking by Pressure Techniques. *Cultura Antiqua*, 2007, vol. 58, iss. 4, p. 1–16.
- Reher C. A., Frison G. C.** Rarity, Clarity, Symmetry: Quartz Crystal Utilization in Hunter-Gatherer Stone Tool Assemblages. In: *Raw material economies among prehistoric hunter-gatherers*. Lawrence, University of Kansas, 1991, p. 375–397.
- Tabarev A. V.** Blades and Microblades, Percussion and Pressure: Towards the Evolution of Lithic Technologies of the Stone Age Period, Russian Far East. In: *The Emergence of Pressure Blade Making from Origin to Modern Experimentation*. New York, Springer, 2012, p. 329–346.
- Texier P.-J.** Un débitage expérimental de silex par pression pectorale à la bequille. *Bulletin de la Société préhistorique française*, 1984, t. 81, no. 1, p. 25–27. (in Fr.)

References

- Altınbilek-Algül C., Astruc L., Binder D., Pelegrin J.** Pressure Blade Production with a Lever in the Early and Late Neolithic of the Near East. In: *The Emergence of Pressure Blade Making from Origin to Modern Experimentation*. New York, Springer, 2012, p. 157–179.
- Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A.** The Levantine Upper Palaeolithic and Epipalaeolithic. In: *An off-print from South-Eastern Mediterranean Peoples Between 130,000 and 10,000 Years Ago*. Oxford, Oxford books, 2010, p. 144–167.
- Belousova N. E., Fedorchenko A. Yu., Slavinsky V. S.** Analiz syr'yevykh edinit kak sposob izucheniya struktury kul'turnykh otlozhenii i rekonstruktsii sistem mobil'nosti i zhizneobespecheniya [Raw Material Unit Analysis as a Method of Studying the Structure of Cultural Deposits and Reconstruction of Mobility and Life Support Systems]. *Stratum plus. Kul'turnaya antropologiya i arkheologiya* [Stratum plus. Cultural anthropology and archeology], 2018, no. 1, p. 125–143. (in Russ.)
- Bordes F., Crabtree D. E.** The Corbiac Blade Technique and Other Experiments. *Tebiwa*, 1969, vol. 12, no. 2, p. 1–22.
- Clark J. E.** Stoneworkers' Approaches to Replicating Prismatic Blades. In: *The Emergence of Pressure Blade Making from Origin to Modern Experimentation*. New York, Springer, 2012, p. 43–135.
- Crabtree D. E.** Mesoamerican Polyhedral Cores and Prismatic Blades. *American Antiquity*, 1968, vol. 33, p. 446–478.
- Derevianko A. P., Zenin V. N., Anoykin A. A., Rybin E. P., Kerefov B. M., Vindugov Kh. Kh.** Badynoko – novoe mnogosloinoe mestonakhozhdenie kamennogo veka v Kabardino-Balkarii [Badynoko – a New Multilayered Site of the Stone Age in Kabardino-Balkaria]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2004, vol. 10, part 2, p. 70–76. (in Russ.)
- Eskova D. K.** Tekhnologiya rasshchepleniya kamnya na stoyankakh ienevskoi mezoliticheskoi kul'tury [Lithic Technology of Sites of the Ienevo Mesolithic Culture]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2017, no. 2, p. 14–26. (in Russ.)

- Eskova D. K.** Tekhnologiya rasshchepleniya kamnya na stoyankakh vostochnogo gravetta Russkoi ravniny [Stone Knapping Technology at the Eastern Gravettian Sites on the Russian Plain]. Cand. Histor. Sci. Diss. Moscow, 2015, 293 p. (in Russ.)
- Flenniken J. J.** Replicative systems analysis: A model applied to the vein quartz artifacts from the Hoko River site. Pullman, Laboratory of Anthropology Reports of Investigations, Washington State University, 1981, no. 59, 129 p.
- Flenniken J. J.** The Paleolithic Dyuktai Pressure Blade Technique of Siberia. *Arctic Anthropology*, 1987, vol. 24, iss. 2, p. 117–132.
- Girya E. Yu., Bradley B. A.** Slovar' Krou Kan'on: kontseptsiya tekhnologicheskogo analiza kamennykh industrii [Crow Canyon Dictionary: A Concept for Technological Analysis of Stone Industries]. *Arkheologicheskii al'manakh* [Archaeological Almanac], 1996, iss. 5, p. 13–22. (in Russ.)
- Girya E. Yu.** Tekhnologicheskii analiz kamennykh industrii. Metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudii truda [Technological Analysis of Stone Industries: Methodology of Micro- and Macroanalysis of Ancient Tools]. St. Petersburg, Akadem Print, 1997, part 2, 198 p. (in Russ.)
- Girya E. Yu., Nekhoroshev P. E.** Nekotorye tekhnologicheskie kriterii arkheologicheskoi periodizatsii kamennykh industrii [Some Technological Criteria for the Archaeological Periodization of Stone Industries]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 1993, no. 4, p. 5–24. (in Russ.)
- Golovanova L. V., Doronichev V. B.** Imeretinskaya kul'tura v verkhnem paleolite Kavkaza: proshloe i nastoyashchee [The Imeretinskaya Culture during the Upper Paleolithic of the Caucasus: Past and Present]. In: *Pervobytnye drevnosti Evrazii: k 60-letiyu Alekseya Nikolaevicha Sorokina* [Primitive Antiquities of Eurasia: to the 60th anniversary of Alexey Nikolaevich Sorokin]. Moscow, IA RAS Publ., 2012, p. 59–102. (in Russ.)
- Gomez Coutouly Y.** Industries lithiques à composante lamellaire par pression du Nord Pacifique de la fin du Pléistocène au début de l'Holocène: Thèse de doctorat en Préhistoire. Paris, Paris West University Nanterre La Défense, 2011, 631 p. (in Fr.)
- Inizan M.-L.** Le débitage par pression: des choix culturels. In: 25 ans d'études technologiques en préhistoire: bilan et perspectives. In: XI^e rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Juan-les-Pins, Editions APDCA, 1990, p. 367–377. (in Fr.)
- Kharevich V. M., Khatsenovich A. M., Pavlenok G. D., Rybin E. P.** Priznaki ispol'zovaniya razlichnykh tipov myagkikh otboinikov (po materialam arkheologicheskoi i eksperimental'noi kolleksii iz doliny reki Ikh-Tulberiyn-Gol, Severnaya Mongoliya) [Traces of Using Soft Chippers of Various Types (based on archaeological and experimental collections from the valley of the river Ikh-Tulberiyn-Gol, Northern Mongolia)]. In: *Drevnii chelovek i kamen': tekhnologiya, forma, funktsiya* [Ancient Man and Stone: Technology, Form, Function]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2017, p. 101–109. (in Russ.)
- Leonova E. V., Aleksandrova O. I., Antipushina Zh. A., Serdyuk N. V., Spiridonova E. A., Tesakov A. S.** Kompleksnyye issledovaniya mnogosloynnykh pamyatnikov kamennogo veka v Gubskom ushel'e [Complex Studies of Multi-layered Monuments of the Stone Age in the Gubsky Gorge]. In: VIII Vserossiiskoe soveshchanie po izucheniyu chetvertichnogo perioda: «Fundamental'nyye problemy kvartera, itogi izucheniya i osnovnyye napravleniya dal'neyshih issledovaniy» [8th All-Russian Conference on the Study of the Quaternary period: "Fundamental Issues of the Quarter, Results of the Study and Main Directions for Further Research"]. Rostov on Don, Southern Scientific Center RAS Publ., 2013, p. 373–375. (in Russ.)
- Meshveliani T., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A.** The Upper Paleolithic in Western Georgia. In: *The Early Upper Paleolithic beyond Western Europe*. Berkeley, University of California Press, 2004, p. 129–143.
- Nekhoroshev P. E.** Tekhnologicheskii metod izucheniya pervichnogo rasshchepleniya kamnya Srednego Paleolita [Technological Method for Studying the Middle Paleolithic Primary Knapping]. St. Petersburg, European House Publ., 1999, 173 p. (in Russ.)

- Nioradze M. G., Otte M.** Paleolithique Superieur de Georgie. *L'Anthropologie*, 2000, vol. 104, p. 265–300. (in Fr.)
- Pavlenok G. D., Pavlenok K. K.** Tekhnika otzhima v kamennom veke: obzor anglo- i russko-yazychnoi literatury [Pressure Technique during the Stone Age: Review of English and Russian Published Sources]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2014, vol. 13, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 26–36. (in Russ.)
- Pavlenok G. D., Pavlenok K. K.** Udarnye tekhniki skola v kamennom veke: obzor anglo- i russko-yazychnoi literatury [Percussion Technique during the Stone Age: Review of English and Russian Published Sources]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 28–37. (in Russ.)
- Pavlenok K. K., Belousova N. E., Rybin E. P.** Atributivnyi podkhod k rekonstruktsii «operatsionnykh tsepochek» rasshchepleniya kamnya [Attributive Approach to the Reconstruction of “Chaîne Operatoire” Used in Knapped Technology]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2011, vol. 10, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 35–46. (in Russ.)
- Pavlenok K. K., Kolobova K. A., Krivoshapkin A. I.** Izuchenie tekhniki skola v kompleksakh razvitoogo verkhnego paleolita stoyanki Dodekatym 2 (Zapadnyi Tyan'-Shan') [Investigation of the Knapping Technique in Evolved Upper Paleolithic Site Dodekatym 2, Western Tian Shan]. In: Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Culture], 2016, iss. 5, p. 109–115. (in Russ.)
- Pelegrin J.** Debitage Experimental par Pression: du plus petit au plus grand. In: *Technologie Préhistorique*. Valbonne, Editions du CNRS, 1988, p. 37–53. (in Fr.)
- Pelegrin J.** Long Blade Technology in the Old World: An Experimental Approach and Some Archaeological Results. In: *Skilled Production and Social Reproduction*. Uppsala, Societas Archaeologica Upsaliensis, 2006, p. 37–68.
- Pelegrin J.** New Experimental Observations for the Characterization of Pressure Blade Production Techniques. In: *The Emergence of Pressure Blade Making from Origin to Modern Experimentation*. New York, Springer, 2012, p. 465–500.
- Pelegrin J., Yamanaka I.** From the Smallest to the Largest: Experimental Flaking by Pressure Techniques. *Cultura Antiqua*, 2007, vol. 58, iss. 4, p. 1–16.
- Reher C. A., Frison G. C.** Rarity, Clarity, Symmetry: Quartz Crystal Utilization in Hunter-Gatherer Stone Tool Assemblages. In: *Raw material economies among prehistoric hunter-gatherers*. Lawrence, University of Kansas, 1991, p. 375–397.
- Seletskiy M. V., Shnaider S. V., Zenin V. N., Krivoshapkin A. I., Kolobova K. A., Alysher kyzy S.** Epipaleoliticheskie komplekсы navesa Badynoko (Priel'brus'e) [Epipaleolithic Complexes of the Badynoko Rock Shelter (Elbrus Region)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 2017, no. 418, p. 147–162. (in Russ.)
- Shalagina A. V., Kolobova K. A., Krivoshapkin A. I.** Analiz posledovatel'nosti skolov kak instrument rekonstruktsii protsessa izgotovleniya kamennykh artefaktov [Knapping Pattern Analysis as a Method for the Reconstruction of Lithic Artifacts Production]. *Stratum plus. Kul'turnaya antropologiya i arkheologiya [Stratum Plus. Cultural Anthropology and Archaeology]*, 2019, no. 1, p. 145–154. (in Russ.)
- Tabarev A. V.** Blades and Microblades, Percussion and Pressure: Towards the Evolution of Lithic Technologies of the Stone Age Period, Russian Far East. In: *The Emergence of Pressure Blade Making from Origin to Modern Experimentation*. New York, Springer, 2012, p. 329–346.
- Tarasov A. Yu.** Metricheskie kriterii tekhniki skola pri analize produktov rasshchepleniya kvartsa: opyt eksperimental'nogo izucheniya [Metric Criteria for Knapping Technique in the Analysis of Debitage Quartz Products: Experimental Studying]. In: *Problemy biologicheskoi i kul'turnoi adaptatsii chelovecheskikh populyatsii [Biological and Cultural Adaptation Issues of Human Populations]*. St. Petersburg, Nauka, 2008, vol. 1, p. 146–153. (in Russ.)
- Texier P.-J.** Un débitage expérimental de silex par pression pectorale à la bequille. *Bulletin de la Société préhistorique française*, 1984, t. 81, no. 1, p. 25–27. (in Fr.)

- Vasilyev S. A., Bozinski G., Bradley B. A., Vishnyatsky L. B., Girya E. Yu., Gribchenko Yu. N., Zheltova M. N., Tikhonov A. N.** Chetyrekh'yazychnyi (russko-anglo-franko-nemetskii) slovar'-spravochnik po arkheologii paleolita [Glossary of the Paleolithic Archaeology in Four Languages (Russian / English / French / German)]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedeniye Publ., 2007, 262 p. (in Russ.)
- Volkov P. V., Girya E. Yu.** Opyt issledovaniya tekhniki skola [Experience of Researching Knapping Technique]. In: Problemy tekhnologii drevnikh proizvodstv [Technological Issues in Ancient Industries]. Novosibirsk, Polygraph Publ., 1990, p. 38–56. (in Russ.)
- Zenin V. N., Orlova L. A.** Kamenniy vek Baksanskogo ushel'ya (khronologicheskii aspekt) [The Stone Age of the Baksan Gorge (a chronological aspect)]. In: XXIV Krupnovskie chteniya [24th Krupnovsky Readings]. Nalchik, 2006, p. 54–57. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

26.08.2019

Сведения об авторах

Селецкий Максим Владимирович, младший научный сотрудник ИАЭТ СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
Archmax95@gmail.com
ORCID 0000-0003-2581-8792

Шнайдер Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИАЭТ СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
sveta.shnayder@gmail.com
ORCID 0000-0003-2230-4286

Федорченко Александр Юрьевич, младший научный сотрудник ИАЭТ СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
winteralex2008@gmail.com
ORCID 0000-0001-7812-8037

Information about the Authors

Maxim V. Seletskiy, Junior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
Archmax95@gmail.com
ORCID 0000-0003-2581-8792

Svetlana V. Shneider, PhD in History, Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
sveta.shnayder@gmail.com
ORCID 0000-0003-2230-4286

Alexander Yu. Fedorchenko, Junior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
winteralex2008@gmail.com
ORCID 0000-0001-7812-8037

УДК 903.5(470.5+574) “637”
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-132-141

Оформление курганного пространства в погребальных комплексах синташтинской и петровской культур

П. А. Снитковская

*Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия*

Аннотация

В условиях территориальной мобильности населения с близкой культурной основой, но слабой иерархией, воспроизведение культурных стереотипов наиболее подвержено изменчивости. При изучении проблемы взаимодействия синташтинской и петровской археологических культур была прослежена их связь в сфере погребальной обрядности, структура которой характеризуется устойчивым комплексом отдельных элементов. В рамках статьи рассматриваются действия, связанные с сооружением и способами планировки ограждающих конструкций, подкурганной площадки и погребений. Вариативность элементов, наблюдаемая в процессе исследования, возможно, обусловлена изменением способов реализации действий, связанных с отправлением покойного в другой мир. Замена форм ритуалов производилась намеренно, либо она представляла собой ошибку в процессе копирования мифологического конструкта с последующим сохранением его смысла.

Ключевые слова

синташтинская культура, петровская культура, изменчивость, погребальный обряд, курганное пространство

Для цитирования

Снитковская П. А. Оформление курганного пространства в погребальных комплексах синташтинской и петровской культур // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография. С. 132–141. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-132-141

Design of the Kurgan Area in Burial Complexes of the Sintashta and Petrovka Cultures

P. A. Snitkovskaya

*Institute of History and Archaeology UrB RAS
Ekaterinburg, Russian Federation*

Abstract

Purpose. A funeral rite is one of the most stable components of any archaeological culture. Even though it is the most conservative and stable element, ritual practices may vary depending on the culture. The causes of variation might be cognitive mechanisms and random errors which appeared while copying funerary traditions. In a society with a close cultural basis, reproduction of the same rituals may include different symbols. Their transformation will have either a cluster character or may be smooth. In the Sintashta and Petrovka cultures, the lines of evolutionary development are determined by such elements of the funeral rite as principles of organization and decoration of the kurgan space. We describe these elements in our article.

Results. In conditions of population mobility whose cultural basis is close but the hierarchy is weak, reproduction of cultural stereotypes is most susceptible to variability. While studying interactions between the Sintashta and Petrovka archaeological cultures, we identify a definite link in their burial rites. They are characterized by a sustainable complex of individual items. In this article, we relate the rite features to the methods of constructing and planning of the

© П. А. Снитковская, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography

enclosing kurgan structures, the ground and burials. A variability of the elements is due to a change in the ways of implementing actions aimed at sending the deceased to the other world. The ritual forms could have been changed intentionally, or it might have been an error while copying the mythological constructs with subsequent preservation of its meaning. The range of activities before creating a burial mound is determined by the methods of constructing and planning the surrounding structures, kurgan platforms and gravel pits. To analyze characteristics of each group considered, we used a database of 19 burial grounds – 61 kurgans representing the Sintashta culture (16 sites) and the Petrovka culture (45 sites). We consider the dimensions of mounds, types of fences (ditches, shafts, stone fences), their shape, planning of gravel pits and the design of the kurgan platform.

Conclusion. The distribution of objects with different architectural elements and ways of kurgan space decorating indicate the presence of local traditions characteristic only for a certain area. Some variability is expressed by a change in the way how symbolic actions were implemented. Mounds with ditches are more common in the Tobol region, while stone fences were found only in Central Kazakhstan. Replacement of ditches on the weakly deepened fences might have been done intentionally, or it could have been a result of an error while copying the mythological construct, with subsequent preservation of its meaning.

Keywords

The Sintashta culture, the Petrovka culture, variability, funeral rite, kurgan space

For citation

Snitkovskaya S. P. Design of the Kurgan Area in the Burial Complexes of the Sintashta and Petrovka Cultures. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 132–141. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-132-141

Введение

В дописменных обществах передача культурных ценностей происходила благодаря такому социальному явлению, как культурная память, направлявшаяся на фиксированные моменты в прошлом. Для нее характерны мифическая предыстория, ритуальная коммуникация, символическая кодировка и специальные носители традиции. Для реализации содержащихся в культурной памяти объединяющих и направляющих импульсов должны осуществляться три функции: сохранение, востребование и коллективное участие. Причастность к традиции возможна только через личное присутствие, для которого требуются специальные поводы, например праздники и обряды. Регулярностью своего повторения они обеспечивают распространение знания, закрепляющего идентичность [Ассман, 2004. С. 50–67].

Погребальный обряд – один из наиболее устойчивых компонентов культуры, способствующих воспроизведению идентичности. Однако, несмотря на то что это наиболее консервативное звено, ритуальные практики могут варьировать. Источниками изменчивости служат как когнитивные механизмы, так и случайные ошибки при копировании информации. В первом случае происходит осознанная сортировка данных для создания новой формы [Gabora, 2004]. Во втором случае ошибки являются следствием неточности в наблюдении; со временем они накапливаются и могут получить дальнейшее распространение.

Поскольку действия, связанные с отправлением покойного в другой мир, имеют символический характер, то по мере изменения ритуалов близко контактирующие общества могут воспринимать одно и то же значение при помощи различных символов [Мышкин, 1999. С. 274], трансформация которых будет иметь кластерный или плавный переходный характер [Jensen, Nielsen, 1997. P. 19–23].

По мере накопления и анализа археологического материала, полученного в ходе раскопок погребальных комплексов синташтинского и петровского типов, исследователями было выделено несколько линий эволюционного развития, демонстрирующих их культурную близость [Зданович, 1983; Епимахов, 2005; Корякова и др., 2011; Виноградов, 2013; Молодин и др., 2014; Снитковская, Усманова, 2019]. Прежде всего эти линии отмечаются в категориях инвентаря (керамика, тесла, топоры, наконечники стрел, костяные псалии и т. д.), принципах размещения жертвенников, способе захоронения.

Не менее показательными являются принципы организации и оформления курганного пространства, характеристика которых обуславливает цель настоящего исследования. Актуальность и новизна его рабочих задач определяется структурой действий, предшествовавших

формированию курганных насыпей, обозначается признаками, связанными с сооружением и способами планировки ограждающих конструкций, подкурганной площадки и самих погребений.

Результаты исследований и их обсуждение

На территории Южного Урала, Северного и Центрального Казахстана население синташтинской и петровской традиций, несмотря на некоторые различия в архитектуре поселений и традиции изготовления керамики, было связано культурной преемственностью. Одним из свидетельств этого является повторяемость действий в сфере погребального обряда. Кроме того, известны памятники, культурный слой которых содержал материалы обеих культур [Виноградов, 2013; Корякова и др., 2011]. Чередование слоев и результаты радиоуглеродных анализов позволяют выделить два хронологических интервала, в соответствии с которыми время существования синташтинской культуры относится к XXI–XIX вв. до н. э., петровской – к XIX–XVIII вв. до н. э. [Erimakhov, Krause, 2013; Епимахов и др., 2005].

Для анализа сочетания признаков каждой группы элементов автором создана база данных, которая включает в себя 19 могильных комплексов, расположенных в долинах рек Урало-Казахстанских степей (рис. 1). Выборка анализируемых курганов состоит из 61 насыпи, 16 из которых относятся к синташтинской культуре и 45 к петровской (см. таблицу). Территориальное расположение синташтинской группы курганов приурочено к зоне Притобольских степей, географическое распространение памятников петровской культуры значительно шире и включает в себя территорию Притоболья, Приишимья и Центрального Казахстана.

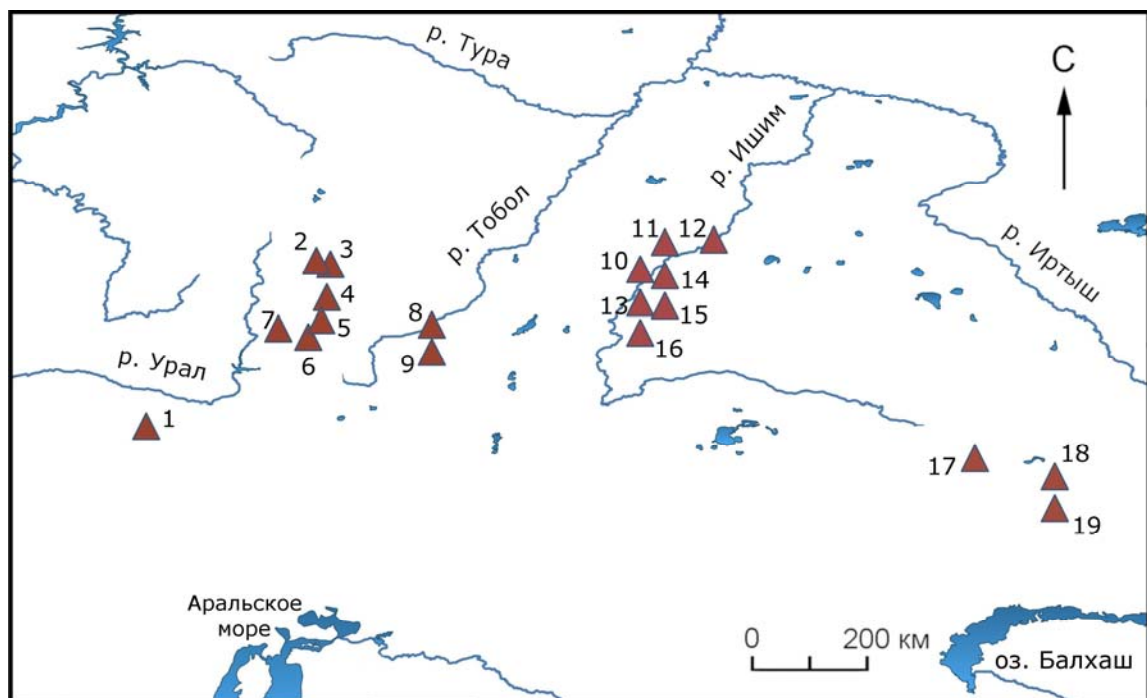


Рис. 1. Карта расположения могильников:

1 – Танаберген II, 2 – Кривое Озеро, 3 – Степное VII, 4 – Солнце II, 5 – Каменный Амбар-5, 6 – Синташта, 7 – Большешкараганский, 8 – Халвай, 9 – Новоильиновский II, 10 – Кенес, 11 – Аксайман, 12 – Новоникольское I, 13 – Берлик II, 14 – Бектениз, 15 – Графские Развалины, 16 – Улубай, 17 – Ащису, 18 – Нуртай, 19 – Бозенген

Fig. 1. Map of the burial grounds location:

1 – Tanabergen II, 2 – Krivoe Ozero, 3 – Steptoe VII, 4 – Solntse II, 5 – Kamennyi Ambar-5, 6 – Sintashta, 7 – Bolshekaraganskii, 8 – Khalvai, 9 – Novoil'novski II, 10 – Kenes, 11 – Aksaiman, 12 – Novonikol'skoe I, 13 – Berlik II, 14 – Bekteniz, 15 – Grafskie Razvaliny, 16 – Ulubai, 17 – Ashchisu, 18 – Nurtai, 19 – Bozengen

Перечень анализируемых курганов
The list of analyzed burial grounds

№	Могильник	№ кургана	Культурная принадлежность	Территория
1	Аксаيمان	2, 10	Петровская культура	Приишимье
2	Ащису	3	Петровская культура	Центральный Казахстан
3	Бектениз	4	Петровская культура	Приишимье
4	Берлик II	1, 2, 10	Петровская культура	Приишимье
5	Бозенген	5, 8, 10, 12, 15, 17, 20, 23, 24	Петровская культура	Центральный Казахстан
6	Большекараганский	22, 24, 25	Синташтинская культура	Притоболье
7	Графские Развалины	14, 15	Петровская культура	Приишимье
8	Каменный Амбар 5	2-4, 8	Синташтинская культура	Притоболье
9	Кенес	2	Петровская культура	Приишимье
10	Кривое Озеро	1, 2, 9, 10	Петровская культура	Притоболье
11	Новоильинский II	4, 5	Петровская культура	Притоболье
12	Новоникольское I	1	Петровская культура	Приишимье
13	Нуртай	1-15	Петровская культура	Центральный Казахстан
14	Синташта	1-3	Синташтинская культура	Притоболье
15	Солнце II	4, 11	Синташтинская культура	Притоболье
16	Степное VII	3, 6, 7	Петровская культура	Притоболье
17	Танаберген II	7	Синташтинская культура	Притоболье
18	Улубай	1, 2	Петровская культура	Приишимье
19	Халвай 3	3, 5	Синташтинская культура	Притоболье

При анализе каждой курганной группы учитывались габариты насыпей. Как правило, данный признак рассматривался в комплексе с высотой и диаметром. Однако, поскольку большинство сооружений пострадало под влиянием антропогенного и природного факторов, высота курганов не принималась во внимание.

Для территории Притоболья середина упорядоченного ряда значений (медиана) диаметра курганов в первом случае достигает 20 м, во втором – 15-ти. Для территории Приишимья это значение снижается до 12 м, для территории Центрального Казахстана – до 8 м. Такая тенденция могла быть связана с сокращением количества захораниваемых людей в одном кургане, что не требовало его большого размера.

Одной из интересных архитектурных особенностей погребальных комплексов являются ограждающие конструкции. Они могли быть как углубленными (рвы), так и наземными (валы, каменные ограды). Доля встречаемости конструкций первого типа составляет 28 % от общей выборки, второго – 39 %.

Всего в базе данных зарегистрировано 17 курганов со рвами (рис. 2). Их основной массив сконцентрирован на территории Притоболья и включает курганы как синташтинского, так и петровского типа. Ширина рвов в среднем составляет 2 м, глубина – 0,5 м. Большинство рвов разомкнуто с западной и восточной сторон (с небольшими отклонениями к северу или югу). Курганы без рвов составляют 72 % от общего числа (рис. 3).

Основная доля курганов с наземными окружающими конструкциями сосредоточена на территории Центрального Казахстана. В могильниках Ащису [Кукушкин, 2010], Нуртай и Бозенген [Ткачёв, 2002. С. 158–202] они представлены в виде каменных оград, вкопанных в неглубокие канавки. Большая часть из них имела круглую в плане форму. Исключение составляют пять курганов с пристройками, также окруженные по периметру камнем. В целом такая композиция аналогична курганам с восьмеркообразными рвами Притоболья.

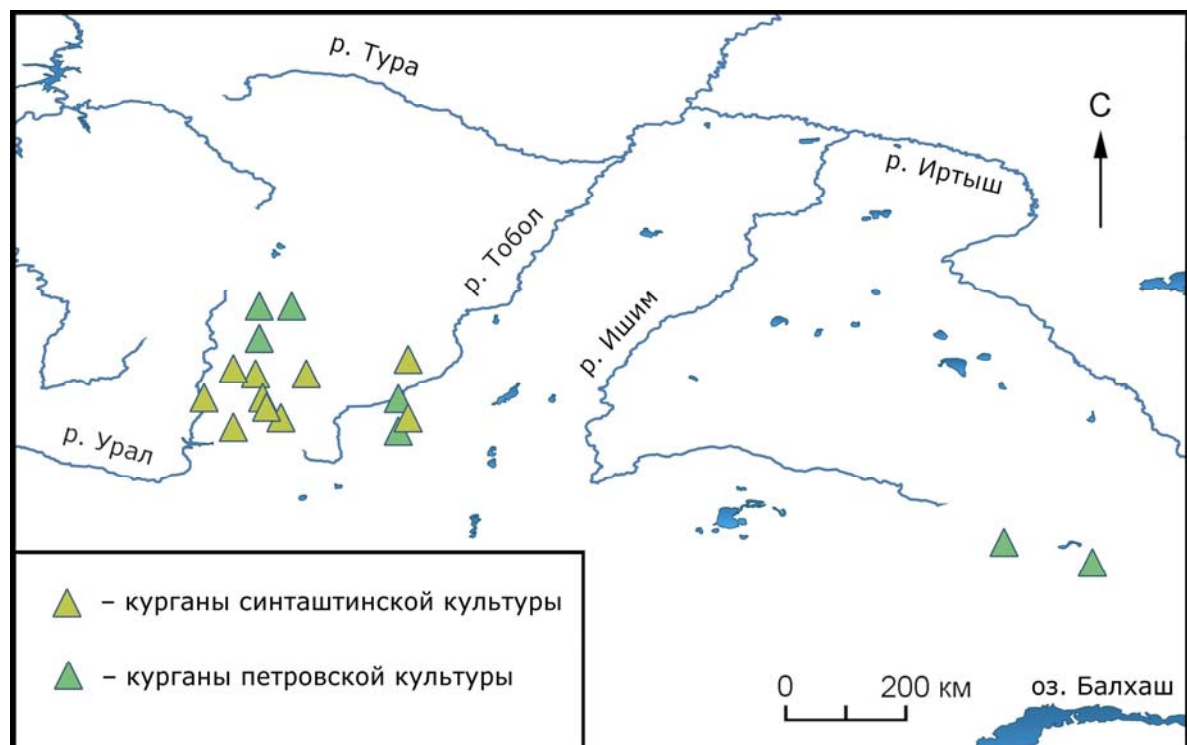


Рис. 2. Курганы с рвами (в связи с большим количеством большинство из них расположено схематично, с некоторыми отклонениями от мест реальной локализации могильников)

Fig. 2. Mounds with ditches (due to a large number, most of them are located schematically, with some deviations from the places of real localization)

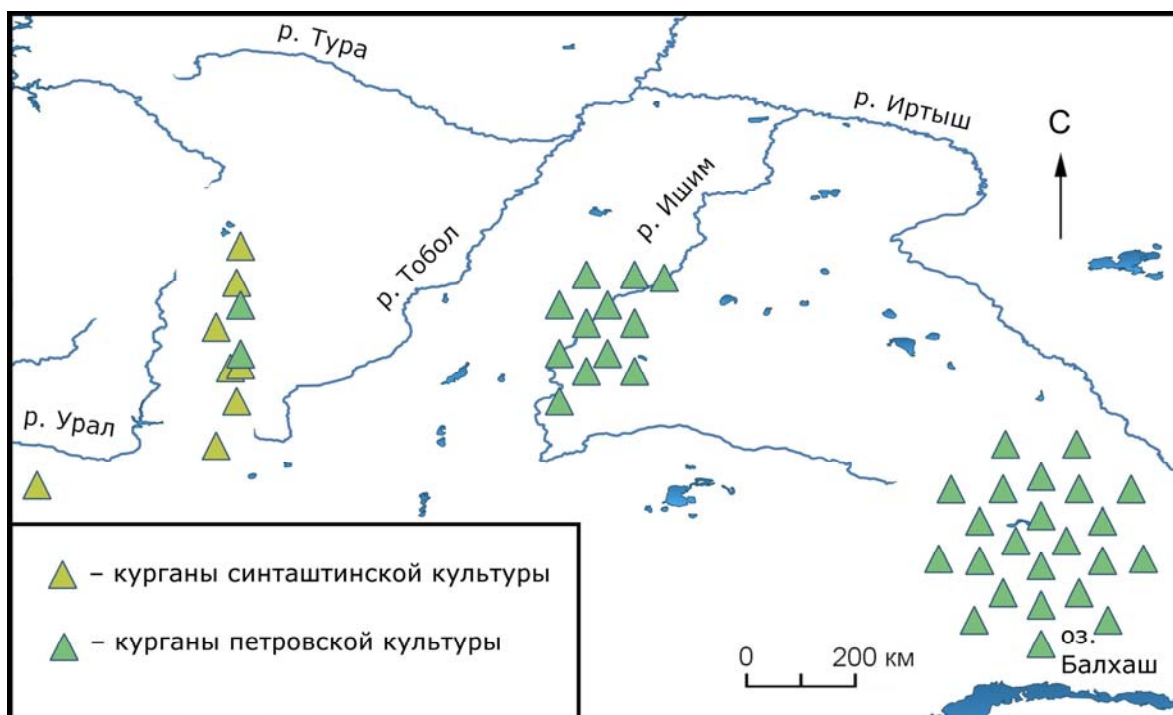


Рис. 3. Курганы без рвов (в связи с большим количеством, большинство из них расположено схематично, с некоторыми отклонениями от мест реальной локализации могильников)

Fig. 3. Mounds without ditches (due to a large number, most of them are located schematically, with some deviations from the places of real localization)

Несмотря на разнообразие типов ограждающих конструкций, одним из возможных условий, позволяющих предполагать преемственность этой архитектурной традиции, является форма сооружений. Наиболее интересными в этом смысле являются памятники с восьмерковидными ограждениями. Часть их приурочена к территории Притоболья (Степное VII, курганы № 6–7) [Куприянова, Зданович, 2015] и Центрального Казахстана (Нуртай, № 4–5, 14 и Бозенген, № 10, 23). Хотя их доля от общей выборки составляет лишь 11 %, а пространственно они отдалены друг от друга, ряд сопутствующих признаков позволяет рассматривать эти памятники в рамках общей архитектурной модели.

Среди таких признаков стоит отметить линейный принцип размещения на подкурганной площадке могил, ориентировка которых осуществлялась в одном направлении. При этом максимальное количество погребений не превышало четырех, за исключением кургана № 23 могильника Бозенген. Особенностью упомянутого комплекса являлось помещение некоторых периферийных захоронений в канавку, предназначавшуюся для каменных плит ограды. Прямая аналогия подобному устройству могилы отмечена в кургане № 7 могильника Степное VII. В остальных случаях размещение погребений было подчинено либо идее круговой планировки (периферийные ямы помещались вокруг центральной могилы), либо радиальной (помещение одного захоронения в центр подкурганной площадки в равной степени удаленности от ее края).

Однозначное определение, на каком именно этапе происходило сооружение рвов, не представляется возможным, поскольку стратиграфически их хронологическая позиция подтверждается только по отношению к периферийным ямам. Мнение относительно первооче-

редности возведения наземных конструкций, напротив, имеет больше оснований. Это могло быть связано с фиксацией грунта или глины внутри и снаружи ограждений.

В процессе сооружения кургана СІ (Синташтинский могильник) сначала была возведена круглая площадка диаметром 18 м. Поверх погребенной почвы размещался грунт мощностью до 20 см. Курганная площадка окружалась дерновым валом, вокруг которого (с внешней стороны) было выложено кольцо из глины [Генинг и др., 1992. С. 276].

О первоначальном сооружении каменных оград свидетельствует стратиграфия курганов Центрального Казахстана. В могильнике Бозенген основным компонентом при формировании насыпей являлся грунт, вынутый из ямы и размещенный внутри огражденной площадки [Ткачев, 2002. С. 233]. Второй курган могильника Нуртай демонстрирует схожую картину. Тот факт, что заполнение площадки ни в одном случае не выходило за пределы оград, позволяет с уверенностью говорить о первоначальности наземных ограждающих конструкций.

Из 61 памятника такими площадками было оснащено 27 курганов (44 %), большая часть которых сосредоточена на территории Приишимья и Центрального Казахстана. Глиняная площадка, как правило, приурочена к центральному захоронению. Вероятно, она могла быть символом противопоставления центра и периферии, на что в некоторых случаях указывает расположение могил за пределами глиняной площадки.

Распределение признаков демонстрирует несколько моделей оформления курганного пространства. Так, на территории Приишимья рвы не использовались. При этом все курганы, за исключением кургана № 2 могильника Улубай, имели глиняную площадку, приуроченную к центральному захоронению. Подобная картина наблюдалась на курганах могильника Кривое Озеро [Виноградов, 2003], что сближает их с погребальными памятниками Приишимья.

В 11 случаях на площадке размещались парные костяки лошадей. Аналогичная картина фиксировалась в кургане № 2 Нуртайского могильника, где две лошади лежали на площадке из белой глины, располагаясь на правом и левом боку головами на юго-запад. Площадка была соединена с валообразной подсыпкой из белой глины, окружавшей могилу с трех сторон. По мнению А. А. Ткачёва, данная инсталляция имитировала колесницу. Схожий набор признаков зафиксирован в кургане № 3 могильника Ащису. Помимо глиняной площадки и останков жертвенных животных, эти объекты сближает наличие рва и использование каменной ограды. Последний признак характерен только для курганов Центрального Казахстана, что позволяет обособить эту традицию как локальную особенность региона.

Заключение

Сохранение культурных стереотипов в оформлении курганного пространства прослеживается от территории Притоболья до степной зоны Центрального Казахстана. Об этом свидетельствует наличие ограждающих конструкций в виде рвов, валов, каменных оградок, планировка погребений и расположение жертвенников на подкурганной площадке.

Вариативность перечисленных элементов обусловлена изменением способов реализации символических действий, связанных с отправлением покойного в иной мир. Замена рвов на наземные слабо углубленные ограждения либо производилась намеренно, либо представляла собой ошибку при копировании мифологического конструкта с последующим сохранением его смысла.

Распределение памятников с разными типами ограждений свидетельствует о наличии локальных традиций. Курганы со рвами в большей степени характерны для территории Притоболья, в то время как каменные оградки встречаются только на территории Центрального Казахстана.

На связь стереотипов в оформлении курганного пространства указывает форма изгородей, напоминающих «восьмерку». Курганы с такой особенностью, как правило, не вмещали более четырех захоронений, в связи с чем диаметр насыпей не превышал 15 м. Возмещение пристроек имело постепенный характер и осуществлялось в порядке необходимости создания нового пространства для последующего погребения.

Сокращение количества погребенных людей в кургане и уменьшение площади для размещения погребений может свидетельствовать о замене родоплеменных кладбищ семейными. Однако такое предположение нуждается в ряде дополнительных аргументов, включая выявление родственной принадлежности погребенных.

Курганы с малой долей могильных ям характерны для восточной группы памятников. Их территориальное распределение образует две кластерные зоны в пределах бассейнов рек Ишим и Иртыш. Общей чертой является почти полное отсутствие рвов вокруг насыпей (в контексте выборки) и наличие глиняных или грунтовых площадок, в центре которых помещалось погребение. Нередким является залегание парных костяков лошадей на уровне поверхности могил.

В отличие от восточной зоны, все могильники Притоболья лишены устойчивой модели в оформлении курганного пространства. По-видимому, вариативность может быть связана с культурной многокомпонентностью обозначенного региона.

Список литературы

- Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Виноградов Н. Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. 360 с.
- Виноградов Н. Б. Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: Абрис, 2013. 482 с.
- Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.
- Епимахов А. В. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. 192 с.
- Епимахов А. В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4 (82). С. 92–102.
- Зданович Г. Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Уфа: Изд-во БашГУ, 1983. С. 48–68.
- Корякова Л. Н., Краузе Р., Епимахов А. В., Шарапова С. В., Пантелеева С. Е., Берсенева Н. А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И. В., Чечушков И. В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, антропология и этнография Евразии. 2011. № 4 (48). С. 61–74.
- Кукушкин И. А. Новые исследования на могильнике Ащису // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. Т. 12, № 1. С. 71–75.
- Куприянова Е. В., Зданович Д. Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 200 с.
- Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В. Радиоуглеродная хронология эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, № 3: Археология и этнография. С. 136–167.
- Мышкин В. Н. К проблеме взаимосвязи социальной структуры и погребальной обрядности в древних обществах // Вопросы археологии Поволжья. Самара: Изд-во СамГУ, 1999. Вып. 1. С. 270–288.
- Снитковская П. А., Усманова Э. Р. Погребальная практика петровской культуры по материалам могильника Новоильиновский II // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2019. Вып. 1. (44). С. 73–86.
- Ткачёв А. А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмИУ, 2002. Ч. 1. 289 с.

- Epimakhov A. V., Krause R.** Relative and Absolute Chronology of the Settlement Kamennyi Ambar. In: Multidisciplinary Investigations of the Bronze Age Settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn, GmbH, 2013, p. 129–146.
- Gabora L. M.** Ideas are not Replicators but Minds Are. *Biology and Philosophy*, 2004, vol. 19 (1), p. 127–143.
- Jensen C. K., Nielsen K. H.** Burial and Society: the Chronological and Social Analysis of Archaeological Burial Data. Aarhus, Oxford and Oakville (Connecticut), Aarhus University Press, 1997.

References

- Assman J.** Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in Ancient World Cultures]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004, 368 p. (in Russ.)
- Epimakhov A. V.** Rannie kompleksnye obshchestva Severa Tsentral'noi Evrazii (po materialam mogil'nika Kamennyi Ambar-5) [Early Complexes of North Central Eurasia (based on materials from the Kamennyi Ambar-5 burial ground)]. Chelyabinsk, Chelyabinskii dom pečhati Publ., 2005, 192 p. (in Russ.)
- Epimakhov A. V., Krause R.** Relative and Absolute Chronology of the Settlement Kamennyi Ambar. In: Multidisciplinary Investigations of the Bronze Age Settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn, GmbH, 2013, p. 129–146.
- Epimakhov A. V., Hanks B., Renfrew C.** Radiouglerodnaya khronologiya pamyatnikov bronzovogo veka Zaural'ya [Radiocarbon Chronology of the Bronze Age Sites in the Transuralian Region]. *Rossiskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 2005, no. 4 (82), p. 92–102. (in Russ.)
- Gabora L. M.** Ideas are not Replicators but Minds Are. *Biology and Philosophy*, 2004, vol. 19 (1), p. 127–143.
- Gening V. F., Zdanovich G. B., Gening V. V.** Sintashta [Sintashta]. Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 1992, 408 p. (in Russ.)
- Jensen C. K., Nielsen K. H.** Burial and Society: the Chronological and Social Analysis of Archaeological Burial Data. Aarhus, Oxford and Oakville (Connecticut), Aarhus University Press, 1997.
- Koryakova L. N., Krause R., Epimakhov A. V., Sharapova S. V., Panteleeva S. E., Bersneva N. A., Fornasie J., Kaizer E., Molchanov I. V., Chechushkov I. V.** Arkheologicheskoe issledovanie ukreplennogo poseleniya Kamennyi Ambar (Olgino) [An Archaeological Study of a Fortified Settlement Kamennyi Ambar (Olgino)]. *Arkheologiya, antropologiya i etnografiya Evrazii* [Archaeology, Anthropology and Ethnography of Eurasia], 2011, no. 4 (48), p. 61–74. (in Russ.)
- Kukushkin I. A.** Novye issledovaniya na mogil'nike Ashchisu [New Research at Ashchisu Burial Ground]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2010, vol. 12, no. 1, p. 71–75. (in Russ.)
- Kupriyanova E. V., Zdanovich D. G.** Drevnosti lesostepnogo Zaural'ya: mogil'nik Stepnoe VII [Antiquities of the Forest-Steppe Trans-Urals: Stepnoe VII Burial Ground]. Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ., 2015, 200 p. (in Russ.)
- Molodin V. I., Epimakhov A. V., Marchenko J. V.** Radiouglerodnaya khronologiya epokhi bronzы Urala i yuga Zapadnoi Sibibri: printsipy i podkhody, dostizheniya i problemy [Radiocarbon Chronology of the Bronze Age of the Urals and South of Western Siberia: Principles and Approaches, Achievements and Controversial Issues]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2014, vol. 13, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 136–167 (in Russ.)
- Myshkin V. N.** K probleme vzaimosvyazi sotsial'noi struktury i pogrebal'noi obryadnosti v drevnikh obshchestvakh [On Correlation of Social Structure and Funeral Rites in Ancient Socie-

ties]. In: *Voprosy arkheologii Povolzh'ya* [Archaeology of the Volga Region]. Samara, SamSU Publ., 1999, iss. 1, p. 270–288. (in Russ.)

Snitkovskaya P. A., Usmanova E. R. Pogrebal'naya praktika petrovskoi kul'tury po materialam mogil'nika Novoil'novskii II [Funeral Practice of the Petrovka Culture on the Materials of the Novoil'novskii Burial Ground]. *Bulletin Permsk State University. Series: History*, 2019, vol. 44, no. 1, p. 73–86. (in Russ.)

Tkachev A. A. Tsentral'nyi Kazakhstan v epokhu bronzy [Central Kazakhstan in the Bronze Age]. Tyumen, Tyumen Industrial University Publ., 2002, 289 p. (in Russ.)

Vinogradov N. B. Drevnee Ust'e: ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e [Ancient Ust'e: a Strengthened Settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals]. Chelyabinsk, Abris, 2013, 482 p. (in Russ.)

Vinogradov N. B. Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v Yuzhnom Zaural'e [A Burial Ground of the Bronze Age Krivoe Ozero in the Southern Trans-Urals]. Chelyabinsk, Yuzh-Ural. kn. izd-vo, 2003, 360 p. (in Russ.)

Zdanovich G. B. Osnovnye kharakteristiki petrovskikh kompleksov Uralo-Kazakhstanskikh stepei [Main Characteristics of the Petrovka-type Complexes in the Ural-Kazakhstan Steppe (on singling out the Petrovka culture)]. In: *Bronzovyi vek stepnoi polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya* [The Bronze Age of the Steppe Belt of the Ural-Irtysh Interfluve]. Ufa, BashSU Publ., 1983, p. 48–68. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

21.01.2019

Сведения об авторе

Снитковская Полина Алексеевна, аспирант, научный сотрудник сектора археологии металла Института истории и археологии УрО РАН (ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990, Россия)
p.a.sniky@yandex.ru

Information about the Author

Polina A. Snitkovskaya, Postgraduate Student, Researcher of the Metal Archaeology Sector of the Institute of History and Archaeology UrB RAS (16 Kovalevskaya Str., Ekaterinburg, 620990, Russian Federation)
p.a.sniky@yandex.ru

УДК 903.2
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-142-147

Изображения лучников на петроглифах Кара-Тоо в Кыргызстане

Ю. С. Худяков^{1,2}, К. Ш. Табалдиев³

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

² *Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

³ *Кыргызско-Турецкий университет «Манас»
Бишкек, Кыргызстан*

Аннотация

Анализируются две небольшие композиции с изображениями человеческих фигур и копытных животных, выполненные техникой точечной выбивки на скальных выходах в горах Кара-Тоо, входящих в состав горной системы Тянь-Шаня, на территории Кыргызстана. Прослежены основные события истории изучения памятников наскального искусства в горах, расположенных на территории северной части Республики Кыргызстан. В составе первой группы изображений на памятнике Кара-Тоо показан пеший лучник в сферическом головном уборе, с луком и стрелой в руке, с налечьем, подвешенным к поясу. Присутствует также профильное изображение животного – вероятно, двугорбого верблюда. В рамках другой петроглифической композиции воспроизведены два лучника, охотящиеся на горного козла. В статье приведено краткое описание третьей многофигурной композиции, изображающей всадника, лошадей, собаку, горных козлов и баранов-аргали, а также постройку со стенами и двускатной крышей. Описанные изображения людей и животных относятся, предположительно, к позднему бронзовому и раннему железному векам.

Ключевые слова

Кыргызстан, петроглифы Кара-Тоо, охотники, луки и стрелы, чехол для лука, сферический головной убор, верблюд, горный козел

Для цитирования

Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш. Изображения лучников на петроглифах Кара-Тоо в Кыргызстане // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография. С. 142–147. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-142-147

Archers on the Petroglyphs of Kara-Too in Kyrgyzstan

Yu. S. Khudyakov^{1,2}, K. Sh. Tabaldiev³

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

² *Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

³ *Kyrgyz-Turkish Manas University
Bishkek, Kyrgyzstan*

Abstract

Purpose. The article analyzes in details two small petroglyphic compositions with human figures and hoofed animals made in the technique of dotted engraving on rocky ridges, which were discovered in the mountains of Kara-Too, a part of the mountain range of Tian Shan in Kyrgyzstan, and provides a brief description of another similar composition.

© Ю. С. Худяков, К. Ш. Табалдиев, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography

Results. We summarized the primary events of researching rock graphic arts compositions in mountains, particularly those located in the northern part of the Kyrgyz Republic. The first imagery group, which was discovered at the site Kara-Too, demonstrates a dismounted archer wearing a rounded head-dress and keeping a bow and arrow in his hand, with a bow quiver hung to his belt, and a profile imagery of a hoofed animal with two protuberances on its back, which probably means that the animal is a camel. The second petroglyphic composition shows two archers with bows and arrows in their hands, who are hunting goats. We also give a brief description of the third multi-figure composition present at this petroglyphic location. It includes an imagery of a horseman, some horses, a dog, mountain goats and sheep or Altai argali, as well as a construction with walls and a double-pitch roof.

Conclusion. The images of humans and animals in the petroglyphic composition of Kara-Too, which were described in the article, apparently relate to the Late Bronze Age and Early Iron Age.

Keywords

Kyrgyzstan, Kara-Too petroglyphs, hunters, bows and arrows, bow cover, spherical headgear, camel, mountain goat

For citation

Khudyakov Yu. S., Tabaldiev K. Sh. Archers on the Petroglyphs of Kara-Too in Kyrgyzstan. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 142–147. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-142-147

Введение

В течение XX в. в горах Тянь-Шаня на территории Кыргызстана было выявлено и обследовано значительное количество разнообразных комплексов древнего и средневекового наскального искусства. Изучение некоторых из них началось при участии российских любителей древностей еще в начале XX в. [Ташбаева, 1999. С. 72]. В дальнейшем, в 1950-х гг., определенный вклад в их исследование внес А. Н. Бернштам [1952. С. 51]. Основные результаты первоначального периода изучения были обобщены и приведены в специальной статье Б. М. Зимы [1958]. В последующие годы изучением петроглифов на территории Кыргызстана продолжили заниматься Д. Ф. Винник, Г. А. Помаскина, Я. А. Шер и др. [Винник, Помаскина, 1975. С. 96; Шер, 1980. С. 96–113; Шер и др., 1987].

В числе наиболее известных петроглифических памятников Тянь-Шаня выделяется местонахождение Саймалы-Таш [Ташбаева, 1999]. Определенным своеобразием отличаются наскальные рисунки на другом объекте – Сулайман-Тоо, расположенном в окрестностях г. Ош [Аманбаева, Дэвлет, 1999. С. 6–13].

Целью настоящего исследования является определение содержания наскальных рисунков и изобразительных композиций, воспроизведенных на местонахождении Кара-Тоо, расположенном в Кочкорской долине на Тянь-Шане, на территории Республики Кыргызстан. Для успешной реализации заявленной цели необходимо проследить некоторые не использованные ранее исследователями результаты изучения открытых в разное время наскальных рисунков, описать изображения и выделить их характерные детали, в том числе предметы вооружения, высказать соображения о хронологии памятников. Изучение петроглифов, в составе которых воспроизведены антропоморфные персонажи с некоторыми реалиями, в том числе предметами вооружения, сохраняют определенную актуальность. Они могут быть использованы в качестве изобразительных источников для анализа и интерпретации древних и средневековых изобразительных сюжетов.

Результаты исследований и обсуждение

В начале 1990-х гг. на скальных выходах в пределах горной гряды Кара-Тоо, расположенной на северной окраине Кочкорской долины, в окрестностях памятников Беш-Таш-Короо, в пределах центрального Тянь-Шаня, археологами из Кыргызстана и России, в том числе авторами настоящей статьи, было обнаружено и обследовано местонахождение выполненных точечной выбивкой (т. е. древних) и гравированных (более поздних) наскальных рисунков. Техники резной гравировки выполнены изображения лошадей, всадника верхом на коне, а также лежащего на земле охотника с ружьем в руках. Они должны относиться к кыргыз-

ским рисункам этнографической современности. Однако среди изображенных нескольких фигур людей имелась одиночная фигура стоящего мужчины-охотника, выполненная техникой точечной выбивки. Он воспроизведен с собранными на затылке в пучок волосами, а также с натянутым луком в руках.

Через два года после начала археологических работ, в 1993 г., на некоторых скальных выходах Кара-Тоо, протянувшихся по гребню увала, были обнаружены и затем обследованы некоторые не известные ранее наскальные рисунки. Они нанесены точечной выбивкой в нескольких пунктах на восточной стороне этих скальных выходов.

В пункте № 3 выявлена композиция, в составе которой выполнено изображение взрослого человека анфас, стоящего на расставленных на уровне плеч прямых ногах, с раздвинутыми в стороны руками; на голове показан сферический головной убор. В левой руке у него сложносоставной лук с вогнутой серединой, выгнутыми плечами и загнутыми по направлению стрельбы концами, с натянутой тетивой. В средней части кибити лука изображена настороженная стрела с оформленным наконечником асимметрично-ромбической формы с выделенным тупоугольным острием и пологими плечиками. На поясе изображено налучье с выделенным, вероятно, кожаным чехлом и изогнутым дуговидным навершием. Налучье прикреплено к поясу человека довольно тонким, вероятно, кожаным ремешком. Ниже фигуры лучника показано профильное изображение четвероного животного с изогнутой шеей, головой с вытянутой мордой и двумя высокими наклонными выступами на спине. Вполне возможно, что это двугорбый верблюд (рис. 1, 1).



Рис. 1. Изображения пеших лучников на Кара-Тоо:

- 1 – изображение пешего лучника в сферическом головном уборе и верблюда;
2 – сцена охоты двух лучников на горного козла (без масштаба)*

Fig. 1 Imagery of dismounted archers at Kara-Too:

- 1 – a dismounted archer wearing a rounded head-dress, and a camel;
2 – two archers hunting goats (w/o scale)*

Содержание данной сцены не вполне очевидно. Если считать, что рисунки лучника и верблюда относятся к одной и той же изобразительной композиции, то можно высказать предположение, что лучник, вероятно, изображен спустившимся с верблюда и приготовившимся к стрельбе.

В пункте № 4 на данном петроглифическом памятнике также точечной выбивкой изображена сцена охоты двух пеших лучников на горного козла.



Рис. 2. Многофигурная композиция с изображением постройки, горных козлов, баранов, лошадей и всадника (без масштаба)

Fig. 2. A multi-figure composition with a horseman, some horses, a dog, mountain goats and sheep, and a building (w/o scale)

У лучника, стоящего на широко расставленных в ногах с левой стороны от козла, выделены крупная голова, согнутая в локте правая и вытянутая вперед левая руки, в которой удерживается лук с натянутой тетивой и настороженной стрелой.

С правой стороны от горного козла также изображен стоящий с широко расставленными ногами лучник. Вероятнее всего, он показан в оригинальном головном уборе с двумя выступающими вверх небольшими треугольными навершиями. В одной, вытянутой вперед, руке человек держит среднюю часть лука овальной, т. е. не вполне обычной, формы с натянутой тетивой и настороженной стрелой. Он изображен словно идущим вперед, навстречу горному козлу, на которого охотятся оба человека.

Между обеими фигурами охотников воспроизведен и сам горный козел, изображенный в профиль, – у него круто загнутые рога, выделенная голова и укороченное туловище с прямыми передними и задними ногами и задранным кверху небольшим хвостиком (рис. 1, 2).

Рассмотренные и проанализированные в данной статье композиции передают две различные сцены. Одна из них включает подготовку лучника в сферическом головном уборе и с налучьем, подвешенным к поясу, к стрельбе из лука. На другой представлена сцена охоты – изображены два стрелка, стреляющие из луков в горного козла.

Помимо этих двух сюжетов, на памятнике Кара-Тоо находится еще одна многофигурная композиция, которая была обозначена под № 1, также выполненная техникой точечной выбивки. Здесь изображена постройка с решетчатыми стенками, соединенными треугольной крышей, показано значительное количество диких копытных и домашних животных, среди которых имеются семь профильных фигур горных козлов, четыре фигуры баранов-аргали, одна собака и несколько лошадей. В центральной части данного сюжета имеется выбитое изображение сидящей на коне не вполне понятной, возможно антропоморфной, фигуры с необычно украшенным головным убором (рис. 2).

Заключение

Выявленные и обследованные в течение полевого сезона 1993 г. на местонахождении Кара-Тоо в Кочкорской долине Кыргызстана выполненные техникой точечной выбивки изображения различных, в том числе охотничьих, сцен, с присутствием в их составе нескольких антропоморфных персонажей с луками и стрелами в руках, могут быть важным информативным изобразительным источником по истории этносов, обитавших в древности на территории Притяньшанья. Судя по имеющимся аналогиям, исследованные нами в начале 1990-х гг. наскальные изображения местонахождения Кара-Тоо можно предварительно отнести к позднему бронзовому и раннему железному веку.

Список литературы

- Аманбаева Б. Э., Дэвлет Е. Г.** Петроглифы Сулайман-Тоо // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Бишкек: Мурас, 1999. С. 6–14.
- Бернштам А. Н.** Наскальные изображения Саймалы-Таш // СЭ. 1952. № 2. С. 50–68.
- Винник Д. Ф., Помаскина Г. А.** К вопросу о датировке наскальных изображений Прииссыккуля // Археологические памятники Прииссыккуля. Фрунзе: Илим, 1975. С. 87–101.
- Зима Б. М.** Из истории изучения наскальных изображений Киргизии // Тр. Ин-та истории АН Киргизской ССР. Фрунзе: Изд-во АН Киргизской ССР, 1958. Вып. 4. С. 105–124.
- Ташбаева К. И.** Новые исследования Саймалы-Таша // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Бишкек: Мурас, 1999. С. 72–75.
- Шер Я. А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Шер Я. А., Миклашевич Е. А., Самашев З. С., Советова О. С.** Петроглифы Жалтырак-Таша // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1987. С. 70–78.

References

- Amanbaeva B. E., Devlet E. G.** Petroglyphs Sulaiman-Too [Petroglyphs of Sulaiman Mountain]. In: *Novoe o drevnem i srednevekovom Kyrgyzstane* [New Data on Ancient and Medieval Kyrgyzstan]. Bishkek, Muras Publ., 1999, p. 6–14. (in Russ.)
- Bernshtam A. N.** Naskal'nie izobrazheniya Saimaly-Tash [Rocky Imagery of Saimaluu-Tash]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1952, no. 2, p. 50–68. (in Russ.)
- Sher Ya. A.** Petroglyphs Srednei i Tsentral'noi Azii [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. Moscow, Nauka, 1980, 328 p. (in Russ.)
- Sher Ya. A., Miklashevich E. A., Samashev Z. S., Sovetova O. C.** Petroglyphs Zhaltyrak-Tasha [Petroglyphs of Jaltyrak-Tash]. In: *Problemy arkheologicheskikh kul'tur stepei Evrazii* [Issues of Archaeological Cultures at Eurasian Steppes]. Kemerovo, Kemerovo State Uni. Publ., 1987, p. 70–78. (in Russ.)
- Tashbaeva K. I.** Novye issledovaniya Saimaly-Tasha [Further Studies of Saimaluu-Tash]. In: *Novoe o drevnem i srednevekovom Kyrgyzstane* [New Data on Ancient and Medieval Kyrgyzstan]. Bishkek, Muras Publ., 1999, p. 72–75. (in Russ.)
- Vinnik D. F., Pomaskina G. A.** K voprosu o datirovke naskal'nykh izobrazhenii Priissykkul'ya [On dating the Issyk-Kul Region Rocky Imagery]. In: *Arkheologicheskie pamyatniki Priissykkul'ya* [Archaeological Sites of the Issyk-Kul Region]. Frunze, Ilim Publ., 1985, p. 87–101. (in Russ.)

Zima B. M. Iz istorii izucheniya naskal'nykh izobrazhenii Kirgizii [Research History of the Rocky Imagery of Kyrgyzstan]. In: Trudy Instituta istorii AN Kirgizskoi SSR [Works of the Institute of History of AS of the Kyrgyz SSR]. Frunze, AS Kyrgyz SSSR Publ., 1958, iss. 4, p. 105–124. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
15.02. 2019

Сведения об авторах

Худяков Юлий Сергеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия), профессор Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
khudjakov@mail.ru
ORCID 0000-0002-4741-9971

Табалдиев Кубатбек Шакиевич, кандидат исторических наук, профессор Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (пр. Мира, 56, Бишкек, 720044, Кыргызская Республика)
tabaldievk@yahoo.com

Information about the Authors

Yuliy S. Khudyakov, Doctor of History, Leading Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Professor at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
khudjakov@mail.ru
ORCID 0000-0002-4741-9971

Kubatbek Sh. Tabaldiev, PhD in History, Professor of the Kyrgyz-Turkish University Manas (56 Mira Ave., Bishkek, 720044, Kyrgyzstan)
tabaldievk@yahoo.com

УДК 902/904
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-148-163

Ворота сибирских острогов по письменным и археологическим источникам

С. В. Горохов, А. П. Бородовский

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Обобщаются письменные, графические, археологические и этнографические данные о конструкции в русских острогах в Сибири ворот вне башен, тарас и городен, об их декоративном оформлении, положении в острожных стенах и о взаимодействии с другими конструктивными элементами оборонительных сооружений. Установлено, что ворота являлись наиболее уязвимым местом в обороне, поэтому они строились в системной связи с другими оборонительными сооружениями с целью ограничения свободы маневра противника. При проведении археологических раскопок ворота были выявлены только на двух памятниках – в Умревинском и Сосновском острогах. Авторами определен информационный потенциал данных археологических источников при реконструкции ворот. В этнографических работах содержатся обобщенные описания проездных ворот в гражданских сооружениях г. Тара и в селах Приангарья. На основе имеющихся данных была выполнена реконструкция обобщенного образа проездных ворот русских сибирских острогов. Установлены их ширина и высота. Определено количество створок и направление открывания ворот. Выявлены параметры, конструкция и способ установки опорного столба, поворотного столба и створок. Предложены три варианта реконструкции способа устройства стены над воротами и двух типов часовен над воротами.

Ключевые слова

Сибирь, XVII–XVIII вв., Умревинский острог, Сосновский острог, археология, этнография, история, ворота, часовня

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта РФФИ (проект № 18-09-00150)

Для цитирования

Горохов С. В., Бородовский А. П. Ворота сибирских острогов по письменным и археологическим источникам // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография. С. 148–163. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-148-163

Gates of Siberian Ostrogs Based on Written and Archaeological Sources

S. V. Gorokhov, A. P. Borodovsky

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. We summarized all written, graphic, archaeological and ethnographic data available on the structure of gates in Siberian ostrogs (fortresses) outside towers, “taras” and “gorodni”, their decoration, location within the ostrog walls and interaction with other structural elements of fortifications.

Results. The gates of Siberian ostrogs were most vulnerable defensive elements in the fortress. Therefore, the drive-way openings of the ostrogs were connected with other fortifications of the system in order to limit the enemy's maneuver in the vicinity of the gates. Such fortifications usually include ditches, ramparts, chevaux de frise, additional “tyn” walls and wooden structures. Our study of the topical material revealed a limited source base. Archaeological

© С. В. Горохов, А. П. Бородовский, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography

excavations allowed researchers to describe gates of only two sites – Umrevinsky Ostrog and Sosnovsky Ostrog. The informative value of such archaeological sources for reconstructing the gates is considerable. The gates of the ostrogs failed to survive to this day. Some ethnographic works available contain a summarized description of the driveway openings in the fortress structures of the town of Tara and some other towns of the Angara region.

Conclusion. Based on the data available, we reconstruct a summarized image of driveway openings of the Siberian ostrogs. Their width and height were established. The number of directions for leaving and entering the fortress were also determined. The parameters, structure and installation method for the rod post, rotating post, and leaves were identified. Three options for reconstructing a wall over the gates are offered. Two types of chapels over the gates are reconstructed. Individual features of any particular gates can be reconstructed only based on integrated consideration of a set of written, graphic, and archeological sources.

Keywords

Siberia, 17th – 18th Centuries, Umrevinsky ostrog, Sosnovsky ostrog, archaeology, ethnography, history, gates, chapel

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 18-09-00150

For citation

Gorokhov S. V., Borodovsky A. P. Gates of Siberian Ostrogs Based on Written and Archaeological Sources. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 148–163. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-148-163

Введение

Ворота сибирских острогов¹ являются важным элементом деревянных оборонительных сооружений с точки зрения тактики ведения боя с осаждающими силами противника. При этом они обладали относительной конструктивной сложностью и образовывали систему с другими примыкающими элементами оборонительных сооружений. В письменных источниках можно встретить упоминания о том, что при осаде сибирских острогов противник концентрировал свои действия именно на воротах. Например, в 1667 г. при штурме Зашиверского зимовья ламуты «начали рубить острожные стены и ворота топорами» [Вилков, 1987. С. 13; Окладников и др., 1977. С. 46; Ополовников, Крадин, 1982. С. 87; Якутия в XVII веке..., 1953. С. 325], а в 1700 г. при осаде Кузнецкого острога «приступали кругом города ко всем воротам» [Кауфман, 2006. С. 38]. Исследователи отмечали, что ворота являлись самым слабым местом в острогах [Самигулов, 2011. С. 62; Султанов, 1907. С. 90]. Именно поэтому в небольших острогах Восточной Сибири были лишь одни въездные ворота [Окладников и др., 1977. С. 85].

Цель работы заключается в разработке обобщенного образа проездных ворот сибирских острогов в тыновых или заплотных стенах. Для достижения поставленной цели в статье решался ряд задач: обобщение имеющихся в распоряжении исследователей письменных, графических, археологических и этнографических данных о конструкции ворот; выявление вариантов положения ворот в острожных стенах; установление вариантов функционального взаимодействия ворот с другими оборонительными вооружениями; определение спектра приемов декоративного оформления проездных ворот. Данное исследование является первым опытом комплексного изучения одного из типов ворот сибирских острогов.

Результаты исследований и обсуждение

Положение проездных ворот в системе оборонительных сооружений могло быть самым разным и определялось как шаблонами проектирования острогов, так и конкретными потребностями, обусловленными ландшафтом и конфигурацией окружающей застройки. В первом случае ворота размещались в середине стены и развитие планировки посада (если такой был) подчинялось этому важному обстоятельству. Во втором случае ворота устраивались сообразно с ландшафтом (выходили на взвозы или к реке) либо в соответствии с уже

¹ В этой статье под острогами мы будем подразумевать как сами остроги, так и города, защищенные посады, слободы и укрепленные зимовья.

сложившейся застройкой при новом строительстве укреплений (после пожара, наводнения) или их ремонте. Например, в 1679 г. в Удинском остроге на двух углах были выведены проездные ворота [Бураева, 2013. С. 29]. В Ляпинской крепости, по данным А. Ф. Палашенкова, одни из ворот также были помещены на углу [Жук, 1995. С. 87]. Ворота вне башен изображены на планах городов из Хорографической книги Сибири².

Повышенная уязвимость острожных ворот обусловлена необходимостью устройства разрыва в земляных оборонительных сооружениях напротив въезда. При этом вал не устраивался вовсе, а ров мог быть, а мог и отсутствовать. Известно, что в Каштакском остроге через ров были переброшены мостки [Каштакский сереброплавильный промысел, 2016. С. 43]. Рвы острогов часто могут быть зафиксированы без проведения раскопок, следовательно, можно зафиксировать и разрывы в линии рвов напротив ворот. И такой случай известен лишь для Саянского острога (1718 г.). Ворота подвергались усилению за счет иных фортификационных сооружений, например размещения напротив въезда с напольной стороны ряда рогаток, как это было сделано в Саянском остроге в 1718 г. и Белоярской крепости в 1730-х гг. [История Сибири..., 1996. С. 24, 25, 62; Миллер, 2003. С. 72; Скобелев, 2018. С. 56] (рис. 1). Уже в середине XIX в. Ф. Ласковский отметил, что «...предки наши, во время приведения города в оборонительное положение, прикрывали мосты и ворота с поля временными оборонительными оградами, но, по совершенному отсутствию фактических доказательств, предположение это не может войти в разряд правил для расположения тогдашних оборонительных оград» [Ласковский, 1858а. С. 132]. Представление о внешнем виде такого рода заграждений можно составить по некоторым публикациям [Ласковский, 1858б. Л. 25. Изобр. 259; Новое в археологии..., 2018. С. 196. Рис. 4.38, 7].

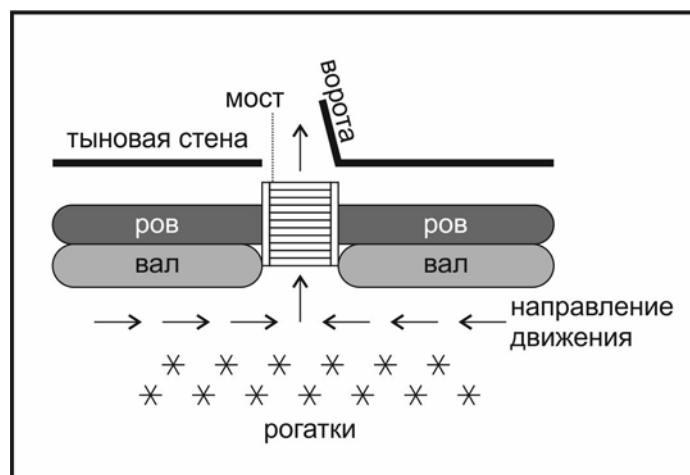


Рис. 1. Схема организации движения через острожные ворота при наличии рогаток перед воротами (без масштаба)

Fig. 1. The organizational chart for movement through the ostrog gates in case there are chevaux de frise in front of them (no scale)

Усиление обороны в районе ворот могло осуществляться за счет принуждения преодолевающего ворота противника к движению в определенном узком коридоре. Например, по данным А. Ф. Палашенкова, после пересечения юго-восточных ворот Ляпинской крепости противник был вынужден на протяжении 5 м двигаться в узком «коридоре» (около 2 м), при этом преодолевая подъем, прежде чем он мог оказаться во дворе крепости. Такая конфигурация входа обеспечивалась тем, что ворота были устроены в самом углу крепости, а с внут-

² Ремезов С. У. Хорографическая книга Сибири. URL: <http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/18273155>

ренной стороны острога располагалась «изба», которая находилась в 2 м от одной стены (здесь был проход) и менее чем в 2 м от другой стены. Ворота, вероятно, были одностворчатые и открывались внутрь крепости. При ширине створки около 2 м они полностью перекрывали движение по более узкому проходу вдоль одной из стен (рис. 2) [Жук, 1995. С. 87]. Такая конфигурация входа позволяла эффективно поражать преодолевшего ворота противника на выходе из «коридора» и в самом «коридоре» из «избы» и с верхней части «избы». В таком «коридоре» легко можно было организовать завал, который полностью исключал бы возможность передвижения.

Рис. 2. Схема организации движения через юго-восточные ворота Ляпинской крепости по А. Ф. Палашенкову (по: [Жук, 1995. С. 87]; без масштаба)

Fig. 2. The organizational chart for movement through the south-eastern gates of the Lyapinskaya Fortress according to A. F. Palashenkov (by: [Zhuk, 1995. P. 87]; no scale)



Нечто подобное было зафиксировано Ю. В. Шириным при раскопках первого Кузнецкого острога (1618–1620 гг.) или более раннего зимовья: ворота располагались в средней части тыновой стены, а на расстоянии около 3 м от нее располагался еще один ряд тынин чуть большей протяженности [Добжанский, Ширин, 2002. С. 231, 232; Кузнецкая старина..., 2018. С. 60, 61, рис. 48]. Чтобы попасть внутрь периметра защищенной территории, нужно было на протяжении нескольких метров двигаться между стен, а затем, повернув, преодолеть ворота. Однако у такой конфигурации оборонительных сооружений есть очевидный недостаток. Приблизившись к внешней стене на 2–3 м, противник попадал в зону, где обороняющиеся не могли его поразить, так как не имели возможности действовать непосредственно из-за внешней стены. Но и сами нападавшие, находясь в этой зоне, не имели возможности осуществлять какие-либо действия против острога, кроме поджога внешней стены³.

Еще одно сооружение, возможно, аналогичного функционального назначения было зафиксировано в Мангазее в ходе раскопок Успенской башни с примыкающими тарасными стенами⁴. Угол, где располагалась башня, был с внутренней стороны продублирован углом тына. Расстояние от северной тыновой стены до параллельной ей тарасной составляло около 1 м, а от восточной тыновой стены до параллельной ей тарасной – около 3 м. Линия тына от угла прослежена в западном направлении на расстоянии 5 м, в южном – 9 м. Руководители раскопок полагают, что внутренний тын закрыл брешь в стене, образовавшуюся после того, как сгорела Успенская башня [Белов и др., 1980. С. 83, 84, 132. Прилож. III, VII]. Возможно, данная конструкция служила для повышения обороноспособности башни при штурме, но не

³ Можно предположить, что между внутренней и внешней стенами были ворота или иные преграды, а вдоль внешней стены располагался помост. В этом случае схема оборонительных действий несколько усложнялась. Рассмотрение этих вопросов выходит за рамки настоящей статьи.

⁴ Авторы монографии «Мангазейский морской ход» классифицируют стены Мангазеи как «городни», однако их конструкция такова, что в рамках устоявшейся к настоящему времени терминологии укрепления Мангазеи следует классифицировать как «тарасные» [Белов и др., 1980].

со стороны поля, а со стороны двора острога (рис. 3). Такая необходимость могла возникнуть во время вооруженного конфликта между сторонниками двух воевод – Г. И. Кокорева и А. Ф. Палицына. Версию о закрытии бреши после пожара башни следует исключить, так как, по наблюдениям В. Н. Чернецова, аналогичные тыновые конструкции существовали у Зубцовской и Давыдовской башен [Чернецов, 1947. С. 160, 161. Рис. 49], которые к моменту начала раскопок в 1968 г. обвалились в р. Таз.

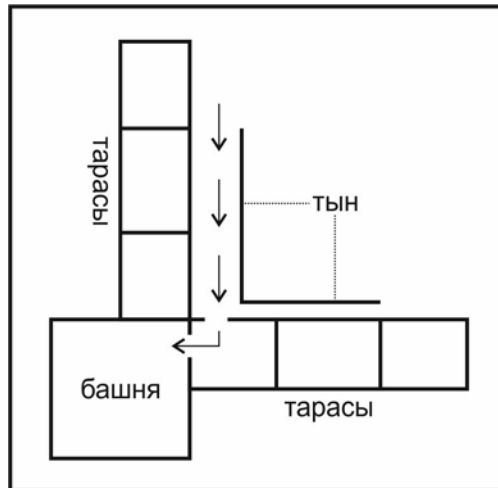


Рис. 3. Схема организации движения при проникновении в башню в Мангазее (без масштаба)

Fig. 3. The organizational chart for movement through the gates in case of penetration into the tower in Mangazeya (no scale)



Рис. 4. Фрагмент тыновой канавки и яма столба-опоры южных проездных ворот Умревинского острога (снято с Ю) (фото А. П. Бородовского)

Fig. 4. A fragment of the "tyn" groove and a hall of the rod post of the southern driveway opening of the Umrevinsky Ostrog (photo by A. P. Borodovsky – is taken from the South)

В ходе раскопок южной тыновой стены Умревинского острога обнаружен разрыв тыновой канавки в средней части стены (рис. 4). Ширина разрыва в точности соответствует одной сажени (2,16 м) [Бородовский, 2016. Рис. 28; 41]. Это один из стандартов ширины ворот, который можно встретить в письменных источниках. Например, из описания 1626 г. томского посадского острога известно, что одни из ворот были шириной в сажень [Из истории земли

Томской..., 1978. С. 28]. А. Ф. Палашенков на месте юго-восточных ворот Ляпинской крепости наблюдал отсутствие тыновой стены на отрезке в 2 м, что также соответствует одной сажени⁵ [Жук, 1995. С. 87]. В западной части разрыва окончание тыновой канавки лишено каких-либо особенностей. В восточной части на границе разрыва тыновой канавки зафиксировано ее расширение размером $0,5 \times 0,5$ м и глубиной от материковой поверхности 0,7 м, выдающееся в напольную сторону. В этом месте был установлен столб-опора верейного столба. Толщина столба-опоры не превышала 0,5 м. Сам он не сохранился даже в виде тлена. На его месте были обнаружены остатки столба диаметром 15 см. Вероятно, столб-опора был удален из ямы и заменен на столб меньших размеров. Это могло произойти, когда столб-опора пришел в негодность, а острог утратил свое военное значение. На новом столбе могла крепиться створка ворот облегченной конструкции. Аналогичная яма от столба-опоры была обнаружена при раскопках Сосновского острога в 1997 г. Конфигурация ямы (около 1 м в диаметре)⁶ и ее положение на конце прервавшейся тыновой канавки идентичны зафиксированным на Умревинском остроге. Отличие состоит лишь в том, что яма столба-опоры Сосновского острога выдается в сторону двора острога [Кимеев, Ширин, 1998. С. 48; Кимеев, 1998. С. 94; Ширин, 1997. С. 22. Рис. 17]⁷. Иных примеров раскопок проездных ворот в тыновой или заплотной стене в сибирских острогах нам не удалось обнаружить.

Конструктивно столб-опора ворот, представленный толстым бревном с выдолбленным внутренним пазом для поворотного столба, с технологической точки зрения очень близок к погребальной колоде. Такие внутримогильные сооружения неоднократно были встречены на юго-западном краю некрополя, образовавшегося в конце XVIII – начале XIX в. на территории острога. Параметры сохранившейся ямы от столба-опоры южных ворот имеют явные соответствия с поперечным сечением погребальных колод из некрополя Умревинского острога. Наряду с этим наличие в погребальной колоде и столбе-опоре ворот достаточно обширной внутренней выдолбленной полости является еще одним признаком технологического сходства этих двух разновидностей деревянных изделий, представленных в различной степени сохранности на Умревинском остроге. Конструкции его южных ворот и погребальных колод сближает также полное отсутствие металлических деталей крепления (гвоздей, скоб) при достаточно большом их количестве на месте сооружения западного тына и помоста. Этот факт, скорее всего, свидетельствует о преимущественном использовании деревянных сочленений (шипов, шкворней, клиньев) при скреплении деталей погребальных колод и отдельных частей конструкции южных ворот Умревинского острога. Все это лишний раз подчеркивает развитость традиционных способов деревообработки, представленных и сохранявшихся в контексте распространения русских острогов в Сибири.

Приведенные археологические данные позволяют констатировать, что при производстве археологических раскопок можно зафиксировать место расположения проездных ворот путем выявления разрыва тыновой канавки, установить ширину ворот, оценив ширину разрыва тыновой канавки, определить количество створок ворот, которое будет равняться количеству ям от столбов-опор, установить предельную толщину столба-опоры и глубину его установки, определить ширину створки ворот, которая обусловлена шириной разрыва тыновой канавки и количеством створок ворот.

До настоящего времени не сохранилось оригинальных проездных ворот сибирских острогов, их подробных описаний или изображений, поэтому мы вынуждены опираться на зафиксиро-

⁵ В письменных источниках нами обнаружены указания и на иные размеры проезжих ворот острогов. В Уртамском остроге в 1687 г. были сооружены «ворота створные, поперег трех сажень» [Из доклада..., 1978. С. 60]. Из этого описания не вполне ясно, что означает «поперег трех сажень», так как ширина ворот в 6,5 м представляется бессмысленной с практической точки зрения. В 1660-х гг. в Селенгинском остроге в центре западной стены острога находились проезжие «большие» ворота размерами приблизительно 9,4 м [Артемьев, 1999. С. 65; Минерт, 1988. С. 88]. Ворота с такими параметрами также представляются невозможными.

⁶ В отчете указаны размеры ямы $1,4 \times 1,4$ м, но это ошибка, так как на фотографии раскопа по геодезической рейке размеры ямы определяются как равные 1 м в диаметре [Ширин, 1997. Рис. 17].

⁷ Этот отчет опубликован в качестве приложения к электронной монографии [Голубев, Кимеев, 2017].

рованные ворота более поздних гражданских построек, конструкция которых не противоречит данным археологических исследований и письменных источников. В специализированной научной литературе нам удалось обнаружить лишь несколько таких примеров: ворота в дер. Подъеланка Иркутской области и других населенных пунктах Приангарья [Ополовников, Ополовникова, 2004. Рис. 597; 599; 600–602; 610], а также краткое обобщенное этнографическое описание ворот Тары, из которого следует, что столбы-опоры имели диаметр 0,6–0,8 м и высоту не менее 2,5 м, а ворота открывались в сторону улицы [Черная, Татауров, 2015. С. 132]. На основе этих изображений, описаний и материалов раскопок нами выполнены варианты реконструкции обобщенного образа проездных ворот тыновых и заплотных острогов в Сибири.

Ворота состояли из толстого столба-опоры диаметром 0,4–0,8 м, углубленного в грунт на 0,7 м. В столбе на уровне около 0,2 м от земли начиналась выемка, образованная удалением половины бревна верейного столба. Протяженность выемки около 2 м. Верхняя часть столба-опоры представлена целым бревном. В нижней ступеньке столба-опоры, образованной выемкой половины бревна, сделано круглое конусообразное углубление глубиной около 0,1–0,15 м и диаметром около 0,25 м. В это углубление устанавливался сведенный к конусу нижний торец поворотного бревна (верейного столба) диаметром около 0,2 м, на котором крепилось и вращалось полотно ворот. В верхней ступеньке также делался паз аналогичного диаметра глубиной 0,3–0,35 м. Но при этом предусматривалось асимметричное расширение паза перпендикулярно плоскости паза столба-опоры шириной около 0,25 м на всю его глубину. В это расширение заводился верхний конец поворотного столба, после чего нижний конец поворотного столба мог быть установлен в паз на нижней ступеньке столба-опоры.

Поворотный столб мог быть изготовлен как из ствола сосны, от которого отходила мощная ветка, служившая нижней горизонтальной реей для крепления досок полотна ворот, так и из обычного ствола без ветки. В первом случае из отдельного ствола дерева дополнительно изготавливалась только верхняя рея, которая крепилась к поворотному столбу через паз, выбранный в нем. Во втором случае все рей изготавливались таким образом. Для придания жесткости конструкции полотна ворот рей скреплялись в паз с вертикальным брусом на противоположном от поворотного столба конце. Дополнительную жесткость конструкции способно было придать крепление толстых досок полотна ворот к реям способом «ласточкин хвост». Такой прием был хорошо известен плотникам XVII–XX вв., применявшим его при сооружении тына и полотен дверей в жилых и хозяйственных постройках [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 78, 79; Крадин, 1988. Рис. 207; Березиков, 2018. С. 441].

С другой стороны ворот размещался притворный столб, в котором тоже должен быть паз, аналогичный пазу в столбе-опоре. На нижнюю ступеньку, образованную пазом, устанавливался край полотна ворот в закрытом положении. Высота ворот не превышала одну сажень. Выше полотна ворот должно было размещаться горизонтальное бревно, которое предотвращало заваливание верейного столба по линии тына под весом полотна ворот. Скорее всего, оно крепилось в притворный столб и столб-опору способом «шип-паз». Ворота должны были открываться вовнутрь. В противном случае паз в верейном столбе был бы обращен в сторону поля. При этом ворота становятся чрезвычайно уязвимы, так как достаточно было бы перерубить относительно тонкий поворотный столб, чтобы ворота упали в сторону поля.

В нижней части полотна ворот могли быть устроены бойницы для стрельбы из положения лежа, как это было зафиксировано в Братском остроге [Щукин, 1844. С. 39]. Изнутри ворота имели специальный запор в виде длинного (около 3 м) бруса, который укладывался в специальные железные кованые скобы, закрепленные на тынинах по обе стороны от ворот и, возможно, на самих воротах. В письменных источниках можно встретить упоминания о применении замков на запорных механизмах проездных ворот. По описанию Селенгинского острога 1669 г., в восточной стене имелись калитка и ворота с замком [Артемьев, 1999. С. 65]. Н. А. Березиков вне связи с каким-либо острогом сообщал, что в XVII в. ворота укреплялись острожными замками [Березиков, 2014. С. 20]. Н. П. Крадин привел пример включе-

ния замков, засовов, крюков и пробоев в конструкцию малых ворот (вне башен?) [Крадин, 1988. С. 34].

Высота тына по меньшей мере в два раза превосходила высоту ворот. Следовательно, пространство над воротами должно было быть надежно закрыто на высоту, равную высоте тына. В гражданском и оборонном деревянном зодчестве широко применялся прием строительства оград в заплот. Известен прием возведения стен в виде вертикального заплота. На наш взгляд, оба приема одинаково эффективны. О том, что конструкция стены над воротами могла быть выполнена в виде вертикального заплота, говорит гравюра XIX в., на которой изображен читинский тюремный острог, над воротами которого устроена решетка из вертикальных столбов (рис. 5). Нельзя также исключать, что пространство над воротами было закрыто тынинами, которые соединялись с надворотным бревном способом «шип-паз», а между собой и с соседними полноценными тынинами – при помощи ласточкиного хвоста (рис. 6, 1).

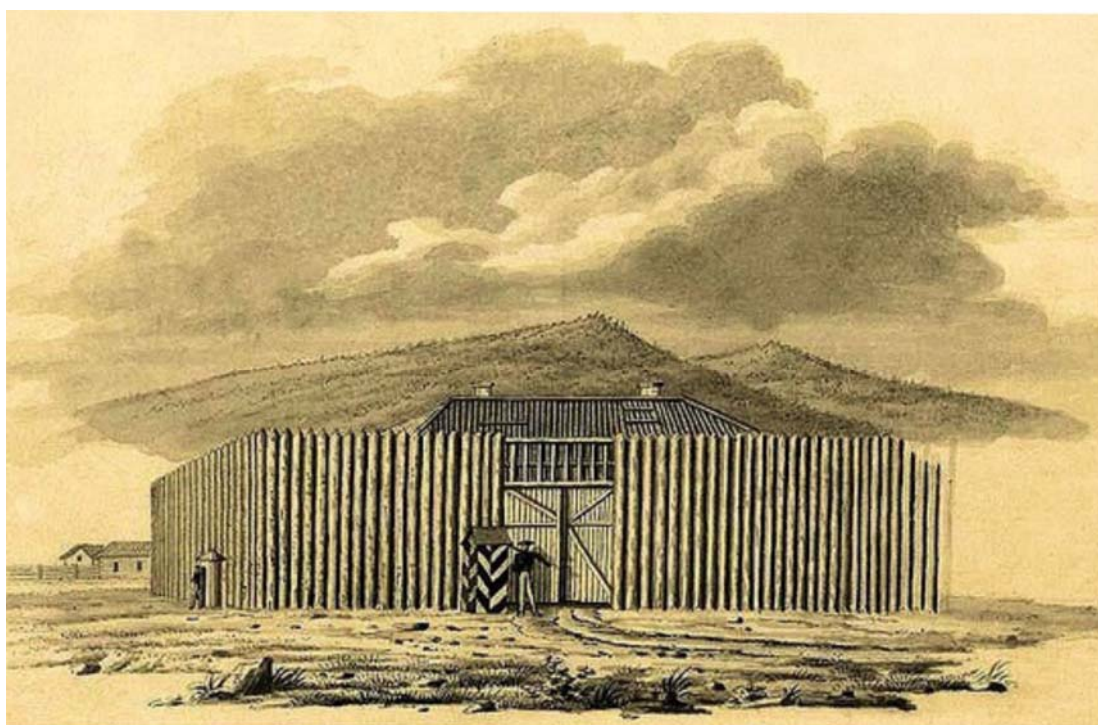


Рис. 5. Читинский острог-тюрьма в XIX в.

(карандашная копия неизвестного художника с акварели Н. А. Бестужева, 1829–1830 гг.; без масштаба)

Fig. 5. The Chita ostrog-prison in the 19th century

(pencil copy of an unknown artist from watercolor by N. A. Bestuzhev, 1829–1830; no scale)

В литературе встречается большое количество упоминаний о том, что над проездными воротами острогов устраивалась часовня. Такие надстройки существовали в 1730-х гг. в Удинском [История Сибири..., 1996. С. 63], в 1636 и 1653 гг. в Братском [Астраханцева, Дружинина, 2015. С. 135, 136; Майничева, Кулаков, 2015. С. 81; Резун, Васильевский, 1989. С. 114], Каштакском [Добжанский, Ермолаев, 2014. С. 173], в 1673 г. в Селенгинском [Кочедамов, 1978. С. 43; Евдокимова, 1993], в конце 1720-х гг. в Нижнеудинском острогах [Резун,

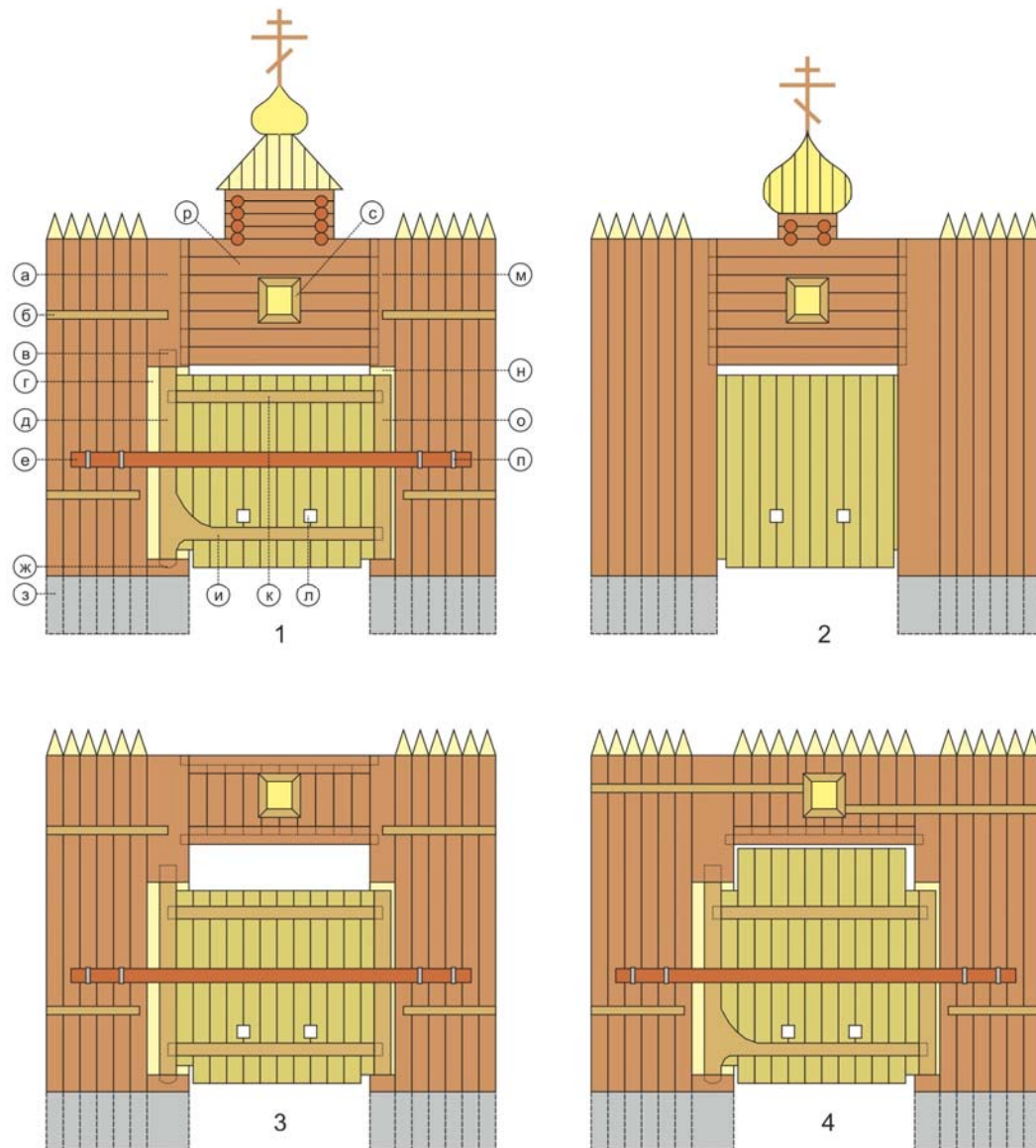


Рис. 6. Варианты реконструкции проездных ворот сибирских тыновых и заплотных острогов:

1 – вид ворот со двора острога с часовней-срубом и заплотом над полотном ворот: а – столб-опора; б – «ласточкин хвост»; в – поворотный столб («верейный столб»); г – паз в столбе-опоре; д – поворотный столб; е – засов; ж – нижний паз в столбе-опоре; з – подземная часть; и – ветка-отросток поворотного столба; к – рея; л – бойница; м – притворный столб; н – паз в притворном столбе; о – брус для крепления рей; п – скобы-опоры засова; р – заплот; с – икона. 2 – вид ворот с напольной стороны с часовней-бочкой; 3 – вид ворот с «вертикальным» заплотом над полотном ворот; 4 – вид ворот с тыном над полотном ворот (без масштаба)

Fig. 6. Reconstruction options for driveway openings of the Siberian “tyn” and “zaplot” ostrogs:

1 – a view of the gates from the yard of the ostrog with a log-house chapel and a zaplot over the gates: а – a rod post; б – a “dovetail”; в – a rotating post; г – a bowl-shaped groove in the bottom part of the rod post; д – a groove in the rod post; е – a rotating post; ж – a wing boom; з – a latch; и – an underground part; к – a side branch of the rotating post; л – a loophole; м – a post with an adjacent leaf of the gates; н – a groove; о – a bar for attachment of wing booms; п – support brackets of the latch; р – a zaplot; с – an icon; 2 – a view of the gates from the enemy side with a barrel-shaped chapel. 3 – a view of the gates with a “vertical” zaplot over the gates; 4 – a view of the gates with a tyn over the gates (no scale)

Васильевский, 1989. С. 216]. Более подробное описание внешнего вида часовни сделано для Селенгинского острога в 1685 или 1686 г.: «...часовня с образом Михаила Архангела, в верхней части луковки которой на фасаде был “учрежден образ Господа Саваофа”» [Артемьев, 1999. С. 66, 67], «фронтон ее бочкообразной крыши украшал киот с цветным пятном иконы» [Носов, 2012; Минерт, 1988. С. 82; Резун, Васильевский, 1989. С. 231]. Были часовни и в виде сруба с пирамидальной крышей и луковкой, как это показано на рисунке Каштакского острога в Хорографической чертежной книге⁸ (рис. 6) [Добжанский, Ермолаев, 2014. С. 171. Рис. 1]. Над воротами вне зависимости от наличия часовни часто размещались иконы [Крадин, 1988. С. 25].

Заключение

Несмотря на небольшой объем источниковой базы оказалось возможным реконструировать обобщенный образ проездных ворот в тыновых и заплотных стенах сибирских острогов (см. рис. 6). В частности, удалось установить возможные варианты положения ворот в стене, их место в системе оборонительных сооружений, а также основные конструктивные параметры с допустимыми вариациями. Реконструкция же индивидуальных черт конкретных ворот может быть осуществлена только на основе дальнейшего интегрированного рассмотрения комплекса письменных, графических и археологических источников. В рамках обсуждения методики научной реконструкции сибирских острогов следует отметить, что наиболее результативным подходом является принцип комплексного поиска фактов в различных видах источников, касающихся отдельных конструктивных объектов острожных сооружений (стен, помостов, башен и ворот) с последующим их натурным восстановлением [Бородовский, Бородовская, 2018; Бородовский, Горохов, 2017]. В ходе многолетнего изучения и реконструкции (графической и натурной) Умревинского острога такая практика оказалась наиболее результативной и достоверной.

Список литературы

- Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: [Б. и.], 1999. 336 с.
- Астраханцева В. В., Дружинина И. Е. Остроги на территории Иркутской области в XVII веке // Изв. вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2015. № 2. С. 132–141.
- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Л.: Гидрометеиздат, 1980. 164 с.
- Березиков Н. А. Образ сибирского острога в пространстве «новых земель» (по материалам донесений казаков XVII в.) // Баландинские чтения. Новосибирск: Изд-во НГУАДИ, 2014. С. 19–26.
- Березиков Н. А. Севернорусские архитектурно-строительные приемы в жилом строительстве Ангара-Енисейского бассейна в XVII веке: функции и символика // Баландинские чтения. Новосибирск: Изд-во НГУАДИ, 2018. Т. 13. С. 437–442. DOI 10.24411/9999-001A-2018-10033
- Бородовский А. П. Отчет об археологических раскопках Умревинского острога в Мошковском районе Новосибирской области в 2015 г. Новосибирск, 2016. 157 с.
- Бородовский А. П., Бородовская Е. Л. Проблемы макетирования русских острогов из окрестностей города Новосибирска // Баландинские чтения. Новосибирск: Изд-во НГУАДИ, 2018. Т. 13. С. 384–393. DOI 10.24411/9999-001A-2018-10033

⁸ См. подклейку к листу 130.

- Бородовский А. П., Горохов С. В.** Музеефикация деревянных оборонительных сооружений Умревинского острога // Баландинские чтения: Сб. ст. научных чтений памяти С. Н. Баландина. Новосибирск: Изд-во НГУАДИ, 2017. С. 93–98.
- Бураева О. В.** Новое в истории Удинского зимовья / острога // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, № 1. С. 27–30.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.** Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.
- Вилков О. Н.** Источники и литература об условиях возникновения г. Зашиверска и об архитектурных особенностях Спасо-Зашиверской церкви // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI – первой половины XIX в. Новосибирск: Наука, 1987. С. 6–57.
- Голубев М. Е., Кимеев В. М.** Остроги Притомья в исторической ретроспективе: электронная монография. Кемерово: Изд-во КемГУ, 2017.
- Добжанский В. Н., Ермолаев А. Н.** Рисунок Каштакского острога и рудника из «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова // Вестник КемГУ. 2014. Т. 2, № 3. С. 170–175.
- Добжанский В. Н., Ширин Ю. В.** Кузнецкий острог 1618 и 1620 гг. // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. С. 221–242.
- Евдокимова С. В.** Очерки истории городов Забайкалья. XVII–XVIII вв. Улан-Удэ: [Б. и.], 1993. Ч. 1. 68 с.
- Жук А. В.** Исследование Ляпинской крепости А. Ф. Палашенковым // Археология Сибири: историография. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. С. 68–92.
- Из доклада в Сибирском приказе Томского сына боярского Юрия Соболевского о строительстве им Уртамского острога // Из истории земли Томской. 1604–1917. (Сборник документов и материалов). Томск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. Вып. 1. С. 60–61.
- Из истории земли томской. 1604–1917. (сборник документов и материалов). Томск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. Вып. 1. 224 с.
- История Сибири. Первоисточники. Новосибирск: [Б. и.], 1996. Вып. 6: Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. 310 с.
- Кауфман А. О.** Артиллерия укреплённых пунктов Кузнецкого уезда в первой половине XVIII в. // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2006. Вып. 8. С. 38–45.
- Каштакский сереброплавильный промысел: Сб. док. и материалов. Кемерово: ИНТ, 2016. 192 с.
- Кимеев В. М.** Проблема реконструкции этноархеологического комплекса «Сосновский острог» // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Изд-во ОмГУ, 1998. Ч. 1. С. 91–97.
- Кимеев В. М., Ширин Ю. В.** Сосновский казачий острог // Притомские калмаки: Историко-этнографические очерки. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. С. 35–55.
- Кочедамов В. И.** Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1978. 190 с.
- Крадин Н. П.** Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988. 142 с.
- Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. Томск; Новокузнецк: Изд-во Том. гос. ун-та, 2018. 478 с.
- Ласковский Ф.** Матеріалы для історії інженерного искусства вь Россіи. Часть I. Опыт изслѣдоваія инженернаго дела вь Россіи до XVIII столетія. С. Петербургъ: [Б. и.], 1858а. 322 с.
- Ласковский Ф.** Карты, планы и чертежи къ I части матеріяловъ для історії инженернаго искусства вь Россіи. С. Перербургъ: [Б. и.], 1858б. 29 с.
- Майничева А. Ю., Кулаков А. Н.** Церковь Владимирской Богоматери в Братске: архитектурные особенности в этнокультурном контексте Сибири XVII–XVIII вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 2. С. 80–85.

- Миллер Г. Ф.** Описание Кузнецкого уезда Тобольской Провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 г. // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2003. Вып. 5. С. 63–85.
- Минерт Л. К.** Памятники начального этапа градостроительства в Бурятии // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 80–107.
- Новое в археологии Старой Ладogi: материалы и исследования. СПб.: Невская книжная типография, 2018. 536 с.
- Носов К. С.** Сибирские «города», остроги и зимовья в XVII в.: терминология и строительные традиции // Из кузнецкой старины. Новокузнецк: Полиграфист, 2012. С. 148–157.
- Окладников А. П., Гоголев З. В., Ащепков Е. А.** Древний Зашиверск: Древнерусский заполярный город. М.: Наука, 1977. 211 с.
- Ополовников А. В., Крадин Н. П.** Деревянные крепостные сооружения Якутии // Архитектурное наследие. Вып. 30. Малоизученные вопросы зодчества народов СССР. М.: Стройиздат, 1982. С. 85–93.
- Ополовников А. В., Ополовникова Е. А.** Земля Иркутская, деревянная... М.: ОПОЛО, 2004. 536 с.
- Резун Д. Я., Васильевский Р. С.** Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. 304 с.
- Самигулов Г. Х.** От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости. Челябинск: Полиграфическое объединение «Книга», 2011. 344 с.
- Скобелев С. Г.** Основные особенности планировки русских острогов Средней Сибири по описаниям Г. Ф. Миллера // Вестник ТГУ. История. 2018. Т. 54. С. 53–58. DOI 10.17223/19988613/54/8
- Султанов Н. В.** Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири // Известия Императорской археологической комиссии. С.-Петербург: Типография Главного Управления Уделов, 1907. Т. 24. С. 1–176.
- Черная М. П., Татауров С. Ф.** Ограждения в бытовом контексте городской усадьбы (по материалам Томска и Тары) // Вестник ТГУ. 2015. № 6. С. 100–107.
- Чернецов В. Н.** О работах Мангазейской экспедиции // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 21. С. 159–162.
- Ширин Ю. В.** Отчет о научно-исследовательской работе Кузбасской археолого-этнографической экспедиции в 1997 г. «Раскопки Сосновского, Мунгатского и Верхотомского казачьих острогов в Кемеровской области». Кемерово, 1997. 71 с.
- Шукин Н.** Поездка в Якутск. С.-Петербург: В Типографии Департамента Военных Поселений, 1844.
- Якутия в XVII веке (очерки). Якутск: Якут. кн. изд-во, 1953. 442 с.

References

- Artemiev A. R.** Goroda i ostrogi Zabaikal'ya i Priamur'ya vo vtoroi polovine XVII–XVIII vv. [Cities and Forts of Transbaikalia and the Amur Region in the Second Half of the 17th – 18th Centuries]. Vladivostok, 1999, 336 p. (in Russ.)
- Astrakhantseva V. V., Druzhinina I. E.** Ostrogi na territorii Irkutskoi oblasti v XVII veke [Ostrog on the Territory of the Irkutsk region in the 17th Century]. *Izvestiya vuzov. Investitsii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost'* [News of Universities. Investments. Building. The property], 2015, no. 2, p. 132–141. (in Russ.)
- Belov M. I., Ovsyannikov O. V., Starkovi V. F.** Mangazeya. Mangazeiskii morskoi khod [Mangazeya. Mangazeya Sea Course]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1980, 164 p. (in Russ.)
- Berezikov N. A.** Severnorusskie arkhitekturno-stroitel'nye priemy v zhilom stroitel'stve Angaro-Eniseiskogo basseina v XVII veke: funktsii i simbolika [North Russian Architectural and Con-

- struction Techniques in Residential Construction of the Angaro-Yenisei Basin in the 17th Century: Functions and Symbolism]. In: Balandinskie chteniya [Balandin Readings]. Novosibirsk, NSUADA Publ., 2018, vol. 13, p. 437–442. (in Russ.) DOI 10.24411/9999-001A-2018-10033
- Berezikov N. A.** Obraz sibirskogo ostroga v prostranstve «novykh zemlits» (po materialam done-senii kazakov XVII v.) [The Image of a Siberian Ostrog on the Territory of “New Lands” (based on the reports of the Cossacks of the 17th century)]. In: Balandinskie chteniya [Balandin Readings]. Novosibirsk, NSUADA Publ., 2014, p. 19–26. (in Russ.)
- Borodovsky A. P., Borodovskaya E. L.** Problemy maketirovaniya russkikh ostrogov iz okrestno-stei goroda Novosibirska [On Prototyping of Russian Ostrogs in the Vicinity of the City of No-vosibirsk]. In: Balandinskie chteniya [Balandin Readings]. Novosibirsk, NSUADA 2018, vol. 13, p. 384–393. (in Russ.) DOI 10.24411/9999-001A-2018-10033
- Borodovsky A. P., Gorokhov S. V.** Muzeifikatsiya derevyannykh oboronitel'nykh sooruzhenii Umrevinskogo ostroga [Museumification of Wooden Defensive Installations of Umrevinsky Ostrog]. In: Balandinskie chteniya [Balandin Readings]. Collection of Articles of Scientific Readings in Memory of S. N. Balandin. Novosibirsk, NSUADA Publ., 2017, p. 93–98. (in Russ.)
- Borodovsky A. P.** Otchet o arkheologicheskikh raskopkakh Umrevinskogo ostroga v Moshkovskom raione Novosibirskoi oblasti v 2015 g. [Report on the Archaeological Excavations of the Umrevinsky Ostrog in the Moshkovsky District of the Novosibirsk Region in 2015]. Novosi-birsk, 2016, 157 p. (in Russ.)
- Buraeva O. V.** Novoe v istorii Udinskogo zimov'ya / ostroga [New in the History of the Udi Zimovie/Ostrog]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12, no. 1: Archaeolo-gy and Ethnography, p. 27–30. (in Russ.)
- Chernaya M. P., Tataurov S. F.** Ograzhdeniya v bytovom kontekste gorodskoi usad'by (po ma-terialam Tomska i Tary) [Fences in the Domestic Context of Urban Estates (based on materials of Tomsk and Tara)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2015, no. 6, p. 100–107. (in Russ.)
- Chernetsov V. N.** O rabotakh Mangazeiskoi ekspeditsii [On the Works of the Mangazeya Expedi-tion]. In: Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii mate-rial'noi kul'tury [Brief Reports on Notes and Field Studies of the Institute for the History of Material Culture]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1947, vol. 21, p. 159–162. (in Russ.)
- Dobzhansky V. N., Ermolaev A. N.** Risunok Kashtakskogo ostroga i rudnika iz «Khorografiche-skoi chertezhnoi knigi» S. U. Remezova [A Drawing of the Kashtak Ostrog and Mine from the “Horograph Drawing Book” by S. U. Remezov]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2014, vol. 2, no. 3, p. 170–175. (in Russ.)
- Dobzhansky V. N., Shirin Yu. V.** Kuznetskii ostrog 1618 i 1620 gg. [Kuznetsky Ostrog in 1618 and 1620]. In: Aborigeny i russkie starozhily Pritom'ya [Aboriginal and Russian Old-timers in the Tom River Area]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2002, p. 221–242. (in Russ.)
- Evdokimova S. V.** Ocherki istorii gorodov Zabaikal'ya. XVII–XVIII vv. [Essays on the History of Transbaikalia Cities. 17th–18th Centuries]. Ulan-Ude, 1993, vol. 1, 68 p. (in Russ.)
- Golubev M. E., Kimeev V. M.** Ostrogi Pritom'ya v istoricheskoi retrospektive [Ostrogi of the Tom River Area in Historical Retrospect]. Electronic monograph. Kemerovo, Kemerovo State Uni-versity Publ., 2017. (in Russ.)
- Istoriya Sibiri. Pervoistochniki [History of Siberia. Primary Sources]. Novosibirsk, 1996, iss. 6: Si-beria of the 18th Century in the Travel Descriptions by G. F. Miller, 310 p. (in Russ.)
- Iz doklada v Sibirskom prikaze Tomskogo syna boyarskogo Yuriya Sobolevskogo o stroitel'stve im Urtamskogo ostroga [From the Report in the Siberian Order of a Tomsk Boyar Son Yuri Sobolevsky about His Construction of the Urtamsky Ostrog]. In: Iz istorii zemli Tomskoi. 1604–1917. (Sbornik dokumentov i materialov) [From the History of the Tomsk Land. 1604–1917. (Collection of Documents and Materials)]. Tomsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1978, iss. 1, p. 60–61. (in Russ.)

- Iz istorii zemli tomskoi. 1604–1917. (Sbornik dokumentov i materialov) [From the History of the Tomsk Land. 1604–1917. (Collection of Documents and Materials)]. Tomsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1978, iss. 1, 224 p. (in Russ.)
- Kashtakskii serebroplavil'nyi promysel [Kashtak Silver-smelting Industry]. Collection of Documents and Materials. Kemerovo, INT Publ., 2016, 192 p. (in Russ.)
- Kaufman A. O.** Artilleriya ukreplennykh punktov Kuznetskogo uezda v pervoi polovine XVIII v. [Artillery at Fortified Sites of the Kuznetsk district in the First Half of the 18th Century]. In: Kuznetskaya starina [Kuznetsk Antiquities]. Novokuznetsk, «Kuznetskaya krepost'» Publ., 2006, iss. 8, p. 38–45. (in Russ.)
- Kimeev V. M.** Problema rekonstruktsii etnoarkheologicheskogo kompleksa «Sosnovskii ostrog» [On Reconstruction of the Ethno-archaeological Complex “Sosnovsky Ostrog”]. In: Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy [Integration of Archaeological and Ethnographic Studies]. Omsk, Omsk State Uni. Publ., 1998, part 1, p. 91–97. (in Russ.)
- Kimeev V. M., Shirin Yu. V.** Sosnovskii kazachii ostrog [Sosnovsky Cossack Ostrog]. In: Pritomskie kalmaki: Istoriko-etnograficheskie ocherki [The Kalmaks of the Tom River Area: Historical and Ethnographic Essays]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1998, p. 35–55. (in Russ.)
- Kochedamov V. I.** Pervye russkie goroda Sibiri [First Russian Towns in Siberia]. Moscow, Stroizdat Publ., 1978, 190 p. (in Russ.)
- Kradin N. P.** Russkoe derevyannoe oboronnoe zodchestvo [Russian Wooden Defense Architecture]. Moscow, Isrusstvo Publ., 1988, 142 p. (in Russ.)
- Kuznetskaya starina. Novokuznetsk: 400 let v istorii Rossii [Kuznetsk Antiquities. Novokuznetsk: 400 years in the History of Russia]. Tomsk, Novokuznetsk, Tomsk State Uni. Publ., 2018, 478 p. (in Russ.)
- Laskovsky F.** Karty, plany i chertezhi k” I chasti materialov” dlya istorii inzhenernago iskusstva v” Rossii [Maps, Plans and Drawings of the First Part of the Materials for the History of Engineering Art in Russia]. St. Petersburg, 1858, 29 p. (in Russ.)
- Laskovsky F.** Materialy dlya istorii inzhenernago iskusstva v” Rossii. Chast' 1. Opyt izsledovaniya inzhenernago dela v” Rossii do XVIII stoletiya [Materials for the History of Engineering Art in Russia. Part 1. Experience of Engineering Research in Russia before the 18th Century]. St. Petersburg, 1858, 322 p. (in Russ.)
- Majnicheva A. Yu., Kulakov A. N.** Tserkov' Vladimirskei Bogomateri v Bratske: arkhitekturnye osobennosti v etnokul'turnom kontekste Sibiri XVII–XVIII vv. [Church of the Virgin of Vladimir in Bratsk: Architectural Features in the Ethno-cultural Context of Siberia in the 17th – 18th Centuries]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2015, vol. 22, no. 2, p. 80–85. (in Russ.)
- Miller G. F.** Opisanie Kuznetskogo uezda Tobol'skoi Provintsii v Sibiri v nyneshnem ego sostoyanii, v sentyabre 1734 g. [Description of the Kuznetsk Uezd of the Tobolsk Province in Siberia in its Current State, in September 1734]. In: Kuznetskaya starina [Kuznetsk Antiquity]. Novokuznetsk, Kuzneczkaya krepost' Publ., 2003, iss. 5, p. 63–85. (in Russ.)
- Minert L. K.** Pamyatniki nachal'nogo etapa gradostroitel'stva v Buryatii [Monuments of the Initial Stage of Town Planning in Buryatia]. In: Pamyatniki istorii, arkheologii i arkhitektury Sibiri [Monuments of History, Archaeology and Architecture of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1988, p. 80–107. (in Russ.)
- Nosov K. S.** Sibirskie «goroda», ostrogi i zimov'ya v XVII v.: terminologiya i stroitel'nye traditsii [Siberian “Cities”, Ostrogs and Zimov'e in the 17th Century: Terminology and Building Traditions]. In: Iz kuznetskoi stariny [From the Kuznetsk Antiquities]. Novokuznetsk, Poligrafist Publ., 2012, p. 148–157. (in Russ.)
- Novoe v arkheologii Staroi Ladogi: materialy i issledovaniya [News in the Archaeology of Staraya Ladoga: materials and research]. St. Petersburg, Nevskaya Knizhnaya Tipografiya Publ., 2018, 536 p. (in Russ.)

- Okladnikov A. P., Gogolev Z. V., Ashhepkov E. A.** Drevnii Zashiversk: Drevnerusskii zapolyarnyi gorod [Ancient Zashiversk: an Old Russian Polar Town]. Moscow, Nauka, 1977, 211 p. (in Russ.)
- Opolovnikov A. V., Kradin N. P.** Derevyannye krepostnye sooruzheniya Yakutii [Wooden Fortifications of Yakutia]. In: Arkhitekturnoe nasledstvo. Vyp. 30. Maloizuchennye voprosy zodchestva narodov SSSR [Architectural Heritage. Iss. 30. Little-studied Issues of the Architecture of the Peoples in the USSR], Moscow, Stroizdat Publ., 1982, p. 85–93. (in Russ.)
- Opolovnikov A. V., Opolovnikova E. A.** Zemlya Irkutskaya, derevyannaya... [Irkutsk Wooden World]. Moscow, OPOLO Publ., 2004, 536 p. (in Russ.)
- Rezun D. Ya., Vasilievsky R. S.** Letopis' sibirskikh gorodov [Chronicle of Siberian Towns]. Novosibirsk, Novosibirskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1989, 304 p. (in Russ.)
- Samigulov G. H.** Ot Dalmatova monastyrya do Chebarkul'skoi kreposti [From Dalmatov Monastery to Chebarkul Fortress]. Chelyabinsk, Kniga Publ., 2011, 344 p. (in Russ.)
- Shhukin N.** Poezdka v Yakutsk [A trip to Yakutsk]. St. Petersburg, V Tipografii Departamenta Voennykh Poselenii Publ., 1844. (in Russ.)
- Shirin Yu. V.** Otchet o nauchno-issledovatel'skoi rabote Kuzbasskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii v 1997 g. «Raskopki Sosnovskogo, Mungatskogo i Verkhotomskogo kazach'ikh ostrogov v Kemerovskoi oblasti» [Report on Research Work of the Kuzbass Archeological and Ethnographic Expedition in 1997 "Excavations of the Sosnovsky, Mungatsky and Verkhotomsky Cossack Ostrogs in the Kemerovo Region"]. Kemerovo, 1997, 71 p. (in Russ.)
- Skobelev S. G.** Osnovnye osobennosti planirovki russkikh ostrogov Srednei Sibiri po opisaniyam G. F. Millera [Main Features of Planning of the Russian Ostrogs in Central Siberia according to Descriptions by G. F. Miller]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2018, vol. 54, p. 53–58. (in Russ.) DOI 10.17223/19988613/54/8
- Sultanov N. V.** Ostatki Yakutskago ostroga i nekotorye drugie pamyatniki derevyannago zodchestva v Sibiri [Remains of the Yakutsk Ostrog and Some Other Monuments of Wooden Architecture in Siberia]. In: Izvestiya Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii [News of the Imperial Archaeological Commission]. St. Petersburg, Tipografiya Glavnago Upravleniya Udelov Publ., 1907, p. 1–176. (in Russ.)
- Vilkov O. N.** Istochniki i literatura ob usloviyakh vozniknoveniya g. Zashiverska i ob arkhitekturnykh osobennostyakh Spaso-Zashiverskoi tserkvi [Sources and Literature on the Conditions of the City of Zashiversk and Architectural Features of the Church of Zashiverskoy]. In: Istochnikovedenie i istoriografiya gorodov Sibiri kontsa XVI – pervoi poloviny XIX v. [Source Study and Historiography of Siberian Cities of the End of the 16th – First Half of the 19th Centuries]. Novosibirsk, Nauka, 1987, p. 6–57. (in Russ.)
- Vizgalov G. P., Parximovich S. G.** Mangazeya: novye arkheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.) [Mangazeya: New Archaeological Research (materials of 2001–2004)]. Ekaterinburg, Nefteyugansk, Magellan Publ., 2008, 296 p. (in Russ.)
- Yakutiya v XVII veke (ocherki) [Yakutia in the 18th Century (essays)]. Yakutsk, Yakutsk book Publ., 1953, 442 p. (in Russ.)
- Zhuk A. V.** Issledovanie Lyapinskoi kreposti A. F. Palashenkovym [Research on Lyapinskoy Fortress by A. F. Palashenkov]. In: Arkheologiya Sibiri: istoriografiya [Archaeology of Siberia: Historiography]. Omsk, Omsk State University Publ., 1995, p. 68–92. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
11.03.2019

Сведения об авторах

Горохов Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
ИАЭТ СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
gorokhov.sv@gmail.com
ORCID 0000-0002-8100-5924

Бородовский Андрей Павлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
ИАЭТ СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
altaicenter2011@gmail.com
ORCID 0000-0002-6312-1024

Information about the Authors

Sergej V. Gorokhov, PhD, junior researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB
RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
gorokhov.sv@gmail.com
ORCID 0000-0002-8100-5924

Andrei P. Borodovsky, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
altaicenter2011@gmail.com
ORCID 0000-0002-6312-1024

УДК 902/904(571)
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-164-176

3D-моделирование жилищ из раскопок русских памятников Сибири: достоверность аппроксимации

Л. В. Татаурова

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Омск, Россия*

Аннотация

Жилища как один из основных элементов системы жизнеобеспечения все чаще попадают в поле зрения исследователей, изучающих археологические памятники русского населения позднего Средневековья и Нового времени в Сибири. На базе полученных полевых материалов выполняются различного рода реконструкции, в том числе и 3D-модели. Для их создания в качестве сравнительного материала привлекаются письменные и этнографические источники. Они дают сведения о площади построек, но показатели возможной высоты домов в XVII–XVIII вв. остаются гипотетичными. Поэтому достоверность точности воспроизведения тех или иных свойств исходного объекта должна базироваться не только на поиске и привлечении аналогий, она должна опираться на культурный ландшафт, окружающий объект в изучаемый период. В статье с привлечением опубликованных письменных источников, представительного объема этнографической информации и археологических материалов по поземным, т. е. без подклетов, жилищам русского населения Тарского Прииртышья, Мангазеи и Саянского острога рассчитаны вероятные высотные показатели жилищ XVII–XVIII вв.

Ключевые слова

Сибирь, русское жилище, археология, площадь, высота, 3D-модели, достоверность

Благодарности

Автор выражает глубокую признательность заведующему отделом этнографии восточных славян и народов Европейской России Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, канд. ист. наук А. И. Терюкову за оказанную помощь в работе с архивом.

Для цитирования

Татаурова Л. В. 3D-моделирование жилищ из раскопок русских памятников Сибири: достоверность аппроксимации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография. С. 164–176. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-164-176

3D Modeling of Dwellings from Russian Archaeological Sites in Siberia: Reliability of Approximation

L. V. Tataurova

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology
Omsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The dwelling, as one of the basic elements of the life-support system, more and more often is becoming a focus of researchers' interest when they excavate archaeological sites where Russian population lived during the New

© Л. В. Татаурова, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography

Age in Siberia. On the basis of materials obtained from the excavations, various types of reconstruction are carried out, including 3D models. Written and ethnographic sources are used to create such models as comparative materials.

Results. The sources studied give information about the area of the buildings, but indicators of the possible height of these constructions in the 17th – 18th centuries remain hypothetical. Our material is based on representative ethnographic information and archaeological materials on the dwellings of Russian population in the Irtysh River area near Tara, Mangazeya and Sayan ostrog. We used published written sources that contained information about probable height characteristics of dwellings during the 17th – 18th centuries, made our calculations and created 3D models of dwellings, which were analyzed.

Conclusion. The main conclusion drawn from the results of our work is that the accuracy of reproduction of certain properties of the original object while making a 3D model should be based not only on the search for analogues, but also take into account the cultural landscape surrounding the object in the studied period of time.

Keywords

Siberia, Russians dwelling, archaeology, area, height, 3D models, reliability

Acknowledgment

The author expresses deep gratitude to the head of the ethnography department of the Eastern Slavs and peoples of European Russia at the Museum of Anthropology and Ethnography. Peter the Great (Kunstkamera) RAS, PhD A. I. Teryukov for the assistance in working with the archive.

For citation

Tataurova L. V. 3D Modeling of Dwellings from Russian Archaeological Sites in Siberia: Reliability of Approximation. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 162–174. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-164-176

Введение

Современные цифровые технологии, особенно 3D-моделирование как способ виртуальной натурной реконструкции раскопанных объектов, все чаще используются археологами для представления результатов анализа полевых материалов, в том числе и в археологии русского населения Сибири (см. [Бородовский, Горохов, 2009; Татауров, Чёрная, 2014; Чёрная, 2011; 2015; Визгалов, Пархимович, 2017; Майничева и др., 2018; Бородовский, Бородовская, 2018] и др.).

Известные на настоящее время реконструкции, выполненные на основе анализа археологического материала, можно разделить на четыре вида:

1) натурные, материализованные в размерах, максимально приближенных к реальным, например стены и юго-западная башня Умревинского острога [Бородовский, Горохов, 2009; Бородовский, Бородовская, 2018];

2) натурные макеты, выполненные в определенном масштабе, например усадьба в Тарской крепости [Татауров, Чёрная, 2014; 2015];

3) графические реконструкции, построенные на ландшафтных моделях местности, позволяющие прогнозировать развитие планиграфии поселений, раскопанных построек, включающие детализацию каждого объекта (деревни XVII–XVIII вв. Ананьино и Изюк в Омском Прииртышье и др.) [Татаурова и др., 2014];

4) графические реконструкции отдельных объектов или их частей; это самый представительный по количеству имеющихся результатов блок (например, приказная изба Умревинского, дом приказчика, пороховой погреб и кузница Саянского острога, воеводская усадьба в Томске, жилые и хозяйственные комплексы в Мангазее, 3D-реконструкция части фортификационной линии Тобольска) (см. [Бородовский, Горохов, 2009; Чёрная, 2015; Визгалов, Пархимович, 2017; Майничева и др., 2018; Бородовский, Бородовская, 2018; Матвеев и др., 2012. С. 85] и др.).

Но методические условия к проведению реконструкций описываются не часто. Лишь общие требования к макетированию археологических объектов высказали А. П. и Е. Л. Бородовские: соблюдать строгий отбор археологических критериев в построении макетов, проверяя и соотнося их с письменными источниками, которые тоже надо тестировать на достоверность [Бородовский, Бородовская, 2018. С. 338].

Археологические признаки высотности построек на базе материалов из раскопок Томского кремля одной из первых выделила М. П. Чёрная [2011]. С их учетом была сделана графическая 3D-реконструкция воеводской усадьбы [Чёрная, 2015. Рис. 123].

Представлена детализированная реконструкция построек Саянского острога – с указанием размерных характеристик объектов, зафиксированных по данным археологии, приведением метрических данных, закономерностей в русских строительных традициях (например, возможная высота построек) и примерами подобных строений по письменным источникам [Майничева и др., 2018].

С использованием такого же подхода Г. П. Визгаловым и С. Г. Пархимовичем выполнены графические реконструкции усадебных комплексов г. Мангазеи; к цифровым ими добавлены художественные модели городской среды, иллюстрирующие сюжеты жизни и быта горожан [2017. С. 202–204, 330–332]. Дан метрологический анализ постройки с представлением ее высотных характеристик [Там же. С. 190, 191. Рис. 128], но, к сожалению, без комментариев относительно методики работы.

Во всех приведенных примерах анализ различных типов источников позволил выполнить достаточно объективные 3D-модели археологических объектов. В описаниях к реконструкциям приводятся, в основном, сведения о горизонтальной планиграфии жилищ (длина – ширина стен, диаметры бревен в венцах). Но по-прежнему гипотетичными остаются высотные параметры. О них сообщается с учетом этнографических материалов, чаще всего с сопредельных территорий, но применительно к каждой конкретной реконструкции высота оговаривается крайне редко.

Поэтому цель настоящей работы заключается в выявлении закономерностей высотных параметров жилых построек русского населения Сибири XVII–XVIII вв. на основе этнографических материалов и достоверности аппроксимации при использовании этих данных применительно к археологическим реконструкциям.

В методическом плане, безусловно, верным подходом является максимальное сопоставление всех имеющихся сведений об объекте, для которого предполагается сделать виртуальную модель. Этот подход лучше работает в реконструкциях городской среды, так как кроме археологической базы информацию о постройках можно найти в письменных источниках, даже если она минимальна, и привлечь аналогии из описаний других городов. Кроме того, для городов более подробен картографический материал (см., например, [Визгалов, Пархимович, 2017. С. 28–32]). Сложнее выполнять моделирование жилых и хозяйственных объектов для сельских памятников. В письменных источниках информации о них немного, и в основном она о времени основания сел и деревень, их этносоциальной истории. В обоих случаях сведения о высотности зданий практически отсутствуют.

В такой ситуации опорными становятся археологические данные: внешняя и внутренняя планиграфия построек, размерные характеристики и т. д. Для сравнительного анализа обязательно привлечение письменных и этнографических источников, потому что существует «единый западносибирский вариант русских строительных традиций» [Ащепков, 1950. С. 31; Бардина, 1994. С. 163].

Археологической базой настоящего исследования послужили материалы русских сельских поселений XVII–XVIII вв. Изюк I и Ананьино I, изученных автором в Тарском Прииртышье (Большереченский и Тарский районы Омской области), реконструкции жилищ разного вида из Тары [Татауров, Чёрная, 2014; 2015]; Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2017] и Саянского острога [Майничева и др., 2018].

На сельских поселениях Тарского Прииртышья основным типом жилищ были трехчастные избы-связи, всего – 8. Изучены пятистенки с прирубом, три избы на памятнике Изюк I и трижды перестроенная с увеличением общей площади изба на памятнике Ананьино I – всего 13 объектов. Все жилища поземные, т. е. без подклетов. На это указывают наличие завалянок [Визгалов, Пархимович, 2017. С. 15], полы, настланные на уровне первого венца, и подполы «врытые в землю».

При работе с археологическими материалами деревенских комплексов для анализа использованы размерные характеристики только жилых помещений – горниц, изб, клетей, пятистенка, горницы-прируба. В изученных 13 объектах определены 22 жилых помещения. Сведения о сенах, встраиваемых в связи между основными срубами и использовавшихся как хозяйственные помещения, в исследовании не привлекались, так как по высоте они могли отличаться от жилых комплексов.

В реконструированной усадьбе знатного горожанина г. Тары изучены дом-пятистенки, баня, изба для челяди, колодец, погреб с напогребницей [Татауров, Чёрная, 2015]. В нашем исследовании рассматриваются только жилые объекты – дом и изба. В Мангазее представлены модели двух связей [Визгалов, Пархимович, 2017. С. 15]; для анализа взяты клеть и две избы. В Саянском остроге из числа жилых помещений рассматривается изба приказчика [Майничева и др., 2018]. Указанный выбор ограничен материалами, имеющими размерные данные.

Основным этнографическим источником стали материалы, собранные в 1957–1961 гг. Ангарским отрядом экспедиции Института этнографии АН СССР под руководством Л. М. Сабуровой в Кежемском районе Красноярского края. В результате их анализа получены сведения о составе 1203 усадебных комплексов из 12 деревень в двух временных периодах: с начала XIX в. до 1917 г. и с 1917 по 1930 г. Для достижения заявленной цели из материалов Л. М. Сабуровой привлекались данные только по постройкам первого периода; их число составило 427 единиц, из них 167 относилось к XIX в. Необходимость привлечения этого источника в том, что в Приангарье, начиная с XVII в., сложился «один из старых очагов русского заселения» [Сабурова, 1967. С. 7]. Анализ полученных материалов и наблюдений позволил Л. М. Сабуровой сделать вывод «о генетической связи местного русского населения с северо- и средневеликорусским населением» [Терюков, 2017. С. 500].

Достоинством представленных в архиве документов является учет времени постройки жилищ и их размерные характеристики¹. К недостаткам можно отнести отсутствие в описаниях типологии жилищ и использование общего названия – дом. Как самостоятельный элемент выделены только сени, тогда как усадебные постройки обозначены по их функциональному назначению: амбар, стайка, сарай, хлев, баня, завозня, зимовье.

В метрологических данных по жилищам, собранных экспедицией Л. М. Сабуровой, указывались размеры домов, расчеты кубатуры площади построек. Из этого можно заключить, что приведенные значения высоты даны от пола до потолка. Следовательно, мы их можем учитывать в выяснении количества венцов в срубах. Выявив показатели высоты домов по данным этнографии, можно рассчитать вероятное количество венцов в каждом из них. Проанализировав размерные характеристики площади жилищ и их высоты, – сравнить с информацией из письменных и археологических источников. Однако необходимо учитывать, что эти сравнения можно использовать лишь для поземных жилищ, в которых пол сделан на уровне первого-второго венцов.

Обсуждение результатов

Исходя из состава и характера имеющихся источников следует отметить объективность мнения В. А. Александрова о том, что «основные элементы севернорусского жилища выявились в сибирском жилище уже в XVII в.» [1964. С. 169]. К культуре этого населения в целом можно отнести и домостроительные традиции Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2017. С. 190], Тары и деревень Тарского Прииртышья [Татаурова и др., 2014. С. 192, 193].

Считается, что в русских строительных традициях дом до матицы, на которую укладывали потолочные бревна или тес, собирали из нечетного количества венцов, чаще из 15 или 17 при 6–7 вершковом лесе в отрубе (т. е. при диаметре бревен в 22–32 см) [Курилов и др., 2005].

¹ Архив МАЭ РАН, 1960, 1961. Ф. К-1. Оп. 2. № 801, 800, 799.

С. 93]. «В среднем на одноэтажную избу с невысоким подпольем идет 15–17 венцов бревен» [Бломквист, 1956. С. 70, 78].

По наблюдениям Л. М. Сабуровой, «изба состояла из 14–17 венцов» [1967. С. 110]. В изученных деревнях Кежемского района в XIX – начале XX в. преобладающая высота домов составляла 3–3,5 м (минимальная – 2–2,5 м, в одном случае 1,8 м; максимальная – 4 м, в одном случае – 4,5 м).

Зафиксированные отличия по изученным деревням касались количества построек с минимальной и максимальной высотой. Ниже приведены несколько наиболее показательных примеров.

Так, в с. Кежма из 617 усадеб к изучаемому периоду относились 147 (к XIX в. – 57 домов, из них 11 высотой 2–2,8 м). Их площадь: минимальная 12,8 кв. м, максимальная 36 кв. м, средняя 20–25 кв. м. Высоких, до 4 м, домов в XIX в. зафиксировано 9, их площадь – от 36 до 56,6 кв. м, средняя – 42–48 кв. м. В XX в. низких домов построили 9 (площадь от 16 до 36 кв. м), высоких – 21 (размеры от 20 до 61,2 кв. м, средняя площадь – 42–54 кв. м).

В дер. Прокопьево из 19 усадеб 16 построены до 1917 г. Среди них только в трех – «высотные» дома (один XIX в. и два XX в.); остальные высотой по 3 м. Площадь построек – от 24 до 70 кв. м, средняя – 36–51 кв. м.

В дер. Проспихино из 127 усадеб 72 с домами дореволюционной постройки; преобладают жилища высотой 3–3,5 м. К XIX в. относятся два дома высотой 2 м и площадью 24 и 42 кв. м соответственно и четыре высотой 4 м и площадью 42–49 кв. м. В начале XX в. низких домов не строили, а к высоким добавилось еще 9; их площадь – от 42 до 63 кв. м, средняя – 49–56 кв. м. Площадь остальных построек – от 36 до 63 кв. м, в одном случае – 85 кв. м.

В. А. Александров, по данным письменных источников, для жилых помещений в г. Енисейске и сельской округе на начало XVIII в. привел следующие размерные характеристики [Александров, 1964. С. 163]. Средняя длина изб-связей составляла 18–19 м. Но были строения длиной 13–14, 16–17, 20,9 м. Избы, горницы, клетки имели площадь от 10–12 до 50–70 кв. м. Причем наибольшее количество построек было площадью в 41 кв. м, т. е. $6,4 \times 6,4$ м. Выделены « типовые размеры»: $6,2 \times 6,2$ и $6,4 \times 6,4$ м, т. е. площадью 38,4 и 41 кв. м. «В одном случае однокамерное жилище (изба) имело площадь в 42,3 кв. м ($6,5 \times 6,5$)» [Там же. С. 163].

В данном случае мы рассматриваем именно площадь, так как размерные характеристики хотя и схожи с упомянутыми в письменных источниках, но представляют не только квадратные (6×6 , $6,5 \times 6,5$, $6,6 \times 6,6$, $6,8 \times 6,8$, 7×7 и т. д.) дома, но и прямоугольные с размерами $7 \times 6,5$, $7,1 \times 6,5$, $7,5 \times 6,5$ и др., зависящими от длины стройматериалов и типа построек (изба, пятистенки и т. д.). Например, в дер. Пашино из 27 жилищ, относящихся к рассматриваемому периоду, 13 имели площадь 40,95 ($6,5 \times 6,3$) – 45,56 ($6,8 \times 6,7$) кв. м при высоте 3–3,5 м. Максимальная площадь – 50,4 кв. м ($7,2 \times 7$), но этот дом, несмотря на большие размеры, имел высоту лишь 2,5 м. В дер. Верхняя Кежма из 33 усадеб 14 построены до 1917 г. Высотные размеры – 3–3,5 м. Площади варьировались: шесть домов – от 24 (6×4) до 39 ($6,5 \times 6$) кв. м; четыре – от 42 (6×7) до 44,85 ($6,9 \times 6,5$) кв. м; остальные более 50 кв. м. В дер. Заимка из 30 усадеб XIX – начала XX в. 18 домов были площадью от 30 (6×5) до 46,3 ($6,8 \times 6,8$) кв. м. В общей массе жилищ интерес вызывают две небольшие, вероятно, избышки площадью 15,8 кв. м и высотой по 4 м. Возможно, именно они могут относиться к избам на подклете, но пока эта точка зрения остается только гипотезой. В десяти усадьбах имелись дома от 35 (7×5) до 56 (8×7) кв. м. Зафиксирован один дом площадью 54 кв. м (9×6 м), высота которого составляла 2 м.

Подобную статистику можно привести по всем описанным в материалах Л. М. Сабуровой деревням². Отметим также, что зафиксированные по Енисейску в документах начала XVIII в.

² Архив МАЭ РАН, 1960, 1961. Ф. К-1. Оп. 2. № 801, 800, 799.

размеры избы в 42,3 кв. м ($6,5 \times 6,5$) [Александров, 1964. С. 163] в усадьбах XIX – начала XX в. в 12 деревнях Красноярского края встречены 20 раз.

По археологическим материалам большое количество жилых построек известно по сельским поселениям Тарского Прииртышья. Из 13 восемь – дома-связи. Прежде, чем рассматривать их индивидуальные метрические параметры, отметим, что они были, как и в Енисейске и Мангазее, большими по площади [Визгалов, Пархимович, 2017. С. 77]. Связи на поселениях имели длину 12–15,8 м. Жилые помещения в связях относятся к трем типам: горница (площадь от 24 до 43,6 кв. м), изба (от 12 до 18,5 кв. м), клеть (18,6–25,5 кв. м). Пятистенки были площадью 43,7 кв. м, прируб к нему – 40,15 кв. м.

Кроме связей и пятистенки на поселениях Тарского Прииртышья изучены четыре избы. Так, на памятнике Ананьино I исследовано жилище, которое перестраивали несколько раз. Этапы этого процесса могли выглядеть так: первоначально была построена изба площадью около 9 кв. м с печью. Через некоторое время избу разобрали до нижних венцов, оставив печь, и сделали новый, более просторный сруб площадью 16 кв. м. К этой избе были пристроены сени размером 3×3 м. Третий сруб площадью 36,08 кв. м включил в себя нижние части двух предыдущих построек; как функционирующая часть остались сени, к которым во время последней реконструкции пристроили навес над крыльцом. В какой-то период в XVIII в. в этой избе жил человек высокого социального статуса, о чем свидетельствует археологический материал.

На поселении Изюк из трех изб одна ранее была определена как баня [Татаурова и др., 2014. С. 194], но анализ предметного комплекса и планиграфии способствовали изменению мнения о назначении этой постройки – она была жилой. Размеры изб на поселении, кроме одной, небольшие: 10,5; 11,8; 29,2 кв. м.

Время существования этих поселенческих комплексов определяется по дендрохронологии и вещевому материалу. Дендродаты по жилищам Ананьино I относятся ко времени основания деревни (около 1625 г.) [Сидорова и др., 2019. С. 109]. Предметные комплексы обоих памятников отнесены к XVII–XVIII вв. [Татауров Ф. С., 2017]. Время основания и период функционирования деревень подтверждается письменными источниками [Крих, 2012; 2014].

Первой четвертью XVII в. датируются жилые постройки, изученные в г. Таре [Сидорова и др., 2019. С. 109].

Весь рассмотренный жилой комплекс Тарского Прииртышья синхронен жилищам, изученным в Мангазее и Саянском остроге³.

Исходя из приведенных данных можно сделать вывод, что размерные характеристики археологических объектов, построенных во второй четверти XVII и в XVIII в., схожи между собой. Жилища Мангазеи (несмотря на ее городской статус) по площади были малыми: 17,7, 18,9, и 24,8 кв. м, как и на сельских комплексах. На изученных поселениях вариативность площади жилых помещений выше и сопоставима со сведениями письменных источников по Енисейску начала XVIII в. (10,2, 18,5, 25, 32,5, 38,4 и 41 кв. м) [Александров, 1964. С. 163] и с этнографическими материалами XIX в. по Приангарью.

Попытаемся рассчитать на базе имеющихся данных высотные параметры археологических построек.

Если принять за основу этнографические критерии количества венцов в срубах, выявленные размеры жилищ и толщину бревен, использованных для строительства, то получится, что для дома с высотой потолков 2 м при среднем количестве венцов 15–17 требуются бревна диаметром 11–13 см (см. таблицу). Но такой лес не использовался для строительства. Из этнографии известно, и это подтверждается археологическими данными, что для построек брали бревна диаметром не менее 20 см. Поэтому приведенные выше примеры о количестве

³ Комплекс воеводской усадьбы г. Томска, реконструированный М. П. Чёрной [2015], в нашем анализе не использовался, так как представляет другой тип жилищ, прежде всего высотных, на подклетах, с более развитой планировкой.

Соотношение высоты, среднего количества венцов
и диаметра бревен в срубе

Ratio of height, average number of crowns
and the diameter of logs in a log house

Высота построек															
Н 200 см		Н 250 см		Н 300 см		Н 320 см		Н 350 см		Н 360 см		Н 380 см		Н 400 см	
Среднее количество венцов															
15	17	15	17	15	17	15	17	15	17	15	17	15	17	15	17
Вероятный диаметр бревна, см															
13	11	17	14	20	17	21	19	23	20	34	21	25	22	26	23
Высота сруба и количество венцов в зависимости от диаметра бревен															
количество венцов		диаметр бревна													
		20 см	21 см	22 см	23 см	24 см	25 см	30 см	35 см	50 см					
9	высота сруба до крыши	180	189	198	207	216	225	270	315	450					
11		220	231	242	253	264	275	330	385	550					
13		260	173	286	299	312	325	390	455	650					
15		300	315	330	345	360	375	450	525	750					
17		340	357	374	391	408	425	510	595	850					

венцов (см. [Курилов и др., 2005. С. 93] и др.) нельзя использовать как опорные без привлечения репрезентативных выборок. Логичнее присоединиться к мнению, что «число венцов в срубе очень различно; оно зависит от толщины бревен, намеченной высоты избы, наконец, от достатка хозяина и большей или меньшей доступности леса в данной местности» [Бломквист, 1956. С. 70, 78].

В качестве доказательства возьмем абсолютные диаметры бревен (см. таблицу) и соотнесем их с археологически зафиксированными размерами и показателями высоты, полученными по материалам Л. М. Сабуровой.

На сельских поселениях Тарского Прииртышья наблюдается общая особенность: чем меньше помещение, тем тоньше диаметр бревен. В отдельных избах и избах в составе связей бревна были диаметром, в среднем, 20–25 см, в горницах и клетях в составе связей – от 25–30 до 30–40 см. Вероятно, от площади помещения зависела и высота дома. Поэтому на сельских поселениях избы (в том числе в составе связей) имели небольшую площадь, стены с диаметром бревен в 20–25 см и, скорее всего, высоту в 9–11 венцов, т. е. 2,0–2,2 м. Горницы и некоторые клетки в составе связей с толщиной стен от 25 до 40 см имели такое же количество венцов, но высоту от 2,7 до 3–3,3 м.

В связи с этими расчетами интересно проанализировать реконструкцию жилой части усадьбы 2 в Мангазее. Ее архитектурно-метрологический анализ выполнен Н. Н. Митиной и О. С. Уренёвым [Визгалов, Пархимович, 2017. С. 8. Рис. 128, 141–143]. Если пересчитать приведенные реконструктивные размеры на современные, то высота постройки от пола до потолка составит 3,06 м (2 простых сажени: $1,527 \text{ м} \times 2 = 3,054 \text{ м}$), а общая высота дома от окладного венца до конька – 5,4 м (2,5 косых сажени: $2,16 \text{ м} \times 2,5 = 5,4 \text{ м}$).

Жилые помещения такой высотности могли построить даже при недостатке строевого леса за Полярным кругом, но тогда, наверняка, встал бы вопрос об их обогреве. При условии отопления мангазейских жилищ печами по-черному более достоверной в высотном отношении выглядит реконструкция художника А. С. Кухтерина [Там же. С. 203, верхний рисунок]⁴. Изба, нарисованная слева, имеет 11 венцов. При обозначенном (судя по плану, [Там же. С. 79]) в публикации диаметре бревен западной избы⁵ постройки № 31 около 20–25 см, средняя высота жилища составляла 2,2–2,4 м. Диаметр бревен восточной избы 22–32 см [Там же. С. 105]. На указанном рисунке А. С. Кухтерина, возможно, это жилище в 9 венцов изображено справа. Его усредненная высота около 2–2,4 м. Если учесть, что потолки дополнительно утеплялись насыпным грунтом, а полы врезались на уровне второго венца, то внутреннее пространство жилища могло быть меньше, чем в приведенных выше расчетах. Все это делало обогрев жилища более эффективным, что немаловажно в условиях суровой сибирской зимы [Татауров С. Ф., 2017. С. 100], особенно в Заполярье.

Высотные размеры дома Тарской усадьбы и Саянской приказной избы отличаются от деревенских, прежде всего потому, что принадлежали людям не рядового статуса.

В Таре, где не было недостатка в лесу и дровах, пятистенная площадью 72 кв. м был построен из семи венцов с использованием бревен диаметром в полметра, что уже давало ему хорошую теплоизоляцию. Пол врублен в третий венец, соответственно внутреннее пространство от пола до потолка составляло около 3 м. Дом отапливался по-белому. Печи с трубой были известны в Таре уже в XVII в. [Татауров, Чёрная, 2015. С. 214; Татауров С. Ф., 2017. С. 99–100]. В реконструированном жилище проживал представитель административной верхушки, о чем свидетельствует расположение его в центре города, размеры дома, сени из бруса, предметный комплекс [Татауров, Чёрная, 2015. С. 219]. Поэтому высокие потолки в нем вполне могли быть. Изба для челяди в этой же усадьбе была площадью в 20,25 кв. м; на макете она показана в 7 венцов, что предполагает высоту от 1,7 до 2,7 м. Судя по площади

⁴ К сожалению, рисунки на страницах 202–204 в монографии по жилищам Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2017] не имеют порядковых номеров, поэтому при ссылке они упоминаются в зависимости от их расположения на странице – верхний, нижний, а части жилища – как изображенные справа и слева.

⁵ Названия для изб «западная» и «восточная» взяты из текста публикации [Визгалов, Пархимович, 2017].

и назначению, она не превышала 2,0 м в высоту. Рядовые жители в острожной части строили небольшие избы [Татауров С. Ф., 2017. С. 100].

Приказная изба Саянского острога могла быть высотной постройкой. К сожалению, из-за плохой сохранности древесины диаметр бревен этого жилища в тексте не оговорен. Однако в документах XVIII в. такие здания могли быть высотой в 4 аршина, т. е. 2,84 м [Майничева и др., 2018. С. 107]. В реконструкции постройка имеет 9 венцов [Там же. Рис. 5], т. е. диаметр бревен в венце составляет около 30–35 см ($284 : 9 = 31,6$ см). С этим размером на отдельных участках здания совпадает выявленная ширина древесного тлена.

Заключение

Высотность домов зависела от разных факторов: наличия и доступности стройматериалов, финансовых возможностей будущих хозяев и во многом от климатических условий, влияющих на продолжительность и интенсивность обогрева жилищ, а также от характера обогревающих устройств. Важнейшей задачей было сохранение тепла, поэтому жилища без подклета имели завалинки и до появления печей с трубами – небольшую площадь и высоту стен около 2–2,5 м в 9–11 венцов.

Отмеченные в этнографических наблюдениях «стандарты» возведения срубов в 15–17 венцов характерны уже для XIX–XX вв. Это связано с эволюцией печного отопления и постепенным переходом с конца XVII в. к русским печам с трубами и «голландкам», а позднее в дополнение к ним с появлением железных буржеек – «контрамарок» [Аболина, Щербаков, 2017. С. 58–61; Татауров С. Ф., 2017. С. 99]. Благодаря им стало возможным регулирование температурного режима в доме. Это способствовало увеличению высоты и размеров жилой площади, а значит, и изменению качества жизни.

Развитие цифровых технологий позволяет достаточно быстро получить виртуальную 3D-модель археологического объекта, в связи с чем становятся понятными многие аспекты, связанные с системами жизнеобеспечения русского населения Сибири. Для комплексов Нового времени достоверность аппроксимации, т. е. точности воспроизведения тех или иных свойств исходного объекта, должна базироваться не только на комплексном изучении разнохарактерных источников, но и анализе культурного ландшафта, в котором этот объект функционировал.

Список литературы

- Аболина Л. А., Щербаков В. В.** Печи Енисейска XVII–XX вв.: от каменок и глинобитных беструбных к кирпичным русским и изразцовым голландским до «утермарковских» // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Наука, 2017. С. 57–63.
- Александров В. А.** Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. 303 с.
- Ащепков Е.** Русское народное зодчество в Западной Сибири. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1950. 139 с.
- Бардина П. Е.** Русские поселения, жилища и другие постройки // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1994. С. 101–164.
- Бломквист Е. Э.** Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 3–454.
- Бородовский А. П., Бородовская Е. Л.** Проблема макетирования русских острогов из окрестностей города Новосибирска // Баландинские чтения. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2018. Т. 13. С. 384–393.

- Бородовский А. П., Горохов С. В.** Умревинский острог (археологические исследования 2002–2009 гг.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 242 с.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.** Мангазея: усадьба заполярного города. Нефтеюганск; Екатеринбург: Караван, 2017. 360 с.
- Крих А. А.** Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). Омск: Наука, 2012. 295 с.
- Крих А. А.** Этносоциальная история русского населения д. Ананьино в XVII–XIX вв. // Вестник Омского университета. Серия «исторические науки». 2014. № 4 (4). С. 86–90.
- Курилов В. Н., Люцидарская А. А., Майничева А. Ю.** Освоение Сибири: сохранение и трансформация русской культуры в XVII – начале XX в.: историко-этнографические очерки. Новосибирск: ПреПресс студио, 2005. 100 с.
- Майничева А. Ю., Скобелев С. Г., Береженко Д. Ю.** Реконструкция русских деревоземляных внутрикрепостных построек как знаковых сооружений Сибири XVII–XVIII веков (на примере Саянского острога) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018 Т. 46, № 4. С. 100–108.
- Матвеев А. В., Аношко О. М., Клименко А. И.** Остатки старинных Тобольских укреплений на мысу Чукман // АВ ORIGINТ: археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Тюмень: ТюмГУ, 2012. С. 76–91.
- Сабурова Л. М.** Культура и быт русского населения Приангарья. Л.: Наука, 1967. 300 с.
- Сидорова М. О., Жарников З. Ю., Татаурова Л. В., Татауров С. Ф., Мыглан В. С.** Календарная датировка археологических объектов Тарского Прииртышья (Омская область) // РА. 2019. № 2. С. 103–113.
- Татауров С. Ф.** Дрова как один из системообразующих элементов жизнеобеспечения сибирского города в XVII–XVIII вв. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 49. С. 98–103.
- Татауров С. Ф., Чёрная М. П.** Усадьба в Тарской крепости: опыт реконструкции комплекса // Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. ст. к 50-летию Л. В. Татауровой. Омск: Издатель-Полиграфист, 2015. С. 214–219.
- Татауров С. Ф., Чёрная М. П.** Усадьба на территории Тарской крепости: итоги исследований 2011–2014 гг. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. Т. 20. С. 288–291.
- Татауров Ф. С.** Китайский фарфор с русских памятников Среднего Прииртышья XVII – первой половины XVIII в. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Казань; Кишинев: Stratum Plus, 2017. Т. 2. С. 835–841.
- Татаурова Л. В., Татауров С. Ф., Татауров Ф. С., Тихонов С. С., Тихомиров К. Н.** Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI – XVIII в. (по материалам археологических исследований). Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. 374 с.
- Терюков А. И., Л. М. Сабурова** как исследователь русского старожильского населения Сибири // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Наука, 2017. С. 499–503.
- Чёрная М. П.** К методике реконструкции высотных деревянных построек по археологическим данным // Методика междисциплинарных археологических исследований. Омск: Наука, 2011. С. 106–116.
- Чёрная М. П.** Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг: историко-археологическая реконструкция. Томск: Д'Принт, 2015. 276 с.

Список источников

- Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) [Архив МАЭ РАН]. Ф. К-1. Оп. 2. № 799. Перепись жилого фонда 1960, 1961 гг. Рукопись. 87 с.; № 800. Пе-

репись жилого фонда 1960 г. С. Кежма. Рукопись. 92 с.; № 801. Перепись жилого фонда 1960 г. С. Кежма. Рукопись. 35 с.

References

- Abolina L. A., Shcherbakov V. V.** Pechi Eniseiska XVII–XX vv.: ot kamenok i glinobitnykh bes-trubnykh k kirpichnym russkim i izrazcovym gollandskim do «utermarkovskikh» [Yeniseisk Stoves of the 17th – 20th Centuries: from Stoves and Adobe Bricks to Brick Russian Stoves and Tiled Dutch Stoves to “Utermark” Stoves]. In: Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh isledovaniyakh [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk, Nauka, 2017, p. 57–63. (in Russ.)
- Aleksandrov V. A.** Russkoe naselenie Sibiri XVII – nachala XVIII v. (Eniseiskii krai) [The Russian Population of Siberia in the 17th – early 18th Century (the Yenisei Territory)]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 303 p. (in Russ.)
- Ashchepkov E.** Russkoe narodnoe zodchestvo v Zapadnoi Sibiri [Russian Folk Architecture in Western Siberia]. Moscow, Academy Architecture of USSR Publ., 1950, 139 p. (in Russ.)
- Bardina P. E.** Russkie poseleniya, zhilishcha i drugie postroiki [Russian Settlements, Dwellings and Other Buildings]. In: Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri [Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia]. Tomsk, TSU Publ., 1994, p. 101–164. (in Russ.)
- Blomkvist E. E.** Krest'yanskie postroiki russkikh, ukraintsev i belorusov (poseleniya, zhilishcha i khozyaistvennye stroeniya) [Peasant Buildings of Russians, Ukrainians and Belarusians (Settlements, Dwellings and Barns)]. In: Vostochnoslavianskii etnograficheskii sbornik. Ocherki narodnoi material'noi kul'tury russkikh, ukraintsev i belorusov v XIX – nachale XX v. [East Slavic Ethnographic Collection. Essays on the Folk Material Culture of Russians, Ukrainians and Belarusians in the 19th – early 20th Centuries]. Moscow, AS USSR, Publ., 1956, p. 3–454. (in Russ.)
- Borodovsky A. P., Gorokhov S. V.** Umrevinskii ostrog (arkheologicheskie issledovaniya 2002–2009 gg.) [Umrevinsky Ostrog (archaeological research 2002–2009)]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2009, 242 p. (in Russ.)
- Borodovsky A. P., Borodovskaya E. L.** Problema maketirovaniya russkikh ostrogov iz okrestnostei goroda Novosibirska [The problem of prototyping Russian Ostrogs from the vicinity of the city of Novosibirsk]. In: Balandinskie chteniya [Balandin Readings]. Novosibirsk, Novosibirsk State Uni. of Architecture, Design and Arts Publ., 2018, vol. 13, p. 384–393. (in Russ.)
- Chernaya M. P.** Voevodskaya usad'ba v Tomske. 1660–1760-e gg: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya [A Voevoda's Manor in Tomsk. 1660–1760-s: Historical and Archaeological Reconstruction]. Tomsk, D' Print Publ., 2015, 276 p. (in Russ.)
- Chernaya M. P.** K metodike rekonstruktsii vysotnykh derevyannykh postroek po arkheologicheskim dannym [On Methods of Reconstructing High-rise Wooden Buildings according to Archaeological Data]. In: Metodika mezhdisciplinarnykh arheologicheskikh issledovaniy [Methodology of Interdisciplinary Archaeological Research]. Omsk, Nauka, 2011, p. 106–116. (in Russ.)
- Krikh A. A.** Etnicheskaya istoriya russkogo naseleniya Srednego Priirtysh'ya (XVII–XX veka) [Ethnic History of the Russian Population of the Middle Irtysh (17th – 20th Centuries)]. Omsk, Nauka Publ., 2012, 295 p. (in Russ.)
- Krikh A. A.** Etnosotsial'naya istoriya russkogo naseleniya d. Anan'ino v XVII–XIX vv. [Ethnic and Social History of the Russian Population of Ananyino Village in the 17th – 19th Centuries]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «istoricheskie nauki»* [Bulletin of Omsk State University. Series: “History”], 2014, no. 4 (4), p. 86–90. (in Russ.)

- Kurilov V. N., Lyucidarskaya A. A., Majnicheva A. Yu.** Osvoenie Sibiri: sokhranenie i transformatsiya russkoi kul'tury v XVII – nachale XX v.: istoriko-etnograficheskie ocherki [Development of Siberia: Preservation and Transformation of Russian Culture in the 17th – early 20th Centuries: Historical and Ethnographic Essays]. Novosibirsk, PrePress studio Publ., 2005, 100 p. (in Russ.)
- Majnicheva A. Yu., Skobelev S. G., Berezhenko D. Yu.** Rekonstruktsiya russkikh derevozemlyanikh vnutrikrepostnykh postroek kak znakovykh sooruzhenii Sibiri XVII–XVIII vekov (na primere Sayanskogo ostroga) [Reconstruction of Russian Wood-earth Intra-fortress Buildings as Iconic Structures of Siberia in the 17th – 18th Centuries (on the example of the Sayan Ostrog)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2018, vol. 46, no. 4, p. 100–108. (in Russ.)
- Matveyev A. V., Anoshko O. M., Klimenko A. I.** Ostatki starinnykh Tobol'skikh ukrepleni na mysu Chukman [Remains of Ancient Tobolsk Fortifications at Cape Chukman]. In: AB ORIGIN: arkheologo-etnograficheskii sbornik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta [AB ORIGIN: Archaeological and Ethnographic Collection of Tyumen State University]. Tyumen', Tyumen State Uni. Publ., 2012, p. 76–91. (in Russ.)
- Saburova L. M.** Kul'tura i byt russkogo naseleniya Priangar'ya [Culture and Life of the Russian Population of Angara]. Leningrad, Nauka, Publ., 1967, 300 p. (in Russ.)
- Sidorova M. O., Zharnikov Z. Yu., Tataurova L. V., Tataurov S. F., Myglan V. S.** Kalendarnaya datirovka arkheologicheskikh ob'ektov Tarskogo Priirtysh'ya (Omskaya oblast') [Calendar Dating of Archaeological Sites in the Tarsk Irtysh Area (the Omsk Region)]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Archaeology of Russia], 2019, no. 2, p. 103–113. (in Russ.)
- Tataurov F. S.** Kitaiskii farfor s russkikh pamyatnikov Srednego Priirtysh'ya XVII – pervoi poloviny XVIII vv. [Chinese Porcelain from the Russian Sites at the Middle Irtysh Area in the 17th – the first half of the 18th Centuries]. In: Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv. [Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea Areas during the 10th – 18th Centuries]. Kazan, Kishinev, Stratum Plus Publ., 2017, vol. 2, p. 835–841. (in Russ.)
- Tataurov S. F.** Drova kak odin iz sistemoobrazuyushchih elementov zhizneobespecheniya sibirskogo goroda v XVII–XVIII vv. [Firewood as One of Main Elements of the Life Support of a Siberian City in the 17th – 18th Centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2017, no. 49, p. 98–103 (in Russ.).
- Tataurov S. F., Chernaya M. P.** Usad'ba na territorii Tarskoi kreposti: itogi issledovaniy 2011–2014 gg. [A Manor on the Territory of the Tara Fortress: Results of Research in 2011–2014]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii: Materialy itogovoi sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN 2011 g. [Issues of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories: Materials of the Final Session at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS 2011]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2014, vol. 20, p. 288–291. (in Russ.)
- Tataurov S. F., Chernaya M. P.** Usad'ba v Tarskoi kreposti: opyt rekonstruktsii kompleksa [A Manor on the Territory of the Tara Fortress: Experience of Reconstruction of the Complex]. In: Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovaniyakh [Russian Culture in Archaeological Research]. Collection of scientific articles devoted to the 50th anniversary of L. V. Tataurova. Omsk, Izdatel'-Poligrafist Publ., 2015, p. 214–219. (in Russ.)
- Tataurova L. V., Tataurov S. F., Tataurov F. S., Tihonov S. S., Tihomirov K. N.** Adaptatsiya russkikh v Zapadnoi Sibiri v kontse XVI – XVIII v. (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy) [Adaptation of the Russian Population in Western Siberia at the End of the 16th – 18th Centuries (based on archaeological research)]. Omsk, Izdatel'-Poligrafist Publ., 2014, 374 p. (in Russ.)
- Teryukov A. I.** L. M. Saburova kak issledovatel' russkogo starozhil'cheskogo naseleniya Sibiri [L. M. Saburova as a Researcher of the Russian Old-timers in Siberia]. In: Kul'tura russkikh

v arheologicheskikh issledovaniyakh [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk, Nauka Publ., 2017, p. 499–503. (in Russ.)

Vizgalov G. P., Parkhimovich S. G. Mangazeya: usad'ba zapolyarnogo goroda [Mangazeya: the Manor of a Polar Town]. Nefteyugansk, Ekaterinburg, Karavan Publ., 2017, 360 p. (in Russ.)

List of Source

Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) [Arkhir MAE RAN]. Fond K-I. Op. 2. № 799. Perepis' zhilogo fonda 1960, 1961 gg. Rukopis' [Museum of Anthropology and Ethnography after Peter the Great (Kunstkamera) [Archive of MAE RAS]. Found. K-I. Inventory 2. No. 799. Census of Housing stock 1960, 1961. Manuscript], 87 p.; No. 800. Census of Housing stock 1960. Kezhma Village. Manuscript], 92 p.; No. 801. Census of Housing stock 1960. Kezhma Village. Manuscript], 35 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
15.03.2019

Сведения об авторе

Татаурова Лариса Вениаминовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Маркса, 15, Омск, 644024, Россия)
li-sa65@mail.ru
ORCID 0000-0003-4829-7619

Information about the Author

Larisa V. Tataurova, PhD in History, Associated Professor, Senior Researcher of the Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (15 Marksa Ave., Omsk, 644024, Russian Federation)
li-sa65@mail.ru
ORCID 0000-0003-4829-7619

УДК 397 + 398

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-177-186

Щука в верованиях и фольклоре хакасов (конец XIX – середина XX века)

В. А. Бурнаков

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Впервые предлагается характеристика образа щуки в традиционном мировоззрении и обрядности хакасов. Исследование основано на фольклорных и этнографических источниках. Используемые в работе фольклорные материалы – отрывки из героических сказаний (*алыптыг ныхмахтар*) в авторском переводе на русский язык, а также архивные сведения, впервые вводятся в научный оборот. В результате исследования сделан вывод, что в традиционном сознании народа эта рыба наделяется сложной и неоднозначной характеристикой. Во многом ее образ и восприятие были обусловлены биологической природой, поэтому ее часто расценивали как опасного и алчного хищника. Наряду с этим имелись представления о щуке как о мудром существе, приобщенном к сокровенным тайнам, воплощении повелителя водной стихии – *суг ээзи*. Эта рыба играла важную роль в мифоритуальном комплексе хакасских шаманов, выполняя защитные и лечебные функции. Она наряду с другими животными выступала в качестве одного из ключевых духов-помощников кама, помогавших при его миссиях, главным образом в процессе путешествия в подводный мир. Поэтому изображения щуки встречаются на шаманских бубнах.

Ключевые слова

хакасы, культура, фольклор, шаманизм, образ, символ, обряд, дух, *тѳс*, щука

Благодарности

Исследование проведено при поддержке проекта НИР (проект № 0329-2016-0006 «Символ и знак в культуре народов Сибири XVII–XXI вв.: актуализация и стратегии сохранения»)

Для цитирования

Бурнаков В. А. Щука в верованиях и фольклоре хакасов (конец XIX – середина XX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография. С. 177–186. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-177-186

Pike in the Beliefs and Folklore of the Khakass (Late 19th – Mid 20th Century)

V. A. Burnakov

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The purpose of the study is to characterize the image of the pike in the worldview and ritual practices of the Khakass. To achieve our goal, we analyzed the folklore and ethnographic information available and identified the key constituent elements of the creature analyzed, as well as discovered the semantic links of its image with natural objects and elements. The chronological framework of the work covers the end of the 19th – middle of the 20th centuries. The pike has never become the focus of ethnographic studies before.

Results. We came to the conclusion that the pike played an important role in the spiritual culture of the Khakass. The characteristic features of the pike's mythological image as a predatory fish were influenced mainly by its biological nature and, first of all, the morphology of its body, its behavior, lifestyle, way of hunting, and, of course, its habitat. In

popular mythological consciousness, the projection of its zoological features was expressed through considering the pike as an agile, rapacious and greedy creature, as a rule. At the same time, the pike was also perceived as a wise creature possessing secret knowledge about aquatic depths and their inhabitants. In addition, in many plots the pike acted as a wonderful assistant and helped the protagonist in solving his problems. On the other hand, heroes themselves often turned into this fish in order to achieve their goals related to the other world. In the religious and mythological ideas of the Khakass people, the pike was an incarnation of the spirit of the water host – *sug eezi*. This deity used to play a key role in the traditional rituals of the Khakass.

Conclusion. In sacral practices, the pike performed the function of a *tos*, a shaman's spiritual assistant. Its image was present on their ritual paraphernalia – tambourines. Due to this, using a pike as food was strictly prohibited for the Khakass and other peoples of Southern Siberia.

Keywords

Khakass, culture, folklore, shamanism, image, symbol, rite, spirit, *tös*, pike

Acknowledgments

The study was supported by the research project (project 0329-2016-0006 “Symbol and Sign in the Culture of the Peoples of Siberia in 17th – 21st Centuries: Actualization and Conservation Strategies”)

For citation

Burnakov V. A. Pike in the Beliefs and Folklore of the Khakass (Late 19th – Mid 20th Century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 177–186. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-177-186

Введение

В традиционной картине мира хакасов животные и рыбы занимали заметное место. Среди представителей ихтиофауны особенно выделялась щука (хак. *сортан*). Мировоззренческий комплекс хакасов, связанный с этим существом, прежде никогда не становился объектом специального этнографического изучения, поэтому целью исследования является характеристика образа щуки в мировоззрении и обрядовой практике хакасов. Источниковая база исследования включает в себя фольклорные и этнографические материалы. Фольклорные произведения представляют собой эпосы, мифы, сказки, пословицы, загадки на хакасском и русском языках. Некоторые из них впервые переводятся автором на русский язык. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX – середину XX в., что определено состоянием и возможностями базы источников по теме исследования.

Результаты исследований и обсуждение

Щука является одним из распространенных водных хищников. Известный ихтиолог Л. П. Сабанеев, характеризуя эту рыбу, совершенно точно подметил, что «по своей хищности, повсеместному распространению и величине, которой уступает только далеко не столь многочисленному сому, щука, несомненно, составляет одну из наиболее замечательных и наиболее известных пресноводных пород рыб» [Сабанеев, 1959. С. 194]. Обращает на себя внимание то, что вторая составная часть латинского названия щуки *Esox Lucius* является однокоренной и семантически тождественной слову *Lucos*, обозначающему ‘хищник / волк’ [Подоскина, 2007]. В этой связи рассматриваемый ихтионим с латыни на русский язык может быть буквально переведен как «голодный хищник / волк», что совершенно точно характеризует природу щуки. Ее хищническая натура проявляется уже в строении зубов и в целом – ротовой полости. Зубы расположены таким образом, чтобы удобнее было схватить и удержать добычу, а затем быстро ее проглотить. Мелкие зубы загнуты внутрь пасти и располагаются на языке и верхней челюсти, а на нижней челюсти имеются клыкообразные зубы. Указанные анатомические особенности нашли отражение в устном народном творчестве хакасов, где ее образ представлен в виде *алты азылыг ала сортан* – ‘с шестью клыками пестрой щуки’ (Айдолай, 1959. С. 104).

В народе считали, что внешность щуки напрямую связана с ее сущностью. Представление о ней как о ненасытном, всепоглощающем и постоянно вбирающем в себя хищном существе, очевидно, нашла воплощение и в самом ее хакасском наименовании – *сортан*. Корень дан-

ной лексемы *-сор-* в тюркских языках восходит к такому значению, как «втягивать, всасывать, впитывать» (ДС, 1969. С. 509; ЭСТЯ, 2003. С. 334). Отметим и тот факт, что в хакасском языке понятие *хищник* обозначается термином *ачын*, например, «*сортан – ачын палых*» – «щука – хищная рыба» (ХРС, 2006. С. 344). Слово *ачын* помимо указанного имеет еще такие дополнительные значения, как «алчный» и «жадный» (ХРС, 2006. С. 91). Образ щуки как алчущей и ненасытной, с развитым инстинктом убийцы, запечатлен и в фольклоре. Так, в сказке «Змея и щука» ее поведение получает порицание со стороны других животных: «Не зря тебя называют разбойницей. Неужели тебе мало двух окуней, что ещё третьего хочешь съесть. Нельзя быть такой жадной» (Змея и щука, 1958. С. 3).

Изучая биологические особенности щуки, отметим, что не только пасть и зубы, но и тело определенно характеризует ее как хищника. Она имеет стреловидную удлинённую форму, выдающуюся вперед голову, широкую пасть и мощные челюсти. Вытянутое в длину тело и остроконечная голова делают ее обтекаемой и хорошо адаптированной для подводного передвижения. Она обладает значительным проворством и ловкостью движений. Указанные зоологические особенности ее поведения нашли отражение в хакасской поговорке – *сортан осхас толгалчых* – «вертлявый, как щука» (ХРС, 2006. С. 344).

Глаза у щуки большие, выпученные и подвижные. Они располагаются довольно высоко, что позволяет ей обозревать обширное пространство, не поворачивая головы. Щука хорошо видит все, что происходит как впереди нее, так и над ней или сбоку. Она обладает и отлично функционирующей боковой линией – осязательным органом, тонко реагирующим на малейшие вибрации [Сабанеев, 1959. С. 195]. Все это указывает на ее большой охотничий потенциал. Заметив жертву, она медленно поворачивается и затем совершает молниеносный бросок на расстояние, которое зачастую в разы превышает длину ее тела. Л. П. Сабанеев по этому поводу сообщал, что «редкой рыбе удается избежать зубастой пасти погнавшегося за ней хищника, тем более что последний преследует ее не только в воде, но даже и в воздухе» [1959. С. 198]. В мифологическом сознании способность щуки выпрыгивать из воды осмысливается как полет. И это чрезвычайно сближает ее образ с птицей. Поэтому совершенно не случайно в хакасском фольклоре имеются упоминания о том, что щуки могут превращаться в птиц и улетать [Бутанаев, Бутанаева, 2008. С. 112]. Устремленность щуки в преследовании своей жертвы получила отражение в устном народном творчестве хакасов. Так, некоторые отрицательные персонажи, погружаясь в воду с целью догнать и погубить героя, непременно оборачиваются в щуку [Кузнецова, 1899. С. 142].

Успех охоты щуки во многом определяется еще и соответствующим камуфляжем. Окрас ее чешуи зависит от среды обитания, окружающей флоры и возраста. Она чаще бывает серовато-зеленой, серой с желтизной или серо-коричневой. В фольклоре хакасов эта особенность способствовала закреплению за ней такого типичного колоративного признака, как пестрота и серость; в героической эпике представлен персонаж *ала сортан* – «пегая / пёстрая щука» (Албынц, 1951. С. 60; Айдолай, 1959. С. 104).

Степень ее погруженности в глубину имеет прямую зависимость от размера – чем она больше, тем старается глубже уйти [Сабанеев, 1959. С. 195–200]. Хакасами подобные глубоководные рыбные места обозначались терминами *күңүре* или *көне* (ХРС, 2006. С. 200, 216). Указанная особенность среды обитания, а также зоологическая специфика щуки, способствовали тому, что в религиозно-мифологическом сознании получила развитие идея о ее вездесущности, а также подвластности ей водного пространства.

Столь неординарные зоологические данные, а также единое водное пространство охоты, с ее непосредственным объектом – рыбой, весьма сблизили щуку с таким сильным, быстрым и беспощадным хищником, как выдра (хак. *хамнос*). отождествление образов указанных животных, с намеком на их превосходные охотничьи способности, нашло отражение в народной загадке о выдре: *тага сыхса аң осхас, тагдаң инзе, саңа осхас, суга кірзе сортан осхас, (хамнос)* – «на гору залазит, как зверь, с горы спускается, как лыжи, в воду залезет, словно щука (выдра)» [Доможаков, 1951. С. 72].

В традиционном мировоззрении щука является воплощением *суг ээзі* – духа-хозяина воды (реки, озера, моря и пр.). В обрядовой поэзии народа распространен такой ее эпитет, как *ўзең аттыг кер сортан* – ‘морская щука (гнедая), имеющая три названия’ [Дыренкова, 2012. С. 135]. В указанном наименовании вызывает интерес слово *кер* (или *кир*). В дореволюционных изданиях, как правило, использовался вариант написания *кер* (Алтын Пыркан, 1868. С. 88–136). Подобное начертание позволило некоторым авторам буквально перевести это слово как ‘гнедая’ [Дыренкова, 2012. С. 135]. Действительно, в хакасском языке лексема *кер* обозначает определенный цвет или, чаще, масть животного – ‘гнедая’ или ‘каряя’ (ХРС, 2006. С. 157). Между тем по нормам современной хакасской орфографии применительно к мифической щуке обычно употребляется слово *кир* / *кирі*, отсюда *кир сортан* (Бутанаев, 1999. С. 43). Следует пояснить, что в хакасском языке термин *кир* в отличие от *кер* в наши дни наделяется совершенно иным смыслом: огромный; применительно к фольклорным персонажам – существо огромных размеров, великан; старый, пожилой (ХРС, 2006. С. 168). Указанные значения в полной мере применимы к образу щуки как существу, олицетворяющему владыку вод, – *суг ээзі*. Так, в религиозно-мифологическом сознании хакасов *кир сортан* воспринималась в качестве рыбы гипертрофированных размеров, которая существует в протяженном пространственно-временном континууме. Более того, она осмыслялась как некое прасущество, появившееся на свет в эпоху первотворения. Поэтому совершенно не случайно шаман, обращаясь к ней, акцентировал внимание на ее архаических корнях: «...тебя, морскую щуку, имеющую три названия, творил (праотец) Адам» [Катанов, 1907. С. 557].

В фольклоре представлен также сюжет о щуке – чудесном помощнике героя в приобретении сокрытых знаний [Овичев, 1905] или в поиске пропавших в водной пучине людей. Так, в богатырском сказании «Картага Мерген» герой обращается к духу-хозяину воды *суг ээзі* с просьбой найти сестру. Тот соглашается ему помочь. При этом в целях обеспечения успеха миссии он превращается в щуку:

*Кара пор атка алтаныб-алчык,
Ебіріп жөрүн ізін істен жөр,
Жолын жоллап таппаңчык,
Ак талаіның казына жорт-келчік.
“Суг езі, абаң!, – тедір, –
Туңмам кайда парғанын
Пілдіңме, суг езі?”.
“Жок, найы, пілбедім”.
“Аны сен пілбін
Но неме еткезің?”, – тедір.
“Сајымны санабын,
Кумумну ілбебін,
Парған јерін пілбессім”
“Талайға кірген полза
Талаіның істінең таб-ал!”
“Талайда полза табарбын”.
“Табар ползаң, пар!” – тедір.
Суг езі талайға кір-парды,
Сортан полып оілаб-ышышк*

Темно-серого коня оседлавши,
Кругом объехал, следы обследовал,
Дорогу, поискав, не нашел,
Белого моря берега достигши.
“Хозяин воды, отец [наш]!, – говорит, –
Куда младшая моя [сестра] отправилась
Узнал ли [ты], хозяин воды?”.
“Нет, друг, не узнал”.
“Этого не узнав,
Что [ты] делал?”, – сказал.
“Тальку [свою] считал,
Песок [свой] просеивал,
[Куда она] отправилась [ту] землю, не знаю [я]”
“[В] море если погрузился,
[В] пучине моря найди!”
“[В] море [если она] будет, найду”.
“[Если ее] искать будешь, [то] иди!”, – сказал.
Хозяин воды [в] море нырнул,
[В] щуку обратившись, умчался
(Картага..., 1868. С. 496) ¹.

¹ Здесь и далее перевод с хакасского наш.

В эпосе «Ала Картыга – Белый Соколичик» выделяется чудесная способность щуки с легкостью преодолевать серьезные препятствия в пути. При этом она может не только быстро проплывать труднопроходимые глубоководные места, но еще и без особых затруднений перемещаться «по сухому пути до моря» [Титов, 1856. С. 192]. Твердая убежденность в том, что щуке целиком и полностью доступна водная стихия и иные пространства, способствовала дальнейшему развитию сюжетов о ней. Во многих фольклорных произведениях герои уже сами чудесным образом метаморфизируются в щуку с целью обнаружения пропажи или получения тайных знаний, сокрытых в морских глубинах. Причем такими персонажами могут быть не только люди, но и животные. Н. Ф. Катанов по этому поводу писал: «Жеребенок или лошадь часто превращается в человека или золотую утку, или щуку» [1887. С. 229]. Повествование о перевоплощении героя в щуку получило большое распространение в эпическом творчестве хакасов. Приведем соответствующие примеры из богатырских сказаний:

<i>Анаң айланып Хулатайның оолгы</i>	Затем, обернувшись, Хулатая сын,
<i>Ікі пілегін чыхчынып, ікі идегін хыстынып,</i>	Обе кисти [свои] обнажив, обе полы [свои] подоткнув,
<i>Пас-киліп, тәңіс талай суға кире сегірді,</i>	Подожёл [к] морю-океану [великой] воде [и] прыгнул [в него],
<i>Ала сортан палых полып чұс-сыхты</i>	Пестрой щукой-рыбой став, поплыл
	(Албынчі, 1951. С. 60).

<i>Хан Чачах сах аннаң айланып,</i>	Хан Чачах, вот оттуда возвратившись,
<i>Тура салып, тір сілігінібіскен,</i>	Остановилась, стоя встряхнувшись,
<i>Алты азығлығ ала сортан полып,</i>	[С] шестью клыками в пеструю щуку обратившись,
<i>Талай сугның түбіне кире сегірібіскен</i>	На дно великой реки нырнула
	(Айдолай, 1959. С. 104).

Рассмотренные особенности морфологии и поведения щуки, вера в ее мистическую сущность, а также непосредственное отождествление ее с духом-хозяином воды *суг ээзі* во многом послужили основой того, что хакасы этой рыбе отвели особую роль в шаманизме и традиционной обрядности. П. Е. Островских, анализируя ее значение в ритуальной практике хакасских шаманов, пришел к однозначному выводу о том, что «играет также при шаманстве роль и щука» [1895. С. 342].

Щука была распространенным *төс'ом* – духом-помощником шамана, и называлась *кир сортан*. Рыба помогала шаману в процессе камланий, особенно при путешествиях в водной среде и непосредственно в ходе контактов с главным ее духом – *суг ээзі*. В текстах обычно фигурирует одна либо две щуки (самка и самец) [Катанов, 1889; Бутанаев, 2006. С. 98]. Старики-хакасы, отмечая ее роль в процессе шаманских мистерий, сообщали, что «когда шаман во время камлания переправлялся через реку, то превращался в рыбу-щуку (*сортан палых*)»². В шаманских молитвах имеются следующие слова: «Если я войду в воду, то, став щукой, поплыву»; «моя щука, отдыхай в теплой воде заводи» [Бутанаев, 2006. С. 232–233].

Хакасы верили, что шаман посредством магической силы щуки исцеляет людей от водянки, всевозможных брюшных болезней, а также приносил облегчение при заболеваниях ног и груди [Катанов, 1907. С. 580; Иванов, 1955. С. 213; Потапов, 1991. С. 194]. При этом следует обратить внимание на то, что довольно часто сами щуки становились коренной причиной указанных недугов. В таком случае шаман, будучи сам в ихтиоморфном облике, загонял вредоносных рыб в специально отведенные для них дальние места, чтобы оградить людей от их негативного влияния. По этому поводу Н. Ф. Катанов писал: «Сильный шаман гонится

² АМАЭС ТГУ. № 682-3. Л. 63.

за щуками, водяными духами, до тех пор, пока не загонит их за девять морей, во владения горного царя. Плохой шаман возвращается с дороги; тогда щуки идут снова к больному, и болезнь продолжается» [Катанов, 1893. С. 30].

Изображения щук часто встречались на шаманских бубнах. Они, как правило, изображались черной краской и располагались в их нижней части, олицетворявшей Нижний мир [Катанов, 1893. С. 30; Яковлев, 1900. С. 117]. Этнограф С. В. Иванов, исследовав пятьдесят хакасских бубнов, зафиксировал на них десять изображений рыб [1955. С. 209]. Надо полагать, что все они символизировали собой щук как ключевых ихтиоморфных помощников шамана.

У хакасов щука мыслилась не только в качестве сверхъестественного существа, служащего шаману, но и как одно из воплощений духа-покровителя овец. Полагали, что если человек во сне видел щуку, как и некоторых других животных, то это сигнализировало о необходимости принесения жертвы обозначенному духу, иначе сновидца постигнет болезнь [Катанов, 1907. С. 592]. Отметим, что некоторые домашние пенаты – *тöс'ы*, в том числе и *аба тöс* – 'медвежий фетиш' в качестве жертвенного подношения предпочитали щуку и уху из нее [Катанов, 1907. С. 576; Кузнецова, Кулаков, 1898. С. 196].

Относительно щуки как пищевого объекта у хакасов, как и у других народов Южной Сибири, ее использование строго регламентировалось: «Щук, как воплощений водяных духов не употребляют в пищу ни минусинские татары, ни урянхайцы, ни карагасы» [Катанов, 1893. С. 30]; «По сообщению Г. Шоева, женщины качинки не едят щуки (сортан), которая имеет какое-то отношение к религиозным обрядам» [Кузнецова, Кулаков, 1898. С. 196]; «У качинцев и сагайцев, да и у тувинцев, многие шаманисты даже не ели щук, опасаясь заболеваний, несмотря на то, что общего запрета на употребление в пищу рыбы не существовало» [Потапов, 1991. С. 194].

Но щуку добывали не только в ритуальных, но и в медицинских целях: «щучий жир употребляется, как лекарство» [Кузнецова, Кулаков, 1898. С. 196]. Значимость щуки в этих сферах была велика – ее образ стал ассоциироваться даже с таким важным органом тела человека, как сердце. Подобное отождествление представлено в следующей народной загадке: *сүген истинде сортан тулганча (чүрек)* – 'внутри верши бьется щука (сердце)' [Доможаков, 1951. С. 75].

Заключение

Представленные материалы позволяют сделать вывод о том, что щука выполняла важную роль в духовной культуре хакасов. В фольклоре и обрядовой практике народа ее образ получил широкое распространение, на формирование характерных черт которого повлияла сама биологическая природа щуки, прежде всего морфология тела, поведение, образ жизни, способ охоты и, конечно же, среда обитания. Образ щуки неоднозначен. Проекция ее зоологических особенностей выразилась главным образом в наделении такими чертами, как проворство, хищность и алчность. Вместе с тем щука воспринималась еще и как обладающее тайными знаниями мудрое существо, которому подвластны водные пространства и их обитатели. При этом она нередко выступала в качестве чудесного помощника, выполняя функцию *тöс'a* – духа-помощника шамана или помогая главному герою в решении его проблем. Зачастую и сами герои оборачивались в щуку для достижения целей, связанных с потусторонним миром. Щука являлась воплощением духа-хозяина воды – *суг ээзи*, а это божество играло одну из ключевых ролей в традиционной обрядности хакасов. Поэтому не удивительно, что изображения щуки были представлены в ритуальной атрибутике – шаманских бубнах. Задействовалась она и в народной медицине, но как пищевой объект для хакасов и других народов Южной Сибири табуировалась.

Список литературы

Бутанаев В. Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2006. 253 с.

- Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И.** Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан: Изд-во ХГУ, 2008. 376 с.
- Дыренкова Н. П.** Вода, горы и лес по воззрениям турецких племен Алтайско-Саянского нагорья // Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 131–188.
- Доможаков В. И.** Хакасские загадки // Зап. ХакНИИЯЛИ. Абакан: Хакгосиздат, 1951. Вып. 2. С. 60–84.
- Иванов С. В.** К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сб. МАЭ. М.; Л., 1955. Т. 16. С. 165–264.
- Катанов Н.** (священник). Шаманский бубен и его значение // ЕЕВ. 1889. № 6. С. 112–114.
- Катанов Н. Ф.** Сказания и легенды Минусинских татар // Сибирский сборник. 1887. Т. 25. С. 218–234.
- Катанов Н. Ф.** Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1893. 114 с.
- Катанов Н. Ф.** Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым). СПб.: Имп. Академия наук, 1907. Т. 9. 640 с.
- Кузнецова А. А.** Четыре сказки минусинских инородцев, записанные А. Кузнецовой // ЖС. 1899. Вып. 1. С. 140–149.
- Кузнецова А. А., Кулаков П. Е.** Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск: Тип. Енис. губ. управления, 1898. 298 с.
- Овичев.** Богатырские поэмы Минусинских татар // Сибирский наблюдатель. 1905. Кн. 3. С. 1–9.
- Островских П. Е.** Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // ЖС. 1895. Вып. 3–4. С. 297–348.
- Подоскина Т. А.** Методическое пособие по запоминанию латинских названий в биологии, сопровождаемое словарем. 2007. URL: <http://stomfaq.ru/7278/7278.pdf> (дата обращения 15.03.2019)
- Потапов Л. П.** Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 320 с.
- Сабанеев Л. П.** Жизнь и ловля пресноводных рыб. Киев: Гос. изд-во сельхоз. лит. Украинской ССР, 1959. 668 с.
- Титов В.** Богатырские поэмы минусинских татар // ВЮ РГО. 1856. Ч. 15. С. 187–200.
- Яковлев Е. К.** Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. Вып. 4. 212 с.

Список источников и словарей

- Айдолай. Алыптыг ныхмах. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1959. 192 с.
- Албынчі (алыптыг ныхмах) // Алыптыг ныхмахтар. Абакан: Хак. обл. кн. изд-во, 1951. С. 13–98.
- Алтын Пыркан // Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В. В. Радловым. СПб.: Имп. Академия наук, 1868. Ч. 2: Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское, кызыльское и чулымское (кюэрик)). С. 88–136.
- Бутанаев В. Я.** Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Изд-во «Хакасия», 1999. 240 с.
- ДС – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 715 с.
- Змея и шука // Хайджи Тода. Хакасские сказки. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1958. С. 3–4.
- Картага Мерген // Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В. В. Радловым. СПб.: Имп. Академия наук, 1868. Ч. 2: Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское, кызыльское и чулымское (кюэрик)). С. 492–531.

ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы “Л”, “М”, “Н”, “П”, “С”. М.: Вост. лит., 2003. 446 с.
ХРС – Хакаско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Архивы

АМАЭС ТГУ. № 682-3 «Этнографическая экспедиция в Хакасию, лето 1976 г. Дневник вели М. С. Усманова, и Н. И. Чаптыкова». 78 л.

References

- Butanaev V. Ya.** Traditsionnyi shamanism Hongoraya [Traditional Shamanism of Hongorai]. Abakan, Khakass State Uni. Publ., 2006, 254 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I.** Mir khongorskogo (khakasskogo) fol'klora [The World of Khongor (Khakass) Folklore]. Abakan, Khakass State Uni. Publ., 2008, 376 p. (in Russ.)
- Dyrenkova N. P.** Voda, gory i les po vozzreniyam turetskikh plemen Altaisko-Sayanskogo nagor'ya [Water, Mountains and Forest according to the Views of the Turkish Tribes of the Altai-Sayan Highlands]. In: Dyrenkova N. P. Tyurki Sayano-Altaya. Stat'i i etnograficheskie materialy [Turks of the Sayan-Altai. Articles and Ethnographic Materials]. St. Petersburg, MAE RAS Publ., 2012, p. 131–188. (in Russ.)
- Domozhakov V. I.** Khakasskie Zagadki [Khakass Riddles]. In: Zapiski KhakNIYALI [Notes of the Khakass Scientific Research Institute of Historical Literature]. Abakan, Khakass State Publ. House, 1951, iss. 2, p. 60–84. (in Russ.)
- Ivanov S. V.** K voprosu o znachenii izobrazhenii na starinnykh predmetakh kul'ta u narodov Sayano-Altayskogo nagor'ya [On the Meaning of the Symbols on Ancient Objects of Worship among the Peoples of the Sayan-Altai Highlands]. In: Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow, Leningrad: AS USSR Publ., 1955, vol. 16, p. 165–264. (in Russ.)
- Katanov N.** (priest). Shamanskii buben i ego znachenie [Shaman tambourine and its meaning]. *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti* [The Yenisei Eparchial Sheets], 1889, vol. 6, p. 112–114. (in Russ.)
- Katanov N. F.** Skazaniya i legendy Minusinskikh tatar [Tales and Legends of the Minusinsk Tatars]. *Sibirskii sbornik* [Siberian collection], 1887, vol. 25, p. 218–234. (in Russ.)
- Katanov N. F.** Pis'ma N. F. Katanova iz Sibiri i Vostichnogo Turkestana [Letters by N. F. Katanov from Siberia and Eastern Turkestan]. St. Petersburg, Typography of Imperial Academy of Sciences Publ., 1893, 114 p. (in Russ.)
- Katanov N. F.** Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov (Obraztsy narodnoi literatury tyrkskikh plemen, izdannye V. V. Radlovym) [Dialects of the Uryankhays (Soyots), Abakan Tatars and Karagases (Samples of Folk Literature of Turkic Tribes issued V. V. Radloff)]. St. Petersburg, Imperial Academia of Sciences Publ., 1907, vol. 9, 640 p. (in Russ.)
- Kuznetsova A. A.** Chetyre skazki minusinskikh inorodtsev, zapisannye A. Kuznetsovoi [Four Tales of the Minusinsk Natives, recorded by A. Kuznetsova]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity], 1899, iss. 1, p. 140–149. (in Russ.)
- Kuznetsova A. A., Kulakov P. E.** Minusinskie i achinskie inorodtsy [The Minusinsk and Achinsk Natives]. Krasnoyarsk, Yenisei Province Control Publ., 1898, 298 p. (in Russ.)
- Ovichev.** Bogatyrskie poemys Minusinskikh tatar [Heroic Poems of the Minusinsk Tatars]. *Sibirskii nablyudatel'* [Siberian Observer], 1905, vol. 3, p. 1–9. (in Russ.)
- Ostrovskikh P. E.** Etnograficheskie zametki o tyurkakh Minusinskogo kraya [Ethnographic Notes about the Turks on the Minusinsk Territory]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity], 1895, iss. 3–4, p. 297–348. (in Russ.)

- Podoskina T. A.** Metodika po zapominaniyu latinskikh nazvaniy v biologii, soprovozhdaemoe slovar'em [A Methodological Guide for Memorizing Latin Names in Biology, accompanied with a dictionary], 2007. (in Russ.) URL: <http://stomfaq.ru/7278/7278.pdf> (accessed: 15.03.2019)
- Potapov L. P.** Altaiskii shamanism [Altai Shamanism]. Leningrad, Nauka, 1991, 320 p. (in Russ.)
- Sabaneev L. P.** Zhizn' i lovlya presnovodnykh ryb [Life and Catching Freshwater Fish]. Kiev, State Publ. House of Agricultural literature of the Ukrainian SSR, 1959, 668 p. (in Russ.)
- Titov V.** Bogatyrskie poemny minusinskikh tatar [Warrior Poems of the Minusinsk Tatars]. *Vestnik Irkutskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of the Irkutsk Branch of the Russian Geographical Society], 1856, vol. 15, p. 187–200. (in Russ.)
- Yakovlev E. K.** Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i ob'yasnitelnyi katalog etnograficheskogo otdela muzeya. Opisanie Minusinskogo muzeya [An Ethnographic Survey of the Indigenous Population of Southern Yenisei Valley and the Explanatory Catalog of the Ethnographic Department of the Museum. Description of the Minusinsk Museum]. Minusinsk, V. I. Kornakov Publ., 1900, iss. 4, 212 p. (in Russ.)

List of Sources and Dictionaries

- Aidolai. Alyptyg namakh [Aidolai. A Heroic Legend]. Abakan, Khakas. book Publ., 1959, 192 p. (in Khakass)
- Albynzhi [Albynzhi]. Khakasskoe geroicheskoe skazanie [A Khakass Heroic Legend]. Abakan, Khakas Regional State Publ. House, 1951, p. 13–98 (in Khakass)
- Altyn Pyrkan [Altyn Pyrkan]. Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, sobrannye V. V. Radlovym [Samples of Folk Literature of the Turkic Tribes Living in Southern Siberia and the Dzungar Steppe, collected by V. V. Radlov]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1868, vol. 2, p. 88–136. (in Khakass)
- Butanaev V. Ya.** Khakassko-russkii istoriko-etnograficheskii slovar' [A Khakass-Russian Historical and Ethnographic Dictionary]. Abakan, Khakasiya Publ., 1999, 240 p. (in Russ.)
- Drevnetyurkskii slovar' [An Old Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969, 715 p. (in Russ.)
- Zmeya i shchuka [A Snake and a Pike]. In: Khaidzhi Toda. Khakasskie skazki [Musician Toda. Khakass tales]. Abakan, Khakass Book Publ., 1958, p. 3–4. (in Russ.)
- Kartaga Mergen [Kartaga Mergen]. In: Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, sobrannye V. V. Radlovym [Samples of Folk Literature of the Turkic Tribes Living in Southern Siberia and the Dzungar Steppe, collected by V. V. Radlov]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1868, vol. 2, p. 492–531. (in Khakass)
- Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvy "L", "M", "N", "P", "S" [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Türkic and inter-Turkic Lexical Bases Staring with Letters "L", "M", "N", "P", "S"]. Moscow, East literature Publ., 2003, 446 p. (in Russ.)
- Khakassko-russkii slovar' [Khakass-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (in Russ.)

Archives

- Arkhib MAES TGU [Archive of the Museum of archeology and ethnography of Tomsk state university]. No. 682-3 «Etnograficheskaya ekspeditsiya TGU v Khakasiyu, leto 1976 g. Zapisi veli M. S. Usmanova, A. I. Chapytkova» [Ethnographic expedition TSU in Khakassia, summer 1976. Recording led M. S. Usmanova and A. I. Chapytkova], 78 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
24.03.2019

Сведения об авторе

Бурнаков Венарий Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новоси-
бирск, 630090, Россия)
venariy@ngs.ru
ORCID 0000-0001-9636-3081

Information about the Author

Venariy A. Burnakov, PhD in History, Senior Researcher at the Institute of Archaeology and Eth-
nography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federa-
tion)
venariy@ngs.ru
ORCID 0000-0001-9636-3081

Этнокультурные особенности современной хакасской семьи

И. Н. Трошкина

*Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
Абакан, Россия*

Аннотация

Цель данной работы – выявление этнокультурных особенностей современной хакасской семьи на территории Республики Хакасия. Рассматриваются основные компоненты семьи в ракурсе материальных и духовных основ этносообщества. Особое внимание уделяется объектам материальной культуры. Эмпирическую базу составляют материалы, полученные в ходе включенного наблюдения, интервью экспертов и анкетирования. В ходе исследования установлено, что хакасская семья в начале XXI в. в сфере материальной культуры переживает интенсивный процесс развития своих этнокультурных оснований, в который вовлечены элементы культуры труда и повседневности. Менее подвержено трансформации духовное основание этноса (религиозная платформа, традиции и обычаи, язык), которое на данном этапе ощущает ревитализацию через модернизацию. Ревитализация культурных символов сопровождается сужением количества носителей хакасского языка, но одновременно стремлением к монолитности хакасского этносообщества на основе сагайско-качинского компонента.

Ключевые слова

Республика Хакасия, хакасы, семья, этнокультурные особенности, динамика развития

Благодарности

Исследование проводилось в рамках темы НИР «Хакасская семья в начале XXI века»

Для цитирования

Трошкина И. Н. Этнокультурные особенности современной хакасской семьи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография. С. 187–199. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-187-199

Ethnocultural Features of the Modern Khakass Family

I. N. Troshkina

*Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History
Abakan, Russian Federation*

Abstract

Purpose. For identification of ethnocultural features of the modern Khakass family in the Republic of Khakassia we used empirical material, generalized on the basis of interviews and questionnaires. The object of the study is the culture of the ethnic group, the subject of the study is the ethnocultural features of the modern family. The article discusses the main components of the family from the perspective of material and spiritual foundations of the ethnic community. The author pays special attention to the objects belonging to the Khakass family material culture and describes elements that refer to modern processes and activities. The methodological basis of the study includes principles and categories of dialectics, methods of analysis and synthesis, systemic and structural analysis of social systems. The empirical base is the materials obtained by using included observation, in the process of expert interviews and analyzing questionnaires.

Results. As a result of our research we conclude that the dynamics of ethnocultural foundation of the Khakass family in the early 21st century, which includes elements of labor culture and daily life, develops intensively in the material culture. The spiritual basis of the ethnic group (its religious platform, traditions and customs, as well as the language) is being somewhat modernized due to new realia but is quite stable and experiences little transformation. Revitaliza-

tion of cultural symbols is accompanied by decrease in the number of the Khakass language speakers but is also characterized by a desire for establishing a monolithic Khakass ethnic community on the basis of the Sagay-Kachinsky component. The author's main contribution to the study of the topic is the study of modern cultural foundations of the family in the Khakass ethnic group. The novelty of the study refers to the regional component of the ethnocultural aspect in considering the Khakass family.

Keywords

Republic of Khakassia, the Khakass ethnic group, family, ethnocultural characteristics, development dynamics

Acknowledgements

The research was conducted in the framework of the research topic «The Khakass family in the early 21st Century»

For citation

Troshkina I. N. Ethnocultural Features of the Modern Khakass Family. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 187–199. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-187-199

Введение

Трансформация мирового и российского культурного пространства происходит неравномерно, что обусловлено этнокультурными основами. Социальная динамика разнится в зависимости от конкретно-исторических особенностей развития общества, биопсихосоциальной сущности этносов и др. Поэтому изучение особенностей таких основ для любого народа является важной научно-исследовательской задачей. Актуальными в данном плане становятся вопросы изучения динамики современного состояния культуры этносов и составляющих их семей как основных генераторов ценностей и традиций народа в условиях перехода к постиндустриальному обществу.

Данная проблематика привлекает внимание исследователей уже долгое время. Разработкой теоретико-методологических основ теории этнокультур изучались С. Клакхон, Ю. В. Бромлей, Л. Н. Гумилев и др. [Шаваева, Эфендиев, 2005]. Ими и другими специалистами были выработаны теоретико-методологические подходы: аксиологический, символический. Представляемое междисциплинарное исследование выполнено в контексте комплексного аксиологического подхода.

Новизна работы заключается в изучении регионального компонента этнокультурного основания современной хакасской семьи с социально-философских позиций. Имеющийся научный задел по данной тематике в основном представлен в историческом аспекте. Некоторые работы имеют философский характер с акцентом на духовный компонент этнокультурного основания. В числе таких исследователей следует назвать В. Н. Тугужекову [2013], Ю. В. Попкова [Попков и др., 2003; Попков, Тюгашев, 2014], Л. В. Анжиганову [2012; 2016; 2017], В. П. Кривоногова [2011], К. И. Султанбаеву [2015], Ю. А. Орешкову [2008], М. С. Арчимачеву [2016] и др.

Цель работы – выявление этнокультурных особенностей современной хакасской семьи на территории Республики Хакасия. Задачи исследования – изучение духовной и материальных сфер жизнедеятельности хакасской семьи в постсоветский период, особенностей современного состояния этнокультурной основы рассматриваемого объекта. Изучение основывается на материалах социологического характера (включенного наблюдения), проведенного автором в период с 2014 по 2018 г., а также экспертного опроса 2019 г. Выборочная совокупность респондентов – 600 человек. Использовался метод формализованного интервью с применением квотной выборки. Выборка стратифицированная, подтвержденная выводами экспертного опроса. Обработка материалов проводилась с использованием базы данных IBM SPSS Statistics 19. Осуществлялся мониторинг этнокультурного состояния хакасской семьи.

Результаты исследований и обсуждение

Хакасская семья включена в социальные системы, которые интегрированы в структуры различного порядка, в том числе этнические. Этническая принадлежность семьи определяет-

ся особенностями культуры (психики, языка), осознанием своего единства и отличия от иных этнических групп, национальным характером, самоназванием, которые в целом и формируют этнокультурную основу. Сама этнокультура представляется нами, вслед за П. Хаггетом, совокупностью созданных и накопленных этносом материальных и духовных ценностей, а также устойчивых стереотипов заученного людского поведения [1979. С. 84].

Монолитность этнокультурного основания хакасской семьи обеспечивается особенностью психики, национального характера, единой символикой и атрибутикой этноса. Ее неоднородность связана с внутренней дифференциацией этноса и внешним «этническим полем». Внутренняя неоднородность этнокультуры обусловлена градацией в связи с наличием разных этнических групп. В настоящее время официально выделяются, исходя из языкового принципа, четыре этнотерриториальные группы хакасов: сагайцы, качинцы, кызыльцы и бельтиры. Градация этноса по самосознанию выглядит иным образом – налицо суженная структура в связи с тем, что ряд субэтнических групп хакасов идентифицирует себя с другим субэтнотом (например, бельтиры относят себя к сагайцам, именуясь сагайскими бельтирами) (табл. 1). Сложность этнокультурной дифференциации связана и с возникшим выбором частью семей сагайского субэтноса своей этнической принадлежности в результате выделения шорцев в категорию малочисленных народов. Данное обстоятельство привносит некоторую путаницу в понимании структуры этноса и его этнокультурного основания. Сужение структуры в результате брачно-семейных связей между близкими по территории группами хакасов приводит к изменению самосознания в пользу доминирующих субэтнических групп, нивелированию их культурных основ.

Таблица 1

Соотношение субэтнических групп хакасов
по различным основаниям

Table 1

Correlation between sub-ethnic groups of the Khakass people
on various grounds

Этногруппы хакасов		Этнокультурные доминирующие группы хакасов
по диалекту	по самосознанию	
сагайцы	сагайцы	сагайцы
бельтиры	бельтирские сагайцы	—
качинцы	качинцы	качинцы
кызыльцы	кызыльцы	—

Можно говорить о некой сложившейся иерархии таких групп, которая представлена доминирующим сагайским элементом с более чем 79 % носителей [Кривоногов, 2011. С. 54] (с бельтирским сегментом) и качинским с долей носителей около 20 % (с кызыльским сегментом). Отмечается крен в сторону сагайской этнокультуры на основе качинско-сагайской языковой платформы (литературный язык). Имеющиеся данные позволяют оценить перспективы роста неоднородности и этнокультурной направленности хакасской семьи, диффузионных процессов.

Количество брачующихся хакасов на брачном поле представлено неравномерно, с выраженной долей сагайской субэтнической группы. В связи с этим отчетливо проявляется ориентация на расширение субэтнической группы за счет браков, а в перспективе и монолитность этносообщества.

Динамика национального состава населения Хакасии с начала XXI в. привела к культурной диффузии, формированию новых очагов культуры (в том числе с мусульманской составляющей), основанных на традициях, обычаях и религиозных представлениях инородных эт-

носообществ. На территории Республики выделяется более 100 крупных очагов этнокультуры, где преобладающими являются русский, хакасский, украинский и немецкий. Общественные объединения хакасской этнической направленности – 40 организаций с большой долей титульного (22,5 %) и малочисленного шорского этноса (20 %) ¹. Пик роста хакасских национально-культурных объединений приходился на 2001–2014 гг. Рост числа подобного рода сообществ позволил в некоторой степени повысить уровень самосознания хакасов и тем самым укрепить позиции хакасской семьи.

Но, естественно, этнокультурное основание хакасской семьи не может не зависеть от уровня взаимодействия с внешним «этническим полем», которое представлено русским сегментом. Процессы, связанные с иномациональным наполнением территории, отразились на структуре браков по национальному составу. К началу XXI в. доля межнациональных семей хакасов незначительно увеличилась в сравнении с показателями конца XX в. Она составила 35,5 % от их общего числа в 2007 г. [Кривоногов, 2011. С. 207].

Общая площадка взаимодействия этнокультурных полей имеет крен в сторону общероссийской культуры на платформе традиций доминирующего этноса. Отмечается и значимость контактов на протяжении длительного времени семей хакасского, немецкого, калмыцкого, узбекского, казахского, киргизского, тувинского происхождения. Данные обстоятельства можно расценивать как новый этап развития хакасской семьи, сопровождающийся расширением национальной ориентации будущих брачующихся; в то же время русский этнос остается у титульного народа в приоритете при выборе супруга (союзы хакасов и русских составляют сегодня 76,6 % от общего количества смешанных браков хакасов).

Длительное взаимодействие с этносами, проживающими на территории Хакасии, в том числе и с русским, привело также к формированию синкретичного мировоззрения, основанного на шаманизме и православии.

Но отмечаются и противоречивые процессы – диффузия и обособление этносообществ, что проявляется как в материальных, так и в духовных аспектах жизни хакасской семьи. Можно отметить особенности динамики элементов материальной культуры современного периода по следующим основаниям: труд, повседневность, место поселения (топос). Это, в целом, вторит общероссийским тенденциям с доминирующей русской этнокультурой. Отсев происходит на основе пригодности применения, приживаемости некоторых элементов нововведений в быту в определенных природно-климатических условиях с учетом национальной специфики.

В первую очередь отмечается тенденция интенсивного развития культуры труда за период с начала XXI в., в частности основного ее компонента – техники и орудий труда, где сложно-модифицированные и узкоспециализированные технологии не получили еще широкого распространения. Хакасские семьи стали включать в повседневную жизнедеятельность обновленную технику и орудия труда для сбора урожая при ведении фермерского хозяйства, в народных промыслах и личном подсобном хозяйстве. Так, в местностях со средним уровнем холмистости – в центральной части республики (Алтайский, Усть-Абаканский, Аскизский, Бейский районы) хакасские семьи чаще, чем на других территориях региона, применяют обновленное оборудование. Данное обстоятельство обусловлено возделыванием обширных угодий при сенокосении и сборе урожая. В северных и южных районах Хакасии, где семьи заняты собирательством, динамика орудий труда мало заметна. В личных подсобных хозяйствах имеются и традиционные орудия труда, в частности корнекопательные (не используемые по назначению), а также технические приспособления (телеги), которые используются редко и в большинстве своем хранятся как раритетные вещи.

Использование домашних животных в хозяйствах сельских семей имеет продолжительную историю. Можно говорить о наличии устойчивых связей с определенными видами до-

¹ Многонациональная Хакасия: общественные организации этнической направленности. Абакан: Журналист, 2018. 100 с.

машных животных – конями, овцами. С начала XXI в. данные взаимосвязи несколько ослабли, но не исчезли; они существуют преимущественно в центральной и южной Хакасии.

Домовые сооружения и придворовая территория у хакасских семей, источники энергии, системы коммуникаций, энергетическая инфраструктура не претерпели значительных преобразований в сравнении с концом XX в. Те изменения, которые все же имели место, связаны с использованием модифицированных материалов с содержанием алюминия, пластика, газобетона, введением в обиход насосных станций для подачи воды. Региональной особенностью стал рост количества объектов из газобетона, что связано со стихийными бедствиями, охватившими Хакасию в 2014–2015 гг. (наводнение в мае 2014 г., пожары в апреле 2015 г.).

Наибольшие изменения претерпела культура повседневности хакасской семьи. Прежде всего это касается одежды, мебели, бытовой техники и пищи.

Повседневная одежда характеризуется массовым переходом к европейским стандартам – от простого к усложненному крою с использованием различных материалов, преимущественно с синтетической основой. Детская одежда во многом вторит фасонам взрослой; что касается женской и мужской, то порой различия сглаживаются – это приводит к расширению практики использования одежды стиля «унисекс». Национальная специфика проявляется в праздничной одежде и отличается усложнением конструкций, стилизацией некоторых элементов нательной одежды: *сигедек* (жилетка), *кӱгенек* (платье), *сикпен кип* (женское пальто с шалевым воротником, используется в меньшей степени. – И. Т.) (рис. 1, 2).



Рис. 1. Национальная женская одежда хакасов, используемая при традиционных обрядах: *ипчи кӱгенек* (женское платье), *сегедек* (безрукавка) (фото автора)

Fig. 1. The Khakass national women's clothing used for traditional ceremonies: *ipchi kӱgenek* (women's dress), *segedek* (sleeveless) (photo by the author)



Рис. 2. Национальная одежда хакасов, используемая при традиционных обрядах:
1 – *sikpen* (женское пальто); 2 – *pörik* (женский головной убор); 3 – *nimne* (мужская верхняя одежда)
(фото автора)

Fig. 2. The Khakass national clothing used for traditional ceremonies:
1 – *sikpen* (women's coat); 2 – *pörik* (headdress); 3 – *nimne* (men's outfit)
(photo by the author)

Мебель стала играть второстепенную роль во внутреннем наполнении жилища, уступая место бытовой технике. Модельные ряды корпусной мебели характеризуется упрощением фасада с округлением форм, максимизацией цветовой гаммы. Особенностью наличествующей мебели в быту этноса является сочетание восточного (темное цветовое решение) и западного (практичность, минимализм) элементов. Отмечается переход от восточного стиля к европейскому, при этом предпочитаемыми цветами у хакасов являются «венге» и «орех» во всех их проявлениях. Цветовая палитра мягкой мебели вторит корпусной и характеризуется простотой оформления. Для бытовой техники можно говорить об изменении предпочтений относительно производителей (от отечественных к иностранным), а также количества техники (расширение перечня). Из ранее используемых распространенными являются упрощенные модели печей, холодильников, стиральных машин, чайников. Новыми предметами техники, вошедшими в массовый обиход, становятся микроволновые печи, мультиварки, ТВ-приставки. Отметим, что новая техника применяется как в сельской местности, так и в городах, но большая ее часть приходится на городские хакаские семьи в силу их большей платежеспособности.

Если рассматривать пищевые предпочтения этноса, то отмечается динамика от расширения перечня употребляемых продуктов к его сужению. Растет доля натуральных продуктов в рационе, что свидетельствует о переходе к более качественным продуктам. В продуктовую

корзину современной хакасской семьи входят мясо, молочная продукция, яйца, хлеб, крупы, овощи, в том числе картофель. Данные продукты формируют основные блюда хакасов, которые отличаются от стандартного российского перечня большей ориентацией на мясную продукцию. Так, в повседневной жизни употребляемая мясная пища имеет сезонный цикл – зимой предпочитают говядину и конину, летом – баранину. Многие семьи в обыденный рацион питания включают мясной суп *чарба үгре* (рис. 3). В праздничные дни на столах можно увидеть кровяную колбасу *хан* и сделанное из ячменя сладкое блюдо *талган*. Нужно сказать, что национальная пища хакасов и традиции использования традиционных пищевых продуктов в целом сохранились и востребованы в повседневной и праздничной жизни, несмотря на то, что значительная часть блюд современной семьи заимствована из русской и среднеазиатской кухни.



Рис. 3. Повседневная национальная пища хакасской семьи (*чарба үгре*)
(фото автора)

Fig. 3. Daily national food of the Khakass family (*charba yugre*)
(photo by the author)

Культура повседневности хакасов представляет целостный комплекс непротиворечащих друг другу элементов, основанных на своей и доминирующей культурной платформе в регионе. Собственная культурная основа проявляется через объекты пищи и одежды, иная – доминирует в предметах мебели, техники. В целом они создают нетипичный для тюркских этносов образ культуры повседневности с креном в сторону иноэтничного элемента в силу незначительной доли (12,1 %) титульного этноса в регионе.

Места поселения хакасских семей представляют собой, как правило, слабо организованные неоднородные по составу территории сельские населенные пункты. Они располагаются, преимущественно, в западной и южной степной и лесостепной частях Хакасии, вблизи Абакана; максимальная концентрация приходится на центральную часть – Аскизский район. Этнокультурной особенностью является локализация поселений по родовому составу, основания чего были заложены еще в период перехода к оседлой жизни (конец XIX – начало XX в.).

В северной и частично центральной частях региона (Орджоникидзевский, Ширинский, Усть-Абаканский, Алтайский районы) в хакасских поселениях проживают представители различных качинских и кызыльских родов. В южной и центральной частях региона (Бейский, Аскизский, Таштыпский районы) отмечается концентрация представителей одного сагайского или бельтирского рода; характерен менее «пестрый» этнический состав. В первом случае заметна большая упорядоченность в расположении селений, во втором – хаотичное распределение с разбросанными группами населенных пунктов.

Отметим, что с начала XXI в. культура поселений хакасского этноса кардинальных перемен не ощутила, в связи с тем что экономическое развитие сельских территорий не носило массового характера. По причине высокой затратности преобразований и отсутствия инициатив сверху сохранились основные структурные элементы культуры поселений, несмотря на возвратный характер вектора миграции коренного населения (из села в город и обратно). Подобная динамика семей титульного этноса привела к положительным результатам с точки зрения интеграции хакасского сообщества – нивелированию элементов этнокультуры между городом и селом. В Республике наличествуют локальные очаги экономики: Алтайский и Бейский районы – добывающая отрасль промышленности (каменноугольная); Аскизский район – социокультурная (спортивно-туристическая) и сельскохозяйственная отрасли (мелкие и средние фермерские хозяйства, предприятия по мясопереработке); Алтайский район – сельскохозяйственная отрасль (зерновая гречишная культура), Таштыпский – лесная промышленность. Данные территории являются местами концентрации сагайской, бельтирской и качинской групп хакасов и характеризуются минимальным включением их в экономические структуры. Слабая занятость людей на предприятиях различных форм собственности и в кооперации сочетается с ведением в семьях личного подсобного хозяйства с минимальной долей скота.

Несмотря на ключевую роль материального компонента, ведущая позиция в динамике развития хакасской семьи принадлежит духовному основанию. Рассматривая его, следует выделить такие структурные компоненты, как язык, религиозная принадлежность, традиции и обычаи, этническая идентичность.

Динамика развития языковой основы хакасской семьи характеризуется противоречивыми процессами – расширением перечня новых слов в лексиконе, заимствованных из русского языка, с одной стороны, и увеличением объема слов собственно хакасского языка, с другой. Данный процесс сопровождается стремлением к субэтнической монолитности языка, что ведет к его «осагаиванию». Отмечается процесс сужения группы носителей хакасского языка. Важным моментом, который следует подчеркнуть, является снижение показателей «говорящих дома на родном языке» в молодежных возрастных группах при возрастающем интересе к элементам этнокультуры.

Религиозная система хакасов за рассматриваемый период не претерпела существенных изменений, но отмечаются рост интереса к воззрениям шаманов и их практике, некоторый крен в сторону возрождения традиционного верования – шаманизма. Основная масса хакасских семей считают себя двоеверцами – православно-шаманистский симбиоз. Противоречивые воззрения сочетают как единобожие, так и многоликость его проявления (в природе, в мире добрых и злых духов, шаманах), двухструктурное понимание «миров» с его трехчастным членением (Верхний, Средний, Нижний), посредническую деятельность между мирами священнослужителей и шаманов.

Что касается таких элементов, как традиции и обычаи, то В. П. Кривоноговым была справедливо отмечена сложность в их воспроизводстве и сохранении [2011. С. 64–83]. На данном этапе можно говорить о модернизации традиций и обычаев за счет новаций, которые приводят к адаптации инокультурного опыта хакасским этносообществом для собственного эффективного развития. Так, отмечаются ревитализация культурных символов (расширение перечня календарных праздников, направлений искусства, республиканских символов власти), религиозной, культурной практики др. [Анжиганова, Ачитаева, 2012. С. 38–39]. Во мно-

гом ревитализация культурных символов отмечается в элементах свадеб и при рождении ребенка.

Следует отметить активное воспроизводство традиций, связанных с погребально-поминальной обрядностью и почитанием природных объектов. Их специфика в данном отношении заключается в большем акценте на памятование, сохранение длительных контактов семьи с умершими (взаимодействие с Нижним миром). Это свидетельствует о крепости вертикальной структуры семейных связей, а в целом – об уровне межпоколенческих и близкородственных связей. Почитание природных объектов и их сакрализация позволяют говорить о включенности семьи в природные ритмы жизнедеятельности в соответствии с законами высшего мира (связь с Верхним и Нижним мирами). Воспроизводство данной традиции позволяет ориентироваться на высшие законы, которые не подвластны разуму человека. Это приводит к ощущению в большей степени феномена счастья, допускает возможность находиться в зоне психологического комфорта. Механизм взаимодействия семейных групп и родственных связей (Средний мир) в настоящее время обусловлен активными контактами с численно преобладающим этносом, влиянием государственной политики в отношении массовой культуры.

Несмотря на данные процессы, отмечается рост потребности населения в развитии культуры, повышении самосознания народа, о чем свидетельствует увеличение числа национально ориентированных общественных организаций, в том числе и молодежных, а также этноориентированных государственных и общественных мероприятий (праздники и мероприятия регионального и муниципального значения, грантовая поддержка и др.).

Что касается этнической идентичности хакасов, то в целом, несмотря на наличие у них этнотерриториальных групп, можно говорить о ее монолитности, во многом обусловленной преобладанием представлений о моноэтничном основании этноса, отождествлении молодого поколения с хакасской культурой. Исследования этнической идентичности сельчан титульного этноса в разрезе когнитивного компонента показали преобладание позитивных аттитюдов (около 80 %), включающих удовлетворенность своей принадлежностью к хакасскому этносу, гордость за достижения своего народа. Но вызывает тревогу тот факт, что пятая часть опрошенных в той или иной степени не испытывает чувства гордости в отношении своего народа. Это показатель социально-психологического самочувствия этносообщества, обусловленный нестабильной социально-экономической ситуацией в стране и регионе, отсутствием возможностей для полной самореализации личности, неудовлетворенностью уровнем национального представительства в органах власти.

Одним из важных показателей степени выраженности этнической идентичности выступает оценка компонентов этнических стереотипов. Стереотипы поведения этноса во многом определяются его этнокультурной структурой. В связи с тем, что она неоднородна и в целом представлена двумя массивными пластами этнокультуры, выделяются два вида автостереотипов, отражающих представления о своем этносе, характерных для доминирующих субэтнических групп хакасов (табл. 2). Они различаются устойчивым набором специфических черт. Дифференциация происходит по численному набору качественных характеристик, что позволяет провести некоторую градацию по выделенным этногруппам хакасов. Отмечается дифференциация стереотипов поведения на основе территориального положения хакасской семьи, степени ее адаптации в современных условиях.

Выявленные автостереотипы свидетельствуют о позитивной этнической идентичности. Негативные оценочные суждения хотя и присутствовали, но были представлены минимальной долей в общем объеме. Все это дополнялось благоприятным восприятием других этнических групп (исключением являются группы внутренних и внешних мигрантов во время своей адаптации).

Общая оценка позитивной этнической идентичности в целом характеризуется уважительным отношением к своей культуре и этносу, а также к членам «чужой» этнической группы. Но прослеживаются и ситуации, сопровождающиеся утратой позитивности этничности в пе-

риоды изменения привычной жизнедеятельности хакасской семьи (активное миграционное движение в регион в 2004–2015 гг., ухудшение социально-экономической ситуации в стране 2014–2015 гг.).

Таблица 2

Преобладающие автостереотипы поведения доминирующих семей этногрупп хакасов*

Table 2

Prevailing auto-stereotypes of the behavior in dominant families of the Khakass belonging to different ethnic groups

Доминирующие этногруппы хакасов	Автостереотип
Сагайцы	Гостеприимность, открытость, честность, простота, скромность, слабость (к алкогольным напиткам)
Качинцы	Гостеприимство, открытость, честность, корректность, терпеливость, сдержанность, леность

* По результатам массового социологического опроса ХакНИИЯЛИ в 2013–2019 гг. в рамках темы НИР «Современное состояние хакасской семьи в начале XXI в.». Объем выборки 484 ед. Выборка репрезентативна по полу, относительная погрешность 10 %.

The articles is presented according to the results of the mass sociological survey of KhSRILLH in 2013–2019 years held in the framework of the research topic entitled as “The modern state of the Khakass families at early XXI century”. The samples size is 484 units. The samples are representative by sex, with relative accuracy of 10 %.

Динамика стереотипов поведения характеризуется в современный период сменой коллективистских основ на коллективистско-индивидуалистские как в отношениях между коллективом и индивидом, индивидов между собой, внутри этнических групп, между этносом и внутриэтническими группами, так и в отношении к другим этносам Хакасии. Динамика традиций хакасской семьи также связана с данными процессами и характеризуется сужением компонентов воспроизводства, модернизацией ряда традиций с позитивной направленностью общества – свадебной, рождением ребенка и взаимоотношений с родственниками дальнего круга.

Заключение

В целом этнокультурные основания хакасской семьи в настоящее время достаточно динамичны. Они базируются на интенсивной трансформации материальной и догоняющем характере духовной сфер. Это активное введение в обиход новых технологических решений в сфере культуры труда, воспроизводстве элементов культуры повседневности (пища, одежда). Изменения языковой ситуации ведут к дальнейшему сужению числа носителей родного языка со стремлением к внутренней субэтнической монолитности. Вместе с тем отмечается ревитализация культурных символов, воспроизводство традиций и обычаев, связанных со свадебной обрядностью, рождением ребенка, похоронно-поминальной и т. п. Члены хакасской семьи в большей части с гордостью отзываются о своей принадлежности к этносу. Но присутствует и возрастающий поток людей, негативно оценивающих позиции народа, что связано с малым представительством в управленческих структурах, увеличением доли мигрантов. Это приводит к росту национальных основ этносообщества (общественные организации, языковые курсы, национальные атрибуты и символы).

Особенностью материальной составляющей этнокультурной основы хакасской семьи за период с начала XXI в. стала активная диффузия с глобальной, а также русской культурами. Фундаментом материального этнокультурного компонента является пищевая культура с сохраняемой структурой блюд и вкусовыми предпочтениями. Иные компоненты оказались

в большей степени вовлеченными в процесс трансформации и претерпели заметную динамику – культура труда и повседневности (мебель, бытовая техника и одежда).

Можно вполне определенно заявить, что для современной хакасской семьи характерно сохранение этнокультуры в неотрадиционном варианте. Это расширение и модернизация перечня новых слов в хакасском языке (с сагайским креном), ревитализация хакасской символики и родовых праздников (сборов), а также традиций и обычаев свадебно-похоронной направленности, а также, в определенной мере, православно-шаманистского двоеверия.

Список литературы

- Анжиганова Л. В.** Этнокультурное пространство Республики Хакасия в условиях социальной трансформации. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2012. 109 с.
- Анжиганова Л. В.** Традиционная этническая культура хакасов: архетипы «женского мира» // Сборник материалов V Межрегиональных краеведческих чтений, посвященных Л. Р. Кызласову. Абакан, 2016. С. 227–231.
- Анжиганова Л. В.** Состояние хакасского этноса в начале XXI в. // Женский мир: эволюция ценностей, символов, ритуалов. Абакан, 2017. С. 126–134.
- Анжиганова Л. В., Ачитаева Е. А.** Этноконфессиональный неотрадиционализм в условиях социальных трансформаций: региональный аспект. Абакан: Сервисный пункт, 2012. 122 с.
- Арчимачева М. С.** Хакасская традиционная культура в воспитании и обучении учащихся в системе общего образования // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Абакан, Республика Хакасия, 19–20 мая 2016 г.). Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2016. С. 267–270.
- Кривоногов В. П.** Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2011. 252 с.
- Орешкова Ю. А.** Традиционное мифотворчество как средство самоидентификации этноса // Южная Сибирь на рубеже тысячелетий: историко-культурное наследие и социально-политический облик: Материалы II Межрегион. науч.-практ. конф. (Абакан, 26 ноября 2008 г.). Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2008. С. 73–77.
- Попков Ю. В., Костюк В. Г., Тугужекова В. Н.** Этносы Сибири в условиях современных реформ (социологическая экспертиза). Новосибирск: Нонпарель, 2003. 128 с.
- Попков Ю. В., Тюгашев Е. А.** Этносоциальные процессы в Сибири: современные реалии и актуальные вопросы этнонациональной политики // Новые исследования Тувы. 2014. № 3. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_23/7330-popkov-tyugashev.html
- Султанбаева К. И.** Функционирование традиций воспитания в современной хакасской семье: опыт исследования // Вестник Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. 2015. № 14. С. 130–133.
- Тугужекова В. Н.** Хакасский этнос на рубеже XX–XXI веков // Хакасский этнос на рубеже XX–XXI вв.: Материалы Всерос. науч. конф. с международным участием (27–28 сентября 2013 г.). Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2013. С. 4–7.
- Хартет П.** География: синтез современных знаний. М.: Прогресс, 1979. 684 с.
- Шаваева М. О., Эфендиев Ф. С.** Этнокультура как многофункциональная система взаимодействия. Нальчик: Сев.-Кавказ. гос. ин-т искусств, 2005. 156 с.

References

- Anzhiganova L. V.** Etnokul'turnoe prostranstvo Respubliki Khakasiya v usloviyakh sotsial'noi transformatsii [Ethnocultural Space of the Republic of Khakassia in the Environment of Social Transformations]. Abakan, Katanov Khakass State Uni. Publ., 2012, 109 p. (in Russ.)
- Anzhiganova L. V.** Traditsionnaya etnicheskaya kul'tura khakasov: arkhetipy zhenskogo mira [Traditional Ethnic Culture of the Khakass People: the Archetypes of "Female World"]. In: Sbornik materialov V Mezhhregional'nykh kraevedcheskikh chtenii, posvyashchennykh

- L. R. Kyzlasovu [Materials of the 5th Regional Studies Readings Devoted to L. R. Kyzlasov]. Abakan, 2016, p. 227–231. (in Russ.)
- Anzhiganova L. V.** Sostoyanie khakasskogo etnosa v nachale XXI v. [Khakass Ethnos at the Beginning of the 21st Century]. In: Zhenskii mir: evolyutsiya tsennostei, simvolov, ritualov [Women's World: Evolution of Values, Symbols, Rituals]. Abakan, 2017, p. 126–134. (in Russ.)
- Anzhiganova L. V., Achitaeva E. A.** Etno-konfessional'nal'nyi neotraditsionalizm v usloviyakh sotsial'nykh transformatsii: regional'nyi aspekt [New Ethno-religious Social Transformations: a Religious Perspective]. Abakan, Service point Publ., 2012, 122 p. (in Russ.)
- Archimayeva M. S.** Khakasskaya traditsionnaya kul'tura v vospitanii i obuchenii uchashchikhsya v sisteme obshchego obrazovaniya [Khakass Traditional Culture in the Education and Training of Students in the Context of Secondary Education System]. In: Sokhranenie i razvitie yazykov i kul'tur korennykh narodov Sibiri [Preservation and Development of Languages and Cultures of Indigenous Peoples of Siberia]. Materials of the 4 International Scientific-Practical Conference (Abakan, Republic of Khakassia, May 19–20, 2016). Abakan, Katanov Khakass State Uni. Publ., 2016, p. 267–270. (in Russ.)
- Krivosnogov V. P.** Khakasy v nachale XXI veka: sovremennyye etnicheskie protsessy [The Khakass in the Early 21st Century: Modern Ethnic Processes]. Abakan, Khakass book Publ. house, 2011, 252 p. (in Russ.)
- Oreshkova Yu. A.** Traditsionnoe mifotvorchestvo kak sredstvo samoidentifikatsii etnosa [Traditional Myth Creation as Means of Self-identification of an Ethnic Group]. In: Yuzhnaya Sibir' na rubezhe tysyacheletii istoriko-kul'turnoe nasledie i sotsialno-politicheskii oblik [Southern Siberia at the Turn of Millenium: Historical and Cultural Heritage and Socio-political Image]. Proceedings of the 2th Interregional Scientific and Practical Conference (Abakan, November 26, 2008). Abakan, Katanov Khakass State Uni. Publ., 2008, p. 73–77. (in Russ.)
- Popkov Yu. V., Kostyuk V. G., Tuguzhekova V. N.** Etnosy Sibiri v usloviyakh sovremennykh reform (sotsiologicheskaya ekspertiza) [Ethnic Groups in Siberia under Modern Reforms (a sociological review)]. Novosibirsk, Nonparel' Publ., 2003, 128 p. (in Russ.)
- Popkov Yu. V., Tyugashev E. A.** Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri sovremennyye realii i aktual'nye voprosy etnonatsional'noi politiki [Ethnosocial Processes in Siberia: Modern Realities and Topical Issues of Ethnonational Policy]. *Novye issledovaniya Tuvy* [New Studies of Tuva], 2014, no. 3 (in Russ.) URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_23/7330-popkov-tyugashev.html (accessed 02.05.2019)
- Sultanbayeva K. I.** Funktsionirovanie traditsii vospitaniya v sovremennoi khakasskoi sem'e: opyt issledovaniya [Functioning of Traditions for Education in the Modern Khakass Family: Aspect Research]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo un-ta im. N. F. Katanova* [Bulletin of Khakass State University after N. F. Katanov], 2015, no. 14, p. 130–133. (in Russ.)
- Tuguzhekova V. N.** Khakasskii etnos na rubezhe XX–XXI vv. [Khakass Ethnic Group at the Turn of the 20th – 21st Centuries]. In: Khakasskii etnos na rubezhe XX–XXI vv. [Khakass Ethnic Group at the Turn of the 20th – 21st Centuries]. Materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation (September 27–28, 2013). Abakan, Khakass book Publ. house, 2013, p. 4–7. (in Russ.)
- Hagget P.** Geografiya: sintez sovremennykh znaniy [Geography: Synthesis of Modern Knowledge]. Moscow, Progress Publ., 1979, 684 p. (in Russ.)
- Shavaeva M. O., Efendiev F. S.** Etnokul'tura kak mnogofunktsional'naya sistema vzaimodeistviya [Ethnic Culture as a Multifunctional Interactive System]. Nalchik, North Caucasus State Institute of Arts Publ., 2005, 156 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
23.04.2019

Сведения об авторе

Трошкина Ирина Николаевна, кандидат философских наук, заведующая сектором экономики и социологии ХакНИИЯЛИ (ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия)
i.troschkina2012@yandex.ru

Information about the Author

Irina N. Troshkina, PhD in Philosophy Sciences, the head of the Department of Economics and Sociology at KhSRILLH (23 Schetinkina Str., Abakan, 655017, Russian Federation)
i.troschkina2012@yandex.ru

УДК 902/904 + 902.24 + 911.37
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-200-202

Научный семинар

«Археология поймы: рельеф, палеосреда, история заселения» (Институт археологии РАН, Москва, 23 апреля 2019 года)

Д. А. Бычков

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Представлены результаты работы научного семинара, собравшего специалистов из разных областей научного знания. Участниками обсуждались вопросы, затрагивающие проблемы формирования пойменных ландшафтов Западной Сибири, освоения этих территорий древним человеком и определения возраста таких событий. Доклады содержали интересные методические решения и результаты. В качестве заключения представлено резюме, отражающее современный подход в решении данных научных проблем.

Ключевые слова

Западная Сибирь, пойма, археология, семинар, междисциплинарный подход

Благодарности

Автор выражает благодарность организаторам за проявленную инициативу в проведении семинара по специфической проблематике и его реализацию на высоком научном уровне.

Для цитирования

Бычков Д. А. Научный семинар «Археология поймы: рельеф, палеосреда, история заселения» (Институт археологии РАН, Москва, 23 апреля 2019 года) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография. С. 200–202. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-200-202

Scientific Seminar “Archaeology of Floodplain: Relief, Paleoenvironment, History of Settlement” (Institute of Archaeology RAS, Moscow, 23 April 2019)

D. A. Bychkov

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article presents the results of a scientific seminar that brought together experts from various fields of science. The participants discussed issues that affected the formation of floodplain landscapes in Western Siberia, historical development of these territories by the ancient man and dating for these events. The presentations contained interesting methodological solutions and vivid results. As a conclusion of the seminar, a summary was presented which reflects the modern approach to solving these scientific problems.

Keywords

seminar, archaeology, floodplain, conference, multidisciplinary approach

Acknowledgements

The author is grateful to the organizers for taking the initiative in organizing the seminar on such specific issues and its implementation at a high scientific level.

For citation

Bychkov D. A. Scientific Seminar “Archaeology of Floodplain: Relief, Paleoenvironment, History of Settlement” (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 23 April 2019). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 200–202. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-200-202

© Д. А. Бычков, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography

Территория Западной Сибири отличается от других регионов Евразии обилием речных артерий и образуемых ими пойменных пространств. Поймы рек здесь составляют значительную часть от площади их бассейнов. Это обстоятельство не позволяет исключать из территории, перспективной для обнаружения объектов археологического наследия, пойменные ландшафты. Напротив, специалисты, изучающие древние культуры Западной Сибири, вынуждены с особым вниманием подходить к данному вопросу. Главной причиной этого является сложный и нелинейный характер процессов, определяющих развитие пойм и освоение этих пространств древним населением.

Обсуждение проблем, связанных с заселением поймы в древности, требует участия специалистов разного профиля. С этой целью Институтом археологии РАН и Институтом географии РАН 23 апреля 2019 г. в Москве проводился научный семинар «Археология поймы: рельеф, палеосреда, история заселения». В работе семинара приняли участие археологи, почвоведы, геоморфологи, геологи и географы. Первоначально мероприятие было заявлено как семинар по проблемам изучения объектов археологического наследия, расположенных в ландшафтных условиях поймы. Но представленные участниками доклады, которые в большинстве могут быть охарактеризованы как подводящие итоги многолетних исследований, оставили впечатление о семинаре как о полноценной междисциплинарной конференции.

Основные территориальные привязки докладов укладывались в границы Восточной Европы и европейской части России. Их масштаб и разнообразие позволили участникам затронуть как частные проблемы конкретных объектов, так и принципиальные вопросы методологии и исследовательской практики. Хронологическая принадлежность объектов, результаты исследования которых были представлены, определяется от финала плейстоцена до позднего голоцена и охватывает исторические периоды от финала позднего палеолита до Средневековья. Столь большой разбег по хронологической привязке никак не отразился на круге обсуждаемых вопросов, которые оказались актуальными и для специалистов по эпохе камня, и для медиевистов.

Отдельно следует отметить компетенции участников семинара. Представленные доклады иллюстрировали полноценное применение исследователями междисциплинарного подхода. Задачи, которые они ставили перед собой, решались комплексом общенаучных, исторических и естественнонаучных методов. Полученные результаты были основаны на естественнонаучных данных и анализе исторических источников. В ходе разгоравшихся дискуссий участники, в рамках обсуждения одного вопроса, свободно применяли в качестве доказательства сведения, относящиеся к области археологии, отечественной истории, четвертичной геологии, почвоведения, палеопедологии, палеогеографии, палинологии и геоморфологии. Проведенные наблюдения за дискуссиями позволили судить о проблематике археологии поймы как о синкретичной проблемной области знания о развитии человеческих обществ в контексте этого специфического природного пространства.

Участие в работе столь разностороннего и специфического научного семинара позволило сформулировать представления о современном методологическом подходе к изучению пойменных ландшафтов и заселению их древними людьми. Основным положением данного подхода, определяющим методы исследования и отражающим специфику изучаемых объектов и вмещающего контекста, является принятие динамики формирования поймы как фактора, определяющего особенности расселения древнего человека на конкретном участке изучаемой территории. Для более детального представления целесообразно будет привести последовательность основных научно-исследовательских мероприятий, которые составляли основу представленных на семинаре докладов:

- анализ геоморфологической ситуации в районе проведения исследований с использованием цифровых моделей рельефа, аэро- и космоснимков, картоматериалов в масштабе от 1:100000 до 1:25000;
- анализ материалов геологоразведочных и инженерно-геологических изысканий, проводившихся в районе исследований;

- анализ исторических источников (топопланы, фотографии, описания местности, хранящиеся в архивах);
- изучение гидрологических режимов реки с целью выделения основных обуславливающих его факторов;
- натурное обследование района с целью поиска обнажений, в которых представлены разные генерации пойменных отложений;
- изучение стратиграфии отложений методами гранулометрии, палинологии, почвоведения; датирование отдельных стратиграфических категорий методами относительной хронологии по вещевому комплексу, ОСЛ, ^{14}C (по гумусу, гуминовым кислотам, органическим материалам);
- изучение системы хозяйства и жизнеобеспечения у древних обитателей района исследований, их изменения в хронологическом отношении;
- реконструкция истории формирования изучаемого ландшафта с выделением «поворотных точек»;
- объяснение факторов обнаружения памятников древнего населения в разных элементах поймы исходя из понимания реконструируемой климатической и ландшафтной обстановки, потребностей и интересов древних обитателей;
- выделение перспективных участков для обнаружения археологических памятников определенных эпох и культур.

Результатом проведения такого специфического научного семинара стало не только живое общение специалистов, но и формулирование общих вопросов и проблем. Это необходимо для выстраивания междисциплинарной коммуникации, без которой не возможно решение фундаментальных проблем гуманитарного знания. Организаторами семинара был выпущен сборник тезисов, который доступен для ознакомления в Научной электронной библиотеке eLibrary.

*Материал поступил в редколлегию
Received
10.07.2019*

Сведения об авторе

Бычков Дмитрий Александрович, инженер-исследователь отдела спасательных археологических работ Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
bda.nsk@yandex.ru
ResearcherID V-9542-2018

Information about the Author

Dmitry A. Bychkov, Engineer-Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., 630090, Novosibirsk, Russian Federation,)
bda.nsk@yandex.ru
ResearcherID V-9542-2018

Список сокращений

АлтГУ	– Алтайский государственный университет, Барнаул
АМАЭС ТГУ	– Архив Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского Томского государственного университета
АмГУ	– Амурский государственный университет, Благовещенск
АН СССР	– Академия наук СССР
БашГУ	– Башкирский государственный университет, Уфа
ВИО РГО	– Вестник Иркутского отделения Русского географического общества
ВНИИР	– Всероссийский научно-исследовательский институт релестроения, Москва
ДВФУ	– Дальневосточный федеральный университет, Владивосток
ЕЕВ	– Енисейские епархиальные ведомости
ЖС	– Живая старина
ЗИРГО	– Записки Императорского Русского географического общества
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
ИИМК	– Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург
ИРГО	– Императорское Русское географическое общество
ИИФиФ СО РАН	– Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, Новосибирск
ИЯФ СО РАН	– Институт ядерной физики им. Г. И. Будкера СО РАН, Новосибирск
КГУ	– Красноярский государственный университет
КемГУ	– Кемеровский государственный университет
ЛО ИА АН СССР	– Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ЛРМА	– Лаборатория радиоуглеродных методов анализа
МАЭ РАН	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург
МГУ	– Московский государственный университет
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
НГУ	– Новосибирский государственный университет
НГУАДИ	– Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств
НОЦ	– научно-образовательный центр
ОмГУ	– Омский государственный университет
ОСЛ	– оптически стимулированная люминесценция
РА	– Российская археология
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований
СА	– Советская археология
СамГУ	– Самарский государственный университет
СО РАН	– Сибирское отделение Российской Академии наук
СЭ	– Советская этнография
ТГВ	– Тобольский губернский вестник
ТГУ	– Томский государственный университет
ТувИКОПР	– Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов, Кызыл
ТюмИУ	– Тюменский индустриальный университет

УНУ УМС	–	уникальная научная установка «Ускорительный масс-спектрометр»
УрО РАН	–	Уральское отделение Российской академии наук
ХакНИИЯЛИ	–	Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории
ХГУ им. Н. Ф. Катанова	–	Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан
ХНКМ	–	Хакасский национальный краеведческий музей, Абакан
ЯНАО	–	Ямало-Ненецкий автономный округ
ИНМС	–	Institute for the History of Material Culture, St. Petersburg
IAE SB RAS	–	Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk
MIS	–	Marine Isotope Stages (морская изотопная стадия)
SB RAS	–	Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Информация для авторов

Автор (соавторы), направляя статью в редакцию журнала, на безвозмездной основе передает (ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных договоров Российской Федерации являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, на распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (и исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на предоставление всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Авторы представляют статьи на русском или английском языке. Название статьи должно строго соответствовать содержанию. Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной рецензии.

Объем статей не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм равняется 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков); объем сообщений, рецензий и других подобных материалов – до 8 тыс. знаков. В случае превышения указанных объемов такая публикация может быть принята к печати лишь по отдельному решению редколлегии. Публикация источников – по согласованию с редколлегией.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

Подробно ознакомиться с правилами оформления статей, а также проследить за ходом работы с Вашей статьей в редколлегии выпуска можно по адресу:

vestnik.nsu.ru/historyphilology – оперативная страница.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Археология и этнография»: к. 1262, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. Тел. +7 (383) 363 42 62